

Караваяева Дина Николаевна

социальный антрополог и историк,
фотограф, кандидат исторических наук,
научный сотрудник сектора этноистории
Института истории и археологии УрО РАН.
Автор серии статей по проблемам
идентичности и мультикультурализма
(на материалах Великобритании).

dina.karavaeva@bk.ru
www.dinakaravaeva.wordpress.com

В книге представлены результаты обобщающего историко-антропологического исследования современной английской идентичности в ее национальной, этнической, региональной и локальной проекциях (британскость, английскость, североанглийскость). Территориально исследование в основном соответствует географическому пространству Англии, однако в тематическом диапазоне по мере надобности сужается до региона Северной Англии или расширяется до масштабов бывшей Британской империи.

Идентичность англичан рассматривается в монологах и диалогах жителей Британии разного возраста, пола, рода занятий, этничности и на различных площадках — история, литература, политика, экономика, искусство, музыка, спорт, повседневность. Работа основана на уникальном авторском полевом материале (опросы, интервью, антропологическая фотография), с привлечением широкого круга историографических, политических, музейных, медийных источников.

Для исследователей, студентов гуманитарных специальностей, а также широкого круга читателей, интересующихся историей, культурой и политикой, образом мыслей и действий современных англичан.

Рекомендовано к изданию
Ученым советом
Института истории и археологии
УрО РАН

Издано при финансовой
поддержке
Российского гуманитарного
научного фонда,
проект №16-01-16098

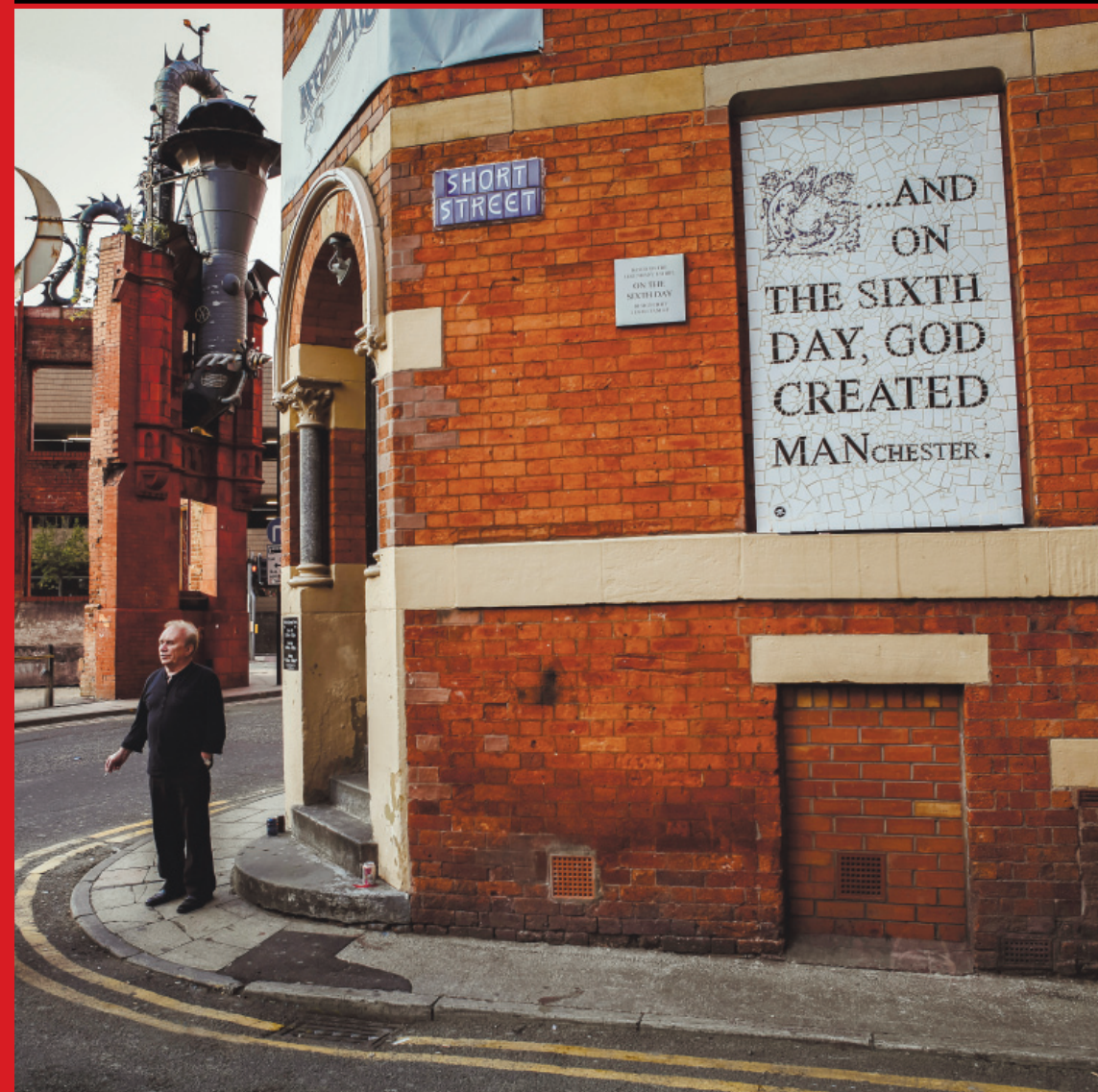
ISBN 978-5-7691-2443-3

АНГЛИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЕЕ ДИСКУРС

Д. Н. Караваяева

АНГЛИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ и ее дискурс

Институт истории и археологии
Уральское отделение
Российская академия наук

Д.Н. Карavaева

**АНГЛИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЕЕ ДИСКУРС:
БРИТАНИЯ — АНГЛИЯ — СЕВЕРНАЯ АНГЛИЯ**

Екатеринбург 2016

УДК 394+94
ББК 63+71
Код ВАК 07.00.07, 07.00.02

Караваева Д.Н. Английская идентичность и ее дискурс: Британия — Англия — Северная Англия / Екатеринбург: УрО РАН, 2016, 344 с. (в том числе 103 цв. илл.).

ISBN 978-5-7691-2443-3

В книге представлены результаты обобщающего историко-антропологического исследования современной английской идентичности в ее национальной, этнической, региональной и локальной проекциях (британскость, английскость, североанглийскость). Территориально исследование в основном соответствует географическому пространству Англии, однако в тематическом диапазоне по мере надобности сужается до региона Северной Англии или расширяется до масштабов бывшей Британской империи.

Идентичность англичан рассматривается в монологах и диалогах жителей Британии разного возраста, пола, рода занятий, этничности и на различных площадках — история, литература, политика, экономика, искусство, музыка, спорт, повседневность. Работа основана на уникальном авторском полевом материале (опросы, интервью, антропологическая фотграфия), с привлечением широкого круга историографических, политических, музейных, медийных источников.

Для исследователей, студентов гуманитарных специальностей, а также широкого круга читателей, интересующихся историей, культурой и политикой, образом мыслей и действий современных англичан.

Ответственный редактор чл.-корр. РАН, д.и.н. А.В. Головнёв
Рецензенты д.и.н. В.Н. Земцов, д.и.н. Е.И. Филлипова

Рекомендовано к изданию Ученым советом
Института истории и археологии УрО РАН

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда,
проект № 16-01-16098

© Д.Н. Караваева, 2016
© ИИиА УрО РАН, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
Введение	11
Глава 1. <i>Britishness</i>, или Факторы и акторы дискурса англо-британской идентичности	59
§ 1.1. <i>De-Pax Britannica</i> , или Империя и идентичность	61
§ 1.2. Синдром миссис Мортимер, или Идентичность и иммиграция, ислам, мультикультурализм	69
§ 1.3. <i>Cool Britain</i> и <i>Little England</i> , или Политические версии идентичности	80
§ 1.4. Экстремизм и идентичность	93
Глава 2. <i>Englishness</i>, или Категоризация моделей английской идентичности	109
§ 2.1. “ <i>The Past Makes the Perfect Present</i> ”, или Категоризация идеологического и коммуникативного измерения английскости	110
§ 2.2. «Классическая» Англия	115
§ 2.3. Британская Англия	129
§ 2.4. Малая Англия	135
§ 2.5. Мультикультурная и космополитичная Англия	138
§ 2.6. Региональная Англия	143
§ 2.7. Музыка в поисках английскости	151
§ 2.8. Спорт и нация	155
Глава 3. <i>Northernness</i>, или Региональные и локальные версии английскости	179
§ 3.1. Определение «границ» Северной Англии: политические, социально-экономические, исторические и общественные версии	180

§ 3.2. Разделение Севера и Юга: дискуссия о <i>North-South divide</i>	189
§ 3.3. Стереотипизация Севера	194
§ 3.4. Регенерация, бренд, туризм	199
§ 3.5. <i>BBC versus</i> диалекты, или Язык как инструмент идентичности	203
§ 3.6. Спорт и регион, или Спортивная триада Севера	208
§ 3.7. Дискурс североанглийскости в литературе, кинематографе, телевидении, музыке	218
§ 3.7.1. Идентичность, региональный роман и литература на диалектах	218
§ 3.7.2. Тревел-литература о Севере	224
§ 3.7.3. Экран и идентичность	231
§ 3.7.4. Североанглийскость в музыке	238
Заключение	263
Этнографические полевые источники	279
Список сокращений	291
Summary	292

От автора (вместо молитвы и прочих эпиграфов)*

Экспедиция это всегда путешествие. К себе самой, «своему» народу — буквально и метафизически, — и за это я очень благодарна своей профессии. Большинство догадывается, что Англия — это интересная страна и содержательное поле для понимания самых разных вопросов: территория огромной, величайшей в прошлом Британской империи, родина уникальной музыки, литературы, особого отношения к себе и своему пространству, а также разных мировых проблем (классы и неравенство, межкультурные конфликты, футбольное хулиганство, постиндустриальная разруха и многое другое). Но все это переживается совершенно на другом уровне, когда ощущается вживую, здесь и сейчас.

До того, как я обратилась к этнографии (спасибо харизме моего научного руководителя Андрея Владимировича Головнёва), несколько лет изучала современную Англию по книгам и документам. Никакой особенной жизни в этом не было, и приходилось постоянно мучиться вопросом «быть или не быть».

Экспедиции не избавили меня от этого вопроса и даже образовали уйму, как казалось иногда, неподъемных дел, но они сделали мою работу значительно интереснее, живее, полезнее для окружающих: у меня была настоящая, своя Англия — с собственными переживаниями и полевыми наблюдениями. Экспедиции подвигли на то, чтобы лично и профессионально обратиться к своей истории и своим регионам — Уралу и Крыму: уж не знаю, от разговоров ли о «славном величии» англичан и наблюдения свидетелей их упадка, либо от того, что рано или поздно к этому приходит каждый из нас, но после Англии мне захотелось жить и писать о своей земле. Мечтаю только, чтобы когда-нибудь и у нас люди, занимающиеся сохранением и популяризацией историко-культурного наследия, пользовались таким же уважением и почетом. А ведь англичане, успешно

* Подробнее об издании, а также полный библиографический список здесь: www.dinakaravaeva.worldpress.com.

«торгующие» своим наследием, хорошо понимают, что история и культура это то, что делает нас уникальными, позволяет конкурировать на глобальном рынке туризма и т. д. Мечтаю и о том, чтобы мы сами с большей любовью и интересом относились к своему пространству (памятникам, истории, своей семье, двору и дому), вместе создавали красивое и комфортное пространство для жизни.

Такие разные англичане?

Англичане нередко говорят о своем регионе как о Малой Англии или Великой Англии, иногда как о Британии или Британской империи, Великобритании или Соединенном Королевстве. Для жителей Британских островов Англия — это регион в составе Соединенного Королевства, между Уэльсом и Шотландией, на территории которого располагается столица Лондон и вся центральная власть («метрополия» как она есть). Для шотландцев британцы — это англичане и иногда иммигранты. Для россиян и большинства людей на планете Англия — это зачастую вся Британия, включая шотландцев, ирландцев, пакистанцев и других иммигрантов, а не только один регион в пределах страны. Для буров в ЮАР, потомков английских колонизаторов в Индии, например, Англии вообще не существует, она жива только в душах ее эмигрантов, тогда как на территории современной «Англии» располагается «жалкое подобие славной державы и великого народа». В двух словах, конечно, об этом не расскажешь, но такая путаница изначально повлияла и на исследования: мы вместе с научруком метались в поисках английскости... да где только не метались! Ограниченное количество респондентов, четко очерченная территория? Нет, не слышали.

Итак, первый мой полевой сезон — лето 2010 — прошел в череде натужных стандартных интервью, значительных перемещений по стране (всей Британии), в попытках не сойти с ума от диалектов английского и ошеломляющего потока информации. Весь следующий год я боролась с желанием все бросить, но полевой сезон 2011 г. прошел более чем бодро. Я, наконец, решила понимать Англию, как понимают ее англичане: регион в рамках Британии с различными и очень разнообразными в отношении экономики, географии и культурной и классовой идентичности субрегионами, городами и весями — такими

как Йоркшир, Тинесайд, Мерсисайд, Ливерпуль, Манчестер, Сандерленд и т. д. Сердце мое оказалось в Северной Англии, совершенно невероятной земле, к тому же, на счастье, чем-то похожей на Урал и мало изученной (ведь все мы привыкли к определенному образу Англии — чопорность, королева, Биг-Бен, Диккенс, Даунинг Стрит и т.д.). Сезон 2012 г. был полностью посвящен ей.

Black England, и ничего больше

Почему Северная Англия? Может, оттого, что русскому человеку близко понятие Севера (у каждого он свой, конечно, — у Есенина, например, это Рязань); а может, оттого, что край этот, так же как Урал, полон пространства, красоты и боли. Оказалась я там и потому, что именно в этом регионе можно думать об английскости как бы поодаль, а значит, как будто более отчетливо.

Принято считать, что Юг Англии — это сельские пасторали, имперские завоевания, наследие Шекспира и Тернера, монументы и готика, мода и позерство, парламент и метрополия, а сегодня и космополитизм и мультикультурность. Об этой Англии мы все слышали хотя бы что-то (каждый знает о мисс Марпл, Шерлоке Холмсе). Северная Англия — это урбанистическая разруха, вересковые пустоши и холодные моря, индустрия и коммерция, старинные монастыри и церкви-новоделы, культурная и социальная периферия, «дремучие» диалекты, рабочие и мультикультурные гетто, рок-н-ролл *The Beatles* и телевизионные sitcomы, постиндустриальные моногорода и рабочие забастовки. Аристократичным южанам настолько претит Север, что его «рабочих» жителей они называют «необразованными обезьянами» (те в отместку называют южан «изнеженными феечками»).

Многие культурологи и историки сегодня говорят об общем культурном пространстве в Англии, об отсутствии особого «Севера» (и правда, везде одни и те же *Ikea*, *Costa Coffee* и т. д.). Однако мы не раз убеждались, что «Север Югу не подруга» и люди там совершенно разные (про диалекты вообще не приходится говорить). Один популярный автор (С. Макоуни) даже пишет, что «в стране, которую легко утопить в одном из американских Великих озер, поездка протяженностью два с половиной часа из Лондона до Манчестера или Лидса до сих пор воспринимается

как путешествие с пересечением часовых поясов, государственных границ и лингвистических и культурных барьеров».¹

Дальше Север — ближе этнограф

Однако и у Севера лик не един (такое вот английское разнообразие в кубе). Большая пропасть лежит между его Западом (Ливерпуль, Манчестер), Йоркширом и Востоком (Ньюкасл и Сандерленд) и даже отдельными городками и деревеньками в рамках одного графства (я говорю о традициях пищи, развлечений, языка, спорта и многого другого). Есть даже такое понятие, как «дальний» и «ближний» Север. Большая часть моих материалов — с дальнего Северо-Востока, культурного и географического «отщепенца» Англии.

В Сандерленде, бывшем кораблестроительном городке по соседству с угольным Ньюкаслем, родилась идея говорить об идентичности как о дискурсе (то есть об идентичности как о множестве представлений и рассуждений, а не о четкой сущности). Возникла потребность различить пространства коммуникации (где люди и становятся северными англичанами, а не просто Анной, Джоном и Бамом из Сандерленда). Я о пабе, спортивном стадионе, заводе (последнее уже больше к разговору о ностальгии, конечно) и о собственном доме во время приема гостей.

В Сандерленде существует такое интересное явление, как глобальная фанатская культура. Футбольный стадион команды «Сандерленд» вмещает 49 тыс. зрителей (для сравнения — в городе с окрестностями проживает около 150 тыс. человек), здесь проходят регулярные матчи и фанатские столкновения. Главный соперник ФК «Сандерленд» — соседний «Ньюкасл». Команды даже придумали в свое время взаимные уничижительные прозвища («такемы» и «макемы»), превратившиеся сегодня чуть ли не в этнонимы. Футбол по-настоящему объединяет местных жителей. На матчи ходят регулярно и всей семьей, искренне болеют и переживают, дома хранят футбольные «реликвии», у большинства есть или были когда-то фирменные футболки с фамилиями членов семей вместо фамилий игроков команды, на «футбольной теме» разворачивают множество дискуссий (например, о расизме в обществе, ксенофобии, игнорировании инвалидов и др.). Любой северянин скажет, что настоящие бо-

лельщики живут только на Севере, а такие игры, как регбилиг, и вовсе здесь изобретены.

Большой пласт материалов для книги мы раздобыли у музыкантов, выражающих с помощью мелодий свои чувства и мысли о Севере (например, паб *The Smugglers* в приморской части города (Рокер) собирает уникальных фолк-исполнителей и рокеров-любителей). Немало полезнейших разговоров подслушали среди рыбаков Рокера, сплошь бывших кораблестроителей, рыболовов и угольщиков, а ныне пенсионеров, фрилансеров и любителей крепкого северного пива, а также среди держателей пабов и маленьких гостевых домов (*bed & breakfast*), немногочисленных любителей воскресных служб (не так заинтересовано в вере тамошнее «белое» сообщество, не так) и др.

Судный день

За все, конечно, приходится платить. Например, бороться с подозрениями в шпионаже (я серьезно). Или вот какой случился однажды казус. Исследования я, как каждый уважающий себя антрополог, пытаюсь сопровождать визуальными материалами (иногда даже называя это визуальной антропологией), однако не всякий в Англии доброжелательно воспринимал попытки его сфотографировать. В результате «потасовки» с афроамериканцем пришлось даже сломать ему руку (на самом деле жертвой была я, конечно) и побывать в полиции (в качестве обвиняемой, само собой). Со всеми прелестями подобного приключения — обезьянником, отсутствием личных вещей, обещанием себе бросить этнографию и заверением полицейского, записывающего это на официальное аудио, в том, что отныне не буду фотографировать движущиеся объекты без их разрешения. Особенно если этот объект может тебя (или камеру, если ты никак не подходишь на эту роль) обвинить в агрессивном расизме.

Но все это мелочи. Главное, что в результате родилась книга для всех интересующихся. Не испытываю иллюзии по поводу того, что можно сказать что-то принципиально новое об англичанах (если не иметь ввиду Север, конечно), чтобы раскрыть их «характер», хотя и попыталась взглянуть на это (конечно, с позиций новейшей методологии) через призму того, что они сами говорят о себе, о своем прошлом или будущем. Северная Англия

шлет вам свой освежающий и горячительный привет. До встречи на ее просторах!

И мои искренние благодарности

всем тем, кто меня поддерживал и терпел все годы работы над проектом. В первую очередь это мой научный руководитель Андрей Владимирович Головнёв, а также руководитель сектора этноистории ИИиА УрО РАН Елена Валерьевна Перевалова и его сотрудники, директор Института Евгений Тимофеевич Артемов, руководитель редакционного отдела Института Светлана Васильевна Лезова и его сотрудники, председатель диссертационного совета ИЭА РАН Валерий Александрович Тишков, рецензенты моей работы Елена Ивановна Филлиппова и Владимир Николаевич Земцов, профессор Центра исследований культуры и медиа Университета Сандерленда Джон Сторри, журналист *BBC* в Северной Англии и Северной Ирландии Адам Паттерсон, редактор Александра Юрьевна Приданникова. Самые теплые слова признательности моим «цензорам сердца» Светлане Владимировне Микушиной, Марии Савенковой, Анастасии Балабановой, Анастасии Тарасовой, Ирине Шаталовой, Марии Козловой, Мусе Чоудхари, Виталию Кувшинову, Дине Думанской, Надежде Бочаровой, Марии Дьячкиной, моим дорогим бабушкам, папам и мамам Степаниде Авдеевне Труфановой, Николаю Николаевичу и Людмиле Георгиевне Федоровой, Тамаре Робертовне Мазур, Виктору Николаевичу и Ларисе Григорьевне Караваевым, и, конечно, мужу Григорию, дочерям Алисе и Майе Караваевым.

Примечание

¹ Макоуни С. Гонор и предубеждение. Реальная Англия — здесь и сейчас. М.; СПб., 2010. С. 9.

ВВЕДЕНИЕ

Идентичность не случайно становится все более значимой категорией гуманитарных наук, поскольку обозначает ключевые позиции в самоопределении человека и общества, обуславливает способность к выживанию и поддержанию собственной цельности, особенно в условиях глобализации и стремительных социокультурных перемен. В начале XXI в. обострились проблемы, назревавшие в западной цивилизации в последние десятилетия XX в. Окончание холодной войны, завершение капиталистическо-коммунистического противостояния, развитие экономики стран Южно-Тихоокеанского региона, возрастание мобильности человечества повлекло за собой ряд серьезных изменений, обозначенных исследователями понятиями постиндустриализма, постмодернизма, постимперскости, постколониализма. И означают они в первую очередь разрыв отлаженных ранее производственных / политических / этнокультурных социальных связей. Исследование постимперского кризиса идентичности на этнографических, публицистических, исторических и иных материалах становится одним из приоритетных направлений работы этнологов и историков.

Для Великобритании и отдельных ее регионов эти вопросы особенно актуальны. Британия как объединение Англии, Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии переживает новую фазу самоопределения, что проявилось, например, в ходе референдума о независимости Шотландии 18 сентября 2014 г., едва не приведшего регион к независимости от Лондона; или референдума о членстве Великобритании в Европейском союзе 23 июня 2016 г., запустившего процесс отделения от Брюсселя.

В пределах собственно Англии также наблюдаются существенные сдвиги региональной идентичности. В условиях упадка производств, да и общей трансформации общественных структур 1980–1990-х гг., в бывших промышленных регионах Англии резко обострилась социально-экономическая ситуация. Тяжелее всего пришлось малым промышленным городам — моногородам, где прежде благосостояние градообразующего предприятия определяло все сферы городской жизни. Человеческому и культурному капиталу районов Северной Англии, характеризующихся высокой сосредоточенностью бывших промышленных центров с богатой историей и специфической культурной идентичностью, сложившихся в периоды индустриализации и деиндустриализации,

эти процессы наносят серьезный урон. И сегодня это промышленная вотчина рабочего класса, ныне превращающаяся в постиндустриальный «зал ожидания».

Опыт бывшего «промышленного гиганта» Северной Англии является примером сложного сочетания, с одной стороны, успехов в решении проблем кризиса постимперской и постиндустриальной идентичности, с другой — проявлений деструктивной ностальгии, расизма, имперского национализма, межэтнических конфликтов, преступности, социальной фрустрации, разрыва отлаженных производственных отношений и социальных связей. Проблема обновления национальной / этнической / региональной идентичности (британскости / английскости / североанглийскости (*Britishness / Englishness / Northernness*)),¹ имиджа, исторических символов и мифов выступает едва ли не основным смысловым ядром, определяющим стратегию развития британской национальной и региональной экономики, культуры, политики.

Россыпь понятий, которыми пользуются ученые для обозначения феноменов идентичности, говорит о разрозненности гуманитарных наук, о многозначной сущности самого явления. Все это требует комплексного этнологического анализа проблем соотношения национального и интернационального, этнического и регионального, новационного и традиционного, во многом определяющих стратегии развития современного мира, в том числе Европы и России. Тема эта, вызывающая огромный интерес и выливающаяся в активную исследовательскую и публицистическую практику во многих странах, пока довольно скудно представлена в российской науке. Вместе с тем опыт Англии и ее северных районов имеет немало общего с проблемами постсоветской России и Урала как индустриального региона страны. В свое время Б. Андерсон, классик нациеведения, отметил сходство траекторий национализма и построения идентичности в Советском Союзе и Соединенном Королевстве.² А.Б. Давидсон указывает, что «жители постсоветских территорий после 1991 г. прошли и сейчас проходят во многом те же испытания — от экономических до психологических, — что и население других распавшихся империй», и особенно важен опыт Британской империи «из-за того, что это была самая обширная империя в истории человечества» и «она не развалилась полностью, как

это произошло, например, с Австро-Венгерской или Османской», — на ее место пришло Содружество.³

В постимперской Великобритании второй половины XX в., особенно 1990–2000-х гг., активизировались дебаты о национальной идентичности, в частности о соотношении бывшей «титულной нации» и остальных этнических сообществ (шотландцев, валлийцев, ирландцев, а также иммигрантов из стран — бывших колоний), «британскости» и «английскости».⁴ В стране сложился специфический интеллектуальный климат, породивший множество политических, в том числе имиджевых, и социальных проектов, обусловивший развитие национальной историографии, складывание центров нациеведения, расцвет жанра фэнтези в литературе. Британия дала миру плеяду выдающихся нациеведов (Б. Андерсон, Э. Геллнер, Т. Нейрн, Э. Смит, Э. Хобсбаум, Э. Эриксен и др.), на новом уровне развернувших дискурс по проблематике возникновения и развития наций и национализма — на перекрестке методологий примордиализма, инструментализма, конструктивизма. В это же время сама бывшая «великая морская империя» оказалась в центре потоков националистических и этновозрожденческих движений, вылившихся в деволуцию конца 1990-х гг., трансформацию политики мультикультурализма. Казалось бы, империя сошла со сцены, однако она оказалась одной из важнейших инстанций, через призму которой ныне оцениваются проекты идентичности, особенно принадлежащие англичанам — ведущей нации, по-прежнему исповедующей «имперский», «миссионерский» (*imperial, missionary*) национализм.⁵ Активацию дебатов в Британии о национализме и идентичности в 1990-е гг. принято обозначать понятиями поиска национальной и кризиса постимперской идентичностей.⁶

Суть кризиса, по нашему мнению, выражается формулой *английскость versus британскость* (*Englishness versus Britishness*) — как имперскость versus самобытность, мультикультурализм versus культурное единство, магистральность versus локальность, где *versus* сочетает смыслы противостояния, диалога и поиска определений. *Englishness* в исследуемый период условно означает совокупность английских «этнических» ценностей и ориентаций, *Britishness* — концепт надэтнической гражданской (имперской и постимперской) британской идентичности.

Подобно понятию «россияне» в постсоветской России (граждане многоэтнической страны, не только русские), понятие «британцы» означает граждан Великобритании в целом. При этом британскость, хотя и становится все более разнородной в попытках совместить многообразные инокультурные ценности (в том числе мусульманские), по-прежнему основана на установках англичан.

Обычно исследователи, исследуя проблематику идентичности в современной Англии, обращаются к упадку или расцвету тех или иных институтов — империи, монархии, классовой системы — или к анализу таких феноменов, как иммиграция, мультикультурализм, деволюция, евроинтеграция и т. д. Данная работа обращается к английскости «в диалогах» и основывается на анализе ее историографического, общественно-политического, экономического, литературно-кинематографического и повседневно-бытового ракурсов. «Английскими» обозначаются все участники дискурса, проживающие на территории Англии и идентифицирующие себя с англичанами. В соответствии с этим исследуется современное сообщество англичан, прежде всего жителей Северной Англии, в многослойном дискурсивном поле. В фокусе оказывается сложная коллективная и персональная идентичность англичан в ее национальной, этнической и региональной / локальной ипостасях (*Britishness, Englishness, Northernness*).

Выбор ракурса исследования обуславливается формой идентичности западноевропейского типа общества, обозначаемой исследователями как «нарративная (повествовательная) идентичность»⁷, — феномена, существующего в дискурсе (от франц. *discours* — система речи, рассуждение, беседа, высказывание) и для изучения которого необходима контекстная экспертиза современных представлений и презентаций идентичности.

Для конкретизации исследования мы оставляем за пределами нашего внимания «типы» английскости, существующие вне Великобритании и Англии: мы практически не рассматриваем идентичности англичан, постоянно живущих в Шотландии, Ирландии, Уэльсе, Австралии, Индии, Южноафриканской Республике, на островах Мэн, Гернси, Кипр и т. д. Хотя, конечно, диаспоральные идентичности (как в случае с бурами ЮАР или англичанами Индии) подчас оказываются даже более «английскими», чем

идентичности англичан Великобритании, и их изучение способно стать большой самостоятельной темой.

Таким образом, задачей этой работы является историко-антропологическое изучение дискурса английской идентичности и вариативности ее национальных и региональных моделей на материалах современной Северной Англии. Для ее достижения мы попытаемся:

- изучить исторический, социально-политический, экономический и культурный контекст дискурса;
- концептуализировать и категоризировать британскую, английскую и североанглийскую идентичности («матрешка» идентичностей);
- проанализировать историографические, общественно-политические, художественные и повседневно-бытовые версии североанглийскости, а также соотнести ее персональные, локальные (на уровне малого города), субрегиональные (графства) и региональные (Северной Англии или ее частей) формы;
- дать характеристику дискурса североанглийскости как самостоятельной доминанты, а также в соотношении с английской, британской, европейской и др. идентичностями северянина, в том числе в рамках анализа пространств идентичности (стадион, паб, дом и завод как ностальгическое пространство);
- исследовать образ Севера Англии в рамках национального самосознания, а также его функций и значения для национальной культуры;
- представить визуально-антропологические данные по английской идентичности;
- исследовать пути активации гуманитарных ресурсов — культурного наследия и идентичности — в научно-образовательном и имиджстроительном измерениях.

Что касается времени, то исследование охватывает период преимущественно с середины 1990-х гг. до наших дней. Нижняя граница исследования определена тем, что именно тогда, по мнению ряда исследователей (Л. Коллей, К. Кумар, К. Брайант, А. Огей и др.), происходит всплеск интереса к изучению исторической эволюции и коннотаций терминов английской и британской идентичности. Актуализацию дискурса связывают,

как правило, с окончанием холодной войны и закатом века многих империй, англоцентристской и централизаторской политической идентичности М. Тэтчер, изменением классовой политики, усилением иммиграции, подъемом расизма и крайне правых националистических партий, а также изменением иммиграционного законодательства, политики мультикультурализма и национального брендинга, образования, евроинтеграции после прихода к власти лейбористского правительства в 1997 г. и консервативного в 2010 г.⁸

К середине 1990-х гг. приходит к своей финальной точке и «деиндустриализация» Севера Англии, и «антропологический и социально-экономический кризис» коллективных идентичностей, обозначающие начало нового этапа в развитии идентичности Северной Англии.⁹ В ряде случаев, особенно при рассмотрении североанглийскости, мы обращаемся к периоду 1970-х гг. — времени общего подъема культурных позиций Севера Англии и становления современного типа северной идентичности. Рассмотрение отдельных вопросов требует обращения и к более раннему периоду. Верхняя граница исследования объясняется текущей актуализацией данных процессов вплоть до сегодняшнего дня.

Территориально исследование в основном соответствует географическому пространству Англии, однако в тематическом диапазоне по мере надобности сужается до региона Северной Англии или расширяется до масштабов бывшей Британской империи.

Географически Англия (*England*) — наибольшая административная и историческая часть Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, регион (*country*), расположенный в юго-восточной части острова (*mainland*). Понятие «Англия», кроме специально оговоренных случаев, употребляется в качестве обозначения региона Великобритании, а не всей страны в целом. То же касается определений «англичане» и «британцы». Население Англии составляет около 80% от общего населения Британии.

Как утверждает А. Боком, с потерей внешней и внутренней империи Англия, прежде ассоциировавшаяся с метрополией вообще, в 1990-е гг. стала обозначать ту землю, которой больше не существует. И хотя Англия является преемницей политических и социальных институтов Британской империи,

по отношению к этой территории приходится говорить о кризисе идентичности, тогда как применительно к Шотландии, Уэльсу и Северной Ирландии — о «подъеме идентичности».¹⁰ Но в этом статусе неопределенности англичане явно испытывают дискомфорт. Региональное самосознание, более отчетливо выраженное у старшего поколения, само по себе не замещает этнонационального и не снимает проблемы социальной и ментальной неясности.

В Англии существует четкое различие северных и южных регионов, выражающееся в формуле «разделение Севера и Юга».¹¹ Наше исследование базируется в основном на материалах территории, входящей в географическое и культурное понятие «Северная Англия» (*Northern England*), также известной как Север Англии, Северный регион или попросту Север (*North of England, the North Country, the North*). Сегодня Северная Англия является неформальным объединением трех субрегионов (см. цв. вклейку, рис. 1–2). Северо-Восток (в качестве иллюстрации региональных идентичностей мы используем материалы, собранные в городах Ньюкасл, Дарем, Сандерленд), Северо-Запад (Манчестер и отдельные поселения графства Большой Манчестер, Ливерпуль) и Йоркшир и Хамбер (Йорк, Хаддерсфилд, Бредфорд). Площадь Северной Англии — более 30 тыс. км² (общая площадь Англии более 130 тыс. км²), население — около 14,5 млн чел. (общее количество населения Англии более 53 млн чел.).¹²

В политическом смысле эта территория обладает выраженным «самосознанием»: в 2002–2003 гг. правительство Британии выступило с инициативой организации в Англии референдумов по вопросу создания ассамблей, подобных ассамблеям Уэльса или Шотландии; в результате было отобрано только три региона, высказавшихся за организацию референдума (более 50% проголосовавших) — Северо-Восток, Северо-Запад, Йоркшир и Хамбер.¹³ Или во время голосования о членстве ЕС 23 июня 2016 г. именно в Северной Англии было набрано высокое по сравнению с другими регионами количество голосов за выход из ЕС (т. н. *Brexit*) — 53,7% на Северо-Западе, 57,7% в Йоркшире и Хамбере и 58% на Северо-Востоке (на Юго-Востоке 51,8%, например).¹⁴ Как указывает Ф. Фернандес, о сильных региональных идентичностях в Англии можно говорить только применительно к регионам Йоркшир и Северо-Восток.¹⁵

Если же говорить о *степени изученности темы*, то проблематика национальной / этнической / региональной идентичности является достаточно разработанной как за рубежом, так и в России, тем не менее существует необходимость дальнейших теоретических и эмпирических исследований в междисциплинарном ключе и тесной связи с исследованиями национализма, мультикультурализма, исторической памяти, бренда и т. д.

Историографический обзор существующих теорий и исследований идентичности может стать самостоятельной темой исследования. Как пишет Е.И. Филиппова, «число публикаций, коллоквиумов и семинаров, в названии которых фигурирует слово “идентичность”, растет как снежный ком», и «наше время называют “веком идентичностей”». ¹⁶ П. Гилрой указывает: «Мы живем в мире, где идентичность имеет значение. Имеет значение в качестве теоретической концепции и как часть политической жизни». ¹⁷ З. Бауман отмечает, что для современного общества характерна не замена одних стабильных и рациональных традиций другими, а состояние постоянного сомнения, множественности источников знания, что делает самость более изменчивой и требующей постоянной рефлексии. ¹⁸ По словам В.С. Малахова, идентичность — это свидетельство того, что «исследовательский фокус постепенно смещается с субстанций на отношения и с сущностей — на события», качества, механизмы. ¹⁹ Теории идентичности и соответствующие интерпретации реальности часто становятся инструментом политических манипуляций, среди которых попытки систематизировать представления о феномене зачастую обречены на провал. В силу существования таких обзорных работ, как, например, исследования М.Н. Губогло, И.С. Кона, Е.И. Филлиповой, ²⁰ ограничимся лишь краткой характеристикой изученности темы.

Зарубежные и отечественные исследования сюжетов идентичности имеют давнюю и сложную историю, которую можно проследить если не с античности, то по крайней мере с эпохи Возрождения или европейских буржуазных революций. ²¹ Если иметь в виду устоявшееся понимание феномена идентичности, то соответствующие исследования появились уже в XX в. с его глобализацией и ростом значений групповых солидарностей. Использованный первоначально в психиатрии (Э. Эриксен, К. Юнг, Э. Фромм) в контексте изучения личностного «кризиса

идентичности»,²² концепт позднее приобрел социальное измерение (как процесс и итог осознания своей принадлежности к социальным общностям в терминах «мы» и «они»), а особую актуализацию — в 1980–2000-е гг. в силу распространения понятия в различные области гуманитарного знания.

Сегодня многие исследователи признают множественный, изменчивый и ситуативный характер идентичности, зависимый от ее акторов, факторов, контекстов. В.А. Тишков в этой связи говорит: «Этнические группы определяются прежде всего по тем характеристикам, которые сами члены группы считают для себя значимыми и которые лежат в основе самосознания».²³ А.В. Головнёв отмечает, что данному явлению наиболее адекватен концепт дрейфа этничности, в котором изменчивость народов, культур и персональной идентичности представляется обыденностью, а не отклонением, и смена традиций рассматривается как своего рода традиция.²⁴ В то же время в самом термине заключено и противоречие, на которое указывает Е.И. Филиппова: «...Есть явный парадокс в том, что постмодернистская “война целому” ведется под знаменем концепта “идентичность”, исходным содержанием которого является единство, тождество и постоянство. Отягощенный предшествующими смыслами, он сопротивляется “новому прочтению”, делающему акцент на процессуальности, текучести и изменчивости».²⁵

Наиболее общее для российской науки понимание идентичности резюмировала Л.П. Репина: национальная (с преимущественными гражданскими компонентами) и этническая (этнокультурными) идентичность есть идентичность коллективная, строящаяся на противопоставлении с *Другим*, предполагающая «принятие и усвоение совокупности представлений, ориентаций, идеалов, норм, ценностей, форм поведения той... общности, с которой данный индивид себя отождествляет».²⁶ Идентичность, по Е.И. Филипповой, существует в разных ипостасях и рассматривается как исторически сформированный комплекс представлений, периодически активизирующихся при определенных обстоятельствах, конструируемый субъективно, но не в отрыве от конкретных реалий, которые являются материалом для конструирования.²⁷ Ключевые категории в изучении идентичности национальной — нация, национализм; этнической — этническая группа и этничность, региональной — территория,

образ. Понятия нередко наслаиваются друг на друга и включают такие неоднозначные характеристики, как «идея», «характер», «стереотип», «имидж», «бренд».²⁸

Исследования идентичности распределяются, как известно, в обширном методологическом спектре от примордиализма (эссенциализма) до конструктивизма, включая функционалистский, инструменталистский, гендерный, марксистский, модернистский, историцистский и другие подходы. Среди видных представителей примордиалистского направления можно выделить Э. Смита, Э. Кедоури, Дж. Элтона, Р. Коэна, Э. Берка и др.²⁹ Развитие идей примордиализма в России связано с именами Ю.В. Бромляя, С.А. Арутюнова и всей советской школы этногенеза. Функционалистский подход Э. Геллнера, Дж. Бройи, М. Бентли, Л. Гринфельд (с некоторыми оговорками)³⁰ представляет идентичность как результат потребности преодолеть отчуждение, свойственное массовой культуре современного общества, потребности нахождения причин социального объединения и мобилизации.³¹ В неомарксистском ключе написаны работы Э. Хобсбаума, Р. Теренса, Г. Балакришнана, М. Хетчера, Т. Нейрна, Р. Брубэйкера, У. Коннора, К. Касториадиса и др.³² Родоначальниками конструктивизма принято считать П. Бергера, П. Бурдьё, Ж. Делеза, Ж. Бодрийяра, М. Фуко и др.³³ В идентичности конструктивизм утвердился благодаря трудам Б. Андерсона, Э. Хобсбаума, К. Калхуна, К. Вердери, М. Кастелса, Ж. Кафманн, К. Дюбар и др.³⁴ Гендерный аспект разрабатывают С. Энлоу, Н. Ювал-Девис, Ф. Антиас, К. Вудвард и др.³⁵

Для России 1990-х гг., в силу специфики развития исторического знания и необходимости в короткие сроки «наверстывать» достижения западной антропологии, особо актуальным стало исследование соотношения «национального» и «этнического», сложной идентичности в многообразии ее форм и динамике быстрых перемен. Характерно синонимичное употребление понятий «нация» и «национальная идентичность», «этническая идентичность» и «этничность», «этнос». Несмотря на обращение к понятию идентичности, авторы зачастую ведут речь о других подходах и категориях (близких к понятиям национализма и этнонационализма, конфликта, кризиса, этничности, самосознания, принадлежности, памяти, характера и др.).

Весомый вклад в разработку проблематики внесли этнологи и историки В.А. Тишков, С.А. Арутюнов, А.В. Головнёв, В.А. Шнирельман, Е.И. Филиппова, М.Н. Губогло, Н.Л. Иванова и др.;³⁶ социологи, политологи психологи и философы В.С. Малахов, В.В. Коротеева, А.А. Миллер, Э.Я. Поздняков, Л.М. Дробижева, Г.У. Солдатова, И.С. Семененко, Л.Д. Гудков, Т.Г. Стефаненко и др.³⁷ Также значительный вклад в понимание функционирования механизмов идентичности внесли исследователи коллективной памяти (Л.П. Репина, Ю.Е. Арнаутова, Я. Ассман и др.).³⁸

Феномен региональной идентичности (*regional / local / place identity*), бывший долгое время прерогативой экономических наук и географии, приобрел гуманитарный контекст как культурная коллективная идентичность, тесно связанная с конкретным и «мифическим» пространством, в разработках Х. Лефевре, Л. Манзо, Д. Масей, Э. Пааси, Ж. Раагмаа и др.³⁹ Отечественные исследования феномена обращены на понимание региональной идентичности как части этнической или национальной (работы Д.Н. Замятина, В.К. Мальковой, В.А. Тишкова, Л.В. Смирнягина, И.М. Бусыгиной, Е.В. Морозовой и др.); а также ориентированы на прикладной аспект исследований (в ракурсе имиджа и бренда территорий).⁴⁰

Применительно к Великобритании, Англии и Северной Англии феномен идентичности рассматривался и дискутировался во многих ракурсах и измерениях; при этом обилие работ и подходов само по себе образует сложный и многослойный дискурс. Британская историография включает множество сюжетов: идентичность и ее акторы в истории, политике, экономике, культуре, повседневно-бытовых практиках и межэтнических взаимоотношениях. В качестве историографии по проблеме нами рассматривается та литература, которая, во-первых, посвящена современному периоду, во-вторых, имеет в содержании отсылку к понятиям британскости, английскости, североанглийскости. Данная проблематика включает в себя огромное количество публикаций (изданных с конца 1980-х гг.), что вынуждает ограничить обзор литературой, посвященной непосредственно дискурсу идентичности — британскости как политической идентичности, этнокультурной английскости и региональной / локальной североанглийскости. При этом

многие историографические сюжеты будут рассмотрены дополнительно в соответствующих разделах книги.

В британской историографии преобладают два основных подхода к интерпретации британскости и английскости: «консервативный» (в той или иной мере его придерживались последователи господствовавшей до 1990-х гг. традиционной англоцентристской виговской интерпретации) и «ревизионистский» (критики англоцентристского подхода, сторонники мультикультурной природы этих идентичностей). Расцвет ревизионизма пришелся на «эпоху лейбористов» и их кампанию по пересмотру идентичности в свете мультикультурализма, в ходе которой научный концепт британскости претерпел изменения. Подобный подход особенно распространен в Шотландии, Северной Ирландии и Уэльсе, а также среди исследователей карибского и индо-пакистанского происхождения.

Современные традиционалисты отошли от жесткого консерватизма, но по-прежнему основное внимание уделяют «английскому фактору» в становлении идентичности. К. Роббинс и Л. Коллей, несмотря на заявления о приверженности «британскому подходу», в своих фундаментальных работах пишут о британскости, сложившейся под воздействием ряда исторических факторов, в том числе конфронтации англичан с другими народами континентальной Европы.⁴¹ Н. Фергюссон и Г. Ларсен рассматривают Британскую империю как систему, именно в которой гражданская нация (в том числе колонизированные народы) сформировалась и пребывала в единстве и процветании — под началом англичан.⁴²

«Ревизионисты» в своих работах уделяют внимание английскому, в том числе «имперскому», «миссионерскому» национализму (*imperial, missionary nationalism*), феномену «островной нации» (*island nation*), факту «англизации» истории, политики, культуры, внутреннему и внешнему колониализму, указывают на «английский характер» британскости (В. Малей, Т. Данн, Н. Дэвис, М. Сторри, Л. Шнайдер, Дж. Уолтон, П. Брендон, М. Скей и др.).⁴³ Д. Кэннадайн анализирует «надэтнический» характер английскости, позволяющей ей во времена империи существовать в качестве гражданской идентичности и сообщающей ей сегодня проблемный характер как идентичности этнокультурной.⁴⁴

Часть исследователей склонна негативизировать «английский фактор» в формировании британскости, а также оценивать его как незначительный (равный другим факторам — шотландскому, валлийскому и т. д.). Х. Керни, Д. Уолтон и К. Брайант, например, исследуют историю и современное состояние британскости (в ее политическом измерении преимущественно) как совокупности идентичностей четырех равновеликих «наций» (англичане, шотландцы, ирландцы, валлийцы).⁴⁵ Работа К. Брайанта является на сегодня одним из самых полных исследований дебатов о британской и английской идентичности.

Отражение этнокультурного многообразия в концепции британскости и политике Великобритании вообще является темой целого ряда исследований и научных мероприятий, транслирующих различные точки зрения на мультикультурную составляющую современной британскости. Особый пласт историографии посвящен поиску «корней» британскости и английскости в полиэтничном британском прошлом — популярны исследования кельтской, англо-саксонской и бриттской составляющей идентичности. Каким образом «мифы» о древности используются современниками для формирования самых разных моделей британскости и английскости, проследили М. Чапмэн, М. Дайетлер, Ж. Коллис, Т.С. Чемпион, С. Ренфрю, С. Джеймс, Г. Томас, А. Эскобедо и др.⁴⁶ Р. Самюэль исследует британскость с позиций мультикультурного подхода, где британская культура предстает совокупностью преемственных этнокультур (кельты, римляне, англ, саксы, юты, датчане, норвежцы, нормандцы, бретонцы, французы и др.).⁴⁷ С. Энлоу рассуждает о механизмах формирования британскости и английскости благодаря конфронтации и взаимодействию с *Другим* в колонизированных странах.⁴⁸

В ходе дебатов об идентичностях Британии в период правления лейбористов был издан сборник исследований под редакцией А. Гэмбла и Т. Райта «Британскость. Перспективы» (в проекте приняли участие такие известные исследователи, как Л. Коллей, М. Кенни, Б. Парех и др.), в котором содержатся экскурсы в историю полиэтничного термина «британский» (со времен Римской империи и до наших дней) и надэтничного «английский» — в политической проекции Лондона и с позиций националистических элит Шотландии, Ирландии и Уэльса. Сборник иллюстрирует

специфику дискурса британской идентичности среди академической, политической и медийной общественности, и большая часть исследований посвящена проблемам мультикультурализма, евроинтеграции и имперской сущности данных концепций идентичности.⁴⁹ С этой же точки зрения интересны сборники статей под редакцией В. Уора и М. Д' Анкона, посвященные исследованию британской идентичности на основании социологических опросов и интервью с представителями молодежи в Британии и ее бывших колоний (Бангладеш, Пакистан, Индия, Кения, Ирландия) и оценке перспектив общей национальной идентичности в Британии.⁵⁰

Проблема британской идентичности в ракурсах деволуции и регионализма рассматривается в работах М. Кетинга, А. Тренча, изданиях под редакцией Дж. Кертиса, Б. Сейда, Ф. Бечхофера и др.⁵¹ Т. Нейрн анализирует перспективы британскости через рассмотрение проблем «внутреннего» и «внешнего» колониализма, констатируя дробление идентичности и развитие этнонационализма на территории Британии, кризис идентичности у англичан, в переходный период не сумевших трансформировать имперскость в нечто новое и перспективное в условиях мультикультурализма.⁵² Процесс евроинтеграции, в том числе в контексте исследования британскости, разбирается в публикациях К. Вюрмса, А. Гэмбла, Д. Маркуэнда, А. Сэмпсона, К. Брайанта, Д. Бейкера и Д. Сирайта.⁵³ Д. Расмусен, например, рассматривает в этом ключе причины негативной позиции Великобритании по отношению к ЕС и континентальной Европе в целом.⁵⁴

Среди исследователей мультикультурализма выделяются фигуры британцев Р. Майелса, К. Малика, Я. Алибай-Брауна, Б. Пареха, А. Пилкингтона, К. Янга, П. Веста и др.⁵⁵ С. Соломос дает развернутую характеристику вопросам расы и расизма в Великобритании XX в., рассматривает мультикультурализм как идеологию и политическую практику.⁵⁶ В изданиях под редакцией Т. Модуда, П. Вербнера и Дж. Солта анализируется влияние глобальной миграции на вопросы этничности в Британии, на британскую идентичность.⁵⁷

В 1990-е гг. обнаруживается тяготение к пониманию британскости как надэтнической, мультикультурной, гражданской идентичности, искусственному и политизированному понятию. В целом исследования по британскости в большей степени касаются

идентичности ирландцев, валлийцев и шотландцев, пакистанцев и других не-англичан. Прежде в академических трудах четкой грани между понятиями «британский» и «английский» не проводилось. В этом отношении показательны работы 1980-х гг. М. Вьенера о ценностях английской элиты XIX–XX вв., П. Райта об английскости в контексте сельско-индустриального конфликта и усилий правящей элиты Юго-Востока страны, а также сборник, посвященный английской культуре и идентичности под редакцией Р. Коллса и Ф. Додда.⁵⁸ В 1990-е гг. исследователи начинают тяготеть к рассмотрению английскости как этнокультурной идентичности в рамках поликультурной Британии, однако по-прежнему в фокусе оказывается историческая, политическая составляющая этой идентичности, английскость как весомая часть британскости.

Д. Элтон в своем фундаментальном труде исследует историю формирования «английского народа» с древности до современности, особое внимание уделяя имперскому периоду и вкладу англичан в формирование концепции британскости.⁵⁹ А. Боком рассматривает английскость с позиций имагинальной географии и истории повседневности, обращая внимание на кризис идентичности Англии, подъем идентичностей Шотландии, Северной Ирландии и Уэльса.⁶⁰ В работе «Идентичность Англии» Р. Коллс анализирует английскость в контексте истории и исторической памяти.⁶¹ П. Райт исследует популярную сегодня в академической среде концепцию «Малой Англии» и образы «идиллической сельско-пасторальной Англии».⁶²

С изменением дискурса английскости появляется все большее количество работ, посвященных другим концепциям идентичности. Особый интерес представляют работы А. Огея и К. Брайанта, попытавшихся проанализировать современные формы английскости, при этом уделивших основное внимание анализу современных политических проектов.⁶³ Политизированной английскости как идентичности отдельной «этнической» группы британских островов посвящен сборник под редакцией М. Перримана «Англия после Британии»: Англия как наследница Британской империи, ее региональное устройство и регионалистское движение, подъем крайне-правого национализма и интереса к «традиционной» английскости, феномен «вывешивания флагов», роль футбола в развитии английскости,

концепция «зеленой и прекрасной Англии», будущие политические перспективы Англии и пр. Среди авторов — маститые Э. Гэмбл, Р. Хак, Б. Брагг, Б. Каррингтон, М. Хасселман, Т. Нейрн, П. Гилрой и др.⁶⁴ Исследования «пасторальной Англии» как одной из наиболее популярных концепций этнокультурной английскости представлены, например, работами П. Мандлера, Д. Мэтлеса, К. Берберич.⁶⁵

Сведения об английской популярной культуре и искусстве могут быть почерпнуты в изданиях под редакцией М. Хиггиса, К. Смита, Дж. Стори, Т. Эдерсона, Д. Кристофера.⁶⁶ Английскость в современной музыке интерпретирована в работе Т. Винтер и С. Кеган-Филипс.⁶⁷ Антропологическому рассмотрению особенностей поведения англичан в различных бытовых ситуациях посвящено исследование К. Фокс (публицистическая и научно-популярная литература содержит немало остроумных наблюдений о «реальной Англии», «моей маленькой Британии», «англичанах как они есть»)⁶⁸. Высоким информационным потенциалом обладают работы Дж. Паксмана, А. Эйтча, К. Ирвина, П. Кингснорта, Г. Бингема, Э. Марра и др.⁶⁹

Что касается североанглийскости, то до 1990-х гг. Север и вообще региональная идентичность оставались у английских историков и культурологов маргинальными темами. К ним стали активно обращаться вследствие деиндустриализации, деволуции и регионализации в рамках Британии. Свою роль сыграло и то, что благодаря реформам бесплатного высшего образования в 1960–1990 х гг. к концу XX в. выросло поколение ученых, чьей родиной были северные города.⁷⁰ В этом смысле готовность местных журналистов и тревел-писателей (например, таких «певцов Севера», как С. Макоуни, С. Армитаж, Дж. Холдер, М. Уэйнрайт)⁷¹ увидеть «реальную Англию» приобрела экзистенциальный смысл.

Тем не менее вопросы североанглийской идентичности во многом перекликаются с темой английскости; специальной литературы об английской «северности» немного, и она носит зачастую публицистический характер. О Севере Англии пишут обычно сами северяне, и их работы нередко имеют налет местечковости. Кроме того, как и в случае с британскостью и английскостью, большинство исследований североанглийскости обращено в историю — период XVIII–XX вв., время экономического, культурного и политического расцвета Севера.

Наибольший интерес в региональном измерении для нас представляют работы Д. Рассела и издание под редакцией К. Эланда,⁷² в которых содержатся материалы о дискурсе идентичности, истории и образах региона в различных областях экономики, политики, культуры, искусства. Как правило, исследователи посвящают свои работы отдельным графствам и локальным сообществам Севера, отдельным аспектам идентичности: например, Ч. Невин — образам северной женщины, Э. Оуэнс и К. Уайтхед — восприятию северянами мистического.⁷³ Весомый вклад в изучение проблематики региональной идентичности с классовых позиций внесли М. Вьенер, П. Джойс, О. Джонс, С. Ваг и др.⁷⁴ Проблему разделения Севера и Юга в контексте идентичности исследовали Ч. Делхейм, Ф. Масгров, Х. Джюэлл. Р. Шилдс, Р. Коллс, Ф. Додд и др.⁷⁵ Исследовательский интерес представляет сборник под редакцией Э. Ройля, где содержатся статьи по общим и частным вопросам региональной идентичности.⁷⁶

С 1960-х гг. в историографии наблюдается всплеск интереса к изучению спорта с позиций регионализма, мультикультурализма, империализма, национализма и расизма, продолжающийся до сих пор. В частности, этому посвящены работы С. Вага, Д. Расселла, Л. Бэка, Т. Краббе, Дж. Соломоса, Д. Конна, Р. Хольта, Т. Флетчера и др.⁷⁷ В рамках историографии североанглийскости закрепилось мнение, что интерес к спорту (особенно футболу, регбилигу и крикету) является базовой составляющей североанглийской идентичности и ее локальных вариантов.⁷⁸ Среди исследований спорта и идентичности (шире — культуры) на Севере особо выделяются работы и сборники под редакцией С. Вага, Д. Рассела, Дж. Гоулстоуна, Р. Хольта, Дж. Хила, Дж. Уильямса, Д. Мосея и др., посвященные множеству аспектов тематики спорта и культуры.⁷⁹ Фанатской культуре Севера Англии посвящено издание под редакцией Э. Брауна, работы Дж. Мелора и К. Портера.⁸⁰

Сведения о северных диалектах и языковых идентичностях, языковой топографии можно почерпнуть из работ П. Траджил, Дж. Уидоусон, К. Аптон, Б. Гриффитс, Д. Тернер и др.⁸¹ Однако лишь немногие исследователи в работах о диалектах ведут речь о региональной или локальной идентичностях: среди них П. Уоллер, Б. Гриффитс.⁸² Сведения об североанглийской идентичности

в музыке содержатся в исследованиях Д. Фоулера, Л. Купера, Р. Шакера, Т. Бакленд и др.⁸³ Однако и здесь большая часть литературы посвящена периоду до 1980-х гг. (особенно 1950–1960-м гг., времени расцвета северной поп- и рок-музыки), а также скорее отдельным музыкальным направлениям, нежели идентичности в музыке. Часть сведений об идентичности Севера содержится в литературе о деиндустриализации Севера и забастовках рабочих, социальных и экономических изменениях в регионе (Д. Дуглас, П. Круксон и др.).⁸⁴

Таким образом, при обилии исследований по частным сюжетам затрагиваемой тематики, общий дискурс британской, английской и североанглийской идентичности в современном британском / английском обществе не являлся предметом обобщающего антропологического анализа. Предметом анализа зачастую становится историческое развитие английскости и английского национализма, а не общественный дискурс идентичности. С этим тесно связано понимание английскости как конструкта, существующего только в прошлом. Обычно исследователи обращаются к упадку тех или иных институтов — империи, монархии, классовой системы — или к развитию таких феноменов, как иммиграция, мультикультурализм, деволуция, евроинтеграция и т. д. Если речь заходит об английскости, то авторы, как правило, обращаются преимущественно к юго-восточному ее варианту (Лондон и предместья), а если о североанглийскости — то к локальным ее версиям без обобщений на региональном уровне.

Большая часть литературы о северянах посвящена периоду до 1980-х гг., времени экономического и культурного расцвета Севера. Основное внимание исследователи музыки, диалектов и пр. уделяют собственно этим феноменам, а не дискурсу идентичности. Нередко авторы обращаются и к «характеру» англичан, не задумываясь о научной и эпистемологической ценности подобных исследований.

Авторы подчас выступают носителями того или иного варианта идентичности и неспособны от нее абстрагироваться. Фундаментальные или фрагментарные исследования идентичности совпадают с выдвиганием собственных видений идентичности. Например, исследователи, обращающиеся к темам происхождения, нередко заняты изучением исторических контекстов английскости (к примеру, в рамках империи), вне «неудобных»

разговоров о мультикультурализме. Работы исследователей шотландского, валлийского, ирландского происхождения чаще посвящены генезису идентичностей народов Британии (в том числе в контексте борьбы с Англией), этнической мифологии, культуре вообще, деволуции и евроинтеграции. Исследователи мусульманского «происхождения» зачастую исследуют проблемы мультикультурализма, колониализма, евроинтеграции. И в целом британцы посвящают свои работы исследованию актуальных для Британии и британцев проблем, тогда как у российского читателя есть дополнительный — сопоставительный — ракурс.

Характеризуя зарубежную (не британскую) историографию, посвященную вопросам постимперской идентичности в Британии, хотелось бы оговориться, что эти исследования, несмотря на их обилие, обычно нацелены на сопоставление «британского опыта» с немецкой, французской и другими версиями. Заметный вклад в изучение английскости и британскости (в том числе в контексте деволуции и европейской политики) внесли американские исследователи и публицисты. К. Кумар и С. Борщевски, обращаясь к феномену «английского национализма» в имперский период, считают, что кризис идентичности в современной Британии не будет преодолен, пока существенным элементом *Britishness* будет оставаться имперская *Englishness*.⁸⁵ К. Колхун в ходе рассуждений о природе национализма и национальной идентичности описывает специфический «английский случай» и указывает на проблему размытости идентичности англичан, наследников империи.⁸⁶ Э. Шуц пишет о нежизнеспособности английской идентичности, находящейся под гнетом имперского наследия и не имеющей сильного *Другого-Чужого* в качестве мобилизующего фактора (как англичане для шотландцев).⁸⁷ Известная американская исследовательница национализма и идентичности Л. Гринфельд в фундаментальной работе о пяти путях национализма подробно рассматривает историю развития и трансформации основных (британских) символов национальной идентичности — парламента, монархии, англиканства, королевы, империи. Автор придает большое значение англичанам как единственной этнической группе, сумевшей стать нацией и распространить свои основные ценности на всю Британскую империю.⁸⁸

Социологии и антропологии спорта (теория и практика, с экскурсами в «британский случай») посвящены работы американцев К. Бланчарда, Э. Гутмана, У. Моргана, У. Меркель, У. Токарски и др.⁸⁹ Среди исследований английских крайне правых выделяются работы П. Мильза, К. Мудда, Р. Хилларда, Г. Бетса и др. (впрочем, в них почти не учитывается тот факт, что в 2000-е гг. подобные организации становятся частью мейнстрима, как, например, Партия независимости Соединенного королевства).⁹⁰

Что касается отечественной историографии, то вклад в изучение дискурса британской идентичности в различных общественных средах внесли исследования М.А. Липкина, А.А. Громыко, Е.В. Чиняевой, выполненные в историко-социологическом ключе с особым вниманием к политическим факторам формирования гражданской идентичности (евроинтеграция, мультикультурализм, крайне-правый популизм и др.).⁹¹ В работах А.Б. Давидсона и сборниках, выпускаемых под его редакцией, содержатся некоторые сведения о современной британскости и постимперском дискурсе идентичности, позиции британского правительства по тем или иным вопросам (империя, колониализм, постколониализм, мультикультурализм).⁹² Отдельные аспекты дебатов об идентичности, регионализме, евроинтеграции, деволуции освещены в статьях и монографиях В.Ю. Апрыщенко, В.И. Елинского, Г.С. Турищевой, М.А. Липкина и др.⁹³

Исследования проблем государственных реформ (в том числе и в областях, непосредственно влияющих на дискурс идентичности) и внутривнутриполитического развития Великобритании представлены в работах Э.Н. Шавалеевой, Е.В. Анкудиновой, Г.С. Остапенко др.⁹⁴ Сведения об отдельных феноменах британского кино, литературы, искусства, языка в соотношении с «менталитетом» содержатся в работах Н.Н. Ефимовой, С.Г. Тер-Минасовой, А.Н. Дорошевич и др.⁹⁵

Российские политологи, социологи, демографы, историки, в том числе В.К. Антонова, В.С. Малахов, В.А. Мамонова, Т. Андреева, А. Понамарева и др., выпустили ряд работ, посвященных мультикультурализму в Великобритании как философской парадигме и государственной интеграционной политике, а также проблемам иммиграции, особенно мусульманской, и т. д.⁹⁶ Отражение мультикультурализма как идеологии и политики в литературе исследуют филологи Е.Г. Петросова и С.П. Толкачева.⁹⁷

Авторы указывают на неоднозначность идеологии мультикультурализма, его влияние на идентичность британцев, принимающих и интегрирующих принципиально иные культуры. В то же время они видят прогрессивное значение данной политики для внутривнутриполитической ситуации, рассматривают динамику иммиграционного и интеграционного законодательства. Отдельные сведения о партиях и националистических организациях Великобритании, выдвигающих проекты национальной идентичности, преимущественно в политологическом ключе, содержатся в работах И.Н. Барыгина, В.С. Малахова.⁹⁸ Некоторые данные о соотношении спорта и идентичности, в том числе на материалах Британии, рассмотрены в исследованиях С.А. Абдулкаримова, Б.Р. Головошапова, И.Н. Золотухина, К. Кобринина, С.А. Кудрина и др.⁹⁹

Определенным информативным потенциалом (межкультурная коммуникация, история и культура Британии) обладает многочисленная публицистическая и научно-популярная литература, написанная об Англии русскими авторами. К ней относятся учебная литература для туристических и филологических факультетов вузов, школ (А.В. Павловская, М.М. Филиппова, К. Атарова),¹⁰⁰ литература, созданная бывшими дипломатическими работниками или разведчиками (М. Любимов), журналистами, поэтами и блогерами (З. Налбандян, Л. Григорьева, О. Батлер, О. Фрир, Е. Давыдова-Харвуд и др.).¹⁰¹

Значимость отечественной историографии определяется тем, что анализируется противоречивость процесса поиска и складывания национальной идентичности в Британии. Однако в целом, несмотря на очевидную актуальность, проблематика британской/английской/североанглийской идентичности, в том числе на основе оригинальных этнографических материалов, остается слабо разработанной. Объектом анализа нередко выступает сложная этнополитическая ситуация в Великобритании, особенности интеграционной и культурной политики правительства, а не комплексный анализ кризиса постимперской идентичности, исследование региональных форм идентичности и др. Российские авторы рассматривают лишь некоторые из множества аспектов идентичности (связанные, как правило, с политикой) и уделяют основное внимание британскости, тогда как многослойный дискурс английской идентичности

в ее политических, региональных и персональных измерениях отражается фрагментарно. Если речь и ведется об английскости, то только о ее южных, юго-восточных формах (Север всегда остается за пределами внимания российских авторов). Общей проблемой является и отсутствие внимания к изменившимся реалиям последнего десятилетия, когда понятия британскости и английскости оказались не столь слиты, как ранее.

В качестве общих *концептуальных рамок* нашего исследования используются научные разработки в русле новейших направлений социокультурной антропологии — междисциплинарного исследования локальной, региональной, этнической, национальной идентичности с привлечением методов психологии, социологии, политологии, этнографии, визуальной антропологии. Идентичность исследуется нами как интегрированный набор форм культурной, ментальной, физической, социальной деятельности, усваиваемых индивидом (Э. Эриксен, К. Вудвард, Г. Суни, Ю. Кристева, Л. Коллей, Б. Андерсон, Л. Гринфельд, Т. Нейрн, М. Кастелс, Р. Брубэйкер, Э. Хобсбаум и др.), присущий группе внутренний психо-культурный ресурс и архетипы, актуализируемые извне (Ж. Де-Вос). Для исследования идентичности как набора определенных ролей индивида нами используются также понятия «роль», «социализация» (Ч. Кули, Дж. Мид), «ярлык» (Э. Гоффман), «референтная группа» (Р. Мертон), «явная» и «латентная идентификация» (А. Гоулднер), «негативная идентичность» (Л. Гудков), «фрейм» (М. Минский), «паттерн» (А. Крёбер). «Дискурс» понимается нами как способ существования идентичности, выраженной в системе различных «текстов», представлений, презентацией, связанных с жизнью общества (М. Фуко, Т.Д. Ван-Дейк и др.). Методы этнопсихологии, систематизированные Т.Г. Стефаненко, использовались нами при сборе полевых материалов, а также их методологическом осмыслении — с интересом к нарративному дискурсу (описательная беседа с целью исследования чего-либо или кого-либо) и историям как мощным и даже в чем-то эксклюзивным средствам конструирования индивидуального и социального опыта (Э. Бруно). В книге использованы наработки, созданные в рамках таких направлений, как новая локальная история (Л.П. Репина, Л.С. Егорова, С.И. Маловичко и др.), устная история (А. Портелли, П. Томпсон, Е.Н. Стрекалова и др.) и интеллектуальная история (Л.П. Репина, С. Зенкин и др.).

Используются базовые определения идентичности, данные Е.И. Филипповой и Л.П. Репиной, о которых мы писали выше. Ключевые категории в изучении идентичности национальной — нация, национализм; этнической — этническая группа и этничность; региональной — территория, образ. Понятия нередко наслаиваются друг на друга и включают такие неоднозначные характеристики как «идея», «характер», «стереотип», «имидж», «бренд». Учитывается множественность структур идентичности, условность их деления, невзаимоисключающий, ситуационный и дискурсивный характер, а также необходимость обращения к сюжетам отношений, механизмов, событий (В.А. Тишков, С.А. Арутюнов, А.В. Головнёв, М.Н. Губогло, Е.И. Филиппова, В.С. Малахов). Так как по признанию большинства исследователей (М. Хальбвакс, Э. Смит, Х. Хоркхаймер) генераторами и выразителями региональной идентичности являются политические и интеллектуальные элиты, изучать данное явление необходимо в том числе и с учетом их позиций.¹⁰² Делается также попытка преодоления дихотомии подходов в изучении проблем идентичности и национализма — эссенциализма и конструктивизма. В этом отношении приемлемо понимание идентичности А.В. Головнёва как гибкого и ситуационно изменчивого динамического свойства, имеющего современные формы и обладающее устойчивостью во времени.¹⁰³ Антропология движения в соотношении динамики и статики, иерархии и лидерства, магистральности и локальности позволяет увидеть сложную идентичность в сочетании и динамике идей, мотивов, обстоятельств, действующих лиц.¹⁰⁴

Англичане и английскость рассматриваются нами в двух дополняющих друг друга измерениях — этнической группы и нации, так как строгое определение этой бывшей «титულიной нации»,¹⁰⁵ на наш взгляд, невозможно. В первом случае — если идет речь об этнокультурной идентичности локальных групп англичан, во втором случае — при рассмотрении политической и гражданской идентичности, функции и роли английскости в рамках британскости. При исследовании английскости мы не игнорировали идентичности других этнических групп Англии («коренные» народы, выходцы из стран Азии, Африки, Карибского бассейна), так как помимо аккультурации и интеграции этих групп по отношению к английской культуре, существует

и обратное влияние, имеющее подчас проблемный характер. Мы пытаемся представить английскость в диалогах, монологах и публичных выступлениях, то есть в дискурсе, возникающем и функционирующем во множестве культурных сред на рубеже XX–XXI вв.

Проблематика данного исследования лежит также в области образной, имагинальной географии, в качестве центрального понятия которой выступает культурно-географический образ (и взаимосвязанные образ и имидж территории), что есть система символов, архетипов, стереотипов, характеризующих какую-либо территорию.¹⁰⁶ Нами используется формальное определение имиджа территории Всемирной организации по туризму как совокупности разного рода представлений, вытекающих из взаимодействия общих признаков территории, личного опыта и опыта других, влияющих на создание определенного образа.¹⁰⁷ Вслед за Р. Шилдсом, на основе анализа этнографических свидетельств, литературы, прессы, кино и т. д., мы размышляем о северном «месте-образе» — дискретном явлении, ассоциируемом с реальным местом или регионом вне их характера в реальности, имплицитном и эксплицитном.¹⁰⁸ Одной из теоретических основ являются подходы, разрабатываемые в рамках направления социологии пространства, предметом которой является топографическое, пространственное устройство социальных взаимоотношений.¹⁰⁹ В данном исследовании мы придерживаемся понимания коммуникации Р. Хоггарта и Р. Вильямса, в рамках которого рассматриваются механизмы и способы взаимоотношений различных групп интересов и социальных классов посредством анализа общественного дискурса.¹¹⁰

Региональная идентичность применительно к нашему исследованию понимается как одна из форм коллективной этнической и национальной идентичности, обращаясь к некоей территории, локальности, пространству — реальным или мифическим — и включающей такой феномен как «образ», формируемый в рамках региона и за его пределами. Факторами и аспектами ее существования являются: этнокультурное, историческое, языковое, природно-ландшафтное своеобразие региона; функция психологической защиты и социальной мобилизации населения региона; политизированность и ситуативность образов региона.¹¹¹ Таким образом, изучение северной идентичности

подразумевает учет не только географических, экономических и культурных реалий, но и механизмов ее формирования. Для удобства презентации материала мы употребляем понятия «региональная идентичность» (североанглийскость в рамках английскости), «субрегиональная» (для районов и графств Севера) и «локальная идентичность» (для городков и деревень Севера).

В качестве исследовательского инструментария используются глубокие интервью (по специально составленному «беседнику»), непосредственное наблюдение (с применением средств визуальной антропологии, в частности фотографии), а также интернет-коммуникация. В ряде случаев средством сбора данных служит блиц-анкета. Устные свидетельства помогают увидеть не официальную версию этнического взаимодействия, а реальную ситуацию — в бытовых деталях, оценках, ощущениях ее участников; т. е. способствует более глубокому ее пониманию.

Исследовательским методом служит условно-включенное наблюдение, предполагающее более гибкий диалог исследователя / наблюдателя и исследуемого, чем включенное наблюдение как таковое. Последнее имеет ряд преимуществ и недостатков, по сей день оставаясь одним из основных методов исследования для антрополога. Данный метод предполагает непосредственное участие в культурной жизни исследуемого народа, совершаемой в «пространствах коллективной коммуникации». Сведения о дискурсе идентичности мы черпали, в числе прочего, из бесед и наблюдений в частных домах, пабах, стадионах, музеях, религиозных центрах (церкви, мечети и пр.), торговых центрах, близ действующих или пришедших в упадок заводов и т. д. Использование данного метода для нас не обязательно означало пассивное наблюдение и подслушивание, но и взаимную открытость, провокацию, вторжение, конфронтацию в целях эксперимента. Полезную информацию приносила и работа с музейными коллекциями, документальными источниками, публичными и личными архивами, социальными сетями в интернет-пространстве и т. д.¹¹² В Англии непросто вести полевую работу из-за системы правил и норм в обществе, включающих неприкосновенность частной жизни, социальную замкнутость англичан; в конце концов, из-за отсутствия обычных для России лавочек перед домами, где подчас совершаются важные этнографические открытия. Как пишет К. Фокс, для англичан

откровенное обсуждение болезненных для них вопросов (от расовых отношений, идентичности и до семейных проблем) приемлемее на страницах газет, на киноэкранах, чем в более приватной обстановке паба, дома и пр.¹³

Идентичность для значительной части северян складывается из привычного ландшафтного и архитектурного окружения, работы, диалекта. Завод как организующая консолидирующая единица, а также рабочие клубы, бывшие в прошлом центральной структурой идентичности, сегодня существует, но в ностальгическом пространстве. В регионе актуализируются или заново создаются социообразующие структуры. По нашему убеждению, очагами идентичности (не только в смысле выражения, но и формирования) для Северной Англии сегодня выступают узлы местной коммуникации и досугового времяпрепровождения — стадион, паб, дом, в некоторой степени церковь и музей.¹⁴ Стадион как территория внешней коммуникации и состязательности; паб как территория общинной коммуникации, обсуждения; дом как территория семейной коммуникации, сохранения собственного, семейного и локального наследия. Данная «топография» и легла в основу «карты» наших перемещений и исследований по время полевых работ: именно из этих пространств коммуникации состоит главная экспозиция идентичности.

Особое место в сборе, интерпретации и презентации данных отводится визуальным технологиям — документальной антропологической фотографии, стремящейся к синтезу науки и искусства в исследовании и интерпретации культуры. Визуальность, выполненная на профессиональном уровне, видится одной из важнейших составляющих гуманитарных технологий, использование которых позволяет на современном уровне транслировать и представлять наглядно явления и их интерпретации, включать знания в научный, образовательный и культурный оборот. Использование инновационных гуманитарных технологий актуализировано необходимостью для науки обновить и оптимизировать технологии трансляции знания в условиях информационной революции. Наряду с визуальными гуманитарными технологиями, в данной работе используются и методы сбора данных в виртуальных пространствах и коммуникациях. В этом отношении антропологическая фотография

выступает эффективным инструментом: в тематическом фокусе оказываются конкретные представители культуры и все, что их связывает с действительностью (деятельностные схемы, семантическое пространство и др.).¹⁵

Настоящее исследование дискурса идентичности предполагает анализ множества разнообразных *источников*. Исходя из того, что в современном мире благодаря виртуальным, визуальным и прочим средствам граница между опубликованными и неопубликованными данными становится не столь очевидной, как и граница между источниками и литературой применительно к нашему исследованию, мы отказались от традиционной классификации, подразделив их на виды: этнографические (полевые материалы автора), письменные (различные тексты), материальные (материалы экспозиций), а также кино-, фото-, фонодокументы. Тем не менее для удобства мы обозначили неопубликованными авторские этнографические источники (полевые материалы, экспертные интервью, визуальные полевые материалы) и опубликованными (как на бумаге, так и в интернет-пространстве) все остальные (академическая, политическая, медийная, кинематографическая, телевизионная, фото- и фонографическая и др. продукция).

К полевым материалам автора относятся глубокие неформализованные интервью, материалы формализованного анкетирования, тестирования, интернет-коммуникации, проводившиеся по разработанному нами «беседнику» и индивидуальной программе на протяжении 2008–2014 гг. К полевым материалам автора относятся и результаты включенного наблюдения во время работы и обучения в Великобритании в качестве независимого исследователя-этнографа и участника исследовательских групп Центра исследований медиа и культуры Университета Сандерленда. Общий срок пребывания автора на территории Британии составляет 8 месяцев.

Общее количество «реальных» респондентов — 136 человек, «виртуальных» — 86. Общий объем записей интервью — более 45 п. л. На русский язык материалы переведены частично (в целях цитирования). Интервью стали возможными благодаря участию в научно-исследовательских проектах, проводимых при поддержке РФНФ: грант 10-01-00241а «Идентичность и мультикультурализм в условиях постимперскости (на материалах

Великобритании)» (рук. А. В. Головнёв); грант 11-31-00329а2 «Идентичность, иммиграция и интеграция в современных полиэтничных государствах: государственная политика и общественные дебаты (на примере Великобритании)» (рук. Д.Н. Федорова (Караваева)); грант 13-31-01260а2 «Индустриальное наследие и региональная идентичность (на материалах Среднего Урала и Северной Англии)» (рук. Д.Н. Караваева). Наибольшее количество материалов было собрано в полевые сезоны 2010, 2011, 2012, 2014 гг., во время стажировок и работы в архиве и библиотеке Университета Манчестер Метрополитан (июль 2012 г.), Университета Сандерленда (июнь–июль 2010, июль 2011, июль 2012, декабрь 2014 гг.). Полевые работы проводились на следующих территориях: Лондон и предместья, гг. Портсмут, Кентербери, Гилдфорд, Эймсбери, Бирмингем, Ноттингем в Южной и Центральной Англии; Ньюкасл-апон-Тайн, Саут-Шилдс, Норт-Шилдс, Сандерленд, Дарем, Хартлепул в Северо-Восточной Англии; Хаддерсфилд, Йорк, Лидс, Брадфорд, Мидлсбро, Шеффилд, Грейт-Эйтон в регионе Йоркшир и Хамбер; Манчестер, Олдем, Салфорд, Аппермил, Ливерпуль в Северо-Западной Англии; Эдинбург, Глазго и предместья в Шотландии; Белфаст и предместья в Северной Ирландии и др.

Респондентами выступали представители разного рода этнических и культурных групп (англичане, шотландцы, валлийцы, ирландцы, пакистанцы, индусы, выходцы с Карибских островов, смешанные категории, космополиты), профессий и занятий рабочего, среднего и высшего класса Великобритании и Англии, как правило, старше 18 лет. Однако исследование велось в основном среди англичан, с фокусом на проживающих в регионе Северная Англия. Респондентами преимущественно являлись представители академической среды, руководители социальных служб, члены политических партий (некоторые наиболее яркие интервью вынесены в специальный раздел списка источников и литературы), держатели пабов, члены музыкальных коллективов, представители кинематографических профессий, члены фолк-сообществ и пр.

Экспедиционные исследования носили кустовой характер (выбирались основные, «знаковые» поселения, а также близлежащие к ним, где проверялись и уточнялись получаемые сведения). Репрезентативность этнографических материалов обеспечивалась

как самим инструментарием (использование совокупности методов, таких как объемные опросы, наблюдение, анкетирование и пр.), так и выборкой группы (представители разнообразных социальных, профессиональных, возрастных, религиозных статусов). В ходе полевых работ был апробирован ряд методик сбора сведений по вопросам структур идентичностей (в том числе тесно связанных с этнической идентичностью — профессиональной, социальной, территориальной, ландшафтной, политической и пр.), этнических и национальных мифов и символов, исторической памяти.

К полевым материалам автора относятся и визуально-антропологические данные, в частности антропологическая фотография. Работа над визуальными материалами велась на протяжении всех полевых работ (наряду с интервьюированием). Основным визуально-антропологическим инструментом для нас стал фотоаппарат, поскольку фотография позволяет «следить» за деталями событий, улавливать настроения и состояния людей в их повседневности. Итогом работы стал архив из более чем 6 тыс. фотографий (ч/б, цвет.), посвященный образу жизни, повседневному жизненному циклу и праздникам, костюму, быту, мироощущению жителей Англии.

Тематическим полем съемки в основном стала пространственно-временная система действий человека в рамках той или иной этнической культуры, или «деятельностная схема» (по А.В. Головнёву). Главное в антропологической фотографии — это деятельность, существование. Таким образом, объектами съемки стали: работа (профессия, рабочее пространство, орудия труда, отношение и пр.); досуг (ритуалы, декорации); виртуальные (планы, мечтания) и реальные путешествия; жизненное и коммуникационное пространства; детали, знаковые системы; портрет. Весь архив условно разделен на несколько тематических серий, связанных общими сюжетами или ракурсами: «Портрет», «Работа», «Досуг», «Пространство», «Игра», «Воспоминания», «Болевые точки», «Устная история», «Религия». Большинство фотографий — не статичная фиксация обряда или костюма, а эпизод этнической жизни, фрагмент развивающихся отношений. Фотографии служат материалом для иллюстрации означенных в тексте положений, а также для различных интерпретаций визуального материала другими гуманитарными

науками и направлениями (культурология, социология, антропология города, этнография детства и пр.). Из них составлены 2 серии: «Англия — наследница Британской империи», «Ангел Севера», частично представленные в приложении к этой книге.

Наибольшую группу из опубликованных источников представляют письменные и вещественные, полученные в результате работы в архивах и библиотеках, муниципальных социологических службах Великобритании и России, которые также делятся на несколько условных групп.

Работы британских (в том числе английских и североанглийских) представителей гуманитарных (общественных) наук в области идентичности, национализма, расизма, мультикультурализма, евроинтеграции и др. используются в нескольких качествах: как источник по изучению самосознания, часть дискурса идентичности; как исследовательская литература по тематике книги (см. выше историографический обзор, а также раздел «Библиография»).

Письменные источники представлены и различными официальными документами, выступлениями представителей власти, например: британское законодательство, касающееся политики мультикультурализма, национального образования, регионального управления, выступления премьер-министров по различным ключевым для идентичности и культуры населения страны вопросам. Источниками являются также документы административных и политических организаций, в том числе предвыборные программы, манифесты, уставы, материалы пропаганды партий, записи выступлений их членов. Важным источником выступают и материалы интернет-сайтов (документы общественных и исследовательских организаций, музеев и фондов, городских и поселковых сообществ, персональных сайтов, интернет-форумов), посвященных исследуемым вопросам.

В качестве источника привлекались данные статистики и переписей, опросов общественного мнения, аналитические записки, доклады комиссий, так или иначе касающиеся идентичности и важнейших политических, экономических и культурных вопросов, как-то: статистика по этническому составу коренного и иммигрировавшего населения, профессиональным занятиям, способам проживания и др.; данные общественных опросов касательно символов британскости, английскости, отношения

к иммиграции, евроинтеграции; доклады по политическому и социальному развитию. Например, официальные демографические данные, размещенные на сайте службы *BBC*, данные сайта Министерства публичной дипломатии о правительственных проектах по национальному имиджу, материалы изданий «Социальные позиции британцев» (*British Social Attitudes*) 1995–2012 гг. и др.

В качестве источника информации по вопросам, связанным с проблематикой идентичности, использовались и различные справочные издания (словарные статьи, туристическая литература). Тревел-литература, например (и ее эквиваленты на радио, телевидении, в кино), составляет весомую часть дискурса идентичности. Именно к такого рода «литературе» мы обращались в первую очередь. Границы тревел-литературы как жанра не являются легко определяемыми.¹⁶ Многие из авторов, чьи произведения пытаются окрестить тревел-литературой, старательно отказываются от данного определения (как высказывался писатель Р. Дэвидсон, «ни один из жаров не страдал такой аллергией на самое себя»)¹⁷ Четкая категоризация, безусловно, невозможна, однако при обращении к неким общим признакам можно выделить три подвида такой литературы: описательная (справочная), рекламная (брендовая), дискурсивная. Первая категория относится к литературе, изданной в качестве путеводителей и информационных справочников, бюллетеней об определенных туристических местах. Обычно это словари географических названий, календари местных событий, описания ключевых интересных для туриста мест. Справочная литература так или иначе ранжирует региональные символы, структурирует по-своему наследие и, несмотря на кажущуюся нейтральность, довольно жестко задает рамки идентичности региона, обращая внимание читателя на определенные памятники в определенной последовательности (по степени важности и пр.). Рекламная, брендовая литература ставит своей задачей подчеркнуть значение того или иного региона, сформировать определенное представление о том или иной городе, регионе или его институтах, более позитивное, например, в сравнении с другими городами. Большое количество брендовой литературы начинает издаваться как раз на рубеже XX–XXI вв. Третья категория, дискурсивная литература, посвящена, как правило, поиску т. н. «английской души» и «национального

характера», призвана подчеркнуть значение того или иного региона или явления. Последний вид является наиболее ценным источником по изучению идентичности, особенно с 1920-х гг. Авторами в данном случае, как правило, являются журналисты или «свободные писатели». В данную категорию тревел-литературы попадают также и другие формы современных повествований-путешествий (кино, телевидение, фото и др.).

Безусловно, не все туристы Севера (и северяне, и жители других регионов) пользуются туристической «литературой», и жанр не является исключительным в деле формирования или репрезентации идентичности, в том числе и по причине самостоятельности «туриста» в деле «открытия» Севера. Однако если до 1950–1960-х гг. (времени вступления в силу программ по расширению возможностей получения образования для северян) главной аудиторией такой литературы являлись представители высших классов, как правило, южных регионов, то на рубеже XX–XXI вв. этот познавательный жанр становится основным для населения Англии и ее Севера.¹¹⁸ Как пишет Р. Коллс, «турист, все чаще обращаясь к туристической литературе, упускает возможность чистого познания и таким образом неизбежно вовлекается в уже существующий дискурс, конструирующий теперь его собственную идентичность».¹¹⁹ Туристическая литература обращает наше внимание на отдельные, «примечательные» места и символы региона, однако ее анализ полезен в плане понимания идентичности региона (особенно ее внешней идентичности — брендовой): дает представление о том, что в рамках национального дискурса (что повлияло и на региональный дискурс) Север является чем-то маргинальным, менее интересным и важным, чем Юг.¹²⁰

Важным источником исследования выступают материалы средств массовой информации (печатных, в том числе электронных), среди них как материалы наиболее читаемых национальных газет *The Times*, *The Guardian*, *The Independent*, так и распространяющихся в основном в пределах графств и регионов Англии *Bradford Telegraph and Argus*, *Liverpool Daily Post* и др. В данную подгруппу источников мы включаем и различные очерки независимых авторов (как Р. Дэвидсон, Р. Холт, Л. Смит и др.), а также членов националистических изданий (как *Identity* Британской национальной партии).

Письменными источниками личного характера выступают автобиографии, мемуары (к примеру, таких «героев Севера» Англии, как членов коллектива *The Beatles*, футболиста Р. Робсона) и опубликованные воспоминания бывших работников северных заводов и фабрик. Незаменимыми источниками для исследования идентичности Севера являются поэзия, журналистика, учебная и научно-популярная литература. Однако среди данных источников не так много тех, что непосредственно обращаются к североанглийскости — для данного исследования оказываются интересны жанры регионального (*regional novel, saga*) и индустриального и городского романа (*industrial / urban novel*). Художественные произведения представлены работами таких классиков современной британской и североанглийской литературы, как Дж. Барнс, М. Муркок, Д. Милстед, Ф. Барнет, а также авторами локального значения (Д. Милнер). Подчас в такого рода источниках находится больше информации об идентичности, нежели в других.

То же касается и художественных фильмов, телевизионных проектов (к примеру, режиссеров С. Фирса, П. Каттанео, Д. О’Донелла). Никакой другой культурный ресурс, пожалуй, не достигает сегодня такого развития и силы воздействия, как кино (в первую очередь игровое как наиболее массовое) и телевидение. Наиболее ярко воздействие кино как межклассового, межпоколенческого ресурса проявилось, по мнению исследователей, в период 1930 — начала 1950-х гг., а телевидения — в 1970-е гг. (к 1971 г. 91% семей в Британии обладали телевизором).¹²¹ Как указывают эксперты, каждый рожденный после 1940 г. является частью «телевизионного поколения». По словам Д. Кристофера, британцы являются одной из самых «телевизионных наций» в мире: в среднестатистической британской семье телевизор работает 5–6 часов в день, в среднем британские взрослые просматривают телевизор около трех часов в день, молодое поколение может проводить у телевизора большую часть своего свободного времени (за исключением сна).¹²² Данные формы культуры являются одними из основных площадок обсуждения вопросов идентичности, поэтому выпуск регионального кино или образование регионального телевидения имело такое важное значение для североанглийскости.

Источниками для нашего исследования выступили и различные аудиоматериалы (записи интервью и дискуссий на радио, музыкальные произведения национальных и региональных коллективов), фотографии и иллюстрации (портфолио фотографов, посвятивших свои произведения географии и культуре Севера Англии, сборники иллюстраций исторического, туристического характера и пр.)

Деление на данные группы условно, особенно с учетом специфики британского интеллектуального климата, где историк, к примеру, нередко выступает как публицист, романист, режиссер и сценарист документального и телевизионного продукта. В целом все не-этнографические источники нашего исследования находятся в открытом доступе. Сложность состоит в их массовости и иноязычии, что создает известную проблематичность в плане систематизации и объективного отражения исследуемой ментальной системы.

Исследование прошло широкую апробацию, и получило высокие оценки более чем на 38 всероссийских и международных конференциях в России (секционные доклады), в частности (избранное): IX, X и XI Международные Конгрессы этнографов и антропологов России (Ассоциация этнографов и антропологов России, Петрозаводск, 4–8 июля 2011 г.; Москва, 2–6 июля 2013 г.; Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г.); II–IV Всероссийский Форум «Многонациональная Россия: этнология и киноантропология» (Уральский федеральный университет, Екатеринбург, 13–14 апреля 2009 г.; 10–15 апреля 2011 г.; 15–20 апреля 2013 г.); X Международный научно-практический семинар по аудиовизуальной антропологии «Культурное наследие как “институт памяти”» (Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия, Москва, 25–29 сентября 2010 г.); Междисциплинарная международная конференция в рамках Гуманитарных Чтений РГГУ — 2010 «Объекты гуманитарного исследования и языки их описания» и Всероссийская (с международным участием) научная конференция «Историческая память: Люди и эпохи» (Москва, 24–26 ноября 2010 г.) Российского государственного гуманитарного университета и Института Всеобщей истории; Международные научно-практические конференции Российского государственного педагогического университета «Науки о культуре в перспективе “digital humanities”»

(Санкт-Петербург, 3–5 октября 2013 г.), Всероссийские научные конференции Института истории и археологии Уральского отделения РАН «Урал индустриальный. Бакунинские чтения» и «Татищевские чтения» (Екатеринбург, 2011, 2013, 2014 гг.); Всероссийские конференции (с международным участием) Российского общества интеллектуальной истории и Уральского государственного / Уральского федерального университета, г. Екатеринбург — «Интеллектуальная культура исторической эпохи» (26–27 апреля 2007 г.), «Великобритания на перекрестках национальной, имперской и мировой истории XVI–XX вв.» (18 апреля 2008 г.).

Работа была представлена также на 9 международных конференциях и семинарах в Великобритании, Испании, Италии, Португалии: «Культура и власть: идентичность и идентификация (Испания, Сьюдад-Реаль, Университет Кастилия Ла-Манча, 22–24 апреля 2010 г.); «Идентичность и “другие Британские острова”» (Великобритания, Университет Хаддерсфилда, 23–25 июня 2010 г.); конференции, посвященные юбилею Центра культурных исследований Университета Сандерленда (Великобритания, Сандерленд, 14–15 июня 2010 г., 7–9 декабря 2014 г.); «Образы *Whiteness*: актуальные проблемы» (Великобритания, Оксфорд, 12–13 июля 2011 г.); международный семинар по антропологии и визуальной коммуникации (Италия, Университет Флоренции, 23 июня – 7 июля 2011 г.); конференция «Имперские “места памяти”» (Великобритания. Университет Сент-Эндрюс, 2–3 сентября 2011 г.); «Нарративы и социальная память» (Португалия, Университет Брага, 29–30 июня 2012 г.); конференции Ассоциации глобальных исследований (Великобритания, Университет Манчестер Метрополитан) «Глобализирующиеся культуры и идентичности: спорт, наследие, образ жизни» (5–7 июля 2012 г.) и «Кризис и социокультурные изменения» (6–7 сентября 2012 г.); Конгресс Международной ассоциации антропологов и этнологов (*IUAES*) «Мировая антропология и приватизация знания: антропология и общество» (Дубровник, Хорватия, 4–9 мая 2016 г.), XXVI Конференция Ассоциации исследований этничности и национализма (*ASEN*) «Национализм, миграция и демографические изменения» (Лондонская школа экономики и политических наук, Лондон, 19–21 апреля 2016 г.) и др.

Осуществлены научно-исследовательские стажировки: Университет Сандерленда (2010, 2011, 2012 гг.), Университет Манчестер

Метрополитан (2012 г.), Университет Флоренции (2011 г.), Институт Всеобщей истории РАН (2011 г.), Институт этнологии и антропологии РАН (2011, 2012 гг.).

Исследование проходило апробацию в ходе работы автора в качестве младшего научного сотрудника сектора этноистории Института истории и археологии Уральского отделения РАН (руководитель сектора к.и.н. Е.В. Перевалова). Отдельные аспекты темы исследования обсуждались в ходе ведения лекционных и семинарских занятий в рамках учебных курсов «Визуальная антропология» и «Социокультурная антропология» в 2010/2011, 2011/2012, 2012/2013, 2013/2014, «Этничность и идентичность» в 2014/2015 учебных годах на Департаменте «Исторический факультет» Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (при организационной и научной поддержке проф. А.В. Головнёва); ведения семинарского занятия по визуальной антропологии идентичности для студентов магистратуры лаборатории этнологических исследований в Университете Флоренции (при поддержке проф. П. Кьощи); проведения семинара по визуальной антропологии идентичности в Центре исследования медиа и культуры Университета Сандерленда (при поддержке проф. Дж. Стори). Визуально-антропологические материалы были организованы в тематические фотовыставки (экспозиции в Уральском федеральном университете, Институте истории и археологии РАН, в рамках XI Международного Конгресса этнографов и антропологов России, Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г.). Диссертация «Английскость: дискурс идентичности (на материалах Северной Англии)», ставшая основой этой книги, была успешно защищена в диссертационном совете Института этнологии и антропологии РАН, под председательством В.А. Тишкова, и была рекомендована к печати.

Ценность этой работы заключается в рассмотрении феномена идентичности, являющегося как системой отношений, существующих и продуцирующих определенный дискурс, так и комплексом представлений, тесно связанных с понятием территориального образа. Кроме того, подобные междисциплинарные историко-антропологические исследования английской идентичности на основе собственных полевых материалов, широкого круга письменных источников на английском языке, часть из которых впервые вводится в российский научный оборот,

и актуальной методологии в России не проводились. Широта темы позволяет охватить множество актуальных сюжетов, проанализировать зарубежный опыт решения проблем, связанных с идентичностью. Исследование пополняет антропологические данные об английском, североанглийском населении и публичном дискурсе идентичности, механизмах актуализации наследия, региональном брендинге и пр. Собранные автором полевые и систематизированные опубликованные материалы позволяют несколько иначе представить роль, которую играет в общем дискурсе идентичности самосознание и самовыражение северян — с учетом персональных позиций акторов идентичности. Научная значимость исследования заключается и в постановке задачи презентации полученных знаний в практиках образования и медиа, чему в значительной мере отвечают методы визуальной антропологии.

Полученные результаты могут быть востребованы в научно-методической деятельности учреждений культуры, туризма и охраны культурного наследия, в образовательной деятельности высших и средних учебных заведений и иметь коммерческую реализацию при их внедрении в практику использования культурного наследия, индустрию туризма, разработку имиджевых проектов отдельных районов и субъектов РФ, проекты музификации и создания музейно-выставочных комплексов и передвижных экспозиций, фотовыставок, коммерческого медиапродукта.

Книга состоит из трех глав. Первая глава посвящена исследованию английскости в соотношении с британскостью, а также собственно? британскости: рассматриваются национальные, политические, гражданские аспекты идентичности, дается характеристика социокультурных и исторических обстоятельств, или контекстов, на фоне которых происходят «разговоры» об английскости. Во второй главе английскость рассматривается как этнокультурная идентичность, анализируются основные современные концепции английскости. Третья глава посвящена исследованию английскости в ее региональном и локальном аспектах — а именно североанглийскости, а также образам Севера в пределах Англии. Иными словами, главы настоящего исследования реализуют концепцию трехчленной «матрешки идентичности» англичан, включающей национальный, этнокультурный и региональный уровни.

Несмотря на амбициозность поставленных задач, возьмем на себя смелость утверждать, что в этой книге читатель сможет найти ответы на большинство вопросов об английскости и ее дискурсе, особенно касающихся Северной Англии, территории знаковой для понимания нашей, российской истории. Помимо прочего, надеемся, что наше исследование поможет всем интересующимся узнать больше о другой (может быть даже более реальной) Англии, Англии за пределами Лондона и окружающих графств.

Примечания

¹ Здесь и далее, кроме специальных упоминаний, в скобках приводятся названия на английском языке.

² См. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001. С. 21, 27.

³ Давидсон А.Б. Новые отношения бывшей метрополии с бывшими колониями. Опыт крупнейшей империи // Россия и Британия. М., 2002. С. 121.

⁴ См. Липкин М. А. Двадцать первый век по Гринвичу: Британия в поисках постимперской идентичности // Национализм в мировой истории / Под. ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М., 2007. С. 122–124.

⁵ См. один из примеров такой точки зрения: Kumar K. Nation and Empire: English and British National Identity in Comparative Perspective // Theory and Society. 2000. Vol. 29. №. 5. P. 580.

⁶ См. Липкин М.А. Двадцать первый век по Гринвичу... С. 122–124.

⁷ См.: Репина Л.П. Память и знание о прошлом в структуре идентичности // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. № 21. М., 2007. С. 5–21; Филиппова Е.И. Территории коллективной идентичности в современном французском дискурсе: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.07. М., 2010. С. 9.

⁸ См.: Colley L. Britons. Forging the Nation. 1707–1837. L., 2003; Bryant C. The Nations of Britain. Oxford, 2010; Aughey A. The Politics of Englishness. Manchester and N.-Y., 2007; Липкин М.А. Двадцать первый век по Гринвичу...

⁹ Russell D. Looking North: Northern England and the National Imagination. Manchester and N.-Y., 2004. P. 140–141.

¹⁰ Baucum I. Out of Place. Englishness, Empire and the Locations of Identity. Princeton, 1999. P. 39–40.

¹¹ См. Jewell H. The North-South Divide. The Origins of Northern Consciousness in England. Manchester, 1994.

¹² Census 2011. Office for National Statistics. Population and Household Estimates for the United Kingdom. <http://www.ons.gov.uk/ons/guide-method/census/2011/uk-census/index.html>

¹³ См. Tomaney J. The Evolution of Regionalism in England // Regional Studies. 2002. No7. Vol. 6. P. 721–732.

¹⁴ Coles M., Kirk A. EU Referendum Results and Maps: Full Breakdown and Find out how Your Area Voted // The Telegraph News. 1 July, 2016. <http://www.telegraph.co.uk/news/2016/06/23/leave-or-remain-eu-referendum-results-and-live-maps/>

¹⁵ Fernandez-Armesto F. The Times Guide to the Peoples of Europe. L., 1994. P. 42.

¹⁶ См. Филиппова Е.И. Территории коллективной идентичности ... дис. С. 22.

¹⁷ Gilroy P. Diaspora and the detours of identity // Identity and Difference. L., 1997. P. 301.

¹⁸ См. Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002.

- ¹⁹ Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. М., 2005. С. 120.
- ²⁰ См.: Кон И.С. В поисках себя. Личность и ее самосознание. М., 1984; Губогло М.Н. Идентификация идентичности: этносоциологические очерки. М., 2003; Филиппова Е.И. Территории идентичности в современной Франции. М., 2010.
- ²¹ Сам феномен в большинстве случаев рассматривается как европейский. См.: Филиппова Е.И. Территории идентичности... С. 17–42.
- ²² См.: Eriksen T. Ethnicity and nationalism. *Anthropological Perspective*. L., 1993; Эрикссон Э. Идентичность. Юность и кризис. М., 2006.
- ²³ Тишков В.А. Реквием по этносу. М., 2003. С. 60.
- ²⁴ Головнёв А.В. Дрейф этничности // УИВ. 2009. № 4(25). С. 46.
- ²⁵ Филиппова Е.И. Территории идентичности... С. 55.
- ²⁶ Репина Л.П. Память и знание... С. 8.
- ²⁷ Филиппова Е.И. Территории идентичности... С. 44.
- ²⁸ См. Семененко И.С. Идентичность в предметном поле политической науки // Идентичность как предмет политического анализа. М., 2011. С. 8–12.
- ²⁹ Подробнее о примордиализме см.: Смит Э. Национализм и модернизм. М., 2004. Ч. 7; Smith A. The Nation in History. *Historiographical Debates about Ethnicity and Nationalism*. NH, 2000; Соколовский С.В. Парадигмы этнологического сознания // *Этнографическое обозрение*. 1994. № 2. С. 3–17.
- ³⁰ Gellner E. *Culture, Identity and Politics*. Cambridge, N.-Y., 1987; Breuilly J. *Historians and the Nation // History and Historians in the Twentieth Century / P. Burke (ed.)*. Oxford, 2002. P. 55–87; Bentley M. *Modern Historiography*. L., N.-Y., 1999; Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М., 2008.
- ³¹ См. Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2000.
- ³² Hobsbaum E. *Nations and Nationalism since 1780. Programme, Myth, Reality*. Cambridge, 1990; *The Invention of Tradition / E. Hobsbaum, T. Ranger (eds.)*. Cambridge, L., N.-Y., 1984; *Mapping the Nation / G. Balakrishnan (ed.)*. L., 2012; Hechter M. *Internal Colonialism: the Celtic Fringe of the British National Development, 1536–1966*. Berkeley, 1975; Nairn T. *Faces of Nationalism*. L., 1997; Brubaker R. *Ethnicity without Groups*. Cambridge, 2004; Connor W. *Ethnonationalism*. Princeton, 1994; Касториadis К. *Воображаемое установление общества*. М., 2003 и пр.
- ³³ См. Малахов В.С. Национализм... С. 103–104.
- ³⁴ Андерсон Б. *Воображаемые сообщества...; Inventing Traditions in Nineteenth-Century Europe / E.J. Hobsbaum, T. Ranger (eds.)*. Cambridge, 1983; Калхун К. *Национализм*. М., 2006; Castells M. *The Power of Identity*. L., 2004; Camilleri C. *Strategies Identitaires*. P., 1990; Kaufmann J.-C. *L'invention de Soi*. P., 2004; Dubar C. *La Crise des Identités*. P., 2003; Нора П. *Франция — память*. СПб., 1999.
- ³⁵ Enloe C. *Bananas, Beaches and Bases: Making Feminist Sense of International Politics*. Berkeley, 1990; *Woman — Nation — State / N. Yuval-Davis, F. Anthias (eds.)*. Basingstoke, 1989; *Identity and Difference / K. Woodward (ed.)*. L., 1997.
- ³⁶ Тишков В.А. *Очерки теории и политики этничности в России*. М., 1997; Тишков В.А. *Российский народ: история и смысл национального самосознания*. М., 2013; Арутюнов С.А. *Этничность — объективная реальность // Этнографическое обозрение*. 1995. № 5. С. 7–11; Головнёв А.В. *Антропология движения*. Екатеринбург, 2009; Шнирельман В.А. *Национальные символы, эноисторические мифы и этнополитика // Теоретические проблемы исторических исследований*. М., 1999. С. 118–147; Шнирельман В.А. *Расизм, этничность и демократия: национальные модели // Политическая концептология*. 2010. №4. С. 66–85; Филиппова Е.И. *Территории идентичности; Губогло М.Н. Идентификация идентичности; Иванова Н.Л., Румянцева Т.В. Социальная идентичность: теория и практика*. М., 2009.

- ³⁷ Малахов В.С. Национализм...; Он же. Ностальгия по идентичности // Логос: философско-литературный журнал. 1999. № 3. С. 8–12; Коротеева В.В. Теории национализма в зарубежных социальных науках. М., 1999; Миллер А.О. О дискурсивной природе национализмов // Pro et Contra. 1997. Т. 2. № 4. С. 141–151; Поздняков Э.Я. Нация. Национализм. Национальные интересы. М., 1994; Дробичева Л.М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. М., 2006. С. 10–29; Солдатова Г.У. Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического анализа. М., 2006; Семененко И.С. Образы и имиджи в дискурсе национальной идентичности // Политические исследования. 2008. № 5. С. 7–19; Заковоротная М.В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты. Ростов-на-Дону, 1999; Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: Учебник для вузов. М., 2007; Гудков Л. Д. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 гг. М., 2004; Тимофеев И.Н. Проблемы страновой идентичности в зарубежной политологии // Международные процессы. 2007. № 1. С. 82–92.
- ³⁸ Репина Л.П. Память и знание...; Она же. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011; Арнаутова Ю.Е. От Мемория к «истории памяти» // Одиссей. Человек в истории. Язык Библии в нарративе. М., 2003. С. 171–172; Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.
- ³⁹ Lefebvre H. The Production of Space. Oxford, 1991; Massey D. A global Sense of Place // Place, Space and Gender / D. Massey (ed.). Minneapolis, 1994. P. 146–156; Osborne B.S. Landscapes, Memory, Monuments and Commemoration: Putting Identity in Its Place // Canadian Ethnic Studies. 2001. Vol. 33. P. 39–77; Paasi A., Zimmerbauer K. Theory and Practice of the Region: a Contextual Analysis of the Transformation of Finnish Regions // Treballs de la Societat Catalana de Geografia. 2011. Vol. 71–72. P. 163–178; Raagmaa G. Regional Identity and Social Capital in Regional Economic Development and Planning // European Planning Studies. 2002. Vol. 1. Issue 10. P. 55–76; Tuan Y.-F. Space and Place: Humanistic Perspective // Human Geography. An Essential Anthology. Oxford, 1996. P. 444–457.
- ⁴⁰ Замятин Д.Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 3. С. 26–50; Он же. Культура и пространство: Моделирование географических образов. М., 2006; Малькова В.К., Тишков В.А. Культура и пространство. Образы российских республик в интернете. М., 2009; Тишков В.А. Идентичность и культурные границы // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М., 1997. С. 15–43; Смирнягин Л. В. О региональной идентичности // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. М.; Смоленск, 2007. С. 21–49; Головнева Е.В. Региональная идентичность: теоретические аспекты изучения // Уральский исторический вестник. 2013. №2(39). С. 81–88; Бусыгина И.М. Концептуальные основы европейского регионализма // Регионы и регионализм в странах Запада и России. М., 2001. С. 7–15; Морозова Е.В. Региональная политическая культура. Краснодар, 1998.
- ⁴¹ Robbins K. Great Britain: Identities, Institutions, and the Idea of Britishness. N.Y., 1998; Ibid. «This Grubby Wreck of Old Glories»: The United Kingdom and the End of the British Empire // Journal of Contemporary History. 1980. Vol. 15. No.1. (Jan.). P. 81–95; Colley L. Britons. Forging the Nation. 1707–1837. L., 2003; Ibid. Going Native, Telling Tales: Captivity, Collaborations and Empire // Past and Present, 2000. Vol. 168. No. 1. P. 170–193.
- ⁴² Ferguson N. Empire: How Britain Made the Modern World. L., 2004; Larsen H. Foreign Policy and Discourse Analysis. L., N.-Y., 1997.

- ⁴³ Maley W. Exploding England // *British Studies Now*. 1995. № 5. Jan. P. 69–78; Dunn T. The “British” in British Studies // *British Studies Now*. 1995. № 5. Jan. P. 35–49; Davies N. The Isles: a History. L., 1999; *British Cultural Identities* / M. Storry, P. Childs (eds.). L., 2008; Snyder L. *Encyclopedia of Nationalism*. N.-Y., 1990; Brendon P. *The Decline and Fall of the British Empire, 1781-1997*. L., 2008; Skey M. *National Belonging and Everyday Life. The Significance of Nationhood in an Uncertain World*. L., 2011.
- ⁴⁴ Cannadine D. *Ornamentalism: How the British Saw their Empire*. Oxford, 2002.
- ⁴⁵ Kearney H. *The British Isles: A History of Four Nations*. Cambridge, 1989; Bryant C. *The Nations of Britain*. Oxford, 2010; Walton J.K. *Blackpool and the Varieties of Britishness // Relocating Britishness*. Manchester, 2004.
- ⁴⁶ Chapman M. *The Celts. The Construction of a Myth*. N.Y., 1992; Collis J. *Celts and politics // Cultural Identity and Archaeology: The construction of European communities* / P. Graves-Brown, S. Jones, C. Gamble (eds.). L., N.-Y., 1996. P. 167–78; Thomas H.M. *The English and the Normans: Ethnic Hostility, Assimilation and National Identity*. Oxford, 2005 и др.
- ⁴⁷ Samuel R. (ed.) *Patriotism: the Making and Unmaking of British National Identity*. L., N.-Y., 1989.
- ⁴⁸ Enloe C. *Bananas, Beaches and Bases...*
- ⁴⁹ *Britishness: Perspectives on the British Question* / A. Gamble, T. Wright (eds). Oxford, 2009.
- ⁵⁰ Ware V. *Who Cares about Britishness? A Global View of the National Identity Debate*. L., 2007; *Being British. The Search for the Values that Bind the Nation* / M. D’Ancona (ed.). Edinburgh, 2009.
- ⁵¹ Keating M. *The New Regionalism in Western Europe. Territorial Restructuring and Political Change*. L., Pub, 2000; Trench A. *The Dynamics of Devolution: The State of the Nations*. L., 2005; Curtice J., Seyd B. *Has Devolution Worked?* Manchester, 2009; Bechhofer F., McCrone D. *National Identity, Nationalism and Constitutional Change*. L., 2009.
- ⁵² См. Nairn T. *Faces of nationalism*. L., 1997.
- ⁵³ Wurms C. *Britain and European Integration // Contemporary European History* (Cambridge). 1998. Vol. 7. No 2. P. 245–267; Gamble A. *Between Europe and America. The Future of British Politics*. N.-Y., 2003; Marquand D. *After Whig Imperialism: Can There be a New British Identity?* // *New Community*. 1995. Vol. 21. Issue 2. P. 183–193; Sampson A. *Who Runs This Place? The Anatomy of Britain in the 21st Century*. L., 2004; Bryant C. *The Nations of Britain; Britain for and against Europe: British politics and the question of European integration* / D. Baker, D. Seawright (eds.). Oxford, 1998.
- ⁵⁴ Rasmussen J. *Britain: Aloof and Skeptical // The European Union and the Member States: Cooperation, Coordination and Compromise* / E.E. Zeff, E.B. Pirro (eds.). Boulder, 2001. P. 145–174.
- ⁵⁵ *Migration and European Integration* / R. Miles, D. Thranhardt (eds.). L., 1995; Malik K. *Strange Fruit: Why Both Sides are Wrong in the Race Debate*. L., 2009; Ibid. *Multiculturalism and Its Discontents: Rethinking Diversity After 9/11*. L., 2014; Alibhai-Brown Y. *True Colours: Attitudes to Multiculturalism and the Role of the Government*. L., 1999; Parekh B. *The Future of Multi-Ethnic Britain: Report of the Commission on the Future of Multi-Ethnic Britain*. L., 2000; Pilkington A. *Racial Disadvantage and Ethnic Diversity in Britain*. L., 2003; West P. *The Poverty of Multiculturalism*. L., 2005; *Ethnic Diversity and Public Policy. A Comparative Inquiry* / C. Young (ed.). L., 1998.
- ⁵⁶ *Racism and Migration in Western Europe* / J. Wrench, J. Solomos (eds). Oxford, 1993.
- ⁵⁷ *The Politics of Multiculturalism in the New Europe* / T. Modood, P. Werbner (eds.). L., 1997; Modood T., Salt J. *Global Migraton, Ethnicity and Britishness*. L., 2011; Modood T. *Multiculturalism*. L., 2013.

- ⁵⁸ Wiener M. *English Culture and the Decline of the Industrial Spirit, 1850–1980*. Cambridge, 2004; Wright P. *On Living in an Old Country*. L., 1985.
- ⁵⁹ Elton G. *The English*. Oxford, 1999.
- ⁶⁰ Baucom I. *Out of Place. Englishness, Empire and the Locations of Identity*. Princeton, 1999.
- ⁶¹ Colls R. *Identity of England*. Oxford, 2002.
- ⁶² Wright P. *Little England* // *London Review of Books*. 2006. Vol. 28. No. 17 (Sep.). P. 19–22.
- ⁶³ Aughey A. *The Politics of Englishness*; Bryant C. *The Nations of Britain...*
- ⁶⁴ *Imagined Nation: England after Britain* / M. Perryman (ed.). L., 2008.
- ⁶⁵ Mandler P. *The Consciousness of Modernity? Liberalism and the English “National Character”* // *Meaning of Modernity*. Oxford, 2001. P. 119–144; Matless D. *Landscape and English Identity*. L., 1998; Berberich C. *The Image of the English Gentleman in Twentieth-Century Literature: Englishness and Nostalgia*. L., 2007.
- ⁶⁶ *The Cambridge Companion to Modern British Culture* / M. Higgins, C. Smith, J. Storey (eds.) Cambridge, 2010; Storey J. *Cultural Studies and the Studies of Popular Culture*. Edinburgh, 2010; Edensor T. *National Identity, Popular Culture and Everyday Life*. Oxford, N.-Y., 2002; Christopher D. *British Culture. An Introduction*. L., N.-Y., 1999.
- ⁶⁷ Keegan-Phipps S., Winter T. *Performing Englishness: Identity and Politics in a Contemporary Folk Resurgence*. Manchester, 2013.
- ⁶⁸ Fox K. *Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour*. L., 2005. См. также: Фокс К. *Наблюдая за англичанами. Скрытые правила поведения*. М., 2011.
- ⁶⁹ Paxman J. *The English. A Portrait of a People*. L., 1998; Aitch I. *We’re British, Innit: An Irreverent A to Z of All Things British*. L., 2010; Kingsnorth P. *Real England: The Battle Against the Bland*. L., 2008; Bingham H. *This Little Britain. How One Small Country Built the Modern World*. L., 2009; Irwin C. *In Search of Albion: From Cornwall to Cumbria: A Ride through England’s Hidden Soul*. L., 2006; Marr A. *The Making of Modern Britain. From Queen Victoria to VE Day*. L., 2009 и др.
- ⁷⁰ См. Jewell H. *The North-South Divide...* P. vii.
- ⁷¹ Макоуни С. *Гонор и предубеждение...*; Maconie S. *Adventures on the High Teas: In Search of Middle England*. L., 2010; Ibid. *Cider With Roadies*. L., 2005; Ibid. *Pies and Prejudice: In Search of the North*. L., 2008; Armitage S. *All Points North*. L., 2009; Holder J. *It’s Not Grim Up North*. L., 2005; Wainwright M. *True North. In Praise of England’s Better Half*. L., 2010.
- ⁷² Russell D. *Looking North...*; Ibid. *Selling Bradford: Tourism and Northern Image in the Late Twentieth Century* // *Contemporary British History*. 2003. No2. Vol.17. P. 49–68; Ehland Ch. *Thinking Northern: Textures of Identity in the North of England*. Amsterdam, N.-Y., 2007.
- ⁷³ Nevin Ch. *Lanchashire, Where Women Die of Love*. L., Edinburgh, 2006; Owens A. *Yorkshire Stories of the Supernatural*. Newbury, Berkshire, 1999; Whitehead C. *Local Haunts. Pub Ghosts of Oldham & Saddleworth*. Oldham, 2006 и др.
- ⁷⁴ Wiener M. *English Culture and the Decline of the Industrial Spirit, 1850–1980*. Cambridge, 2004; Joyce P. *Visions of the People. Industrial England and the Question of Class, 1848–1914*. Cambridge, 1991; Jones O. *Chavs: The Demonization of the Working Class*. L., 2012; Wagg S. *Because I tell a Joke or Two: Comedy, Politics and Social Difference*. L., 1998 и др.
- ⁷⁵ Dellheim C. *Imagining England: Victorian Views of the North* // *Northern History*. 1980. Vol. 22. P. 216–230; Musgrove F. *The North of England. A History from Roman Times to the Present*. Oxford, 1990; Jewell H. *The North-South Divide...*; Colls R. *Identity of England...*
- ⁷⁶ *Issues of Regional Identity* / E. Royle (ed.). Manchester, N.-Y., 1998.

⁷⁷ Russell D. *Football and the English*. Preston, 1997; Back L., Crabbe T., Solomos J. *The Changing Face of Football. Racism, Identity and Multiculture in the English Game*. Oxford, N.-Y., 2001; Conn D. *The Beautiful Game? Searching for the Soul of Football: Searching the Soul of Football*. L., 2005; Holt R. *Sport and the British. A Modern History*. Oxford, N.-Y., 1989; Carrington B., McDonald I. "Race", Sport and British Society. L., 2001; Fletcher T. *The Making of English Cricket Cultures: Empire, Globalization and (Post)colonialism // Sport in Society*. 2011. Vol. 14: 1. P. 17–36; Fletcher T. *All Yorkshiremen are from Yorkshire, but Some are More "Yorkshire" than Others: British Asians and the Myths of Yorkshire Cricket // Sport in Society: Cultures, Commerce, Media, Politics*. 2012. Vol. 15:2. P. 227–245 и др.

⁷⁸ См., например: Russell D. *Looking North...* P. 236–266.

⁷⁹ *Cricket and National Identity in Postcolonial Age: Following On / S. Wagg (ed.)*. L.: Routledge, 2008; Wagg S. *British Football and Social Exclusion*. L., 2002; *Sporting Heroes of the North / D. Russell, S. Wagg (eds.)*. Newcastle, 2010; Goulstone J. *The Working-Class Origins of Modern Football // International Journal of the History of Sport*. 2000. Vol. 17. Issue 1. P. 135–143; Holt R. *Football and Regional Identity in the North of England: the Legend of Jackie Milburn // Football and Regional Identity in Europe*. Munster, 1997. P. 49–66; *Sport and Identity in the North of England / J. Hill, J. Williams (eds.)*. Keele, 1996; Mosey D. *A Story of Yorkshire Cricket: We Don't Play It For Fun*. L., 1988.

⁸⁰ *Fanatics! Power, Identity and Fandom In Football / A. Brown (ed.)*. L., 1998; *Manchester United: A Thematic Study / D. Andrews (ed.)*. L., 2004; *Manchester United, Global Capitalism and Local Resistance // Belgeo*. 2008. Vol. 2. P. 181–191 и др.

⁸¹ Trudgill P. *The Dialects of England*. Cambridge, 1990; Griffiths B. *North East Dialect: The Texts*. Newcastle, 2000; Kellet A. *The Yorkshire Dictionary of Dialect Tradition and Folklore*. Otley, 1994 и др.

⁸² См.: Waller P.J. *Democracy and Dialect, Speech and Class // Politics and Social Change in Modern Britain*. Brighton, 1987. P. 1–33; Griffiths B. *Fishing and Folk: Life and Dialect on the North Sea Coast*. Newcastle, 2008; *What's in a Name. Street Names of Sunderland*. Sunderland, 2010 и др.

⁸³ Fowler D. *Youth Culture in Modern Britain, 1920–1970: From Ivory Tower to Global Movement — A New History*. L., 2008; Cooper L.E., Lee B. *The Pendulum of Cultural Imperialism: Popular Music Interchanges Between the United States and Britain // Journal of Popular Culture*. 1993. Vol. 27. Issue 3. P. 61–78; Shuker R. *Popular Music: the Key Concepts*. L., 2002; Harry B. *The British Invasion: How The Beatles and Other UK Band Conquered America*. N.-Y., 2004; Haslam D. *Manchester, England. The Story of the Pop Cult City*. L., 2000; Champion S. *And God Created Manchester*. Manchester, 1990; Buckland T. *Black Faces, Garlands, and Coconuts: Exotic Dances on Street and Stage // Dance Research Journal*. 1990. No 22 (2). P. 1–12; Russell D. *Music and Northern Identity, c.1890–1965 // Northern Identities. Historical Interpretations of "The North" and "Northerness"*. Aldershot, 2000. P. 23–46.

⁸⁴ Douglass D.J. *Ghost Dancers. The Miners' Last Generation*. L., 2010.

⁸⁵ См.: Kumar K. "Britishness" and "Englishness": What prospect for a European Identity in Britain today? // *British Studies Now*. 1995. Anthology Issues 1–5. P. 5–22; *Ibid.* *Nation and Empire: English and British National Identity in Comparative Perspective // Theory and Society*. 2000. Vol. 29. №. 5. Oct. 2000. P. 575–608; Barczewski S. *Myth and National Identity in Nineteenth-Century Britain: The Legends of King Arthur and Robin Hood*. Oxford, 2000.

⁸⁶ См.: Calhoun C. *Nationalism and Ethnicity // Annual Review of Sociology*. 1993. Vol. 19. 1993. P. 211–239; Калхун К. *Национализм*. М., 2006.

- ⁸⁷ Schuch E. Changing Englishness: In Search of National Identity // *Information Sciences (Informacijos Mokslai)*. 2008. Vol. 45. P. 52–59.
- ⁸⁸ См. Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М., 2008. С. 31–91.
- ⁸⁹ Blanchard K. *The Anthropology of Sport: An Introduction*. Westport, Conn, 1995; Guttman A. *Games and Empires. Modern Sports and Cultural Imperialism*. N.-Y., 1994; Морган У. Философия спорта: Исторический и концептуальный обзор и оценка будущего // *Логос: Литературно-философский журнал*. 2006. № 3 (54). С. 147–159; Merkel U., Tokarski W. Racism and Xenophobia in European Football. Aachen, 1996.
- ⁹⁰ Milza P. *L'Europe en Chemise Noire: Les Extremes Droites en Europe de 1945 'à Aujourd'hui*. Fayard, 2002; Mudde C. *The Ideology of Extreme Rights*. Manchester, 2002; Hilliard R., Keith M. *Waves of Rancor: Tuning in the Radical Right*. N.-Y., Armonk, 1999; Betz H.-G. *Radical Right-Wing Populism in Western Europe*. N.-Y., 1994.
- ⁹¹ Липкин М.А. Двадцать первый век по Гринвичу...; Громько А.А. Великобритания: после захода солнца // *Россия в глобальной политике*. 2005. №6. http://www.ieras.ru/gromyko_ar16.htm; Чиняева Е.В. Крах Британской империи: крах имперского сознания? // *Континент*. 30 ноября — 13 декабря, 2000. №23 (36).
- ⁹² См., например: Давидсон А.Б. Новые отношения бывшей метрополи... .
- ⁹³ Апрыщенко В.Ю. В поисках национальной идентичности: «внезапная смерть шотландской истории» // *Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики*. М., 2006. С. 28–41; Коданева С.И. Британский регионализм: конституционная реформа. М., 2004; Шевцов П.А. Великобритания в Европейском Союзе: специфика подхода к современным проблемам Европейского строительства (политический аспект): дис. ... канд. политических наук. М., 2002; Елинский В.И. Единая Европа: идея и реальность. Концепции культурной идентичности. М., 1997; Турищева Г.С. Проблема британской идентичности в контексте интеграции Великобритании в европейские сообщества и ЕС (1970–1990-е гг. XX в.): идеи М. Тэтчер и Дж. Мейджора: дис. ... кандидата культурологии: 24.00.01. М., 2011; Липкин М.А. Британия в поисках Европы: долгий путь в ЕЭС (1957–1974 гг.). Спб., 2009.
- ⁹⁴ Шавалеева Э.Н. Государственные реформы правительства Э. Блэра (1997–2006 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Уфа, 2006; Анкудинова Е.В. Особенности политического процесса в Великобритании: традиции и современность // *Актуальные проблемы политологии*. М., 2001. С. 119–123; Остапенко Г.С. Актуальные проблемы общественно-политической жизни Великобритании во второй половине 20 в. М., 2002.
- ⁹⁵ Ефимова Н.Н. Онтологизация концепта «риск» в английской фразеологии: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Иркутск, 2000; Дорошевич А.Н. Полвека британского кино: очерки. М., 2008; Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.
- ⁹⁶ См.: Антонова В.К. Великобритания обречена на мультикультурализм или мультикультурализм в Великобритании обречен? // *Журнал исследований социальной политики*. 2003. Т. 1. №2. С. 213–230; Малахов В.С. Понаехали тут: очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. М., 2007; Мамонова В.А. Мультикультурализм: разнообразие и множество // *Теоретический журнал «Credo»*. 2007. № 2. С. 169–172; Андреева Т. Основные направления иммиграционной политики Великобритании и ЕС // *Мировая экономика и международные отношения*. 2001. №9. С. 100–113; Кондратьева Т.С. Великобритания: Дискуссия по проблемам иммиграции // *Западная Европа перед вызовом иммиграции: сборник научных трудов*. М., 2005. С. 88–114; Понамарева А. Мусульмане Европы: прогрессирующий фактор страха // *Индекс безопасности*. 2007. №3. С. 61–79.

⁹⁷ Толкачев С.П. Мультикультурный контекст современного английского романа: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.03. М., 2003; Петросова Е.Г. Концепция «английскости» в современном постмодернистском романе (Г. Свифт, П. Акройд): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. М., 2005.

⁹⁸ Барыгин И.Н. Социальная база движения крайне правых в Западной Европе. СПб., 1990; Малахов В.С. Скромное обаяние расизма. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001; Он же. Национализм как политическая идеология...

⁹⁹ Абдулкаримов С.А. Спорт и культурная идентичность в обществе: история и современность // Этнографическое обозрение. 2004. №5. С. 87–94; Абдулкаримов С.А. Спорт в культурно-исторической ретроспективе: между сакральным и профанным // Этнографическое обозрение. 2007. № 4. С. 160–169; Золотухин И.Н. Чемпионаты мира по футболу в геополитическом измерении // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2009. № 4. С. 95–111; Кобрин К. Fair Play: Невилл, Оруэлл, Зидан // Новое литературное обозрение. 2006. №.4. С. 260–263; Лубышева Л.И. Социология физической культуры и спорта. М., 2001; Кудрин С.А. Метафорика спортивного дискурса: «футбол — война» // Вопросы филологии. 2010. №2(35). С. 127–131.

¹⁰⁰ Павловская А.В. Англия и англичане. М., 2005; Павловская А. Как иметь дело с англичанами. М., 2006; Филиппова М.М. Английский национальный характер. М., 2007; Атарова К. Англия, моя Англия. М., 2008.

¹⁰¹ Любимов М. Гуляния с Чеширским котом: мемуар-эссе об английской душе. СПб., 2010; Налбандян З. Чаепитие у королевы: в начале XXI века в Британии. М., 2007; Григорьева Л. Англия — страна Советов. М., 2008; Батлер О. Моя маленькая Британия. СПб., 2011; Фрир О. УК для начинающих. М., 2007; Озеров М. Звезды Альбиона. М., 2002; Казнина О. Русские в Англии. М., 1997; Давыдова-Харвуд Е. Английская свадьба. М., 2010.

¹⁰² См.: Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 8–27; Смит Э.Д. Национализм и историки // Нации и национализм. М., 2002. С. 236–263; Федотова Л.Н. Элита и масса в общественном мнении: проблема социальной элиты // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1994. №6. С. 7–18; Тишков В. А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М., 2013.

¹⁰³ Головнёв А.В. Дрейф этничности // Уральский исторический вестник. 2009. № 4(25). С. 46–55.

¹⁰⁴ Головнёв А.В. Антропология движения. Екатеринбург, 2009.

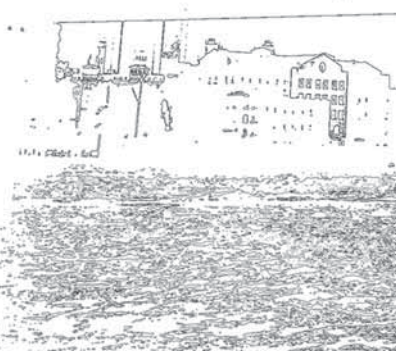
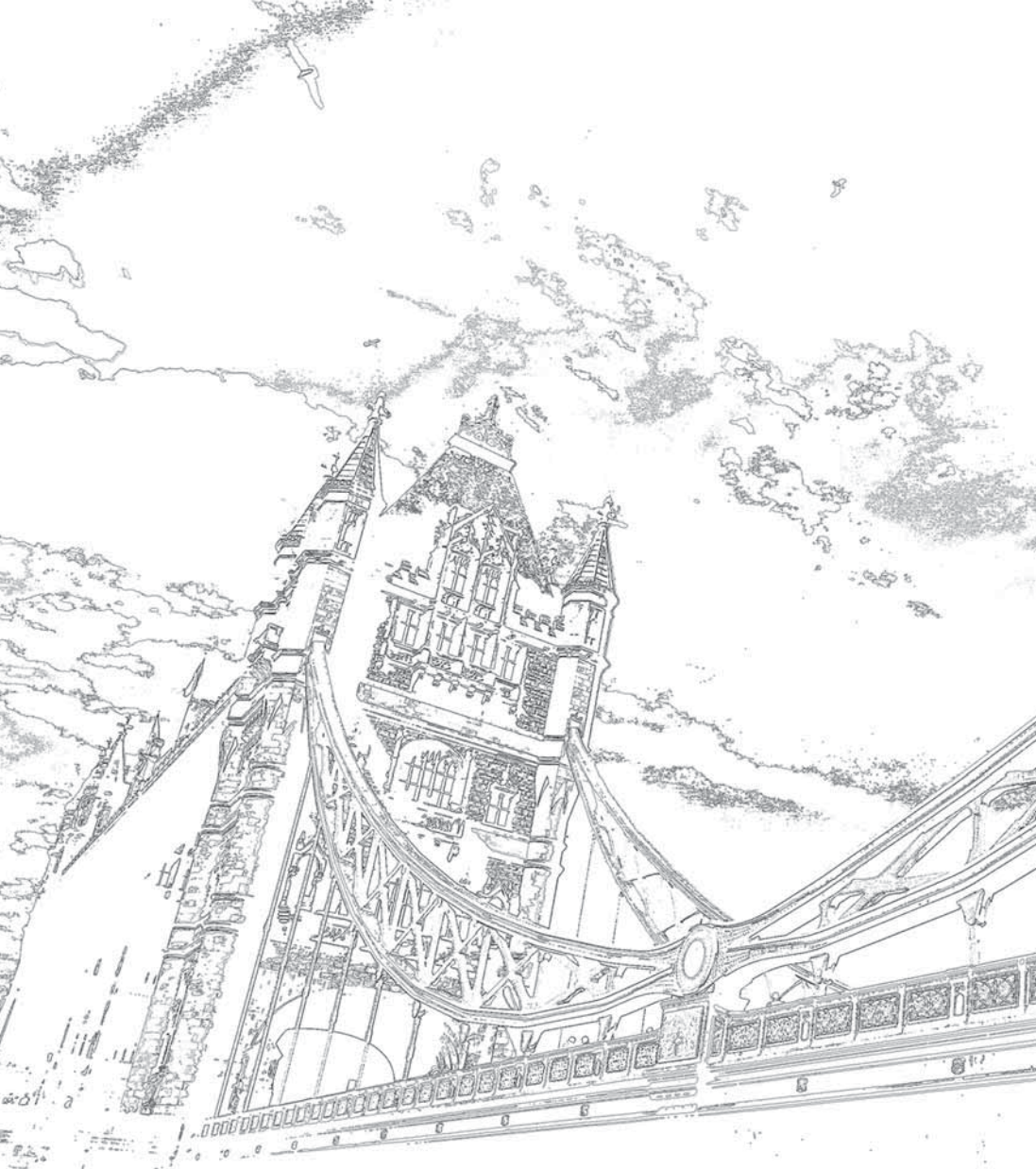
¹⁰⁵ Мы используем данный термин, введенный М. Барресом для обозначения доминирующей этнической группы, на основе языка и культуры которой развиваются и функционируют государственные и общественные институты, по отношению к англичанам с некоторыми оговорками (поэтому в кавычках): доминирование англичан — явление во многом историческое и не учитывает присутствия «шотландского фактора». Тем не менее термин представляется удобным в качестве обозначения современного положения англичан в культурном и политическом смысле. Об определении Барреса см.: Sternhell Z. Maurice Barrès et le Nationalisme Français. Bruxelles, 1985.

¹⁰⁶ См. Замятин Д.Н. Культура и пространство. М., 2006.

¹⁰⁷ См. Веренич О.В. Туристский имидж России // Материалы I Всероссийской научно-практической конференции «Инновационные процессы в развитии социально-культурного сервиса и туризма в современном мире». Кемерово, 2011. С. 96–99.

¹⁰⁸ Shields R. Places on the Margin. Alternative Geographies of Modernity. L.: Routledge, 1991.

- ¹⁰⁹ См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995; Бурдьё П. Социология социального пространства. М., 2007.
- ¹¹⁰ См. Назарчук А.В. Теория коммуникации в современной философии. М., 2009.
- ¹¹¹ См.: Головнева Е.В. Региональная идентичность: теоретические аспекты изучения // Уральский исторический вестник. 2013. №2(39). С. 81–88; Issues of Regional Identity / E. Royle (ed.). Manchester, N.-Y., 1998.
- ¹¹² Подробнее о методах полевой работы этнографа см., например: Козьмин В.А. Полевая этнография. <http://refdb.ru/look/2515819-pall.html>; Пименов В.В., Филиппов В.Р. Массовые этнологические исследования. М., 1995.
- ¹¹³ Именно из-за этой особенности англичан важным источником для нас является публицистическая, академическая и прочая литература, кинематограф и т. д. См.: Фокс К. Наблюдая за англичанами... С. 24–26.
- ¹¹⁴ Еще Оруэлл писал: «Самые живые и природные центры культуры, вокруг которых собирается все (естественно, не официально): паб, футбольный матч, придомовой сад, камин и стол с чашкой чая». См.: Orwell G. The Lions and the Unicorn. L., 1941. P.13–14.
- ¹¹⁵ Головнёв А. В. Антропология плюс кино // Культура и искусство. 2011. № 1(1). С. 83–91; Александров Е.В. Опыт рассмотрения теоретических и методологических проблем визуальной антропологии. М., 2003; Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность. Саратов, 2007; Heider K.G. Seeing Anthropology. Boston, 2001. См. также: Караваева (Федорова) Д.Н. Этнография и визуальная антропология (фотография): перспективы, возможности (на материалах исследования современной идентичности англичан Северной Англии в Великобритании) // Науки о культуре в перспективе «digital humanities»: Материалы Международной конференции 3–5 октября 2013 г., Санкт-Петербург. СПб., 2013. С. 478–484.
- ¹¹⁶ Vaugan J. The English Guidebook с. 1780–1870. Newton Abbot, 1974.
- ¹¹⁷ Davidson R. The Trip Trap // Guardian. 2001, 4 August. P. 2.
- ¹¹⁸ Colls R. Identity of England... P. 265.
- ¹¹⁹ Ibid. P. 266.
- ¹²⁰ См. также: Russell D. Looking North... P. 47.
- ¹²¹ Corrigan P. Film Entertainment as Ideology and Pleasure // British Cinema History. L., 1983. P. 30; Crissel A. An Introductory History of British Broadcasting. L., 1997. P. 120; Marwick A. British Society since 1945. L., 1982. P. 121.
- ¹²² Christopher D. British Culture... P. 105.

The background of the page is a detailed architectural drawing. The upper portion shows a perspective view of a bridge with a complex truss structure, supported by tall, slender towers. Below the bridge, a cityscape is visible, featuring various buildings, streets, and a waterfront area with what appears to be a harbor or dock. The drawing is rendered in a fine-line, etched style with some stippled shading for texture and depth.

Глава 1

Britishness,
или Факторы и акторы
дискурса англо-британской
идентичности

Поговорим об английскости как идентичности «титულიной нации», развивающейся под знаком формулы *Englishness versus Britishness*, а также кратко о собственно британскости. Дискурс английскости как части британскости трудно назвать структурированным: разнообразие мнений создает своего рода какофонию. И все же можно выделить несколько направлений, обозначающих его основные факторы: 1) имперская идея и «высокая» политика; 2) иммиграция, ислам и мультикультурализм; 3) политический экстремизм; 4) национальное брендинг, деволуция и евроинтеграция; 5) традиция. Акторами этого преимущественно политического дискурса выступают политические элиты и все те, кто говорит и действует от их лица.

Распад империи в середине XX в. спровоцировал в Британии диверсификацию прежде «англизированного» понятия британской идентичности, начавшей дробиться на английскую, шотландскую, валлийскую и ирландскую. По экспертным оценкам, Великобритания подвергается испытанию деволуцией, поддерживаемой усилением роли регионов в ЕС.¹ Символы, объединявшие жителей страны, утратили действенность. Для Британии не прошло бесследно и уменьшение конфронтации с «Востоком» во время холодной войны, обеспечивавшей устойчивость идентичности.² Лейбористские правительства Э. Блэра в 1997 г. и в некоторой степени Г. Брауна в 2007 г. инициировали кампании по пересмотру британскости во имя «создания» единой национальной идеи, общности, способной объединить «коренных» британцев и британцев — выходцев из других стран. Несмотря на некоторые успехи, авторы склоняются к тому, что обновленная политика мультикультурализма лишь усугубила проблемы дезинтеграции.³

Несмотря на все эти процессы, сердцем Великобритании остается Англия и англичане составляют доминирующую нацию,⁴ однако именно последние в силу своего главенствующего положения во времена империи (и необходимости нивелировать свои «этнические» особенности) больше всего страдают от кризиса идентичности. Как считает А. Боком, название «Англия», ассоциировавшееся прежде с империей и метрополией, стало обозначать территорию, более не существующую.⁵

Современная манера в общественно-политическом дискурсе заменять понятие «английский» на «британский» (ущемляющая

чувство достоинства бывших участников «внутреннего колониализма»⁶ — Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии и «внешнего» — Индии, стран Карибских островов и др.) вызывает бурные дискуссии и часто рассматривается как фикция. К. Фокс в этой связи пишет, что Англия — это «отдельная страна со своей культурой и характером», а Великобритания — «чисто политическое объединение, состоящее из нескольких стран, каждая из которых обладает собственной культурой»; что британскость — «термин бессмысленный: люди, оперирующие им, почти всегда на самом деле ведут речь об английском традиционализме, а вовсе не подразумевают, что тот или иной человек до мозга костей валлиец или шотландец».⁷ В то же самое время В. Уор считает: «Британия — сложная страна, сгусток аномалий, ошибок и недоразумений. У нее есть армия, но нет футбольной команды. У нее есть гимн, флаг и королева, но нет святого-покровителя и нет даты принятия конституции... Население страны стареет, дети несчастны, и ее лидеры высмеиваются СМИ... Страна, однажды создавшая империю, сегодня отчаянно пытается найти себе роль в новом и одновременно старом глобальном порядке, мечется меж противоборствующих лагерей Европы и Америки... Нечто, называемое *Britishness*, — возможный ответ на многие из вопросов».⁸

§ 1.1. *De-Pax Britannica*,⁹ или Империя и идентичность

Процесс усвоения и принятия различных исторических символов является базовой составляющей идентичности. Постимперское переходное общество в поисках новой идентичности продуцирует меморационные конструкции, структурирует и оценивает настоящее через прошлое.¹⁰ Многие из современных проблем британского общества, как считает А.А. Громыко («кризис постимперской идентичности», «постимперский синдром»), уходят корнями в потерю статуса супердержавы.¹¹ Понятия «кризиса» и «синдрома» применительно к данному периоду и региону прочно вошли в обиход исследователей.¹² К. Вудвард считает, что они приобрели популярность с подачи медиа из-за своей броскости и кризис на самом же деле означает появление новых возможностей, обновление, актуализацию дискуссий об идентичности.¹³

Один из наиболее авторитетных сегодня историков британскости Л. Коллей считает, что только с середины XIX в., времени начала правления королевы Виктории и расцвета империи, можно вести речь о выраженной британской идентичности, а основными факторами формирования «нации» стали протестантизм, имперская торговля, война и военная служба, перекрестные браки между владельцами земель Ирландии, Уэльса, Шотландии и Англии, монархия. Коллей рассуждает о конституирующей для «гражданской общности» британцев роли Другого — католической Испании и Франции, Франции времен революции, колонизированных империей территорий.¹⁴ Чувство связи с французами, по ее мнению, является особой частью идентичности (основные катализаторы — Столетняя война с Францией (1337–1453), Десятилетняя война (1689–1697), войны с Наполеоном).¹⁵

П. Хитченс также указывает на факт конструирования британскости и английскости во времена империи, подчеркивает значение империи для дискурса современных форм этих идентичностей.¹⁶ Правда, Дж. Макензи, например, считает, что империализм может считаться частью идентичности британцев только применительно к периоду 1870-х гг., Первой и Второй мировых войн и 1960-х гг.¹⁷

Современным «историографическим мифом» считается утверждение, что во времена империи произошло окончательное закрепление противоречий между англичанами и шотландцами, валлийцами, ирландцами, в чем англичане и «английский национализм» сыграли решающую роль.¹⁸ В 1990-е гг. это привело к негласному вето на англоцентризм в истории и культуре. Данное направление, особенно популярное в неанглийской среде, получило условное название ревизионистского. М. Сторри из Шотландии, к примеру, полагает, что Соединенное Королевство представляет собой Англию с другими странами, которые были присоединены к ней в «добровольно-принудительном» порядке, подобно союзным республикам в составе СССР.¹⁹

Исследователи, в частности Т. Нейрн, ища истоки современного равнодушия англичан к собственной идентичности, пишут о том, что национализм связан с мобилизацией мифа о «народе» и Славная революция 1688 г. привела к установлению суверенитета парламента над короной, но не суверенитета

народа. Это повернуло развитие национального самосознания в другую сторону — не в сторону республиканской апологии «мы — народ» и размышлений на тему «что за народ мы».²⁰ К. Кумар считает, что «правящие власти» Англии и Шотландии еще в XVII в. решили ограничить поползновения англичан как «наиболее зажиточной, многочисленной и могущественной группы населения Британии» и создать вместо этого «лояльность по отношению к институтам, а не народу. Таким образом, британцы и Британия стали идентифицировать себя с короной, парламентом, протестантизмом и с раскинувшейся по миру Британской империей».²¹

Во времена империи англичане имели общее представление о том, что значит быть англичанином — то есть британцем. Шотландцы, валлийцы и ирландцы вынуждены были идентифицировать себя исходя из противопоставления доминирующей группе, поэтому сегодня они без усилий отказываются от британской идентичности в пользу этнического национализма, тогда как для англичан этот разрыв болезнен. В отсутствие подобного *Другого* англичане вынуждены идентифицировать себя в региональном контексте, и идентичности Северо-Востока, Йоркшира, Северо-Запада, Корнуолла и Лондона — наиболее яркие примеры. А также, как пишут Дж. Куртис и Э. Хэт, жители Англии почти в два раза чаще считают себя британцами, чем англичанами.²²

Исследуя проблему идентичности в контексте империи, авторы все чаще сегодня стремятся отойти от какого-либо этноцентризма. Х. Керни рассматривал историческую общность четырех равных по своему вкладу в становление британской идентичности наций (англичане, шотландцы, валлийцы, ирландцы).²³ К. Вудвард пишет, что официальным «началом» британскости считается акт 1707 г., однако британскость того времени была смешением валлийскости, шотландскости, английскости, которые в свою очередь были разделены на различные локальные идентичности (по принадлежности к деревне, городу, семье, ландшафтам и пр.). Британскость, по мнению исследовательницы, развилась вокруг пяти столпов: островная география, религия протестантизма и католицизма, различные войны XVII–XX вв., империя, коммерция, монархия. Действующие силы — этнические элиты коренных

народов Британии, консолидирующиеся под действием факторов экономического и политического успеха империи, развития земельных отношений. Английские аристократы интенсивно приобретали шотландские и валлийские поместья, и наоборот, шотландская и валлийская элита роднилась с элитой английской. В конце концов экономическое и культурное доминирование англичан привело к тому, что шотландские и ирландские джентри вынуждены были искать возможности в пределах всей империи, создавая в заморских землях новый тип идентичности — имперский.²⁴

Исследователи часто склоняются к тому, что определенные классы сыграли решающую роль в становлении британскости. Носителями имперского энтузиазма, по мнению П. Варда, были выходцы из среднего класса, которые, с одной стороны, не входили в зону классовой лояльности высшего общества, а с другой — сознательно не инкорпорировались в организации рабочего класса, обращаясь к риторике коллективности, «национальности» империи. Аристократы не слишком нуждались в империи и имперских войнах, так как имели достаточно, а необразованный рабочий класс интересовался в основном насущными материальными нуждами, вполне удовлетворяясь своей жизнью в рамках общины.²⁵

Н. Фергюсон и отдельные представители оксфордской исторической школы тяготеют к рассмотрению империи как идеальной системы, в которой гражданская нация сформировалась и процветала под началом англичан.²⁶ Часть исследователей, пытаясь показать историческую обоснованность англоцентризма, пишут о том, что основными создателями империи стали шотландцы и что империя была в большей степени британской, нежели английской. Например, в колониальных поселениях процентное соотношение народов было более сбалансированным, чем в метрополии (если в Британии в 1901 г. шотландское население составляло 10 %, то в Австралии — 15 %, в Новой Зеландии — 23 %), руководящие посты нередко занимали шотландцы и т. д.²⁷ В имперской Индии празднование дня шотландского святого Эндрю было главным культурным событием, и, таким образом, удовлетворялись и шотландский, и имперский (англо-британский) патриотизм.²⁸ Дж. Паксман даже шутит, что с Британией и империей связано столько валлийских

и шотландских амбиций, что в этих регионах «не так много националистических движений, которые шли бы дальше лозунга “Мы ненавидим англичан”».²⁹

По Д. Кэннадайну, империя сама по себе ничего не значила бы для британскости без института монархии.³⁰ Исследователь пишет, что созданная в пространстве империи сеть масс-медиа позволила поднять престиж монархии, сплотить вокруг нее население. Организация и освещение в СМИ различных пышных юбилеев, коронаций и прочих королевских (позиционировавшихся как собственно имперских) празднеств с течением времени все больше ставили монархию в центр идентичности всех британцев.³¹ Играли роль даже такие вещи, как платье Елизаветы II во время коронации 1953 г., где были изображены эмблемы доминионов, войска содружества; там же присутствовали премьер-министры доминионов и Индии, а также главы колониальных протекторатов.³² Как отмечает Р. Самюэль, вся внешняя имперская символика являлась отражением внутренней ориентации на английскую монархическую — в архитектуре, монетах, печатях, почтовых конвертах и пр., так же как и в сочетании символических мест и территорий, зданий, изображений, статуй, обрядов и обычаев.³³

П. Вард обращает внимание, что не только празднества сплотили британцев, но и особый институт благотворительности: члены королевской семьи с конца XIX в. все чаще стали «выходить в народ» и по-особенному поощрять благотворителей, вообще людей, проявивших себя в чем-либо. Исследователь приводит в пример письма королевы Александры Датской во время Второй мировой войны в знак признательности тем, кто пожертвовал деньги фонду ее мужа по оказанию помощи слепым солдатам: людей переполняла гордость за родину, ощущение величия монархов и значимости собственного вклада в развитие страны. Такого рода «физические контакты» способствовали формированию патриотизма, желания защищать королевскую семью во всех владениях империи.³⁴ Особенно много, безусловно, сделала для этого королева Виктория — незаурядная личность, ставшая символом империи, процветания и могущества Великобритании. Королева, как отмечает Вард, впервые за историю монархии сумела соединить публичное и приватное, управление, замужество и материнство (9 детей). Именно с этих пор

о ней стали говорить не только как о правительнице, но и женщине, матери, а о королевской семье как о чем-то не только величественном, но и светлом, близком каждому британцу. Также королева сыграла прямую роль в формировании новых идеалов английской, британской женскости: женщина — добропорядочная мать семейства, хранительница очага, благотворительница, активный общественный деятель.³⁵

Презентация монархии как главы всей «национальной семьи» лишь отчасти помогла преодолеть внутренние социальные и географические различия, поскольку монархия ассоциировалась в сознании общества с Англией и английскостью.³⁶ Тем не менее королевский дом не упускал возможностей синтеза: королева Виктория очень любила путешествовать по горам Шотландии, построила королевскую резиденцию в Балморале, а принц Альберт спроектировал дом в «шотландском баронском стиле», стал иногда носить одежду из шотландки — клетчатой шерстяной ткани.³⁷

Особые взаимоотношения связывали англичан с ирландцами. К ним относится наибольшее количество негативных гетеростереотипов. В журнале *Punch* 1880-х гг., например, публиковались заметки о неотесанных чудовищах — «ирландских йеху».³⁸ Исследователи нередко пытаются ответить на вопрос, почему англичанам прежде сходили с рук их предвзятые мнения. Г. Бингэм шутит, что у многих «кельтов» был «комплекс неполноценности»: англо-саксонской империи они «могли противопоставить лишь культурные достижения, знания о которых унесли с собой в могилу друиды».³⁹

Формирование британскости или английскости не связано исключительно с «противостоянием» народов, исторически населявших Британские острова: фактором идентичности являются также имперские территории с населяющими их народами. С конца 1980-х гг. британские исследователи национальной идентичности (например, Р. Самюэль) все чаще настаивают на том, что признание расово-культурных различий внутри «новой» британской нации не требует значительных усилий, поскольку британскость — это смешение идентичностей разных этнических групп (кельты, римляне, англы, саксы, юты, датчане, норвежцы, нормандцы, бретонцы, французы и др.).⁴⁰

Исторические и краеведческие журналы сегодня регулярно публикуют заметки о, например, чернокожих предках современных британцев, прибывавших в качестве слуг для зажиточных британских семей, и их влиянии на идентичность британского и английского общества с XVII в. (когда африканцы в качестве слуг появлялись в английских семьях). Авторы подчеркивают, что главное отличие Британии от США в этом смысле состоит в том, что между белым и черным населением исторически устанавливались более гуманные взаимоотношения и в Британии цвет кожи официально не имел правового значения, что оказало непосредственное влияние на формирование поликультурной концепции британскости.⁴¹

С. Энлоу пишет, что во времена империи в колонизированных странах формируется особая, «типично английская и британская» модель мужественности и женскости. Европейский «ориентализм» внушал мысль о беззащитности восточных культур, оправдывая имперское господство во имя «цивилизации». Получалось, что восточные женщины, страдающие в своей чадре, нуждались в защите со стороны европейских мужчин. Также британские лидеры были заинтересованы в поддержке надлежащих форм империи, обеспечивающих прочность государства. В частности, по мнению исследовательницы, Крымская и Бурская войны привели к инициативам по «исправлению» форм мужественности. Основание движения бойскаутов в 1908 г., инициатором которого стал Р. Баден-Пауэлл, было реакцией на распространение венерических заболеваний, смешанные межрасовые браки и падение рождаемости, ведущие якобы к закату Британской империи: «Баден-Пауэлл и другие британские империалисты находили, что отличие от поведения восточных мужчин, а именно увлеченность спортом вкупе с почтением к уважаемой женщине, и есть залог успеха Британской империи».⁴²

Д. Кэннадайн писал, что в XIX–XX вв. отношение британцев к «цветному» населению колоний и доминионов базировалось на оценке индивидуальных достоинств человека. Британская метрополия, как считает автор, культивировала в колониях выношенные ею же самую представления о социальной иерархии и господстве закона, поэтому статус в местной иерархии играл гораздо более объединяющую роль, чем расовые различия. Как

следствие, при всем «орнаментализме» (многоцветной мозаичности рас и культур) Британская империя на этапе своей зрелости воссоздавала в различных частях света относительно гомогенный строй, во многом копировавший британские порядки, сплачивающий народы в разных частях света чувством принадлежности к единым ценностям, гражданской нации.⁴³

Статья вызвала дискуссии, показавшие, что предложенная концепция воспринимается британскими авторами в качестве идеализации империи и неправильного толкования сущности нации, с которой могли согласиться социальные верхи и правители колониальных стран, но не угнетавшиеся метрополией народы. Историк из Кембриджа П. Бендэлл (родившийся в Калькутте) замечает, что Кэннадайн устранил из основной картины истории Британской империи многочисленные голодовки, мятежи и убийства, высокомерие англичан и их дистанцирование (в том числе в культурном отношении), чего, конечно, не сделал бы историк из Индии.⁴⁴ Б. Парех и вовсе указывает, что по самой своей сути «так называемая британская идентичность» всегда была глубоко расистским понятием.⁴⁵

В 2005 г. Т. Прузан организовал переиздание книг середины XIX в. Ф.Л. Мортимер: объединил трилогию о странах и народах (*The Countries of Europe Described*, 1849; *Far Off, Part I: Asia and Australia Described*, 1852; *Far Off, Part II: Africa and America Described*, 1854) в единое издание с названием «Самые негодные народы в Европе».⁴⁶ Шовинистический викторианский путешественник по странам мира вызвал большой интерес и волну саморефлексии среди соотечественников миссис Мортимер на тему отношения ко всему иностранному в английской истории и культуре, значения викторианской эпохи для современных расовых проблем в Британии (явление даже получило название «синдрома миссис Мортимер»)⁴⁷ Представители мультикультурного сообщества Британии посчитали ее высказывания отражением настроений викторианских умов, до сих пор присущих белым британцам, особенно англичанам и особенно «военного поколения». Книга вызвала и дискуссии об облике британских колонизаторов и их семей, считавших другие народы нелепыми варварами.

Несомненно, участники дискурса указали на сложность феномена империи, его объединяющую силу для британской

идентичности, открыв в ее истории новое концептуальное измерение. Данное видение в значительной мере обусловлено реалиями самой Великобритании конца 1990-х гг., для которой поиск интегрирующей обществу межэтнической и межрасовой парадигмы становится внутренней проблемой, государственной задачей.

**§ 1.2. Синдром миссис Мортимер, или
Идентичность и иммиграция, ислам,
мультикультурализм**

«Квинтэссенция классической английскости»⁴⁸ мисс Марпл, героиня произведений А. Кристи, в экранизированной версии детективов (BBC, 1984–1992) высказалась: «Знаете, после войны английская деревня изменилась. Это из-за того, что весь мир изменился. Раньше все знали друг друга, и даже если кто-то новый приезжал, как правило, находился какой-нибудь знакомый: служили в одном полку, рос в одной деревне. Боюсь, это потеряно навеки. Большие дома продаются, коттеджи сдаются в аренду, люди приезжают откуда угодно — из Индии, Гонконга, Италии, чтобы заработать деньги на спокойную старость. Никаких знакомых, никаких корней, приходится верить их историям и добропорядочной внешности. Ужасные вещи».⁴⁹

Современное эхо колониализма — масштабная иммиграция из бывших стран-колоний, политика и идея мультикультурализма представляют особый интерес для исследования идентичности англичан. Для британского населения слова «иммиграция» и «ислам» сегодня нередко ассоциируются с криминальностью, безработицей, терроризмом, фундаментализмом, проблемами толерантности, а «мультикультурализм» — не с надеждой на существование культурного и политического равенства, а все чаще с дезинтеграцией и геттоизацией. Количество иммигрантов, в частности выходцев из мусульманских стран, сила и развитие их общественных организаций, связанные с этим проблемы межкультурной коммуникации и идентичности вызывают тревогу и интерес со стороны общественности. «Мусульманский вопрос» — один из факторов, определяющих национальную, религиозную и другие идентичности европейского населения.⁵⁰

Широкой общественностью Британии мультикультурализм и иммиграция, в том числе исламская, воспринимаются неоднозначно, что объясняется рядом факторов, в частности наличием

культурных различий между коренными британцами и иммигрантами, неудачей в области политики интеграции. Усиление ксенофобских настроений связано и с террористическими атаками, высоким уровнем преступности и беспорядками в районах компактного проживания иммигрантов, а также недавним наплывом в страны Европы иммигрантов из Сирии и т. д.⁵¹

Великобритания (особенно Англия)⁵² в настоящее время входит в тройку крупнейших стран иммиграции в Европе. Более 45 % иммигрантов, направляющихся в Великобританию, сегодня прибывают из стран Британского Содружества. Высокий уровень благосостояния и особая социальная система позволяют переселенцам пользоваться социальными благами наравне с коренными жителями, что делает Великобританию привлекательной для иммигрантов, особенно из бедных регионов.⁵³

Вопрос об этнической принадлежности был включен в официальную перепись только с 1991 г., а о религиозной — с 2001 г. Анализ статистических данных говорит о том, что за 1991–2001 гг. рост этнических меньшинств на территории Англии и Уэльса составил 50 %, коренного белого населения — 3 %. Самая высокая концентрация «этнических меньшинств» приходится на Лондон — по разным данным до 30 до 75 %.⁵⁴

В 2011 г., по данным Национального агентства статистики, наибольшее количество иммигрантов являлись выходцами (в порядке убывания) из Индии, Польши, Пакистана, Республики Ирландия, Германии, Бангладеш. Самые распространенные в Англии языки иммигрантов — польский, пенджаби, бенгали, урду, гуджарати, французский, арабский, испанский, китайский.⁵⁵ Общее число жителей в Англии и Уэльсе в 2001–2011 гг. выросло на 7 % и составляет 56 млн чел. (за счет дальнейшей иммиграции и высокой рождаемости в иммигрантской среде). Общее количество белого населения британского происхождения в 2011 г. составило 80,5 % (на 7 % меньше, чем по переписи 2001 г.).

Что касается религии, то, по данным статистики ВВС, в 1981–1991 гг. в Великобританию прибыло около 400 тыс., в 1991–2001 гг. — свыше миллиона мусульман.⁵⁶ По переписи населения за 2001–2011 гг. количество мусульман на территории Великобритании выросло с 1,6 млн (2,8 % от общего населения) до 2,7 млн чел. (4,8 %), количество действующих мечетей и моельных домов — с 614 до более чем 1000. Подавляющее

большинство британских мусульман имеет пакистанские, бангладешские и индийские корни и проживает в Англии и Уэльсе (1,536 млн из 1,591 млн).⁵⁷ В таких городах, как Лестер, Бредфорд, Олдем, Бирмингем, мусульмане составляют около 40–50 %, в Лондоне и Манчестере — около 14 %. По переписи 2011 г. число христиан снизилось до 60 % (33 млн человек) в сравнении с 72 % (37,2 млн) в 2001 г.⁵⁸

В Британии мусульманские организации — среди сильнейших в Европе и Америке. С 1992 по 1998 гг. в Лондоне под покровительством международного Института современной исламской мысли действовал «Мусульманский парламент», имевший статус неправительственной организации и представлявший собой форум для обсуждения проблем, связанных с исламом. В 1997 г. был создан Мусульманский совет Британии, который сегодня является головной организацией всех исламских общин. В 1990-е гг. у мусульман Британии появились собственные газеты (*The Muslim News*, *Q-News*), специальный телеканал. В 1999 г. была создана Исламская партия Британии. К 2001 г. в английском парламенте было уже только четыре мусульманина: три члена палаты лордов и один — палаты общин.⁵⁹ К. Брайант указывает на то, что большинство, обозначая приоритеты, предпочитают называть себя «британскими мусульманами», а не «мусульманскими британцами». ⁶⁰ Таким образом, по мнению экспертов, ислам в 2000-е гг. стал второй по численности приверженцев религией Британии, стремительно укрепляющей свои позиции и имеющей большое количество практикующих верующих.

Вследствие относительно обособленного проживания они во многом воспроизводят культуру страны происхождения. Исследователи говорят о трех поколениях и о большей или меньшей склонности к религиозной и политической радикализации. К первому поколению относятся экономические мигранты, прибывшие в 1960-е гг. на волне деколонизации. На сегодняшний день они наиболее лояльны по отношению к Британии (переезд воспринимался ими как способ изменения собственного статуса к лучшему). Второе поколение мусульман Великобритании составляют дети первых трудовых мигрантов, прибывшие в малолетнем возрасте или родившиеся и выросшие в европейских странах. Если родители были благодарны принимающей стороне за один только допуск в западное общество, их дети видели

всю ограниченность своих возможностей в рамках данного социума в сравнении с западными сверстниками. К третьему поколению принадлежат внуки первых иммигрантов, рожденные, выросшие и получившие образование в Британии, являющиеся британскими гражданами. Для них наиболее характерно обостренное восприятие принадлежности к умме, общине правоверных. Растущую радикализацию приверженцев ислама в возрасте 16–24 лет выявило исследование, проведенное аналитическим агентством *Populus* по заказу общественной организации *Policy Exchange*. Результаты опроса позволили исследователям констатировать «наличие конфликта в британском исламе — между умеренным большинством, которое приемлет нормы западной демократии, и растущим меньшинством с противоположными воззрениями».⁶¹

Правительством Великобритании на рубеже веков был проведен ряд мер по интеграции, получивших название политики мультикультурализма. Идеологическая концепция мультикультурализма ведет свою историю с эпохи Просвещения. Как политическая «доктрина» — сложилась и получила некоторое развитие в 1960-е гг. в Австралии, Швейцарии, Канаде, в 1980-е гг. — в США и поначалу обозначала уважение большинства к меньшинствам, равный статус различных культурных традиций, право индивидов на выбор собственной идентичности. В 1985 г. в Великобритании на государственном уровне было введено понятие «многокультурный уклад», означавшее принятие политики мультикультурализма. Суть ее заключалась в признании государством в рамках национального сообщества многочисленных общин, которые имеют право жить в своем кругу, сохраняя культурное наследие, национальные черты, а также отстаивать свои права на национальном уровне.⁶²

С 1962 г. по настоящее время в Великобритании было принято около 14 актов, затрагивающих вопросы иммиграции и предоставления убежища. Применительно к периоду с 1971 г. по настоящее время принято говорить о складывании политики мультикультурализма. Основными вехами здесь служат периоды правления неоконсерваторов (М. Тэтчер 1979–1990 гг., Дж. Мейджер 1991–1997 гг. — культурные и экономические требования иммигрантов, ужесточение иммиграционного законодательства), лейбористов (Т. Блэр и Г. Браун, 1997–2010 гг. —

увеличение иммиграции, либерализация иммиграционной политики и принятие мультикультурализма как основополагающей доктрины), неоконсерваторов (Д. Кэмерон, 2010–2013 гг. — ужесточение политики мультикультурализма).

О неоконсервативной эпохе можно сказать, что вместо старых представлений о принадлежности к определенной нации и культуре по принципу кровного родства, происхождения была предпринята попытка переформулировать понятие «нация» в терминах культуры. С этого момента открывалась дорога для реальной интеграции иммигрантов из стран Содружества. В это время правительство впервые сталкивается уже с культурно-религиозными требованиями иммигрантов (первое поколение в основном волновало противостояние дискриминационному контролю, борьба против расистских нападений, проблема полицейского произвола), оторванных от исторической родины и в то же время не принятых британским обществом (примером тому может стать скандал в 1988 г. с книгой С. Рушди «Сатанинские стихи»). Д. Мэйджер в 1993 г. официально включил Женевскую конвенцию 1951 г. в национальное законодательство. Согласно ее положениям, политическое убежище должно даваться всем, кто преследуется из-за своей религии, национальности, расы или убеждений, что несколько смягчило положение мигрантов. А в 1996 г. был принят Акт об иммиграции и убежище, который вводил дополнительные ограничения на социальную поддержку, предоставление жилья и работы для беженцев и иммигрантов, что привело к усилению культурной самоидентификации этнических общин, к выдвиганию культурно-религиозных требований, к нарастанию напряжения между иммигрантами и британцами.

Во время правления лейбористов постоянно подчеркивалась многообразная, многоэтническая, мультикультурная природа страны. В 1998 г. британский парламент утвердил Акт о правах человека, придающий Европейской конвенции 1953 г. силу национального закона. В 1999 г. был принят Акт об иммиграции и убежище, который смягчал некоторые положения в отношении иммигрантов. Правительство лейбористов официально признало мультикультурализм государственной идеологией. Поток иммигрантов в страну увеличился по сравнению с правлением консерваторов почти в четыре раза. Э. Блэр и Г. Браун поддерживали

подобное положение дел, ссылаясь на экономическую выгоду. Кроме того, правительство шло навстречу культурным требованиям иммигрантов, снимались многие ограничения, строились мечети, религиозные школы и т. п. В ряде случаев это начинало ущемлять права коренных британцев. Далее события 11 сентября 2001 г. показали, что правительство оказалось в своеобразной ловушке. Всплеск антиисламских настроений, последовавший за взрывами в нью-йоркском Всемирном торговом центре, прокатился по всей Европе. Мусульманские общины начали еще более агрессивно выдвигать свои требования, ссылаясь на право свободы религии и частной жизни. Подобная ситуация стала показателем кризиса правовой системы Великобритании, а также кризисом политики мультикультурализма. В 2002 г. на фоне подъема крайне правых был принят Акт о гражданстве, иммиграции и убежище, посвященный, прежде всего, дополнительным возможностям депортации беженцев, что позволило смягчить ситуацию и значительно снизить «правые» настроения в обществе.⁶³

Мультикультурализм и идеалы демократии требуют опровержения более раннего допущения относительно того, что единственно здоровое, гармоничное и устойчивое равновесное состояние, в котором может находиться государство-нация, — это состояние относительной гомогенности. Британцы, как и все европейцы, вынуждены это принимать, так как основное условие существования в постколониальном мире (в которое мало кто верил в середине прошлого века, но которое сегодня признается практически безоговорочно) состоит в принятии культурного плюрализма как устойчивого атрибута современных государств. Благодаря такой государственной политике общины в Великобритании пользуются широкими правами. Однако на деле это привело к закреплению принадлежности лиц с иммигрантскими корнями к определенным группам, хотя они в действительности могли иметь мало общего с ними; к формированию определенных взглядов у коренного населения.

В академических исследованиях, например Д. Хоровитца, мультикультурализм по-британски — это относительно гибкая и успешная политика, а также возможность сохранения этнической идентичности и территориальной автономии и отсутствие давления, принуждающего подчиниться стандартной модели

гражданского общества.⁶⁴ Как указывает Э. Фэрвэлл в своей работе 2001 г. о мультикультурализме, «доминирующие концепции и теории, используемые ведущими специалистами для объяснения происходящих в Великобритании этнокультурных процессов, оказались сами по себе сильно политизированным продуктом системы взглядов, поддерживающих отличительность британского мультикультурализма» по сравнению с европейским опытом.⁶⁵ Подобное видение содержат работы многих британских авторов.⁶⁶ И, несмотря на широкое вовлечение в 2000-е гг. в кросс-европейские исследования, британские авторы свои теории продолжают предлагать в качестве наиболее позитивных.⁶⁷

Но если в 1990-е гг. у мультикультурализма было немало адептов, то в 2000-е гг. все больше интеллектуалов высказываются против разделения страны по этническому и религиозному принципу, существующего как между британцами и пришлым населением, так и между самими коренными британцами.

В работах М. Фелдблума отмечается, что «англо-саксонская модель мультикультурализма» приводит к социальной дезинтеграции и геттоизации групп меньшинств.⁶⁸ К. Малик замечает, что идеология мультикультурализма есть результат европейского Просвещения и имеет одни и те же корни с расизмом. Поэтому неудивительно, что неевропейский по духу ислам подсознательно искажает эту идеологию.⁶⁹

Я. Алибай-Браун считает, что мультикультурализм противопоставляет одни существующие этнические сообщества другим, кроме того, проблема состоит и в том, что сегодня мультикультурализм видится как нечто абсолютно бесполезное и даже вредное для белого населения Британии. Она отмечает также, что «белые граждане не видят смысла для себя в мультикультурализме; наоборот, им кажется, это нечто специально разработанное для цветных жителей Великобритании. Англичане раздражены тем, что их этничности не уделяется внимания, она практически игнорируется, тогда как другие идентичности — уэльсцы, шотландцы, хинди и другие — приветствуются и развиваются. В целом, коренным населением Британии, особенно англичанами, мультикультурализм расценивается как политика, созданная для «любого рода меньшинств».⁷⁰ А. Браун и С. Фиш указывают, что огромные масштабы иммиграции затрудняют

интеграцию чужестранцев в британское общество. Интеграция столь огромной массы иностранцев требует колоссальных затрат, к тому же сами иммигранты, особенно из стран третьего мира, не желают интегрироваться. Британцы же покидают эти города не только из-за напряженных межрасовых отношений, но и потому, что они, так же как иммигранты, хотят жить в сообществе себе подобных.⁷¹

Глава созданной лейбористами для решения проблем в области интеграции Комиссии по расовому равноправию Т. Филлипс заявлял о провале политики мультикультурализма, которая поощряет сепаратизм и разрозненность, в то время как британцы, по его мнению, нуждаются в общих ценностях, почитании культуры Британии, включающей английский язык, наследие Шекспира, Диккенса и т. д.⁷² Член парламента от Йоркшира Дж. Тоуненд на страницах *The Guardian* высказывался: «Наше однородное, гомогенное англосаксонское общество оказалось сильно подорванным массивной иммиграцией... имеющей место с момента окончания Второй мировой войны... На мой взгляд, единственное правильное решение, которое может быть принято в отношении ищущих убежища, это как можно скорее выслать их обратно».⁷³ Лейбористы же, исходя из возросшего числа «мультикультурного» электората, предлагали проекты «классной мультикультурной Британии» (*cool multicultural Britain*).⁷⁴ А в 2011 г. в речи на 47-й Мюнхенской конференции по безопасности новый премьер Д. Кэмерон говорил о провале политики «государственного мультикультурализма» и том, что идея мультикультурализма способствует «разобщенности в отделенных друг от друга этнических сообществах». Кэмерон призвал к строительству «более сильного и активного либерализма», «мускулистой демократии», особенно по отношению к исламскому фундаментализму. Премьер считал, что толерантность и поддержка от правительства возможна по отношению только к тем культурам, которые разделяют западные либеральные ценности (равенство человека, равенство мужчин и женщин, равноценность религий, главенство законов, интеграция вместо сепаратизма и т. д.).⁷⁵

Р. Муа, руководитель социальной службы *Peace Maker*, работавший на протяжении 25 лет над проблемами мультикультурализма в Олдеме, уверен, что проблему могли бы решить

интеркультуралистские программы адаптации подростков-иммигрантов и распространение смешанных школ, программы расселения азиатских семей в районы с преимущественно английским населением, строительство торговых и развлекательных центров, привлекательных для всех групп, школ английского языка для пакистанских и бангладешских иммигрантов.⁷⁶

В СМИ к концу 1990-х гг. наблюдается тенденция нарастания, а после терактов в Нью-Йорке и Лондоне — резкая эскалация негативистских дебатов о мусульманах. *BBC News* опубликовала данные опросов британской службы миграции *Migration Report* по Лондону: 78% респондентов различных возрастов и социальных категорий высказались против усиливающихся потоков по различным причинам, среди которых преобладали экономические мотивы и боязнь культурного поглощения, 16% считали, что мигранты необходимы стране по экономическим причинам, и 6% воздержались от ответа.⁷⁷

Наиболее показательны в этой связи так называемые дискуссии о мусульманском платке, где часть населения страны видит в демонстративном ношении религиозных символов опасность для британского общества, а другая в негативной реакции на ношение такой одежды — проявление расизма и ксенофобии.⁷⁸ Показательны и общественные скандалы вокруг детского насилия в Роттерхаме, которое якобы совершалось со стороны мусульман в отношении английского населения в 1997–2013 гг. с «разрешения» полиции и общественности, боявшихся обвинений в расизме.⁷⁹ Или недавний интернет-скандал по поводу видео «христианского патруля» в декабре 2015 и январе 2016 гг., члены которого «почувствовали себя не хозяевами в собственной стране» и устроили «рейд» по мусульманским кварталам.⁸⁰ Такие масштабные аналитические медиапроекты, как «Исламская раса и британская идентичность», инициированный *The Guardian* в 2004 г., были призваны разобраться в какофонии мнений.⁸¹

Север Англии в силу расположения здесь больших анклавов иммигрантов оказался в центре дебатов о мультикультурализме. Документальный проект «Сделать Бредфорд британским» (2012) телеканала *BBC 4* посвящен одному из самых разделенных в этническом и расовом отношении городов. Бредфорд на сегодня является частью массы государственных программ по мультикультурализму,

экспериментальной площадкой для социальной деятельности множества общественных организаций, связанной с тем, что в городе компактно проживает большое количество иммигрантов из мусульманских территорий (например, кашмирцев) и регулярно происходят столкновения с английским коренным населением на расовой почве. Считается, что в Бредфорде проживает и значительная часть электората крайне правых. Кинопроект вызвал горячие дискуссии в обществе. Руководитель городского совета назвал происходящее «несправедливой картиной города» и заявил, что сегодня сообщество здесь гораздо более объединенное, тогда как выходцы из иммигрантских общин активно высказывались противоположным образом насчет расовой и этнической сегрегации в городе.⁸²

Олдем в Большом Манчестере является подобным примером сгустка иммиграционных и расовых проблем.⁸³ Отчеты местных комиссий и полицейских служб по поводу беспорядков 2001 г., данные архива муниципального совета за 2001–2011 гг. и материалы полевых исследований подтверждают факт сильнейшей сегрегации в регионе, обусловленной рядом причин. Иммигранты из Пакистана и Бангладеш, прибывавшие сюда в 1960–1970 гг. в качестве рабочих ночных смен фабрик (куда местные жители не хотели идти работать), вместо того, чтобы ждать строительства муниципальных домов для своих семей, строили дешевое жилье в отдельных районах (где им разрешало правительство). Население росло за счет высокой рождаемости и иммиграции, и в результате возникли густонаселенные этнические «гетто». Затем, когда в 1980–1990-х гг. фабрики закрылись, иммигранты не смогли переселиться в другие места, поскольку уже привыкли к проживанию здесь, не имели другой квалификации и достаточных знаний языка (особенно жены рабочих, которых они привезли из своих стран). Эти дома никто не покупал из-за их некомфортности и близости к мусульманским общинам (несмотря на отдельные попытки городского совета модернизировать жилье).⁸⁴

Встретившаяся нам во время полевой работы в деревне Аппермил в районе Олдем пожилая англичанка заявила, что не узнает свою деревню и свою страну: церкви⁸⁵ наводнены чуждыми ей мусульманами (они ассоциируются в ее представлениях с малолетней преступностью, наркотиками, хулиганством),

с которыми она не желает иметь дела и считает, что «либо они должны выехать за пределы Англии, либо жить изолированно в своих гетто». Однако, по ее мнению, изначально жилищная политика правительства привела к тому, что ее «родная тихая провинциальная Англия превратилось в сгусток социально опасных анклавов».⁸⁶ Район Олдема Глодвик (см. цветную вклейку) как раз является таким местом компактного проживания выходцев из других стран: по словам сопровождавшего нас британца бангладешского происхождения М. Чоудхари, «белые журналисты даже не рискуют сюда соваться». Во избежание межэтнических конфликтов и столкновений между представителями англичан и иммигрантов каждую пятницу и субботу летом 2012 г. в Олдеме огораживались улицы.⁸⁷

Лестер — город в Центральной Англии, бывший центр текстильной промышленности и обувного производства, гордящийся репутацией «столицы британской толерантности». Большинство населения города — иммигранты, но модель взаимодействия коренного и пришлого населения здесь, в отличие от Бредфорда или Олдема, относительно успешна. Большую часть пришлого сообщества составляют гуджарати — представители индийской этнической группы, когда-то выполнявшие роль посредников между колонистами и местным населением в Танзании, Кении и Сомали. Интеграция здесь была облегчена тем, что иммигранты со времен колониализма были знакомы с основами британской культуры и языка, а также имели схожую с английской классовой системой систему каст. Житель Лестера говорил: «Мои предки занимались государственной службой, и я должен делать так же, как бы тяжело это ни было. Поэтому люди моего народа очень активно работают и учатся, занимают хорошие посты с хорошей оплатой — наша культура мотивирует нас».⁸⁸

Большинство районов Лестера сплошь заселено иммигрантскими сообществами (районы, особенно индусские, очень благополучны), хранящими свою культуру (в области религии, быта, кухни, одежды, брака и т. д.). На территории мусульманских общин официальное законодательство почти не действует — управляет суд шариата (мусульманское право) и шариатский совет. Консервативная общественность города и страны серьезно опасается появления альтернативной законодательной системы,

мусульмане в противовес приводят аргумент о существовании иудейских судов. Причиной обращения к шариатским судам является не только соответствие культурным нормам мусульман, но и низкая стоимость обслуживания.⁸⁹ Белое население (в основном из рабочего класса) проживает в неблагополучном районе Нью-Пакс вместе с сомалийцами. В пабах и на стадионе можно зачастую услышать: «индо-янки, убирайтесь домой», «иммигранты забирают нашу работу», «верните нашу страну», «негров надо хоронить на несколько футов глубже», «обезьяны и идолопоклонники»,⁹⁰ но, как правило, дальше подобных слов дело не заходит, как это бывает в Олдеме или других северных рабочих городах.

Как бы то ни было, вопрос о месте и роли мусульман в духовной, политической, экономической и социальной культуре — один из самых актуальных для английского общества. Очевидно, что эти сообщества трансформируют физические и культурные ландшафты Англии через этнокварталы, этномузыку, этнокулинарию и т. д. Тем не менее существующие сегодня социально-политические стратегии не преуспели в вопросах установления взаимных позитивных взглядов между белыми британцами и членами сообществ этнических меньшинств. Несмотря на то, что большинство аналитиков в Великобритании оценивают британский опыт мультикультурализма в качестве позитивного, мусульманское население в целом остается не полностью интегрируемым в британскую культуру.

§ 1.3. *Cool Britain u Little England,* или *Политические версии идентичности*

Итак, последние десятилетия в Британии прошли под знаком поиска единой национальной идеи, способной создать гармоничное пространство для разношерстного населения и его исторических предубеждений. И пускай концепция британскости видится во многом искусственным конструктом, призванным объединить нацию перед лицом внутренних и внешних проблем (деволюция, евроинтеграция, мультикультурализм, взаимоотношения с США и др.), в период 1990–2000-х гг. существовали различные подходы к ее интерпретации.

В эпоху консерваторов (1979–1997), по мнению С. Райт, тэтчеристы пытались возродить «викторианскую мораль» в семье

и школе, «восстановить» традиционные, «типично британские» (читай — английские) ценности и гражданские институты, что только лишь усугубило ситуацию.⁹¹ Д. Кэннадайн указывает, что к середине 1990-х гг. главенствующая виговская интерпретация идентичности Британии (как идентичности, чьей движущей силой является парламентское управление, общее право, англиканская церковь, прогресс, демократия, стремление избежать революций и пр.) оказалась неактуальной; и поэтому виговские историки принялись доказывать неповторимость английскости и британскости, а также подчеркивать мимолетный характер британскости относительно долгой истории взаимоотношений «четырех наций»⁹² англичан, шотландцев, валлийцев, ирландцев, Европы в целом.⁹³

Британскость как политическая инициатива и концепция, включающая в себя идентичности не только англичан, стала претворяться в жизнь с приходом к власти лейбористов. Ряд первых инициатив кабинета Э. Блэра был связан с деятельностью института *Demos* и его автором М. Леонардом, занимавшимся проблемами евроинтеграции. В своих работах Леонард выдвинул концепцию британскости в части внешнего имиджа: Британия как пространство инновации и глобализации (перекресток Европы и Америки, пространство идей и изобретений, коммерческого духа), уникальная в отношении науки и культуры островная территория, нация-гибрид и «плавильный котел» множества этнических групп. Британцы должны были пониматься не как единая нация, а мультикультурный союз как минимум «четырех наций».⁹⁴

Ряд исследователей указывали на тот факт, что для коммерческого имиджа страны, особенно тэтчеристской эпохи, характерна некая отсталость, ностальгическая обращенность к имперским временам и «классической английскости» и что необходимо обновление современной марки *Made in UK*.⁹⁵ В итоге это вылилось в государственные пиар-кампании — «Классная Британия» (*Cool Britain*) и *UK O'key*, создание таких органов, как Совет по стратегии публичной дипломатии, развитие программ евроинтеграции.⁹⁶

В ходе этой кампании было принято решение о пересмотре Национальной программы по истории (1998, 2000 гг.).⁹⁷ В 1970–1990 гг. в качестве основы «общей идентичности» выдвигалась

приверженность к британскому (английскому по сути) политическому строю как идеальному. Эта идея исходит из того, что английский национальный характер исторически формировался на основе комплекса универсальных христианских и правовых идей. В 1988 г. правительством М. Тэтчер была проведена первая в истории Великобритании централизованная реформа по госстандартизации школьного образования, явно проанглийская, что сразу вызвало общественные дебаты и стало одним из факторов кризиса идеологии мультикультурализма. Главной целью исторического образования с конца 1990-х до 2010 гг. становилось воспитание гражданина, члена политического, а не этнокультурного объединения — нации; в программу были включены блоки по истории народов и цивилизаций Африки, Азии, Америки.⁹⁸

Под патронатом Британского Совета⁹⁹ в 2006–2007 гг. реализовался проект «Новые национальные идентичности Соединенного Королевства», посвященный исследованию того, как понимается концепт британскости различными слоями населения, особенно молодым поколением (в возрасте от 18 до 30 лет, различных социально-экономических и культурных слоев). По итогам проекта вышла монография В. Уор, которая посчитала, что сохранение целостности Британии возможно только лишь в случае окончательного пересмотра концепта британскости: отделения его от концепции культурной идентичности, вбирающей в себя символы английскости, в пользу концепции мультикультурной, сугубо политической идентичности.¹⁰⁰ Однако среди общественности в это время все чаще звучат высказывания о том, что явления «британская нация» (в отличие от «наций Британии» во множественном числе) не существует. К. Брайант в этой связи пишет, что «дни Британии, с учетом осознаваемых разностей Англии, Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии в плане национальной идентичности, этнического состава, экономических интересов, политических ценностей и культурных форм, сочтены».¹⁰¹ По мнению М. Уора, Лондон в пределах Британии — «единственное возможное и даже идеальное место для исследования британской принадлежности» (*belonging*), тогда как другие территории страны тяготеют к более локальной, собственной идентичности.¹⁰² Британскость — нечто обращенное в прошлое и возвращенное на прошлом, особенно имперском.

И основная «аудитория» данного концепта — это не столько «коренные» британцы (которые считают, что попытки сформулировать базовые характеристики британскости — политическая игра и манипуляция, а не реально существующая идентичность населения Великобритании), сколько жители и выходцы из ее бывших колоний. И, несомненно, данный термин заново изобретен на рубеже веков для интеграции иммигрантского сообщества.¹⁰³

Правительство Г. Брауна (2007–2010) продолжило проводить ряд мер по созданию новой концепции британскости. Основные идеи политики премьера были озвучены еще в 2004 г. в докладе для Британского Совета: «Возьмите деволуцию и национализм. Великобритания всегда была государством четырех наций и четырех идентичностей, но главным вопросом остается то, говорим ли мы о концепции идентичности XIX в. («кровь, раса и территория») или же мы в состоянии обращаться к британскости большей, чем идентичности суммы ее частей. Британскости как объединению, сильному благодаря своим общим ценностям и институтам, прошедшим сквозь историю».¹⁰⁴ Браун считал, что Британию должны объединять такие ее достижения, как империя, военные победы, традиции свободы и демократии, ее энергичное гражданское общество, и официально быть британцем означает чувствовать себя частью всей Британии в первую очередь, а не отдельных ее регионов. Предлагалось введение празднования Британского национального дня, новых программ по британской истории, инициирование национальных дебатов по британскости, чтобы собрать воедино все мнения и выдать некий компромиссный вариант и т. д.¹⁰⁵ Критики назвали «концепцию ценностей» еще более расплывчатой и скудной, чем все, что было прежде. Как пишут А. Гэмбл и Т. Райт, «новая идея британскости Брауна основывалась на экономическом успехе страны за последнее десятилетие (на это он делал упор в своей речи по бюджету страны), но и это обстоятельство стало спорным после банковского кризиса 2008 г.».¹⁰⁶

Попытки Г. Брауна собрать в единую концепцию разностороннее понимание британской идентичности положили начало дискуссиям в ряде публикаций — например, в издании «Быть британцем» под редакцией М. Д'Анкона.¹⁰⁷ Здесь широко представлены экспертные мнения руководителей этнокультурных общин (среди которых генеральный секретарь Мусульманского

совета Великобритании М.А. Бари, архиепископ Кентерберги 1991–2002 гг. Дж. Карей и др.).¹⁰⁸ Авторы видят в «английскости» и «британскости» термины, отягощенные империализмом и колониализмом и являющиеся символом расовых, политических и экономических противоречий страны, — в отличие от названия «Соединенное Королевство», в силу своей «политкорректности» выходящего на первый план. Авторы отмечают, что английская идентичность остается при этом угрозой концепции, так как «слишком сильна для того, чтобы понизить свой статус до одного сообщества внутри большего сообщества».¹⁰⁹

В сборнике под редакцией А. Гэмбла и Т. Райта «Британскость. Перспективы» приняли участие такие значимые исследователи, как Л. Коллей, М. Кенни, Б. Парех и др., проанализировавшие историю употребления термина «британский» (от Римской империи до современности), отношение к империи, мультикультурализму и пр. — с позиций Лондона и националистических элит Шотландии, Ирландии и Уэльса.

По мнению Гэмбла и Райта, постимперская Британия и ее идентичность переживают куда более сложные времена, чем даже во времена римских завоеваний, так как концепт британскости сегодня гораздо более эфемерная и политизированная структура, нежели в прошлом. Согласно опросам общественного мнения, британская идентичность является либо второй по приоритету, либо вовсе отрицаемой для жителей островов (на первом месте шотландская, валлийская, бангладешская, региональная английская и пр.). Исследователи уверены, что «нации» Соединенного Королевства были полноправными членами объединения и принятие британской идентичности в XIX и начале XX вв. наряду с их собственной идентичностью не означало конфликта, а наоборот, было вполне естественным. Объединение дало трещину после отделения Ирландии в 1922 г. Но и это, и даже дальнейшее ослабление позиций британскости на фоне мировых войн, появления многочисленных военных жертв британского государства и британской империи, создания многих британских институтов (таких как *BBC*, государство всеобщего благоденствия) казалось несущественным. Распад империи во второй половине XX в. обнажил слабость этой конструкции, и сегодня термин «британский» ассоциируется со многими историческими неудачами, что затрудняет принятие общей

идентичности под его эгидой. Вера Брауна в то, что объединение может существовать только в том случае, если каждый примет новую британскую идентичность, игнорирует тот факт, что многие ценности британцев настолько общие, что не являются чем-то специфически британским. Однако, как пишут Гэмбл и Райт, они «пребывают в составе объединения из своих прагматических соображений, одновременно оставаясь различными в своих политических и культурных предпочтениях».¹¹⁰

П. Вард в этой связи указывает на то, что «будущее британскости может зависеть от сохранения тех институтов, которые уже существуют и которые позволяют гражданам чувствовать себя частью единого сообщества. Преданность и лояльность всегда сильнее, если не требуется постоянно о них говорить».¹¹¹ Государства не нуждаются в доминирующей идее и зачастую лучше обходятся без них, как замечает А. Огей, но в мультинациональной Британии общие достижения играли важную роль: «Уберите общие достижения и идеи, и по-прежнему останется много общих институтов, включая парламент, монархию, вооруженные силы, *BBC*, но останутся и обстоятельства, которые свидетельствуют больше о разности, чем об общности».¹¹²

Развернувшаяся среди общественности полемика относительно политики лейбористов в Европе (в том числе в контексте девальвации) выявила ряд проблем. Красной нитью в дискуссии о британскости проходит вопрос, на грани ли распада Британия, в ходу выражение «после Британии».¹¹³ П. Хитченс в своей книге «Ликвидация Британии» озвучил страхи населения по поводу разрушения британского объединения из-за лейбористской политики евроинтеграции (ведущей свое начало с 1960-х гг.) и превращения Европейского союза в федеральное государство во главе с Германией.¹¹⁴

Бывший министр консервативного кабинета Дж. Редвуд в книге «Смерть Британии?» пишет о возможности образования Соединенных Штатов Европы, в состав которых войдут Англия (или даже отдельные ее регионы), Шотландия, Уэльс и Северная Ирландия. Также он пишет, что британцы обладают совершенно определенным чувством общей идентичности, но рискуют его потерять.¹¹⁵ В то же время многие другие, например С. Хеффер, не отрицают права шотландцев следовать своему собственному пути, тем более если это касается экономически выгодного

союза с Европой.¹¹⁶ Членство в ЕС делает маленькие европейские нации самоценными, а такие мультинациональные государства, как Соединенное Королевство, зацентрализованными и анахроничными.¹¹⁷ Шотландский историк Т. Нейрн полагает, что, лишь «отделившись друг от друга, Англия и Шотландия обретут жизнеспособную постимперскую идентификацию».¹¹⁸

Те, кто ассоциируют себя с британскостью, не получают поддержки и со стороны *BBC* в силу политики политкорректности компании: на протяжении долгого времени валлийцы и шотландцы испытывали унижения от того, что многие называли все население Великобритании «англичанами», тогда как уместнее было бы обращаться к «Британии» и «британцам». Таким образом, тех, кто идентифицирует себя с британскостью, считают заблуждающимися. В рекомендациях для журналистов во время образования парламента в Шотландии и ассамблей в Уэльсе и Северной Ирландии значилось: «Не говорите о “нации”, когда вы имеете в виду Соединенное Королевство.... *BBC* обеспечивает вещание для всей страны, но мы вещаем для отдельных аудиторий наций Англии, Шотландии и Уэльса».¹¹⁹

Несмотря на то, что в Англии количественно больше, чем в Шотландии и Уэльсе, населения, считающего себя британцами (учитывая иммигрантские сообщества), здесь проживает также значительное количество респондентов с доминирующей английской идентичностью. Приведем данные опросов 1997–2015 гг., где респонденты выбирают позицию, более других отвечающую их идентичности.¹²⁰

Идентичности англичан

Англия, гг. / %	1997	1999	2001	2003	2005	2012	2014	2015
Англичанин, не британец	8	17	17	14	17	17	21	22
Более англичанин	17	15	13	12	20	37	42	43
И англи- чанин, и британец	45	37	42	45	31	24	20	18
Более британец	14	11	9	8	13	7	6	6

Англия, гг. / %	1997	1999	2001	2003	2005	2012	2014	2015
Британец, не англичанин	9	14	11	10	10	5	6	6
Другое	7	7	8	10	9	10	5	5

Таким образом, процент считающих себя более англичанами растет между 1997 и 1999 гг. (год шотландской и валлийской деволюции и год первых выборов в парламент Шотландии и Национальную ассамблею Уэльса), а также в период террористических атак в лондонском метро и к 2012–2015 гг. (кризис политики мультикультурализма и евроинтеграции, шотландская деволюция).

Политические позиции англичан, 1999, 2012 гг.

Позиции респондентов (%, из 100 % опрошенных)	Англичане		Другие жители Англии	
	1999	2012	1999	2012
Горды тем, что англичане	69	78	34	36
Горды тем, что британцы	39	38	43	34
Поддерживают шотландскую сборную в международных соревнованиях (если англичане не участвуют)	36	38	42	46
Одобряют независимость Шотландии	37	46	24	32
Одобряют деволюцию Шотландии	42	56	54	67
Одобряют идею Парламента Англии	25	28	18	17
Одобряют идею региональных правительств в Англии	18	56	15	26
Предпочитают сохранить фунт стерлинга	73	92	60	79
Предпочитают выйти из ЕС	22	43	15	32
Считают, что иммигранты забирают работу	70	81	40	32

Позиции респондентов (%, из 100 % опрошенных)	Англичане		Другие жители Англии	
	1999	2012	1999	2012
Считают, что развитие этнических меньшинств стране — это плохо	26	35	16	14
Считают себя предвзятыми в расовом отношении	37	38	28	26
Считают, что для англичанина имеет значение:				
<i>Рождение в Англии</i>	51	62	29	26
<i>Наличие английских родителей</i>	41	87	25	14
<i>Проживание большей части жизни в Англии</i>	32	29	23	29
<i>Белая кожа</i>	24	38	12	11

Из данных таблицы очевиден подъем английскости, подчас в шовинистическом ключе. Р. Хайтон уверен, что «подъем английскости — это похоронный звон по ценностям и идентичностям, связанным с британскостью и легитимностью политики Британии». ¹²¹ К. Кумар пишет о том, что «вынужденные на протяжении долгого времени не рассматривать себя в качестве нации, а теперь столкнувшись с потребностью в нациостроительстве, англичане поняли, что опять оказались у истоков». ¹²² Как замечает Р. Вейт, «англичане инвестировали свою английскость почти полностью в британскую идею». ¹²³ Бывший министр Д. Бланкет, например, считает, что развитие новой прогрессивной формы английскости, соотносимой с гражданской концепцией ценностей британскости, возможно — в частности, при создании парламента. ¹²⁴ Данные ощущения сыграли свою роль в политике Блэра, когда были вложены большие средства в регионы Северо-Запада и Северо-Востока Англии. ¹²⁵

Большинство аналитиков беспокоятся, что английский национализм трансформируется в идеологию движения за самостоятельность маленькой нации в пределах мультинационального государства и это приведет к формированию еще одного самостоятельного политического региона ¹²⁶ (в чем другие сомневаются,

утверждая, что «у английскости как культурной идентичности гораздо больше шансов»¹²⁷. За исключением таких вопросов, как предложение сделать День святого Георгия официальным праздником, ни одна из партий не горит желанием включить концепцию английскости в стратегическое или политическое мышление.¹²⁸

А. Гэмбл вслед за Б. Парехом¹²⁹ утверждает, что отрицание культурных различий во имя поиска общих оснований может быть более продуктивным, чем поиск абстрактных принципов: «Смысл в том, что британскость — это не только вопрос политической ассоциации, но и идентичности и культуры... Даже если независимая Шотландия будет самостоятельно творить свою политику, у нее все еще будет исторический и культурный багаж британскости... Необходимо сохранение и развитие существующих институтов — таких как Национальная служба здравоохранения и т. д.»¹³⁰ Д. Виллетс же считает, что у британскости есть «чудесная открытость», но в культурном смысле эта идентичность гораздо слабее, чем английская или шотландская, поэтому следует британскую идентичность рассматривать как идентичность политическую, представленную рядом политических институтов.¹³¹ П. Келлнер уверен, что британскость для разных людей значит совершенно разные вещи.¹³²

Все это не означает, что дискуссии о британскости не имеют смысла. Отмежевание от Британии затруднительно для большей части белых англичан, для которых Англия и Британия привычно являются одним и тем же. Это также представляет проблему для британцев африканского и азиатского происхождения, которые стали ассоциировать себя с Британией полноценно как раз в то время, когда валлийцы и шотландцы перестали это делать. Их идентичность является следствием имперской истории, и теперь им будет чрезвычайно сложно перестать считать себя британцами в пользу идентичности англичан, жителей того региона, в котором они проживают. Кроме того, на территории Англии живет большое количество потомков смешанных браков ирландцев, шотландцев, англичан, ирландцев, которым также тяжело себя ощущать кем-либо, кроме британцев. Отмежевание от британскости невозможно и для ирландских юнионистов, даже если они себя ассоциируют с той Британией, которой больше нет.

В июле 2005 г. исследовательский центр *YouGov*¹³³ по заказу *Daily Telegraph* в рамках исследования Комиссии по расовому равенству изучал реакцию населения на определенные фразы и слова, связанные с британскостью. Наиболее важным для британцев являлся факт того, что «британцы обладают правом говорить все, что им хочется» (61%), а также «вызов Британии фашистской Германии в 1940 г.» (59%); менее 50% получили пункты «справедливость и честная игра», «ландшафты Британии», «научные и инженерные достижения», «британская система правосудия». Менее «современные» ценности Британии (конец XIX — середина XX вв.) набрали меньшее количество голосов, например: монархия (очень важная часть британскости для 38% респондентов), палата общин парламента (37%), песня времен империи «Земля надежды и славы» (31%), гимн Великобритании «Боже, храни королеву» (29%), битвы Трафальгар и Ватерлоо (28%), Британская империя (25%), *BBC* (27%). Так называемая категория времен Дж. Мейджора включает в себя следующее: крикет (16%), теплое пиво (8%), англиканская церковь (17%), погода (23%), Шекспир (24%), ностальгия (24%), двухэтажные автобусы (20%), красные телефонные будки (19%).¹³⁴

В 2005 г. для *Political Quarterly* был проведен опрос среди различных групп британского населения на тему восприятия заданных позитивных и негативных черт британцев (по 6 категорий на каждые). Наиболее британские, по мнению респондентов: позитивные — демократичность (45%), любовь к животным (41%), благородство (21%); негативные — пьянство (33%), грубость (22%), высокое самомнение (2%). В целом идентичность была оценена экспертами как позитивная (о своей гордости за страну заявили более 90% опрошенных).¹³⁵

В попытках определить, что такое британскость, независимые исследователи, кинематографисты, краеведы и социальные активисты также создают проекты. Один из примеров — сайт «Британия: твой гид по британской жизни, культуре и обычаям». Ресурс представляет собой набор популярных сведений о ее регионах и региональных обычаях, традициях и культуре.¹³⁶ Подобные сведения можно почерпнуть из работы И. Эйтча, изданной в поддержку государственной программы экзаменов для новых граждан Британии,¹³⁷ или М. Форда в качестве официальной туристической литературы (иллюстративный гид

по британскости, см. цв. вклейку, рис. 3).¹³⁸ Кинематографические проекты, подобные фильму С. Фрирза «Королева», «Маленькая Британия» В. Уэльямса, «Грубая Британия» М. Эллиота,¹³⁹ или фотографические, такие как проект о религиях Британии Л. Уотсона, также иллюстрируют дискуссии по поводу символов Британии и Англии.¹⁴⁰

В соответствии с данными подобных проектов, а также собственными этнографическими исследованиями, среди основных символов и «ярлыков» британскости чаще других выделяются следующие:

- символы власти: Лондон, Биг-Бен, Вестминстер, парламент, королева, монархия, флаг «Юнион Джек», королевский караул, гимн «Боже, храни королеву»;
- исторические события, особенно имперского периода;
- социальные институты – полиция, школа, медицина;
- география, особые уютные ландшафты, похожие на сказочные, локальная география (облик поселений, дома, сада);
- пища (картофель с жареной рыбой, воскресный ланч, чай, пудинги и пр.);
- характер и личностные качества (благородство, справедливость, мужество, толерантность и пр.).

При разговоре о британскости респонденты, как правило, обращаются к образам Лондона и Юго-Востока страны или же имеют в виду региональные характеристики, указывают на разобщенность населения страны (в качестве аргумента приводят этническую нетерпимость шотландцев, валлийцев и ирландцев по отношению к англичанам, а также отсутствие единого национального праздника).¹⁴¹ Англичане охотнее называют себя британцами, чем шотландцы, валлийцы или ирландцы, и не могут зачастую обозначить разницу в английской и британской идентичности за исключением географии («Британия — это все Британские острова, тогда как Англия — ее часть, несколько графств»).¹⁴² Создается впечатление, что единственными последовательными приверженцами термина и концепции «британскости» остаются все-таки иммигранты.

На вопрос «Что значит для вас понятие британскости?» чаще всего можно было получить следующие ответы:

- Амир (иммигрант во втором поколении, пакистанского происхождения, родился и вырос в Глазго, Шотландия):

«Британскость — это определенные ценности, представления и поведение, которые типичны для жителей Британии. Для меня квинтэссенцией британскости является вера и следование закону, честная игра, общая подчиненность (и в политике тоже) правилам хорошего тона. Но знаковыми чертами британскости являются и хулиганство, и повальное пьянство, а также мещанство».

- Зигги (иммигрант в третьем поколении, карибец, уроженец Лондона): *«Быть американской ручной собачкой, разрушать мануфактурный бизнес, никакой национальной гордости и попустительство иммигрантам; футбольные хулиганы».*
- Крис (англичанин, уроженец Бирмингема): *«Британцы — это те, чьи великие бабушки и дедушки были рождены в Британии. Люди, чьи родители приехали когда-то в Британию, но сейчас принимают британский образ жизни и хотят стать настоящими британцами, несмотря на свои корни».*
- Эндрю (англичанин, уроженец Лондона): *«Спокойствие при любых обстоятельствах, легкая консервативность, рыба и жареный картофель, чай, история, старая империя».*¹⁴³

И, наконец, обращаясь к политике по идентичности лидера консерваторов Д. Кэмерона, следует заметить, что ее суть и последствия еще не вполне очевидны, однако уже сейчас обозреватели связывают с этим периодом подъем английской идентичности и поворот британской идентичности в сторону традиционализма (точнее, тэтчеристской модели британскости).¹⁴⁴

Помимо признания факта провала мультикультурализма как государственной стратегии, во время своей политической карьеры Кэмерон не раз заявлял о том, что горд фактом принадлежности к английской нации, а также призывал англичан гордиться своей английскостью не меньше, чем британскостью. Всем известны его увлечения такими традиционными занятиями для англичан, как охота и футбол.¹⁴⁵ А накануне Дня святого Георгия (символа английскости, а также английского национализма) в апреле 2013 г. Кэмерон высказал мнение о том, что необходимо широко праздновать в Англии этот праздник (возможно,

сделать его даже официальным), как празднуют дни своих святых другие нации Британии. Реформа образования, в частности программы по истории в 2013 г., вызвала в обществе горячую дискуссию, отразившую все противоречия и проблемы, с которыми сталкивается Британия сегодня. Эти и другие действия премьера, по мнению экспертов, заставили задуматься политическую элиту Великобритании о возрождении английскости не только как культурной, но и политической идентичности.¹⁴⁶

В то же время события лета 2016 г. (референдум о членстве в ЕС, т. н. *Brexit*) показали, что, несмотря на некие заигрывания с избирателями по поводу проведения референдума, Кемерон и консерваторы видят Великобританию и Англию не страной «с островным менталитетом», а открытой миру экономически успешной и политически глобализированной страной.¹⁴⁷

Показательными в отношении идентичности и национального бренда являются спортивные мероприятия, например XXX летние Олимпийские игры 2012 г. в Лондоне — тщательно спланированное и срежиссированное в отношении национального бренда действие. Церемония открытия Олимпиады состояла из презентации выдающегося наследия и ценностей Британии: литература (Шекспир, Диккенс, Бронте, Остин, Толкиен, Роулинг и др.), бесплатная медицина, музыка (*Muse*, *M. Олдфилд*, *The Beatles*), монархия и королева, гражданские институты, дух соревновательности и авантюризма.¹⁴⁸

§ 1.4. Экстремизм и идентичность

Политическая культура подчас в гораздо большей степени, чем академическая и художественная, обуславливается ментальной системой (о чем, кстати, говорит и британский историк и философ Т. Нейрн).¹⁴⁹ В политической, особенно националистической, культуре, всегда сильнее и непосредственнее роль мотиваций общества.

Несмотря на то, что в Англии¹⁵⁰ националистические партии традиционно причислялись к ксенофобским и старательно исключались из общего политического дискурса, с середины 1990-х гг. и особенно в 2000–2010-е гг. политическая культура смещается вправо (это касается в первую очередь Партии независимости Соединенного Королевства (*UK Independence Party*),¹⁵¹ и Британской национальной партии (*British National*

Party), маргинальной антиисламской Лиги защиты Англии (*English Defence League*), партии левых «Красные и анархистские скинхеды» (*Red & Anarchist Skinheads*) и др.).¹⁵²

БНП служит яркой иллюстрацией крайне правого движения в Англии: число ее членов превышает 14 тыс. человек. Партия стала результатом раскола расистского «Национального фронта», исторически придерживалась крайне правой идеологии с ее расизмом, антисемитизмом, гомофобией и антииммигрантскими взглядами,¹⁵³ то есть взглядов, казалось бы, не совместимых с демократическими ценностями английского общества. Однако с середины 1990-х гг. партия стала отходить от расизма и шовинизма, стала более популистской и респектабельной,¹⁵⁴ и в 2002 г. БНП получила на местных выборах в Олдеме 27% голосов, в 2008 г. заняла пятое место на выборах мэра Лондона (5,2% голосов избирателей), с лозунгом «Вернем нашу страну обратно!» получила два места по итогам выборов в Европарламент в 2009 г. (по результатам в Йоркшире и Хамбере и на Северо-Востоке Англии).¹⁵⁵ Электорат партии исторически был представлен выходцами из рабочего и низшего среднего классов, социально зависимыми категориями, пенсионерами. Сегодня границы электората более неопределенные, что связано с эксплуатацией партией страхов по поводу иммиграции.¹⁵⁶ В период 1991–2007 гг. в условиях смешения политических идеологий В.С. Малахов определял ее как крайне правую неофашистскую партию,¹⁵⁷ К. Мудд говорит о популизме крайне правого толка.¹⁵⁸ Традиционно партия считалась рупором английскости, но в последнее время обозреватели все чаще отмечают смещение ее интересов от сугубо Англии к Великобритании и ее «четырем нациям». БНП является выразителем мифа об избранности, манипулятором страхами населения по поводу размывания идентичности, «исламской угрозы», ключевым моментом развития страны ставит обращение к нации и создание условий для благополучия «народа, существующего испокон веков».¹⁵⁹

Взгляды на то, каким должен британец в культурно-антропологическом смысле, какова социально-экономическая организация государства, что есть символы страны, довольно очертаемы.¹⁶⁰ БНП «закрепляют» за британцем следующие качества: белый, в меру рослый, чаще с веснушками, с рыжеватыми, русыми или светлыми волосами человек, семь поколений предков (по

прямой отцовской или материнской линии) которого постоянно проживали на территории полуострова Великобритании. Британец — это человек (или его ближайшие предки), защищавший или защищающий честь страны (на флоте или в армии), участвующий в жизни своей местной общины (*local community*), чтящий закон и королеву, исповедующий протестантизм или атеизм и говорящий на английском языке. Основные ценности: семья, традиции, вера. Сексуальные и семейные отношения — традиционные. БНП не пугает перспектива выглядеть отсталыми или несовременными. Один из идеологов партии Дж. Бин пишет: «Бич современного человека, а особенно британца, это то, что мы все время оборачиваемся на мировое сообщество в лице США и проамериканского Евросоюза... Мы принимаем их ценности, живем по их экономическим и культурным законам, пытаемся соревноваться с ними на мировом рынке и пр. А ведь человеку нужно на самом деле совсем немного: еда, сон, жилье, труд, творчество и покой. В погоне за техногенностью мы теряем себя, угнетаем природу и провоцируем экологический коллапс. Живя по традиции, мы не отворачиваемся от мира, просто мы действительно Остров, мы можем жить сами по себе, как хотим...».¹⁶¹ Д. Гамильтон добавляет, что еще одна угроза британской нации — это «беженцы и мигранты, разрушающие наше общество, культуру и традиции... паразиты, отбирающие хлеб и заставляющие думать, что это все во благо гуманности».¹⁶²

К концу 1990-х гг. БНП смещает акценты от критики внутреннего кризиса идентичности, связанного с претензией на автономность Шотландии и Уэльса и супрематией Англии, на критику внешних факторов — например, глобализации и ЕС как главного фактора общей фрустрации: «ЕС, американизм — вот главные беды Британии, именно из-за этого наша страна больше не может являться великой...».¹⁶³ На первый план у БНП выходит отношение к нации как к некоему наднациональному конструкту, существующему в области культуры. А пути построения идентичности все ближе располагаются в плоскости отношения к миграции и неблагоприятной экологической и международной политической обстановки.¹⁶⁴ БНП о ЕС: «Внутри этой структуры не существует механизма защиты. Она примет Турцию, а потом еще и какой-нибудь нищий, чужой и бескультурный Алжир, Тунис... Она лопнет сама и потянет нас за собой».¹⁶⁵

БНП в своем дискурсе постоянно обращается к персонажам, значимым для культуры и истории. Особое положение занимают фигуры, связанные с империей и военной историей, в частности адмирал Нельсон. На официальном сайте БНП он упоминается более чем на 20 страничках (из 85), а в газете «Голос Свободы» (*Voice of Freedom*) за 2006–2012 гг. — в каждом номере. Сквозная тема — как бы Нельсон отреагировал на современную ситуацию: свободу слова, мультикультурализм, обязательную политкорректность и т. д. Так, в одной из заметок журнала *Identity* приводится модель разговора адмирала с боцманом на корабле, где матросы хорошо знакомы с понятиями демократии, политкорректности и мультикультурализма. Боцман оспаривает приказы адмирала, настаивает, что только после установления ремней безопасности может командовать матросами, требует отдавать приказы на 13 языках, так как на корабле есть не-британцы и т. д. В конце рассказа британский флот потерпел фиаско из-за медлительности и неуправляемости.¹⁶⁶ Многие посвящено покровителю Англии и английского футбола — святому Георгию (обязательно побеждает всех врагов Британии, в том числе «Большого злобного Крокодила Миграция», и защищает «добрых англичан»).¹⁶⁷ На сайте партии можно увидеть и подобные карикатуры: сломанная корона махнувшей хвостом мышью в хиджабе, минареты, похожие на бомбы, расстроенный среди арабов и лейбористов Нельсон, улыбающийся чеширский кот или Шалтай-болтай с головой Тони Блэра.¹⁶⁸

Для члена БНП 1995–2014 гг. слово «мусульманин» является синонимом слова «угроза». Механизмы и пути построения образа врага отражают в некоторой степени ментальность британцев, очерчивают коллективное семиотическое пространство. В БНП часто сравнивают угрозу распространения ислама с марксистско-еврейским заговором. Среди черт мусульманской культуры называются тотализм, гипнотизм, экстремизм, имманентная культурная противоположность (отсутствие «нормального» отношения к семье, моногамии, женщине, ношению религиозной одежды и атрибутов). БНП делает акцент на увеличении численности мусульман, росте активности общин, расцвете преступности в «мусульманских гетто», оттягивании большей части социальных выплат и слабости правительственного иммиграционного законодательства. Портрет типичного британского

мусульманина для БНП: потомок мусульманских иммигрантов, выросший в неблагополучном районе Британии, говорящий по-английски, имеющий примитивное религиозное образование, подкрепленное экстремистской идеологией. «Ислам — это больше, чем просто вера. Это — теократия, несущая в себе одновременно и религию, и государственную силу, и право. Религия ислама не отделяет светскую власть от религиозной, а, наоборот, объединяет их под властью государства».¹⁶⁹ В качестве карикатурных иллюстраций на сайте БНП в разделе «Листовки» размещены агитационные антиисламские плакаты, карикатуры на дебаты о европейских документах для мусульман, будущая-де карта Европы, где вместо Великобритании — Северный Пакистан, Германии — Новая Турция, Бельгия — Бельгистан и т. д.¹⁷⁰

Итак, после распада империи в середине XX в. британским обществом предпринимались многочисленные попытки ответить на вопрос, каковы сегодня ценности жителей Британских островов, что представляют собой британская идентичность, если она существует, и постимперские идентичности народов Британии. В связи с международной и внутренней обстановкой с середины 1990-х гг. и по настоящее время происходит актуализация дебатов.

Большинством авторов признается, что исторически и сегодня понятие британской идентичности оказалось англоязычным (Англия была ядром британской метрополии, а англичане — доминирующим народом), хотя против этого направлены усилия многих политиков, экономистов, историков, кинематографистов. В 1990-е гг. наблюдается дробление британскости на английскую, шотландскую, валлийскую, индийскую, «иммигрантскую» составляющие. Размытость идентичности, историческая индифферентность к традиционной культуре, многопоколенная политика нивелирования идентичности во имя имперского управления не позволяют англичанам вести полноценный диалог в этом этническом буме. До середины 1990-х гг. английский национализм имел зачастую маргинальный характер: основными акторами «идеологии» выступали скинхеды, крайне правые националисты. С середины 1990-х гг. и по настоящее время в дискурсе английскости все чаще стали принимать участие интеллектуальные и политические элиты.

Дискурс открывает различные позиции в определении британскости и английскости — по критериям гражданства или этничности. Это отражает две исторические тенденции — становление гражданской нации в Британии и актуализацию этнонаций на базе реальных или воображаемых этнических различий — при негласном вето на национализм «титულიной нации» англичан. Мы уверены, что формула *Britishness versus Englishness* наиболее точно отражает специфику неотделимых друг от друга британской и английской идентичностей.

В британском обществе все популярнее точки зрения об абстрактности и политизированности британскости, о наличии явного кризиса идентичности. Многие авторы сходятся на том, что британскость (и ее основа — английскость) — нечто обращенное в прошлое и возвращенное на прошлом, особенно имперском. И основная «аудитория» данного концепта не столько «коренные» британцы (которые считают это попыткой искусственно объединить множество этнических, региональных и локальных идентичностей), сколько жители и выходцы из бывших британских колоний. По признанию части общественности, данный термин заново изобретен на рубеже веков — во многом для интеграции иммигрантского сообщества.

В современном британском обществе бытуют две основные модели национальной идентичности. Консерваторам в наследство от М. Тэтчер досталась приверженность к «истинно английским» ценностям, превосходство в отношении иммигрантов, евроскептицизм. Лейбористская модель основывается на либеральной традиции гражданского «юнионизма», предполагающей множественные идентичности, *Britishness* как гражданскую британскую общность. Политике, как и историографии, присущ крен в сторону ревизионизма, при этом многие ревизионисты являются не англичанами, а представителями окраин бывшего *Pax Britannica* (пакистанцами, индийцами и др.).

Пытаться представить британскость как некую целостную сущность крайне сложно; целесообразнее обозначить главные измерения и/или «болевые точки» этого политического дискурса, такие как империя, иммиграция, деволуция, политический экстремизм, глобализация, определяющие ее ситуационные проявления и актуальность. Понимание национальной идентичности британцев необычайно разнообразно и субъективно,

и оно всегда определено тем культурным и профессиональным контекстом, в котором функционирует.

Участники дискурса указывают на объединяющую и разъединяющую силу имперского фактора для британской идентичности. Отношения империализма и современной британской идентичности противоречивы: с одной стороны, империя остается неким «золотым веком» успешной, глобальной, мультикультурной, полиэтничной британскости, с другой — становится символом столкновений и противоречий британских народов. Солнце империи все дальше от британцев, и сегодня они тяготеют к мультикультурности иного качества — «равнокультурности» без доминирования какой-либо группы, а также локальности и экзистенциональной замкнутости. Возможно, этим объясняется теплота, с которой англичане относятся к современным «колонизаторам» — американцам. Ныне американская империя, как когда-то британская, простирает на весь мир свои коммерческие сети, демократический строй и идеологию американской мечты.

В ходе дебатов о мультикультурализме поднимается вопрос о его жизнеспособности как идеологии и основы «новой британскости», отторгаемой не только иммигрантами, но и коренными жителями, о проблеме радикализирующегося меньшинства (особенно мусульманской молодежи), о необходимости поиска удовлетворяющей всех концепции британскости. Однако при большой организованности и силе мусульманской общины и сильной англизированнойности понятия «британский» возможность создания единой концепции британскости выглядит утопичной. Последствиями геттоизации иммиграции стало то, что мусульманское население остается, несмотря на усилия правительства, не интегрируемым в европейскую культуру. Из проектов мультикультурализма, по сути, исключаются англичане, в условиях постколониализма воспринимающиеся как символ колониализма и эксплуатации.

И если в культурном смысле британскость в сознании рядовых граждан приближена к английскости, то в политическом смысле это разные идеологии, связанные с отрицанием английского национализма в британской политике. Вместе с тем наблюдается усиление позиций английского национализма и английской идентичности (в оппозиции к британской идентичности), что является следствием дебатов по поводу деволуции и евроинтеграции.

Таким образом, общественные и политические дебаты на тему британскости в исследуемый период проходят под знаком поиска современного символического пространства британскости и Британии. Попытки общественности выяснить, что входит в понятие британскости, обычно заводят в «путешествия» по ее территориям — Шотландии, Англии, Уэльсу, Ирландии и пр. Или же «британскость» превращается в интернациональный набор преимущественно политических, гражданских символов, часто связанных с английскостью, Лондоном и империей, впитавших в себя мультикультурные черты территорий-колоний. Лондон, а также иммигрантские сообщества, обозначающие зачастую британскость в качестве основной идентичности, — единственно возможные и даже идеальные пространства для исследования британскости. Несомненно, что будущее англичан как этнической (культурной) или национальной (гражданской) общности зависит от факторов понимания и принятия англичанами собственного прошлого, наследия империи, решений по поводу союза с Америкой и присутствия в Европе.

Примечания

¹ См. Evans A. UK Devolution and EU law // *European Law Review*. 2003. Vol. 28. № 4. Aug. P. 475–492.

² Bryant C. *The Nations...* P. 34.

³ См.: Липкин М. А. Двадцать первый век по Гринвичу...; Parekh V. *Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory*. Cambridge, MA, 2000.

⁴ Понятия «Англия» и «Британия» сегодня настолько слиты, что синонимичными их считают жители Британии и других стран. До сих пор родственники одного из наших респондентов бангладешского происхождения называют всю страну Лондоном (ПМА 38: 3. Ахмид). См. об этом также: Aughey A. *The Politics of Englishness*. Manchester; N.-Y., 2007.

⁵ Baucom I. *Out of Place...* P. 276–277.

⁶ Термин М. Хечтера. См: Hechter M. *Internal colonialism...*

⁷ Фокс К. *Наблюдая за англичанами...* С. 15.

⁸ Ware V. *Who Cares about Britishness...* P. 1–2.

⁹ Авторские вариации на тему популярного в британской историографии понятия *Rex Britannica* (по аналогии с лат. *Rex Romana*), периода доминирования Британской империи в международной политике. См.: Porter A. *The Nineteenth Century*. *The Oxford History of the British Empire*. Vol. III. Oxford, 1998. P. 332. О роли империи в развитии дискурса британскости и английскости см. также: Караваева (Федорова) Д.Н. Английскость и империя: дискурс современной идентичности в Великобритании // *Международный журнал исследований культуры*. 2013. № 2(11). С. 61–68.

¹⁰ См.: Арнаутова Ю.Е. *От Memoria к «истории памяти» // Одиссей. Человек в истории*. М., 2003. С. 171–172.

¹¹ Громыко А.А. *Великобритания: после захода солнца...*

- ¹² См.: Липкин М. А. Двадцать первый век по Гринвичу...; Семененко И.С. Культура, общество...; Kumar K. "Britishness" and "Englishness": What prospect for a European Identity in Britain today? // *British Studies Now*. 1995. Issues 1–5. P. 5–22.
- ¹³ *Questioning Identity: Gender, Class, Nation* / K. Woodward (ed.). L., N.-Y., 2000. P. 24.
- ¹⁴ Colley L. *Britons...*
- ¹⁵ *Ibid.* P. 1–6.
- ¹⁶ Hitchens P. *The Abolition of Britain: the British Cultural Revolution from Lady Chatterley to Tony Blair*. L., 1999. P. 322.
- ¹⁷ Цит по: Colley L. *Britons...* P. 6.
- ¹⁸ Ряд работ К. Кумара посвящен этому феномену. См., например: Kumar K. *Nation and Empire: English and British National Identity in Comparative Perspective* // *Theory and Society*. 2000. Vol. 29. №. 5. Oct. 2000. P. 575–608.
- ¹⁹ Цит. по: Ferguson N. *Empire...* P. 171.
- ²⁰ Nairn T. *The Break-up of Britain: Crisis and Neonationalism*. L.: Verso, 1977.
- ²¹ Kumar K. *Nation and Empire...* P. 589–90.
- ²² Curtice J., Heath A. *Is the English Lion about to Roar? Nation Identity after Devolution* // *British Social Attitudes, 17th Report: Focusing on Diversity*. L., 2000. P. 158.
- ²³ Kearney H. *The British Isles: A History of Four Nations*. Cambridge, 1989. P. 215.
- ²⁴ Guibernau M., Goldblatt D. *Identity and Nation* // *Questioning Identity: Gender, Class, Nation*. L., N.-Y., 2000. P. 130–132.
- ²⁵ Marr A. *The Making of Modern Britain. From Queen Victoria to VE Day*. L., 2009. P. 199–210.
- ²⁶ См. Ferguson N. *Empire*. P. 171.
- ²⁷ Robbins K. *Great Britain...* P. 213.
- ²⁸ Buettner E. *Haggis in the Raj: Private and Public Celebration of Scottishness in late Imperial India* // *Scottish Historical Review*. № 81. 2002. P. 212–239.
- ²⁹ Паксман Дж. *Англия. Портрет народа*. СПб., 2009. С. 82.
- ³⁰ Cannadine D. *Ornamentalism...* P. 103–105.
- ³¹ Cannadine D. *The Context, Performance and Meaning of Ritual: The British Monarchy and the "Invention of Tradition," c. 1820–1977* // *Inventing Traditions in Nineteenth-Century Europe*. Cambridge, 1983. P. 134–137.
- ³² Cannadine D. *Ornamentalism...* P. 103–105.
- ³³ Samuel R. (ed.). *Patriotism...* P. 103.
- ³⁴ Ward P. *Britishness since 1870*. L., N.-Y., 2004. P. 19–20.
- ³⁵ Ward P. *Britishness...* P. 20–22.
- ³⁶ *Ibid.*
- ³⁷ Cannon J., Griffiths R. *The Oxford Illustrated History of the British Monarchy*. Oxford, 1998. P. 560, 639.
- ³⁸ Punch. May 1882. P. 4, 6. См. также: *Punch Anti-Irish propaganda*. Irish Frankenstein. 1843. <http://punch.photoshelter.com/image>
- ³⁹ Bingham H. *This Little Britain...* P. 296.
- ⁴⁰ Samuel R. (ed.). *Patriotism...* P. 39.
- ⁴¹ См.: Chater K. "Where there's a Will": Black Britons in the Eighteenth Century // *History Today*. 2000. Vol. 50 (4). P. 26–27.
- ⁴² Enloe C. *Bananas, Beaches and Bases...* P. 49–50.
- ⁴³ Cannadine D. *Ornamentalism...* P. 12–13.
- ⁴⁴ Bendall P. *Beyond Ornament* // *History Today*. 2001. Vol. 51 (6). P. 61.
- ⁴⁵ См. Parekh B. *Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory*. Cambridge, Mass., 2000.
- ⁴⁶ Mortimer F.L., Pruzan T. *The Clumsiest People in Europe or, Mrs. Mortimer's Badtempered Guide to Victorian World*. N.-Y., 2006.

⁴⁷ См.: Батлер О. Моя маленькая Британия... С. 65.

⁴⁸ ПМА 3; Дж. Смит.

⁴⁹ The Miss Marple Collection 1984-1992. L., 2012. Сезон 1, серия 7.

⁵⁰ См. Французы, мусульмане: в чем проблема? // Этнографическое обозрение. 2005. № 3. С. 20–38.

⁵¹ См. Кондратьева Т.С. Великобритания: Дискуссия по проблемам иммиграции // Западная Европа перед вызовом иммиграции. М., 2005. С. 88–114. См. также: Petley J., Richardson R. Pointing the Finger: Islam and Muslims in the British Media Paperback. L., 2011.

⁵² См. Census 2011. Office for National Statistics. <http://www.ons.gov.uk/ons/guide-method/census/2011/index.html>

⁵³ См.: Castles S., Miller J. The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World. L., 2003. P. 213–214; Browne A. Do We Need Mass Immigration: The Economic, Demographic, Environmental, Social and Developmental Arguments Against Large-Scale Net Immigration to Britain. L., 2002.

⁵⁴ См.: Census 1991. Office for National Statistics. <http://www.ons.gov.uk/ons/guide-method/census/1991-and-earlier-censuses/1991-census-data/index.html>; Census 2001. Office for National Statistics. <http://www.ons.gov.uk/ons/guide-method/census/census-2001/index.html>

⁵⁵ См.: Census 2011. Religion, Race and Qualifications. See How England & Wales have. <http://www.guardian.co.uk/news/datablog/2012/dec/11/census-2011-religionrace-education>; Languages Mapped: What Do People Speak Where You Live? // The Guardian. 2013, 30 January. <http://www.guardian.co.uk/news/datablog/interactive/2013/jan/30/languages-mapped-england-wales-census>

⁵⁶ Muslims in Europe: Country Guide // BBC News. 2005, December. <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/4385768.stm>

⁵⁷ Census 2001....; Census 2011....; Muslims in Europe Country Guide....

⁵⁸ Census 2011. Religion, Race and Qualifications...; Languages Mapped.... Исследователи также пишут о девальвации традиционных ценностей в Британии во второй половине XX вв. В 1960–1970-е гг. англиканская и другие протестантские, католическая церкви оставались традиционными, тогда как само общество стремительно менялось и их влияние снижалось. С 1990-х гг. и по настоящее время происходит рост увлечений паранормальными явлениями и альтернативными религиями. В то же время в 1997 г. 70 % респондентов заявляли о своей религиозности (в той или иной степени), но 90 % опрошенных говорили о том, что не посещают церковь регулярно. Среди причин исследователи называют рост нестабильности в мире и снижение чувства уверенности в безопасности у рядовых британцев, кризис научного знания, догматичность и организационную слабость традиционных церквей и пр. См.: Christopher D. British Culture... P. 18.

⁵⁹ Nielsen J. S. Muslims in Western Europe. N.-Y., 2005. P. 45; Остапенко Г.С. Мусульманская община в Великобритании в конце XX — начале XXI вв.: противостояние цивилизаций или путь к согласию // Британия: история, культура и образование. Ярославль, 2008. С. 184.

⁶⁰ Bryant C. The Nations of Britain... P. 195.

⁶¹ Британская оппозиция вступилась за мусульман // Mignews. 28 января, 2007. http://www.mignews.com/news/politic/world/280107_135033_74873.html. См. также: Понамарева А. Мусульмане Европы: прогрессирующий фактор страха // Индекс безопасности. 2007. №3. С. 61–63; Lewis P. Young, British and Muslim. L., 2007; Kabir N.A. Young British Muslims: Identity, Culture, Politics and the Media. Edinburgh, 2012.

- ⁶² Антонова В.К. Великобритания обречена на мультикультурализм или мультикультурализм в Великобритании обречен? // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1. №2. С. 213–230.
- ⁶³ См. *Immigration Law and Practice* / D. Jackson, G. Warr, J. Onslow, C. Middleton (eds.). Bloomsbury, 2008.
- ⁶⁴ Horowitz D. *Immigration and Group Relations in France and America* // *The Immigration Reader: America in a Multidisciplinary Perspective*. Malden, MA, 1998. P. 320.
- ⁶⁵ Цит. по: Антонова В.К. Великобритания обречена... С. 214.
- ⁶⁶ См.: Soysal Y. *Limits of Citizenship: Migrants and Postnational Membership in Europe*. Chicago, 1994; Jenkins R. *Rethinking Ethnicity*. N.-Y., 1997; Jones T. *Britain's Ethnic Minorities*. L., 1993 и др.
- ⁶⁷ В пример можно привести следующие исследования (наименее британо-центристские): Jackson R., Miedema S., Weisse W., Willaime J.-P. *Religion and Education in Europe: Developments, Contexts and Debates*. Munster, 2007; *Racism and Migration in Western Europe* / J. Wrench, J. Solomos (eds). Oxford, 1993; *Ethnic Mobilization in a Multi-Cultural Europe* / J. Rex, B. Drury (eds). Aldershot, 1994; *Migration and European Integration* / R. Miles, D. Thranhardt (eds.). L., 1995; *The Politics of Multiculturalism in the New Europe* / T. Modood, P. Werbner (eds.). L., 1997.
- ⁶⁸ Feldblum M. *Paradoxes of Ethnic Politics: The Case of Franco-Maghrebins in France* // *Ethnic and Racial Studies*. 1993. Vol. 16. Issue 1. P. 52–74.
- ⁶⁹ См. Malik K. *Can Multiculturalism Work? The Paper Presented at the Attention Seeking: Multiculturalism and the Politics of Recognition: Institute Françoise*. L., 2002.
- ⁷⁰ Alibhai-Brown Y. *Imagining the New Britain*. L., 2001. P. 10–11.
- ⁷¹ Fish S. *Boutique Multiculturalism* // *Multiculturalism and American Democracy*. Lawrence, 1998. P. 69. См. также: Browne A. *Do We Need Mass Immigration: The Economic, Demographic, Environmental, Social and Developmental Arguments Against Large-Scale Net Immigration to Britain*. L., 2002.
- ⁷² См. Phillips T. *Britishness and the “M” Word* // *Connections*. 2004. Vol. 2. P. 12–13.
- ⁷³ *The Guardian*, 28 March 2001. Цит по: Антонова В.К. Великобритания обречена... С. 217.
- ⁷⁴ Alexander C, Alleyne B. *Introduction: Framing Difference: Racial and Ethnic Studies in Twenty-First-Century Britain* // *Ethnic and Racial Studies*. 2002. Vol. 4. Issue 25. P. 542.
- ⁷⁵ Кэмерон призывает забыть о политике мультикультурности // Русская служба «Би-би-си». 2011, 5 февраля. http://www.bbc.co.uk/russian/uk/2011/02/110205_cameron_multiculturalism_failed.shtml; Multiculturalism has “failed in UK” // Al Jazeera. 2011, 5 февраля. P. 17; Официальная страница Д. Кэмерона на сайте Консервативной партии Великобритании. http://www.conservatives.com/People/David_Cameron.aspx
- ⁷⁶ См.: Miah R. *Barriers to Belonging: Overcoming the Challenges to Developing a British Identity Amongst British Muslims* // *Being British. The Search for the Values that Bind the Nation*. Edinburgh, L., 2009. P. 89–98. Интервью с Р. Миа. Олдем, Манчестер. 26.07.12.
- ⁷⁷ *Where People are from. Born Abroad: an Immigration Map of Britain* // BBC News. 2005, November. http://news.bbc.co.uk/1/shared/spl/hi/uk/05/born_abroad/html/overview.stm
- ⁷⁸ Данный словооборот прочно вошел в обиход исследователей после скандала во Франции 2003–2004 гг. вокруг мусульманского платка (хиджаба) и нового закона, запрещающего ношение религиозных символов в публичных школах. Инцидент стал нарицательным в обозначении проблем, связанных с интеграцией мусульман в западноевропейское сообщество, в том числе Великобритании, которая столкнулась затем с такими же проблемами. Подробнее см.: Johnston R. J., Forrest J., Poulsen M.F. *The Ethnic Geography of Ethnic Cities...*; Филиппова Е.И. Французы, мусульмане...; Киллиан К. Французский запрет на религиозную символику в школах

и взгляды женщин Магриба на ношение Хиджаба // Этнографическое обозрение. 2005. №3. С. 39–57.

⁷⁹ Rotherham Child Abuse Scandal: 1,400 Children Exploited, Report Finds // BBC news. 2014, August. <http://www.bbc.com/news/uk-england-south-yorkshire-28939089>

⁸⁰ Christian Patrol Marches Through Islamist Hotspot // Before it's News. 2016, January. <http://beforeitsnews.com/bloggng-citizen-journalism/2016/01/christian-patrol-marches-through-islamist-hotspot-watch-what-instantly-happens-2529042.html>

⁸¹ Islam Race and British Identity...

⁸² См.: Make Bradford British Documentary is “Unfair Image” of City // BBC News. <http://www.bbc.co.uk/news/uk-england-leeds-17211995>. См. также: Make Bradford British. Documentary. / Created by R. McKerrow. 2012. 2 episodes. Channel 4. <http://www.channel4.com/programmes/make-bradford-british/on-demand>

⁸³ Bryant C. The Nations... P. 195–196.

⁸⁴ Городской Совет Олдема, полиция Манчестера и Агентство по развитию Северо-Западного региона (North-West Development Agency) подготовили серию отчетов с комментариями по этнической ситуации, в том числе: Oldham Beyond: a Vision for the Borough. A Report for Oldham Local Strategic Partnership and North-west. Manchester, 2004; Oldham Together: The Outlook's Bright. Manchester, 2002. См. также: ПМА 33.

⁸⁵ Занятие заброшенных протестантских соборов, по свидетельствам местных жителей, обычное дело. Например, в Олдеме на углу улиц Сент-Джонс и Холм-фиф старая английская церковь в 1980–90-е гг. была заброшена (разбитые окна, граффити, курители марихуаны и любители секса внутри — английские подростки, в основном), затем откуплена местной бангладешской и пакистанской общинами и превращена постепенно в мечеть, молиться в которую мусульмане приходят регулярно и многочисленно. Могилы во дворе территории церкви мусульмане не трогают, но внутри здания многое переделано. Снаружи стоит табличка с новым названием молельного дома. Источник: ПМА 35; Д. Робертсон.

⁸⁶ ПМА 35; Д. Робертсон.

⁸⁷ ПМА 33; М. Чоудхари, Дж. Хопкинс. См. также: Приложение 2.

⁸⁸ ПМА 39; Р. Махмуд.

⁸⁹ ПМА 39; Д. Смит.

⁹⁰ ПМА 39; М. Кларк. См. также: Вишневецкая Ю. Почему мультикультурализм живет лишь на обломках империй / Ю. Вишневецкая // Русский репортер. 2011, 17–24 марта. С. 50–61; Официальный сайт Совета унитарной единицы Лестер. <http://www.leicester.gov.uk/homepage.aspx>

⁹¹ Wright S. The Politization of «Culture» // Anthropology Today. 1998. Vol. 14. No 1. 1998. P. 7–15.

⁹² По отношению к каждому британскому региону — Шотландия, Уэльс, Северная Ирландия и Англия — исследователи и общественность зачастую употребляют термин «нация» на основании наличия там исторически сложившихся общностей, единой территории, языка и политических институтов. См. Bryant C. The Nations of Britain... P. 19–22.

⁹³ См. Cannadine D. British History as a “New Subject”: Politics, Perspectives Prospects // Uniting the Kingdom? The Making of British History. L., N.-Y., 1995. P. 12–31.

⁹⁴ Leonard M. Rediscovering Europe. L., 1998. См.: Липкин М. XXI век по Гринвичу... С. 136; Aughey A. The Politics of Englishness... P. 171.

⁹⁵ Martin M. UK PLC: Trapped in a Time Warp? // British Studies Now. 1995. Anthology Issues № 1–5. P. 76–82.

⁹⁶ См. Aughey A. The Politics of Englishness.... P. 171–174.

- ⁹⁷ См. National History Curriculum. 1988. www.edu.dudley.gov.uk/ict/curriculum/nc1988/sublink1.doc; National History Curriculum. 2000. www.edu.dudley.gov.uk/ict/curriculum/nc2000/sublink1.doc
- ⁹⁸ См.: Nash G., Grabtree Ch., Dunn R. History on Trial. Culture Wars and the Teaching of History. N.-Y., 1997. P. 142; Зубкова И. А. Мультикультурализм... и др.
- ⁹⁹ Формально Британский совет является частью Министерства иностранных дел Великобритании. В то же время организация управляется и работает независимо от МИДа, хотя и в тесном сотрудничестве с ним. См. сайт Британского Совета. <http://www.britishcouncil.org/>
- ¹⁰⁰ См. Ware V. Who Cares about Britishness?..
- ¹⁰¹ Bryant C. The Nations of Britain.... P. 7.
- ¹⁰² Ware V. Who Cares about Britishness?.. P. 5.
- ¹⁰³ Ibid. P. 3-4.
- ¹⁰⁴ Brown G. Speech by the Chancellor of the Exchequer // British Council Annual Lecture, 7 July 2004. <http://www.theguardian.com/politics/2004/jul/08/uk.labour>
- ¹⁰⁵ Brown G. Speech by the Chancellor....
- ¹⁰⁶ Gamble A., Wright T. Introduction: The Britishness Question // *Britishness: Perspectives on the British Question*. Oxford, 2009. P. 4.
- ¹⁰⁷ См.: Being British....
- ¹⁰⁸ Среди них также знаменитый писатель С. Фрай, историк из Кембриджа и Белфаста К. Бейкер, банкир сэра В. Бланк, премьер-министр Г. Браун, профессор психологии Т. Байрон, журналисты Д. Джонс и Дж. Кэмпфнер, музыкант Дж. Мартин, политический деятель Т. Хэймс, полисмен из Скотланд-Ярда сэра А. Блер и многие другие.
- ¹⁰⁹ Clark J.C.D. National Identity and the Historians // *Being British. The Search for the Values that Bind the Nation*. Edinburgh, L., 2009. P. 136.
- ¹¹⁰ Gamble A., Wright T. Introduction... P. 4-5.
- ¹¹¹ См. Ward P. Britishness since 1870....
- ¹¹² Aughey A. The Wager of Devolution and the Challenge to Britishness // *Britishness: Perspectives on the British Question*. Oxford, 2009. P. 136-137.
- ¹¹³ См.: Willetts D. England and Britain, Europe and Anglosphere // *Britishness: Perspectives on the British Question*. Oxford, 2009. P. 54-61.
- ¹¹⁴ См. Hitchens P. *The Abolition of Britain: the British Cultural Revolution from Lady Chatterley to Tony Blair*. L., 1999.
- ¹¹⁵ Redwood J. The Death of Britain? The UK's Constitutional Crisis. N.-Y., 1999.
- ¹¹⁶ Heffer S. *Nor Shall My Sword: The Reinvention of England*. L., 1999.
- ¹¹⁷ Gamble A., Wright T. Introduction... P. 2-3.
- ¹¹⁸ Нейрн Т. Интернационализм... С. 357.
- ¹¹⁹ Crissel A. *An Introductory History*... P. 45.
- ¹²⁰ Таблицы составлены по данным: *British Social Attitudes 2000, 2002, 2003, 2005, 2012, 2014*, данным центра «YouGove», полевых материалов автора. См. также: Uberoi V., Mclean I. Britishness: a Role for the State? // *Britishness: Perspectives on the British Question*. Oxford, 2009. P. 48-49; Curtice J., Heath A. Is the English Lion about to Roar?.. Tabl. 8.4, 8.5, 8.7, 8.9, 8.10, 8.11.
- ¹²¹ Hayton R., English R., Kenny M. Englishness in Contemporary British Politics // *Britishness: Perspectives on the British Question*. Oxford, 2009. P. 122.
- ¹²² Kumar K. *The Making of English National Identity*. Cambridge, 2003. P. 269.
- ¹²³ Weight R. *Patriots: National Identity in Britain 1940-2000*. L., 2002. P. 10.
- ¹²⁴ Blankett D. *A New England: An English Identity within Britain*. Speech to the Institute for Public Policy Research. 14 March 2005. L., 2005.

- ¹²⁵ Weight R. Patriots... P. 727.
- ¹²⁶ См. Bragg B. *The Progressive Patriot: A search for Belonging*. L., 2007.
- ¹²⁷ Hayton R., English R., Kenny M. *Englishness...* P. 126.
- ¹²⁸ См. Aughey A. *The Politics of Englishness...*
- ¹²⁹ См. Parekh B. *Being British // Britishness: Perspectives on the British Question*. Oxford, 2009. P. 32–40.
- ¹³⁰ Gamble A., Wright T. *Introduction...* P. 7.
- ¹³¹ См. Willetts D. *England and Britain, Europe and Anglosphere...*
- ¹³² Kellner P. *What Britishness Means to the British // Britishness: Perspectives on the British Question / A. Gamble, T. Wright (eds)*. Oxford: Political Quarterly Wiley-Blackwell, 2009. P. 62–71.
- ¹³³ Сертифицированная исследовательская организация (область деятельности — различные исследования и социальные опросы по заказу СМИ, академических и правительственных организаций Великобритании и мира в основном в интернете). См. сайт организации «ЮГоув». <http://yougov.co.uk/>
- ¹³⁴ Kellner P. *What Britishness Means...* P. 63–64.
- ¹³⁵ Ibid. P. 65.
- ¹³⁶ <http://projectbritain.com>
- ¹³⁷ Aitch I. *We're British, Innit: An Irreverent A to Z of All Things British*. L., 2010.
- ¹³⁸ Ford M., Legon P. *The How to be British Collection*. Hove, 2003.
- ¹³⁹ См. Little Britain. *Series 1-3 Box Set*. L., 2006; *Rude Britannia*. *Sketches*. 3 episodes. L., 2010. <http://www.bbc.co.uk/programmes/boossz7f/episodes/guide>
- ¹⁴⁰ Watson L. *Gallery*. <http://www.bjp-online.com/public/showPage.html?page=208284>
- ¹⁴¹ У Британии действительно нет единого национального праздника, такого как день покровителя страны или День независимости, обычных для Европы и Северной Америки: у Уэльса есть День святого Дэвида (1 марта), у Северной Ирландии День святого Патрика (17 марта), у Англии День святого Георгия (23 апреля), у Шотландии День святого Эндрю (30 ноября).
- ¹⁴² ПМА 1: К. Свинберн.
- ¹⁴³ ПМА 2: А. Саид; ПМА 38: З. Ахмид; ПМА 10: К. Крокот; ПМА 13: Э. Криссел.
- ¹⁴⁴ См. Roberts B. *David Cameron: I Want to be the New Thatcher // The Daily Mirror*. 2008, 20 May. P. 4.
- ¹⁴⁵ См.: Smith L. *David Cameron not Bothered by Euro Clash — He's a Villa Fan // The Birmingham Post*. 2008, 20 May. P. 7.
- ¹⁴⁶ Holt R. *St George's Day: David Cameron "Equally Proud to be English and British" // The Telegraph*. 2013, 23 April. P. 2.
- ¹⁴⁷ См.: Mardell M. *Brexit: The story of an island apart // BBC News*. 2016, June 25.
- ¹⁴⁸ См. Brooks X. *London 2012 Olympics Opening Ceremony — as It Happened // The Guardian*. 2012, 27 July. <http://www.guardian.co.uk/sport/london-2012-olympics-blog/2012/jul/27/london-2012-olympics-opening-ceremony->
- ¹⁴⁹ Nairn T. *Faces of Nationalism...* P. 12.
- ¹⁵⁰ В Шотландии, Уэльсе и Северной Ирландии националистические партии — мейнстрим (если иметь в виду такие организации, как Шотландская национальная партия, Партия Уэльса, Ольстерская юнионистская партия и др.). См. Barberis P., McHugh J., Tyldesley M. *Encyclopedia of British and Irish Political Organizations: Parties, Groups and Movements of the 20th Century*. L., 2002.
- ¹⁵¹ Партия (лидер — Н. Фарадж) на сегодня одна из самых успешных крайне правых партий страны. На выборах в Европарламент в 1999 г. она получила 3 депутатских места, в 2009 — 13, а в 2014 г. — 24 места из 73 для Великобритании. Придерживается евроскептических и антииммиграционных взглядов, эксперты считают

партию популистской и привлекающей протестный электорат. См.: VOTE 2014. UK European election results // BBC News. <http://www.bbc.com/news/events/vote2014/eu-uk-results>; Driver S. *Understanding British Party Politics*. L., 2011. P. 151.

¹⁵² См. Milza P. *L'Europe en Chemise Noire: Les Extremes Droites en Europe de 1945 à Aujourd'hui*. Fayard, 2002.

¹⁵³ Barberis P., McHugh J., Tyldesley M. *Encyclopedia of British and Irish Political Organizations: Parties, Groups and Movements of the 20th Century*. L., 2002. P. 178.

¹⁵⁴ После прихода к руководству партии в 1995 г. Н. Гриффин направил усилия на попадание БНП в парламент, чего ранее удалось добиться другим ультраправым политикам — Ле Пену во Франции и Хайдеру в Австрии. Гриффин радикально сменил партийный имидж, отказавшись от поддержки скинхедов и открыто расистской риторики в пользу таких идей, как «защита британского образа жизни». БНП включила в свою программу борьбу за защиту окружающей среды и права животных. См.: Trilling D. *Bloody Nasty People: The Rise of Britain's Far Right*. L., 2012; Goodwin M. *New British Fascism: Rise of the British National Party*. L., 2011. См. также: Profile: Nick Griffin. BBC, 10 ноября 2006. http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/politics/4670574.stm

¹⁵⁵ Trilling D. *Bloody Nasty People...* P. 154. См. также: официальный сайт Британской национальной партии. <http://www.bnp.org.uk/>

¹⁵⁶ Еремина Н.В. Британская национальная партия: факторы роста и сдерживания // Политэкс. 2008. № 1. С. 36–48.

¹⁵⁷ Малахов В.С. Национализм... С. 214.

¹⁵⁸ Mudde C. *The Ideology of Extreme Rights*. P. 127; Интервью с бывшим членом Британской национальной партии, сотрудничавшим с властями в ходе борьбы с экстремизмом и ксенофобией Э. Сайксом. Бредфорд, 29.07.12.

¹⁵⁹ Democracy, Freedom, Culture and Identity. *The British National Party 2010 General Election Manifesto*. Welshpool, 2010. P. 2–3. См. также: Copsey N. *Contemporary British Fascism: The British National Party and its Quest for Legitimacy*. L., 2004.

¹⁶⁰ Материалами служат официальные документы партии, статьи и эссе членов партии, размещенные на страницах сайта, газеты «Голос Свободы» (*Voice of Freedom*) и журнала «Идентичность» (*Identity*) БНП за 1997–2014 гг.

¹⁶¹ Bean J. *John Bean's Nationalistic Notebook // Identity*. Issue 70. 2006. P. 20–21.

¹⁶² Hamilton D. *Asulum Invaders and Anti-British Fifth Column // Identity*. Issue 67. P. 12.

¹⁶³ Goodacre A. *The Ten Axioms of Economic Nationalism // Identity*. 2002. 34, P. 22–23.

¹⁶⁴ Democracy, Freedom, Culture and Identity...

¹⁶⁵ Heydon N. *Turkey in Europe // Identity* 25. P. 12.

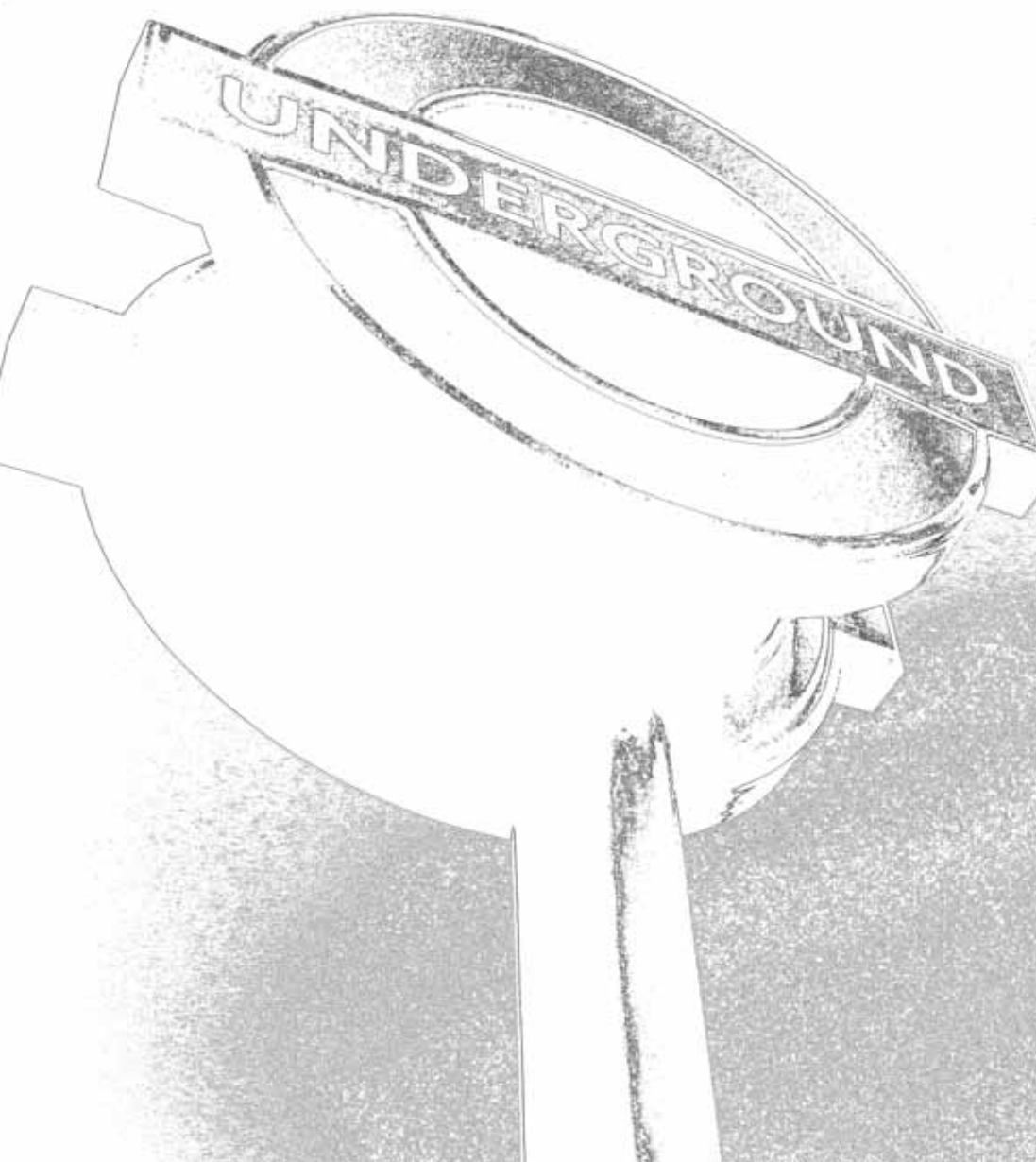
¹⁶⁶ Maddox J. *Christianity in Britain: Self-harm or Suicide? // Identity* 69. P. 26.

¹⁶⁷ Liddel C. *Multiculturalism: the Engine of Genocide // Identity*. Issue 68. 2006. P. 12.

¹⁶⁸ См.: Материалы раздела Leaflets сайта БНП. <http://www.bnp.org.uk/resources/leaflet>

¹⁶⁹ Liddel C. *Multiculturalism...*

¹⁷⁰ См. Материалы раздела Leaflets сайта БНП. <http://www.bnp.org.uk/resources/leaflet>.

Глава 2

Englishness,
или Категоризация
моделей английской
идентичности

Идеологическое и коммуникативное измерение английскости открывает множество версий идентичности, как непосредственно связанных с британскостью, так и развивающихся в рамках концепции английской «нации» и «региона» Англии. Из-за выше рассмотренных процессов английскость как идентичность политизируется, но остается культурной идентичностью. В этом дискурсе первостепенную роль играют такие факторы, как специфика развития регионов Англии (в основном Юго-Востока), взаимоотношения «метрополии» и «провинции». Среди акторов на первый план выходят не только политические элиты, но и «периферийные» политики, деятели культуры и участники (лидеры) общественных движений.

**§ 2.1. “Past Makes the Perfect Present”¹,
или Категоризация идеологического
и коммуникативного измерения английскости**

В 2011 г. на ТВ была запущена английская реклама популярного пива *Carling*, в которой говорилось о том, что англичане манерны как члены парламента и безумны как футбольные фанаты, приверженцы традиции (в качестве иллюстрации изображение здания Биг-Бена) и новаторы (дизайн-здание «Миллениум» в Сити-центре), жаждут великого (двухэтажные красные автобусы) и испытывают любовь к малому (лондонское такси). Реклама является не только тиражированием брендов и стереотипов, но и указывает на ряд направлений в дискурсе.

Ведущий популярного радишоу *London Biggest Conversation* А. Пирс после проведения референдума о независимости Шотландии заявил, что «англичане больше не правят даже Британией». В ответ поступило множество звонков от радиослушателей, как поддерживающих его позицию, так и предлагающих взглянуть на проблему иначе: мол, ничего страшного, мы теперь маленькая самобытная островная нация с интересной историей и уникальными обычаями.² Данная дискуссия также является показательной.

Во время полевых исследований респондентам (считающим себя англичанами, различного пола и возраста, профессии, социального положения) предлагалось пройти тест на визуализацию идентичности: необходимо было представить себе ситуацию «Я в Англии» и назвать первые пришедшие в голову образы. 128 из 134 опрошенных (95,5%) описывали следующее: зеленые

холмы, поля, каменные кладки оград, деревья, овцы (все неспешное, природное). При этом большинство респондентов (112 из 134 человек) родились и проживают в крупных индустриальных или приморских городах (Манчестер, Бирмингем, Ньюкасл, Ливерпуль, Портсмут). Факт диссонанса реальных и воображаемых ландшафтов английскости налицо.

При опросах респонденты зачастую затруднялись определить, что такое английскость и что значит быть англичанином, и считали понятия «английский» и «британский» равнозначными. Распространено мнение, что этой идентичности сегодня не существует: она канула в Лету в имперские времена. Английскость для многих — ностальгическое понятие, этнически почти не выраженное в силу своего статуса принадлежности «титულიной нации» на протяжении истории. При попытке назвать основные символы английскости следовало перечисление основных символов власти и различных клише (королева, телефонная будка и пр.), активно тиражируемых властями и СМИ. Разговор о месте рождения и жительства, локальной идентичности вообще являлся, как правило, более содержательным. Попробуем ответить на вопрос, с чем связаны вышеперечисленные обстоятельства.

Контекстная экспертиза дискурса английскости позволяет говорить о различных измерениях и конструкциях культурной идентичности англичан. Идентичность реализуется в измерении идей (контекстов, факторов, символов, о чем частично мы говорили в Главе 1) и социальной коммуникации (конкретных коллективных пространствах — например, паб, стадион, завод, дом), оказывающих различное влияние на формирование и механизмы существования идентичности и имеющих несколько взаимозависимых символических конструкций. Конструкции эти могут иметь как имплицитный, так и эксплицитный характер.

1. Английскость — исконная идентичность

Одна из наиболее распространенных конструкций: ее апологеты подчеркивают наличие в английскости мощной исторической платформы, «самобытного и уникального» наследия; зачастую в паре с данной конструкцией идет представление об Англии как территории идиллических сельских пейзажей (*old green countryside*), о земле зеленой и приятной (*England's green and pleasant land*). Здесь историческое происхождение английскости считается

признаком самобытности и уникальности. ИмPLICITно ассоциируется с примордиальным, коренным белым населением. Исторические основания этой конструкции часто не специфичны («люди делали это сотни лет»), исторически романтичны («славные, великие прошлые времена»).

2. Английскость — утраченная идентичность

Идея о том, что английская культурная идентичность была утрачена, забыта, является формой идеологического продолжения предыдущей конструкции и представляет английскость в качестве дискурса открытия, восстановления, сохранения, возрождения.

3. Английскость — осажденная идентичность

В отличие от adeptов конструкции английскости как пассивно утраченной и забытой идентичности, представители данного подхода воспринимают английскость как идентичность активно внешне осаждаемую, запрещаемую, угнетаемую, подавляемую из-за контекстных обстоятельств и/или во имя конкретной политики в области культуры. Факторами являются промультикультуралистское законодательство, глобализация с США во главе, нападки на английскость как идеологию крайне правого национализма и расизма и др. Дискурс включает жалость по отношению к «нашему» наследию, сравнение с наследием «других» (Шотландии, Уэльса, Северной Ирландии, иммигрантских общин), для которых «в Британии созданы все условия», рассуждения об институционализации клеветы в отношении английскости.

4. Английскость — конгломерат региональных идентичностей

Английскость как культурная идентичность, имPLICITно выражающаяся через эксплицитную демонстрацию региональных / локальных идентичностей. Как правило, adeptы данного подхода считают, что английскость в классическом виде существует только на Юго-Востоке (не в Лондоне), тогда как другие регионы (особенно северные) обладают принципиально иной, более гибридной, идентичностью (связано это с близостью к другим «нациям» Британии, а также наличием сильных иммигрантских общин). Дискурс изобилует категориями сельской и провинциальной истории, традиционной культуры, индустриального наследия, урбанистического туризма.

*5. Английскость — дискретная идентичность
в рамках мультикультурной Британии*

Этот подход приравнивает английскость по значимости к идентичностям других, особенно коренных, культур мультиэтнической Британии. Английскость как дискретный и ограниченный элемент в мозаике британских культур рассматривается в эссенциалистских терминах этничности (англичане не «титовая нация», а этническая группа, одна из многих). Данная конструкция часто приводится в качестве вдохновляющего обоснования деятельности, например, английских музыкантов, танцоров, литераторов, краеведов в деле поддержания равного статуса английскости по сравнению с другими культурами. В том числе в смысле необходимости проводить традиционные праздники и ритуалы («мы должны помнить и чтить наши культурные традиции так же, как другие культурные группы делают это в нашей стране»). Эта конструкция одна из наиболее популярных в общей среде считающих себя англичанами активистов.

*6. Английскость — гибридная
мультиэтническая идентичность*

Такая конструкция предлагает альтернативный взгляд на английскость как идентичность открытую для представителей различных этнических и социальных групп (конструктивистское, мультикультурное понимание идентичности). Англия как «плавильный котел» глобализирующихся постиндустриальных идентичностей людей, испытавших на себе последствия века варварских набегов, географических открытий, империи, колониализма, евроинтеграции и т. д.

Наиболее удачной для описания современного дискурса английской идентичности представляется категоризация моделей английскости по месту (территории — реальной и виртуальной) и времени, с учетом локальности и магистральности. Необходимо учитывать, что моделирование в антропологии, безусловно, носит условный характер; модели в чистом виде существуют редко и образуют множество гибридных форм.

По антропологии движения А.В. Головнёва, дрейф этничности в древности и наши дни предопределялся во многом взаимодействием магистральных и локальных культур. Локальная этничность основана на философии близости и родстве как технологии

и обращается к понятиям родной земли, родины. Магистральная этничность основана на власти и механизмах подчинения (интеграция, посредничество) и обращается к понятию нации, народа. Локальная культура живуча и устойчива, магистральная — статусная. При этом магистральная культура «могла оказаться эфемерной, “сойти с орбиты” в противоборстве с другой культурой, не выдержать напряжения движения и осесть в удобной локальной нише».³

Английская культура парадоксальна в пересечении деятельностных схем, сочетая, с одной стороны, предприимчивых, открытых внешнему миру поборников инноваций, с другой — хранителей английской традиции, любителей крикета и чайных посиделок, всячески оберегающих свою культуру от трансформаций. Исторически английская культура, ставшая ядром британского сообщества, была полем взаимодействия локальности (мы условно ее называем «идентичностью суши») и магистральности («идентичность моря»). «Идентичность суши» опирается на «остров» (страну, графства), «сельскую местность» и «местные сообщества» как символы почвенничества, локальности, оседлости. «Идентичность моря» включает атлантизм (мост с США), мир торговли и крупных городов, обширную сеть коммуникаций — продолжение имперских стратегий.

Эти схемы идентичности тесно связаны с классовостью, гендером, зрелостью. На Севере Англии локальность зачастую выражается в мотивах и действиях женщин, представителей рабочего и низшего слоя среднего классов, людей преклонного возраста; магистральность просматривается в свойствах мужского населения, людей зрелого возраста, особенно аристократии и среднего класса. Данные модели сплетаются в причудливые конструкции с территориальной, региональной, ландшафтной, профессиональной, социально-статусной, политической идентичностями, входят в конфликт или гармонию с образом мира, самообразом, исторической памятью, национальными мифами. Итак, мы можем говорить о пяти моделях.

Первые четыре модели относятся зачастую к идентичности «метрополии», английскости Юго-Востока, тогда как дискурс идентичности в остальных частях Англии организован несколько иначе, поэтому мы обращаемся к Региональной Англии, модели, отрицающей существование единой идентичности в Англии.

Модели английскости

Время	Пространство	
	Локальность, или «идентичность суши»	Магистральность, или «идентичность моря»
Ориентация на прошлое, традицию	«Классическая» Англия	Британская Англия
Ориентация на настоящее, инновацию	Малая Англия	Космополитичная мультикультурная Англия
Региональная Англия		

§ 2.2. «Классическая» Англия

Концепция локальной и гибридной идентичности, ориентированная на прошлое и отсылающая к прошлому. В качестве ориентира — Англия до Британии или вне Британии (древняя и средневековая Англия, Англия раннего нового и новейшего времени) с чертами, которые расцениваются в качестве «истинно английских» (символически, чувственно, логически). Поклонники этой концепции обращаются к понятию «настоящей Англии» — как некоей исконной, самостоятельной внебританской политической и культурной субстанции; в основе этой идентичности лежат «ценности, проверенные временем». Основными символическими категориями являются концепты «старой Англии» (*old England, early England*) и «Англии, страны зеленой и прекрасной» (*England is the green and pleasant land*). Это «земля обетованная», воспетая писателями и поэтами. Земля из-за империи, евроинтеграции, мультикультурализма исчезающая — в географическом, эмоциональном, чувственном смысле. Дискурс идентичности в рамках модели строится на попытках восстановить знание о забытых традициях (морские песни шанти, например), проследить историю формирования английскости, описать структуры повседневности и образы английскости на примере отдельных жанров литературы и искусства и т. д.⁴

Пока общественность с улицы утверждает, что «именно в старину существовала настоящая английскость»,⁵ профессиональные участники данного дискурса задаются вопросами, насколько ранняя история Англии является собственно английской

в «этническом» смысле и что есть «истинная Англия» вообще. Ведь, например, Достопочтенный Беда творил на латыни. Шекспир писал свои исторические пьесы, способствующие формированию популярной английскости, по поручению Елизаветы I. Вся английская история от периода завоевания островов датчанами и норманнами до королей Англии (Кнут, Ричард I, Вильям I и II, Генри I и II), являвшихся выходцами из норманнской и французской элиты и проводивших большую часть времени за пределами Англии, тоже собственно не слишком «английская» в «этническом» смысле. Хотя бы потому, что официальные церемонии, отправка законодательства и т. д. производились на французском языке. Освещение академических и общественных дебатов по поводу происхождения Англии и английских национальных исторических мифов и символов — предмет отдельного исследования, однако кратко обозначим некоторые позиции.

Часть исследователей вслед за Бедой Достопочтенным (731 г.) пытаются вести этническую историю Англии с завоевания германскими племенами (юты, англ, саксы) Британских островов, заселенных до этого бриттами, кельтами, друидами; а также с образования королевств Кент, Сассекс, Уэссекс, Эссекс, Восточная Англия, Мерсия и Нортумбрия.⁶ Указывают и на влияние Римского завоевания (создание инновационной политической, культурной и ландшафтной инфраструктуры, уничтожение части самобытного культурного наследия). Христианизация племен, проходившая при содействии папы Григория и христианских миссионеров в VI–VII вв., способствовала развитию письменности (латыни), объединившей многочисленные диалекты племен островов, что затем вылилось в создание собственного языка. Беда называл язык англо-саксов английским, и первое значительное письменное произведение, созданное на староанглийском, — «Беовульф» — было посвящено описанию сражений и военных подвигов, происходивших, по сути, на не английских территориях, а в пределах современных Швеции и Дании. Таким образом, первая английская история также писалась не об Англии собственно. Тем не менее как англо-саксонские артефакты, найденные на территории Англии и хранящиеся в частных и музейных коллекциях, так и римские являются частью английского наследия, по мнению сторонников данной концепции английскости.⁷

Следующей вехой в становлении английскости (и частью национальной героической историографии) стало завоевание викингами княжеств англо-саксов в период 789–880 гг. (в частности, значимые для национальной истории захваты аббатств Линдисфарн, Джарроу, Иона, завоевание Восточной Англии, Йорка, Нортумбрии, Мерсии). Король Альфред (Альфред Великий) и княжество Уэссекса, не уступившие позиции датчанам, также являются частью национальной героической историографии. Как полагают некоторые, с этого разделения на завоеванные датчанами северные (область Датского права (*Danelaw*)) и отвоеванные англо-саксами южные земли и пошло историко-культурное размежевание Севера и Юга. В глазах англо-саксов викинги оставались такими же варварами, какими они были в представлениях римлян. В историографии существует множество точек зрения относительно характера влияния датчан на англо-саксонскую культуру, но большинство склоняется к тому, что датчане затормозили развитие местного населения посредством истребления и запугивания людей, разрушения монастырей (культурно-просветительских центров), местной денежной системы (и введением собственной — *Danegeld*) и т. д. Тем не менее артефакты того времени (археологические, письменных не сохранилось) также являются частью английского культурно-го наследия.⁸

Развитие «Англии» (староангл. *Englaland*) связывают с развитием и расширением саксонского княжества Уэссекс, чья административная система широв, сотен и приходов была распространена на все английские территории. В то же время исследователи признают, что Уэссекс являлся изначально вотчиной одного из саксонских домов, а не домов англов; это связано в большей степени с фигурами папы Григория и Достопочтенного Беды и с миссионерскими обозначениями территорий, нежели реально существующими этническими обстоятельствами. По стандартам того времени Англия короля Альфреда являлась необычайно организованной и централизованной территорией, в официальных документах уже использовалась не латынь, а местный язык. Однако в культурном отношении «английскость» представляла собой смесь культур англов, саксов и датчан. Затем последовал ряд междоусобных войн с установлением династий (Кнут — король Англии и его династия 1014–1042 гг., Эдвард Исповедник,

Вильям Нормандский, Гарольд). Если Кнут, по мнению исследователей, хранил англо-саксонскую структуру управления, поддерживал монастыри и вел все дела на английском, то Вильям Нормандский выжил почти всю англо-саксонскую элиту из управления и церквей и английский из законодательства, образования и литературы в пользу элиты с континента и французского языка.⁹ Вообще рассуждения о нормандском завоевании занимают весомую часть дискурса. По мнению М. Вуда, «французское» ярмо задушило английскую культуру, а все абсолютистское в английской политической культуре связано с распространением нормандской политической системы.¹⁰

Последней хроникой, написанной на английском, стала «Хроника Петерборо. Проблема истоков парламентской системы сегодня подвергается серьезной дискуссии, но язык, используемый в парламенте, был определенно французским вплоть до 1362 г. Н. Дэвис в своей работе показывает «французскость» английских королей от Вильяма Завоевателя до Генриха IV, парламентской и судебной систем. Он пишет о том, что королевский суд вел свои дела на французском до начала XV в. На протяжении по меньшей мере пяти веков после завоевания норманнами короли Англии жили и обладали землями во Франции, а затем в ходе Столетней войны также пытались там закрепиться. В гербе страны при Генрихе II таким образом появились геральдические лилии (*Fleur de Lys*). Французский девиз «Бог и мое право» (*Dieu et Mon Droit*), указывающий на божественность английских монархов, присутствует на королевском гербе со времен правления Генри V вплоть до сегодняшнего дня и т. д. Дэвис приводит многочисленные примеры влияний французской культуры на культуру английской элиты, в том числе в области моды, пищи, увеселений. Также он рассуждает о том, что с этого времени происходит становление английскости как «низовой культуры»: языком и территорией власти были французский и Франция (затем Германия, Голландия и пр.), а «народа» — английский и Англия (в этом прослеживается связь данной концепции английскости с локальными этнокультурными категориями).¹¹

Большинство участников академического дискурса осознают условность понятия «английский» применительно к первым столетиям после нормандского завоевания. Однако с позиций части исследователей, близкая к современным формам английскость

берет свое начало с реанглизации конца XIV в. — перехода парламента на английский язык в 1362 г. и появления произведения У. Ленгленда «Видение Петра Пахаря» (*Vision of Piers Plowman*), написанного реставрированным аллитерационным стихом. В Англии XIV в., в период литературного безвременья, поэты стали пытаться вновь писать на староанглийском (аллитерированное письмо). Центром этой новой поэтической школы был северо-восток Англии (Йорк и предместья), сохранивший память о своих скандинавских контактах. Затем Дж. Чосер в конце XIV в. уже на среднеанглийском создал свои «Кентерберийские рассказы» (*Canterbury Tales*). В 1396 г. был выпущен перевод Библии на английский Дж. Виклифа. Генрих IV, первый король, чьим родным языком был английский, после отречения от престола Ричарда II обратился к парламенту на английском. При Генрихе V и королевский суд перешел на этот язык, а затем и суд лорда-канцлера.¹² С позиций современных Ирландии, Уэльса и Шотландии англизация их территорий, а значит и английскость, началась значительно раньше, еще до нормандского завоевания («английское завоевание» Генриха II). Р. Дэвис указывает в этой связи на англизацию Шотландии, которая началась еще в XI в. (он назвал это «первой английской империей», хотя собственно английскость королей того времени сомнительна).¹³

Нередко опорой для построения идентичности являются символы и фигуры династии Тюдоров (1485–1603): разорвавший с Римом и давший развитие англиканской протестантской церкви (структуры не теологической, но политико-идеологической) Генрих VII, «нациостроители» Генрих VIII и Елизавета I, деревянно-кирпичная и доренессансная архитектура, роза Тюдоров, поэзия Уильяма Шекспира, достижения мореплавателей и путешественников Фрэнсиса Дрейка и Вальтера Рэлейна и др.¹⁴ По поводу Дрейка, например, встречаются такие позиции: «парень, который привез нам картофель» (Дж. Смит, учитель); «харизматичный герой — перед победой над Армадой пожелал сначала закончить игру в шары» (П. Бентон, аспирант); «пират и торговец» (С. Хоппер, секретарь); «национальный герой и ключевая фигура в колонизации огромных частей мира» (Э. Торп, профессор истории); «только лишь персонаж из школьных учебников, а не весомая часть английской или британской идентичности» (Д. Волтон, профессор культурологии).¹⁵

В рамках этой концепции английскости утверждается, что исторически английскость обладает рядом специфических черт, отличных от британскости. В частности, об этом пишет Э. Баркер в работе «Характер Англии», обращаясь к историческому характеру и развитию институций и форм английской жизни: научно-технические изобретения и литературные шедевры И. Ньютона, Т. Гоббса, Дж. Локка, Дж. Мильтона, Библия 1611 г., архитектура В. Врона, «революция» Кромвеля (хотя его фигура остается противоречивой для англичан). Суверенитет парламента и народа, достигнутый в 1688 г., считается одним из самых значимых и пропагандируемых в качестве брендовых событий в английской истории. Дж. Янг обращается к истории и сущности английских политической, религиозной и социальной систем в сравнении с британской — англиканская церковь, частные школы, идеал джентльменства, пабы, крикет, охота на лис и т. д.¹⁶ К. Кумар такого рода эманации называет «английским культурным национализмом», цитируя строки драматурга XVI в. Дж. Лилли о «боге, который так внимательно лелеет Англию, новый Израиль, и ее особенный и избранный народ».¹⁷

Л. Коллей считает протестантизм и деятельность англиканской церкви одним из важнейших факторов в становлении британской и английской идентичности.¹⁸ К. Меджерст и Дж. Мойзер уверены, что образование англиканской церкви является следствием попыток Елизаветы I создать комфортные условия для собственного (стать главой церкви) и общественного существования, а не отыскать компромисс между реформаторами-протестантами и традиционалистами-католиками.¹⁹ М. Де-ла-Ной пишет о значимости церкви для сельской жизни и географии, архитектуры в Англии, но в то же время заявляет, что догматизм и «фашистская ментальность» англиканства способствовала разрушению «истинной английскости».²⁰ С. Бэт и Дж. Грэхэм указывают, что англиканская церковь была установлена собственно только в Англии и сегодня для большинства населения региона это пустой звук. Хотя все важнейшие церемонии (крещение, заключение брака, поминавание, национальные дни памяти) проходят при поддержке церкви и в различных учреждениях (например, в госпитале) обращающиеся все еще вынуждены указывать свое вероисповедование, интерес к религии вне скандалов типа присутствия женщин и гомосексуалистов в духовенстве заметно падает.²¹

Ф. Додд, рассуждая об основаниях английскости, замечает, что об этнической чистоте английской культуры говорить сложно и что такого рода разноплановая культура чрезвычайно удобна для идеологических манипуляций — на передний план в зависимости от повестки дня можно выносить любое ее проявление. Автор исследует элементы языка «нации смешанного происхождения»: английский язык принадлежит к группе германских языков, на которые существенное влияние оказали латынь и нормандский французский. Английская литература на протяжении истории обогащалась литературой ирландской, шотландской, валлийской и американской, а также литературой и языками ее стран-колоний, европейских стран и пр. То же самое касается и других проявлений английской культуры — религии, архитектуры, моды, поп-музыки и т. д.²²

Поиски английскости в искусстве и быту — одна из популярных тем в английской историографии и общественных дискуссиях, особенно в рамках данной модели. «Слепки» английскости общественность ищет в изобразительном искусстве — в пейзажах и портретах Т. Гэйнсборо, Дж. Констебля, В. Тернера, П. Нэша, Дж. Пайпера и даже «индустриала» Л.С. Лоури. Частью наследия английскости, по мнению участников дискурса, являются произведения композиторов, вдохновленных английскими пейзажами и событиями истории (Э. Эльгар, Ф. Делиус, Р. Воан-Уильямс, Г. Хольст, Б. Бриттен), представителей литературы и популярной музыки (от Шекспира и Мильтона до Оруэлла и Бетъемена), тревел-литературы (Г. Мортон, Дж. Пристли, А. Ми), памфлетов (С. Болдуин) и др.²³

В дискурсе принято обращаться к «типичным проявлениям английскости», как-то: образовательная система, спорт, досуг и т. д. Например, Дж. Чандос посвятил свое исследование влиянию на английскость частных привилегированных школ, в которых исторически получает образование английский аристократический истеблишмент, а с XIX в. и разрастающийся средний класс.²⁴ Ученики проводят в школах большую часть времени, часто изолированно от дома, в школах процветают закрытые клубные организации, в них большое внимание уделяется не только непосредственно образованию, но и религиозному воспитанию, играм и спорту. По мнению П. Джонсона, эти организации являются кузницей английского характера — снобизма, элитарности,

ощущения избранности, одержимости, классового разграничения, гомосексуализма и др.²⁵

Спортивные категории, например понятия честной игры (*fair play*) и подчинения решению судьи (*umpire's decision*), вошли в широкий обиход и стали категориями идентичности. Крикетный язык, к примеру, стал частью крылатого английского: фраза «держат биты прямо» (*keeping a straight bat*) означает жить честно; «это не крикет» (*it's not cricket*) — правила нарушаются и традиции попираются; «быть на мокрых воротах» (*to be on a sticky wicket*) — быть в сложной ситуации.²⁶

Охота на лис, исторически популярная среди сельской знати, указывается в качестве узнаваемой по всему миру черты английской жизни.²⁷ У явления множество критиков: еще О. Уайльд оценивал охоту английской деревенской знати как «отвратительное в погоне за несъедобным».²⁸ Требования населения запретить этот «жестокий вид спорта» были удовлетворены в 2004 г., несмотря на яростные протесты Альянса глубинки (*Countryside Alliance*), обвинявшего общественность (особенно «городскую») в нежелании поддерживать традиционное английское наследие и деревенский стиль жизни.²⁹

Английские пабы (*public houses*) непременно ассоциируются с Англией, для глубинки их старинные здания (с оригинальными названиями, внутренним и внешним антуражем) имеют особое значение, являются центром социальной жизни (место для игры и отдыха, празднеств, а также произвольных, профессиональных, политических ассоциаций). Как пишет К. Фокс, «значение пабов в английской культуре невозможно переоценить», «не проводя много времени в пабах, было бы невозможно даже попытаться понять английскую самобытность».³⁰ М. Смит пишет о сентиментализме в восприятии пабов: особые чувства вызывают пабы викторианского времени (с белой кладкой и темными деревянными полосками).³¹

Чем стариннее паб, тем он ценнее — для туристического сообщества, а также организаций, занимающихся сохранением памятников и организацией туристических маршрутов к ним. Например, *National Trust* владеет такими культовыми пабами, как *Fleece Inn* недалеко от Ившам (изначально был фермерским домом, а затем с 1848 г. стал пабом, сохранив первичные декорации) или *The George Inn* в Саузварке, единственным сохранившимся

галерейным пабом-гостиницей в предместьях Лондона, упоминаемым в произведении Ч. Диккенса «Крошка Доррит». Пабы зачастую являются центральным местом действия в произведениях кино и ТВ — как паб *Rover's Return* в Сэлфорде, бывшем индустриальном городке на Севере, в сериале «Улица коронации» (*Coronation Street*).

Одна из популярных тем дискурса — Англия как «страна зеленая и прекрасная» (*England is the green and pleasant land*, выражение взято из стихотворения «Иерусалим» У. Блейка из предисловия к его эпической поэме «Мильтон» 1804 г.).³² Стихотворение, изначально почти не известное, было включено в антологию патриотических стихов, изданную в 1916 г. во времена морального упадка общества из-за жертв в Первой мировой войне и общей эмоциональной фрустрации. В 1916 г. стихотворение, отвечающее на вопрос, во имя чего сражается Англия, было положено на музыку Х. Пэрри (для движения «Борьба за правое дело» (*Fight for Right*)). Для многих поколений англичан песня «Иерусалим» считается одной из самых популярных патриотических композиций (неоднократно со стороны общественности поступало предложение сделать ее национальным гимном Англии):

*На этот горный склон крутой
Ступала ль ангела нога?
И знал ли агнец наш святой
Зеленой Англии луга?
Светил ли сквозь туман и дым
Нам лик господний с вышины?
И был ли здесь Иерусалим
Меж темных фабрик сатаны?
Где верный меч, копьё и щит,
Где стрелы молний для меня?
Пусть туча грозная примчит
Мне колесницу из огня.
Мой дух в борьбе несокрушим,
Незримый меч всегда со мной.
Мы возведем Иерусалим
В зеленой Англии родной.³³*

Первые два стиха, по мнению Вуда, отсылают нас к легенде об Иисусе, который в детстве якобы посетил Гластонбери, и создают контраст между мрачными и наполненными злом картинами

материализма и индустриального капитализма и безмятежными и прекрасными природными картинами приятной глубинки. Там, по мнению публики, Блейк хотел построить новый христианский Иерусалим (хотя сам автор, закоренелый лондонец, видел свой Иерусалим, несомненно, более урбанистичным).³⁴ Р. Виндер называет подобные описания «утопиями».³⁵

Вслед за М. Вьенером³⁶ Дж. Паксман пытался размышлять на тему, «как и почему произошло так, что страна, индустриализированная и урбанизированная раньше других, своим идеалом и душой считает глубинку».³⁷ К. Брайант считает, что причиной стала в первую очередь эмоциональная близость природы человеческой психике, а также тот факт, что в Англии самобытные природные объекты имеются в изобилии и легкой доступности (благодаря национальной инфраструктуре, системе общественных тропинок, национальных парков). Имеет значение и удобный и мягкий климат (в отличие от холодных и гористых Шотландии и Уэльса). Брайант утверждает: «Говоря абстрактно об идентичности, мы всегда можем сомневаться, идет ли речь об английскости или же о британскости. Только когда вы в английской глубинке — вы можете знать точно, что это все Англия и английское, а не что-то иное».³⁸ Тесно связана с этим, безусловно, и английская любовь к собственным садам и паркам.

Крупнейшая волонтерская организация страны *National Trust* занимается сохранением значимых в культурном смысле объектов, находящихся, как правило, в глубинке.³⁹ Правда, в последнее время организация включила в список английских достопримечательностей такие объекты индустриального наследия, как хлопковая фабрика в Чешире (*Styal in Cheshire*), работный дом Ньюварка, коммунальные дома в Бирмингеме, террасные муниципальные дома 1940-х гг. (в одном из них вырос П. Маккартни) в Ливерпуле и пр. В том числе при поддержке организации стали набирать популярность издания воспоминаний работников ткацких фабрик, заводов, рыболовецких доков, литература о мистических призраках промышленных объектов и пр.⁴⁰ А. Осби, размышляя о формировании в массовом сознании контента национального наследия, указывает, что включение всех этих объектов в туристическую карту Англии является следствием тиражирования ценностей, удачно вписавшихся в национальное самосознание, во имя заработка и брендинга.⁴¹

Произведения А. Милна «Винни Пух и все-все-все» (1924–1928), Р. Толкина «Властелин колец» (1954–1955), К. Льюиса «Хроники Нарнии» (1950–1956), Дж. Роулинг о Гарри Поттере (1997–2007), Р. Адамса «Обитатели холмов» (1972) и др. в 1990–2000-е гг. используются в качестве наглядного зрительного образа в дебатах по поводу английской идентичности и агрессивного антимодернизма английскости. Знаменитый английский писатель-фантаст М. Муркок скептически оценивает повальное увлечение взрослой публики литературой жанра фэнтези и пишет об «извращенном романтизме» этой литературы, идентифицирующей себя с «англиканским туризмом» и предлагающей в качестве модели развития антитехнологический, антиурбанистический, мизантропический мир. Мир, прославляющий исчезающую или исчезнувшую пасторальную идиллию, основанную на нежелании среднего класса и буржуазии идти навстречу прогрессу и политическим изменениям.⁴²

Так или иначе, стремление акторов дискурса соотнести английскость с «землей зеленой и приятной» сильнее реальности, в которой большая часть территории Англии содержит явные следы индустриализации. Но ничто не способно, по словам Д. Мэтлеса, остановить процесс «идеализации нетронутой урбанизацией глубинки и ее наполненных духовностью и непротивлением индустриальной бесчеловечности ландшафтов».⁴³ В общественном дискурсе тихая сельская жизнь противопоставляется таким городским явлениям, как расовые беспорядки, футбольный хулиганизм, вандализм и пьянство по пятницам и субботам, граффити и мусор. В Англии существует множество обществ и ассоциаций по защите глубинки (от национальных Совета по защите деревенской Англии и Альянса глубинки до локальных общественных фондов).

Что касается реально существующих в качестве «глубинки» территорий — «пограничного» пригорода (*suburbia*), — то, как указывает Р. Колс, большинство авторов с конца XIX в. и до настоящего времени рассматривают его в качестве социально большого района, культурной пустоши (*wasteland*) — наряду с трущобами или слабозаселенными горными районами.⁴⁴ Рабочие пригороды с их самовыражением в популярной музыке являются современным ответом на концепцию аркадской идиллии английскости, активно изображаемой в литературе. Как пишет М. Брэйсвел,

молодежь пригородов и небольших городков, активно вовлеченная в дискурс идентичности, в том числе посредством музыки, не видит смысла в несуществующей пасторальной Англии, в то время как другой концепции «английской мечты» у них самих нет. Таким образом, «директивный “аркадинизм” рождает реакционный “субурбинизм”» (по мнению исследователя, группы *Beatles* и *Rolling Stones*, например, как раз явления этого порядка).⁴⁵

В попытках обозначить лики английскости историки и культурологи рассматривают исторически сложившиеся ценности англичанина: уважение к индивидуальной свободе, приватности («мой дом — моя крепость»), религиозная толерантность, чувство юмора, дисциплина в очередях и на дороге, чувство стиля, социальная толерантность и конформизм. В общем, все то, что Дж. Оруэлл, один из наиболее цитируемых авторов в рамках дискурса, называл «общественной благопристойностью» и «джентльменством английской цивилизации».⁴⁶

Фигура английского джентльмена, воплощенная во множестве литературных, кинематографических и пр. проектах (например, в персонаже «последнего героя империи», «героя-джентльмена в неджентльменское время» знаменитого цикла «бондианы» Я. Флеминга), имеет особое значение для концепции английскости. Не случайно кульминацией церемонии открытия «Острова Чудес» (*Isles of Wonder*) Олимпиады-2012 в Лондоне стал номер, где Д. Крейг, исполнитель главной роли в фильме, спасает королеву и выпрыгивает «с ней» на арену Олимпийского стадиона из вертолета.⁴⁷

О влиянии идеи и идеала джентльмена на английскую культуру пишет Б. Крик: «Это законсервировало множество клише об английском характере: уважение к чужой собственности и личности, находчивость (наряду с не слишком развитым интеллектом); желание быть в курсе всех веяний и событий, но отрицание идеи и эстетики энтузиазма (особенно религиозного); любовь к стилю, но отрицание всего показного; желание довериться специалистам и одновременная потребность все контролировать; уважение к любительству, любовь к спорту и отдыху в ущерб тяжкому труду, культ хороших манер (правда, относительно общественных мест чаще, нежели собственного дома); социальная толерантность по отношению к растущей мобильности

индустрии и торговли, но неприятие любого стремления к наживе; конформизм, выливающийся в циничную толерантность по отношению к эксцентричности или даже откровенно вызывающему поведению и пр.»⁴⁸

Джентльменские идеалы (в основном высших классов) культивировались в частных школах, появившихся в большом количестве в викторианскую эпоху, и некоторые аспекты этого (например, уважительность и дисциплинированность) транслировались в обществе через обычные школы, церкви, газеты, сцену и рабочее движение. В то время как идее тяжелого индустриального труда самостоятельного внимания почти не уделялось.⁴⁹ Ф. Додд пишет о том, что женщины, даже представительницы высших классов, в викторианскую эпоху (олицетворяющую классическую английскость) были исключены из публичного пространства и дискурса идентичности: общественность помещала женщину в сугубо домашнее, обслуживающее интересы мужчин, пространство. Дж. Макэй и П. Тэйн и вовсе сомневаются, был ли образ английской женщины того времени действительно английским (если вообще вести речь о существовании какого-либо образа)⁵⁰. В этом же ключе С. Унлоу рассуждает о влиянии открытого во времена империи Востока и восточных женщин на доместикацию женщин английских.⁵¹

Итак, поиски идентичности в Англии нередко связаны с политической и социальной стратегией тех или иных групп ее населения, и, соответственно, те или иные версии идентичности отражают стратегии данных групп. Оруэлл в своем произведении «Англия, ваша Англия» изобразил это достаточно точно. Задачи его воззваний ясны — «разбудить» и «объединить» нацию перед лицом опасности 1941 г., обращаясь не только к ее внешнему патриотизму, но и тихой, внутренней любви к простым бытовым занятиям, общим английским ценностям. Оруэлл писал о «не просто фрагментах, а характеризующих английскую жизнь фрагментах»: «Грохот и смог в окрестностях ланкаширских городов-заводов, бесконечное движение грузовиков на Великой Северной дороге, очереди у бирж труда, грохот игровых автоматов в пабах Сохо, старые девы, мчющиеся на велосипедах сквозь туманы осеннего утра в церковь к святому причастию»⁵².

Что касается самих англичан, то, по мнению Оруэлла, «они не одарены артистизмом или интеллектом», «не нуждаются

ни в какой систематизации взглядов на мир и настолько практичны, насколько это можно представить (посмотрите только на их не меняющееся со временем произношение или системы мер и весов)... Но у них есть особая воля к действию, несмотря на любые препятствия. Их знаменитое лицемерие — двойные стандарты в отношении империи (двойные стандарты, так как у себя дома они отчаянные антиимпериалисты, а в империи полагаются исключительно на силу) — связано с этим». Оруэлл замечал, что в минуты кризиса превосходства вся нация способна объединиться и действовать под силой некоего инстинкта, который никто не озвучивает, но все чувствуют; а английскость есть неискоренимый и непрерывный феномен, простирающийся в прошлое и будущее.⁵³

Относительно свойств английскости Оруэлл писал: «Мы — нация любителей цветов и почтовых марок, нация голубятников и любителей плотничества и шитья, игроков в дартс, фанатов кроссвордов. Самые ее живые и природные центры культуры, вокруг которых собирается все: паб, футбольный матч, придомовой сад, камин и стол с чашкой чая». Он добавляет, что «здесь все еще, как в XIX в., верят в индивидуализм, в свободу выбора — свободу выбора иметь собственный дом, свою территорию, жить собственной жизнью».⁵⁴ Даже в тяжелые времена англичане остаются верны своему характеру — «уважение к конституционализму, вера в силу закона, который стоит над государством, правительством и личностью».⁵⁵

К наследию Оруэлла активно обращаются и политики. Дж. Мейджор использовал его для того, чтобы успокоить евроскептиков в своей партии, обеспокоенных условиями Маастрихтского договора ЕС: «Даже пятьдесят лет спустя Британия по-прежнему будет страной длинных теней на крикетных полях, теплого пива, неукротимой зелени пригородов, любителей собак и, как говорил Оруэлл, «старых дев, мчащиеся на велосипедах в церковь к святому причастию сквозь туманы осеннего утра»... Британия неисправима и выстоит в любых условиях». Кстати сказать, обращение Мейджора к таким английским символам, как крикет и англиканская церковь, не слишком хорошо было принято в Шотландии.⁵⁶

Отношение к исторической английскости в рамках дискурса самое различное: от мечтательно-ностальгического до проектного.

Скрутон с восхищением и почтением говорит об английских традициях, сокрушается по поводу исчезающего наследия, с сарказмом оценивает, в том числе в туристическом отношении, перспективы развития таких неоднозначных феноменов, как частные школы, джентльменские клубы, английская кухня и др.⁵⁷ Хеффер же, наоборот, указывает на то, что Англия именно сегодня, освободившись от британского «багажа» (Шотландии, империи и пр.), может, наконец, построить свой новый Иерусалим.⁵⁸ С Хеффером можно не соглашаться, но, как пишет К. Брайант, у такой Англии «в американизированном мире есть хоть какое-то будущее».⁵⁹

Таким образом, в рамках дискурса английскости модели «Классическая» Англия остается множество нерешенных вопросов в прошлом и настоящем, но в то же время эта идентичность многослойна, многозначна, богата исторически и культурно, а значит, перспективна и живуча, в том числе в условиях космополитичности и мультикультурности современной Англии и Британии.

§ 2.3. Британская Англия

Концепция магистральной идентичности, ориентированная на прошлое и отсылающая к прошлому. В качестве ориентира — Англия как «сердце Британии» и «наследница империи» (с доминированием Лондона и Юго-Восточной Англии). Дискурс носит ностальгический характер: по мнению большинства участников, «истинная английскость» развилась и почилла в имперских временах. Дискурс строится на попытках проследить историю формирования английскости как британскости, реализовать ряд политических и культурных проектов на ее основе. Его участники призывают «гордиться своим прошлым», но открыто смотреть на мир (заинтересованность в английской глобализации).

В условиях сокращения пространства и сферы политического влияния Англии и англичан, а также «постколониальных страстей» в обществе экспансионистский характер модели создает предпосылки для ее негативизации, однако идентичность остается распространенной для английского населения.⁶⁰ В отличие от участников дискурса «Классической» Англии сторонники данной модели не так сильно дистанцируются от остальных коренных народов Британии и допускают наличие большого влияния

со стороны Шотландии, Уэльса и Ирландии на английскую культуру и политику (особенно в имперские времена), однако распространяют явления, связанные с Англией, на всю Британию. Например, их не смущает то, что Банк Англии является ключевым банком Британии, архиепископ Кентерберийский, примас англиканской церкви, носит титул покровителя Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии.

Разница между английским и британским не является для участников дискурса существенной или важной. Многие, например, не заметят никакого противоречия в заголовке книги К. Аслета «Кто на Англию? В поисках британской идентичности».⁶¹ Не режут ухо и отсылки к английскому, тогда как в действительности речь идет о британском. Знаменитый сигнал Нельсона во время битвы при Трафальгаре в 1813 г. «Англия ждет, что каждый выполнит свой долг» (*England expects that every man will do his duty*) звучит естественно для тех, кого учили, что Королевский флот берет свое начало в XVI в. при короле Генрихе VIII. Представителей дискурса не смущает название знаменитой книги 1867 г. У. Бэджета «Конституция Англии», в которой он исследовал конституцию Великобритании, функционирование парламента и британской монархии. Или во время заседания палаты общин парламента в 1939 г. член от консерваторов Л. Эмери, сторонник империи и империалистской политики, родившийся в семье венгерских евреев в Индии, бросил другому члену парламента от лейбористов А. Гринвуду в ответ на его попытки избежать войны: «Действуйте в интересах Англии, Артур».⁶²

Данная модель идентичности простирается на определенную территорию, ограниченную в географическом и культурном отношении не только по отношению к Англии, но даже к ее Юго-Востоку. В центре дискурса — идентичности элит Лондона и предместий (шести окружающих графств — т. н. *Home Counties*), получающих большие выгоды от соседства с короной, государством, Лондоном и их ролью в империи и считающих, что их идеи относительно Англии, Британии, их культуры и населения являются ключевыми. Данное допущение развивается отчасти из-за их веры в то, что талантливые мигранты со всех уголков страны стремятся в Лондон и город есть средоточие власти, силы, влияния, процветания, возможностей, тогда как

другие территории (особенно Шотландия и Уэльс) — периферия и провинция.⁶³ Данный дискурс в основном проанализирован нами в первой главе, однако обозначим некоторые дополнительные позиции (см. цветную вклейку).

К. Кумар, один из авторитетных исследователей английского национализма, пишет, что суть этого явления в прошлом и настоящем заключается в национализме имперского государства, то есть национализме доминирующей группы, сакрализации имперского прошлого и приверженности к имперскому наследию, даже если сама империя канула в Лету. Кумар указывает, что зачастую имперские государства стоят в оппозиции к традиционному национализму, угрожающему их целостности и процветанию, однако подобные государства могут быть носителями определенного рода национальной идентичности, дающей доминирующей группе определенное самоощущение и представление о своей судьбе. Эти ключевые и опорные для государства группы людей следят за тем, чтобы не делать упор на собственной этнической идентичности. Вместо этого они идентифицируют себя с «телом государства, что предполагает посвящение себя некоей большой (национальной, имперской) цели и задаче — религиозного, культурного или политического характера».⁶⁴

На загадку английского национализма (сбивающий с толку факт, что англичане считают, будто у них нет и не было национализма, смешение терминов английский / британский, современные трудности в определении английскости) можно взглянуть иначе, по мнению автора, если вести речь о рассмотрении национализма имперского государства и национализма доминирующей группы англичан. Миссией англичан / британцев во времена империи, по крайней мере в XIX в., было цивилизовать и либерализовать. Этот «миссионерский национализм» британского империализма загонял национальную идентичность англичан в рамки, уверен исследователь.⁶⁵

Кумар пишет также о нескольких этапах становления английского национализма в рамках трех этапов строительства империи. Первый этап характеризуется достижением английского доминирования на «материке», Британских островах, путем объединения под началом протестантской Англии более бедных и малочисленных «кельтских провинций» Корнуолла, Уэльса и Шотландии, объединения с Ирландией и разрыва с ней после

«католической эмансипации» в 1922 г. Второй этап связан с концентрацией внимания на «заморских территориях» (в XIX в. в Индии, Африке и пр.) — к 1920 г. империя занимала пятую часть планеты, являлась флагманом индустриализма и позволяла британцам (особенно англичанам) ощущать себя учителями технического и общественного прогресса для всего мира, носителями «бремени белого человека» (*white man's burden*).⁶⁶

Третий этап, по утверждению Кумара, характеризуется выходом английскости из тени британского империализма: в обществе стремительно растет интерес к собственно английским элементам языка, искусства, географии и т. д. Английский национализм называли романтическим, обращались к виговской интерпретации истории, в рамках которой сначала отдавалась честь англо-саксонским свободам, а позже прославлялась цивилизаторская миссия ее величайшей в истории империи. Расцвела одновременно и переориентация на идеалы малоанглийцев, напуганных масштабами экспансии империи, ее расходами и запросами, англо-бурской войной, наконец. В это время сторонники «Классической» Англии также активно выказывали свою любовь к английской глубинке и историческим местам (как альтернативам развития событий и сущностям английской культуры) в литературе, музыке, искусстве. Триумф Британской империи, однако, показал, что любые эскалации английского национализма никогда не выльются в конкретные политические требования или проекты.⁶⁷ И действительно, вопрошал Б. Велингс, какая нужда заставит англичан создать английское государство, когда они и так являются основой Британской империи и Соединенного Королевства и сама Британия выступает защитником интересов и свобод Англии?⁶⁸

Шотландец Н. Фергюсон указывает на то, что с подачи империи, этого «детища английского миссионерского национализма», произошла «канонерская англобализация» (пускать и затенившая развитие собственно английскости): развитие мировой свободной торговли и либерального капитализма, распространение идеи парламентской демократии, формирование новой мировой *lingua franca*. Как считает автор, в истории империи находится достаточно выражений английского национализма — например, в 1788 г. парламентарий и ирландец Э. Берк открыл заседание по поводу недостойного поведения первого

генерал-губернатора Индии шотландца У. Гастингса словами: «Я обвиняю его от имени английской нации, над чьей древней честью он посмел надругаться».⁶⁹

М. Фрай и Т. Дивайн, возражая Фергюсону, указывали, что Англо-Британия всегда имела в своем составе множество представителей разных этнических групп и всегда существовало множество «способов» быть британцем, так как английскость происхождения никогда особенно не волновала британский истеблишмент, озабоченный соответствием британца (джентльмена) моральным идеалам империи — «манеры делают человека» (*manners make the man*).⁷⁰

Четвертый этап развития английского национализма, по К. Кумару, связан с распадом империи, упадком индустриального производства и политической гегемонии Британии (и Англии). В этих условиях оформились и окрепли шотландский и валлийский национализмы, а английский впал в состояние кризиса: конструировать английскую этничность или стать преемницей Британии?⁷¹ Свидетельством тому отчасти являлась политика М. Тэтчер и Дж. Мейджора, «бивших в английский барабан и бросавших вызов шотландским националистам, европеистам и мультикультуралистам». А также тот факт, что преемник Мейджора Р. Боди заявлял, что только английский член парламента может голосовать за законы в отношении Англии, а один из консервативных «заднескамеечников» и вовсе написал книгу «Англия для англичан». Правда, это привело лишь к тому, что по политическим опросам 1997 г. только 18% опрошенных в Англии посчитали необходимым созыв отдельного английского парламента.⁷²

Исследование К. Кумара отчасти объясняет, почему именно в Англии привязанность ко всем британскому сохраняется дольше. Развитие британской культуры никогда не ущемляло интересов Англии (в отличие от Уэльса, национальный язык которого долгое время был запрещен), а правительство Британии всегда учитывало интересы Англии (шотландцы и валлийцы массово голосовали против М. Тэтчер во время выборов правительства, но в результате оказались под властью консерваторов на протяжении 1977–1997 гг.). Коротко говоря, для англичан всегда было проще быть британцами, и не удивителен тот факт, что большая их часть поддерживает англо-британскую конструкцию идентичности.

Во имя британскости англичане зачастую ограничивают употребление самоназваний: большинство служб в Англии называют себя «британскими», «национальными» или «королевскими» — например, Британский Совет (*British Council*), «Британские авиалинии» (*British Airways*), Служба национального здравоохранения (*National Health Service*), Национальный фонд (*National Trust*), Королевская почта (*Royal Mail*), Королевское общество (*Royal Society*). У валлийцев есть Национальная библиотека Уэльса, а в Англии только Британская библиотека; существует Национальная галерея Шотландии, но нет Национальной галереи Англии (есть Национальная [британская] галерея) и т. д. Исключений совсем немного: охранный фонд «Английское наследие» (*English Heritage*), Английская национальная опера (*English National Opera*).

У Уэльса и Шотландии есть собственные национальные гимны, а у Англии официального нет: в ходу гимн Британии «Боже, храни королеву» (*God, Save the Queen*). В Шотландии и Уэльсе широко празднуются дни их святых (национальные дни), а в Англии День святого Георга 23 апреля оброс различными негативными коннотациями. На территориях Уэльса и Шотландии повсюду, в том числе на правительственных учреждениях, с начала 1990-х гг. развеваются национальные флаги. В Англии флаги развевались только у зданий церквей и в период спортивных чемпионатов на домах обычных граждан. И символами английского национализма сегодня являются имперский расизм и ксенофобия, эксплуатация, футбольный хулиганизм.⁷³

Империя имела фундаментальное значение для формирования концепции Британской Англии, и ее распад привел к пересмотру идентичности. Полвека деколонизации — от получения независимости Индии в 1948 г. до возврата Гонконга Китаю в 1997 г. — спровоцировали дискуссии в обществе по поводу имперского наследия, и империя все чаще стала означать не величие и процветание, а расизм, территориальные захваты, эксплуатацию, грабеж. У молодежи гордость за империю заместилась стыдом, отвращением или, чаще, равнодушием, хотя для многих «британских англичан» империя является золотым веком достижений и успехов. Социолог Г. Голберн писал в этой связи об Индии: «Британцы провернули огромную работу для нее — построили дороги, телеграфные линии, новые правительственные

институции, и об этом также нужно помнить, а не только о негативных сторонах колониализма». ⁷⁴ Режиссер Х. Курейши рассказывал о том, как повстречал во время визита в Карачи зажиточных и хорошо образованных пакистанцев, напуганных исламизацией страны: «Для них позитивным наследием империи являются не ее материальные презентации в стране (типа создания инфраструктуры), а идея светскости институтов, управляемых на основании здравого смысла, а не богооткровения, священных книг; идея того, что не существует окончательного ответа на человеческие проблемы; идея того, что здоровье и процветание общества напрямую зависит от толерантности по отношению к точкам зрения каждого ее члена и возможности их выразить, будучи уверенным в том, что общество это будет приветствовать». ⁷⁵

Возможно, с течением времени, когда постколониальные страсти поутихнут, в общественном дискурсе будет доминировать более взвешенное отношение к имперскому наследию и опыту, а концепция британской английскости останется позитивной идеей, на которую готовы ориентироваться многие англичане.

§ 2.4. Малая Англия

Современная модель локальной идентичности тех, кто не желает связывать собственные ценности с империей и обращается к собственной территории. Концепция Малой Англии исторически получила развитие как термин, отделяющий метрополию (Малая Англия — *Little England*) от собственно империи (Великая Англия — *England at Large*).

Современная актуализация концепции связана с процессами этнического самоопределения и развитием английского антиимперского (перефразируя К. Кумара) национализма. В противовес подъему этнического самосознания других народов Британии и постимперскому синдрому среди английского населения стала приобретать популярность концепция, призванная отгородиться от проблем внешнего мира и воссоздать неповторимую «старую добрую» Англию, образом которой является уютный мир Ширы Р. Толкина. Это одна из наиболее актуальных в плане этнического самоопределения и определения позиций англичан по отношению к ряду политических факторов (например,

мультикультурлизму и евроинтеграции). Дискурс в рамках модели организован от имени широких слоев населения преимущественно Юго-Востока Англии и во многом соотносится с концепцией «Классической» Англии.

Согласно Оксфордскому словарю, термины «малоанглийцы» (*Little Englanders*) и «Малая Англия» относятся к 1884–1895 гг. и презентуют антиимперские позиции противников расширения империи в Африку незадолго до англо-бурской войны 1899–1902 гг.⁷⁶ В начале XX в. понятие почти обрело свои современные черты в работах Дж. Оруэлла (например, в «Англия, ваша Англия»), считавшего имперский патриотизм прививаемым «сверху» и не свойственным населению.⁷⁷ Малоанглийцы в качестве иллюстрации своей позиции нередко цитируют А. Беннета, который в 1969 г. в произведении «Спустя 40 лет» писал: «Все дороги ведут в Англию, это земля обетованная, но сегодня она сгибается под натиском Европы, земля ее разделяется, а жители бездействуют. Есть много чего интересного в ее истории. Развитие и совершенствование необходимо».⁷⁸

Как считает Э. Тайлор, в Британии антиимпериализм так же стар, как и империализм.⁷⁹ По убеждению Р. Готта, причиной этому являются прагматизм и давнее убеждение англичан в том, что внешние завоевания тормозят внутреннее развитие страны.⁸⁰ Как пишут Э. Грин и М. Тайлор — страх жен и матерей за своих близких, гибнущих в международных войнах, отвращение части населения к тому, что кто-либо может диктовать волю другому, а также «нежелание простых работяг платить за приключения отщепенцев».⁸¹ В 1934 г. писатель Ж. Пристли признавался в своей привязанности к Малой Англии и ненависти к «великоанглийцам» с их «красными лицами, громкими голосами и желанием везде и повсюду командовать людьми».⁸²

Концепция Малой Англии и антиимпериализм вообще получили дальнейшее развитие с 1960-х гг. и вплоть до современности из-за процессов «колонизации вспять» (усиливающаяся иммиграция из стран Азии и Африки, неудачи в политике интеграции и пр.). Противники концепции связывают с ней экстремизм, ксенофобию, отторжение идеи культурного разнообразия и ассимиляции приезжих с «гомогенной белой британской культурой». По мнению части авторов, хотя и малоанглийцы не всегда являются расистами, но почти все расисты являются малоанглийцами.⁸³

Фактором развития концепции стало и недоверие некоторых групп англичан к Европейскому Союзу и его ранним формам, объяснявшееся тем, что данное объединение находилось под управлением континентальных стран (в ходу полупрезрительное обозначение *continentals*) Франции и Германии, а не Британии. Политика Тэтчер и Мейджора по отношению к ЕС приводила к тому, что одни, преимущественно тори, пытались обратиться лицом к США, другие — и тори, и виги — избегать международных авантюр, поддерживающих британский суверенитет, но не служивших интересам страны (например, политика присутствия в бывших колониях). Эти группы были также обозначены малоанглийцами, и на сегодня большинство политиков старается откеститься от этого «клейма».⁸⁴

В 1989 г. бывший министр кабинета консерваторов Н. Теббит заявил, что «большинство людей в Великобритании не желают жить в мультикультурном, многорасовом сообществе, хотя их принуждают к этому».⁸⁵ Через некоторое время он предложил ввести в качестве пробы на лояльность британскому обществу и культуре «крикетный тест» для всех поколений азиатской и африканской общин. В частности, бывшие иммигранты во время крикетного чемпионата должны были поддерживать Англию, а не команды стран своего происхождения — Индию, Пакистан и т. д. Предложение вызвало общественные дебаты, в том числе не в пользу Теббита и всех консерваторов.

В 1997 г. Теббит выразил свою концепцию следующим образом: «В последние годы наше особое чувство островной замкнутости и самобытности было подорвано волной сопротивления иммигрантов относительно их поглощения, более того, некоторые из них заявляли свое право на культурное и политическое самоопределение в рамках принявшего их сообщества. И все это в то время, когда культурный и правовой мегамиксер Брюсселя пытается нас смешать и обратить к континентальной культуре, оскорбляя наше богатое лингвистическое наследие невнятной евроречью...».⁸⁶ Подобным нападкам подвергались политика единой денежной системы в Европе, безвизового режима и т. д. Теббит не воздержался и от оценки мультикультурализма: «Мультикультурализм сеет разногласия. Нельзя придерживаться двух видов этики или поддерживать лояльность по отношению к двум нациям, как нельзя иметь сразу двух царей

в голове. Мультикультурализм способствует сохранению этнического разделения, и гражданство в долгосрочной перспективе — это более о культуре, чем об этничности. Молодежь всех рас должна воспитываться в британской культуре и с мыслью, что британская история — это их собственная история, иначе они просто станут иностранцами с британскими паспортами и наше королевство со временем превратится в нечто похожее на Югославию».⁸⁷

Классик современной британской прозы Дж. Барнс в 1998 г. в качестве ответа на данную концепцию создал роман-антиутопию «Англия, Англия», в котором представлена карикатура на привычки и уклад жизни англичан, кичащихся своей историей и культурой, не желающих идти в ногу со временем и учитывать его конъюнктуру: закат империи, упадок монархии, эрозия протестантизма, иммиграция, необходимость экономической интеграции.⁸⁸

Таким образом, негативизация понятий «малоанглийцы» и «Малая Англия» очевидны в Британии (в меньшей степени среди англичан), не в последнюю очередь из-за отрицания всего иностранного, глобализированного. В то же время, как пишет П. Райт, малоанглийцы хотя и могут быть националистичными, самоцентричными и самодовольными, зачастую демонстрируют более гуманное отношение к собственной территории, соотечественникам, миру — в противовес империализму и стремлению к доминированию.⁸⁹

§ 2.5. Мультикультурная и космополитичная Англия

Данная магистральная модель идентичности признает и поощряет этническое многообразие (относительно древней истории Британских островов, имперского наследия, постколониализма, американской глобализации), факт обогащения экономики и культуры от взаимодействия с другими культурами, ориентирована на США, Европу, Содружество. Признание разнообразия, однако, не означает полного его принятия, и данные процессы сопряжены со многими трудностями, в том числе и в отношении политики мультикультурализма. Модель противоположна концепции Малой Англии с ее «Англией для англичан» и отчасти перекликается с концепцией Британской Англии, но ее существенная особенность состоит в том, что она

ориентирована на настоящее и будущее, а также в ее рамках Англия говорит от собственного имени, открыто признает факт доминирования англичан в Британии. В основном информация по данному сюжету изложена нами в Главе I.

Среди исследователей существуют разные оценки концепции Мультикультурной Англии. Например, Дж. Эдмундс и Б. Тернер считают, что с данным «типом» английскости идентифицирует себя в основном «послевоенное поколение женщин высшего света». ⁹⁰ Такого рода национализм, по их мнению, неопасен ввиду своей открытости (например, по отношению к шотландскому и валлийскому национализмам), космополитичности (открытость по отношению к ЕС), ироничности (осведомленность о конструируемости и изменчивости идентичности), феминности и пацифистского характера, креативности (вынуждены приспособлять английскость к новым реалиям). Для сравнения: традиционная английскость пагубна из-за своей закрытости (отрицание шотландского / валлийского национализма), тяготения к островной замкнутости (против союза с ЕС), маскулинности (агрессивности), реакционности (ностальгическая борьба за традиционную английскость). ⁹¹

Ж. Куртис и Э. Хет на основании социологических опросов, по данным которых большинство английского населения спокойно восприняло шотландскую и валлийскую деволуции, утверждают, что космополитичность и открытость английскости — ее естественная черта. ⁹² Черта эта проявляется также в присутствии на территории Англии огромного количества иностранных компаний, ресторанов, магазинов, в поп-культуре (телевизионной, музыкальной и т. д.), кухне (наиболее популярной кухней среди англичан является не английская, а индийская, тайская, китайская и пр.), в организации быта (душ вместо ванн, смесители вместо отдельных кранов), спорте (в клубах Англии играют игроки из разных стран) и т. д.

Современная концепция Мультикультурной Англии дает более сложные ответы и на вызовы иммиграции. Р. Виндер в своей работе «Проклятые иностранцы» пишет о том, что всегда существовали группы англичан, которые были уверены в том, что иммигранты забирают их работу, создают криминогенную обстановку, разрушают английскую культуру, способствует сегрегации и экстремизму. Однако на протяжении истории жители Англии

получали множество преимуществ от иммиграции (французские гугеноты, немцы, евреи, итальянцы, ирландцы, китайцы, поляки, индийцы, пакистанцы, бенгальцы, западные африканцы, американцы и др.), обогатившей их экономику, культуру и политику.⁹³

Участники дискурса указывают на ограничения модели. В частности, в пределах Мультикультурной Англии (говоря словами Б. Пареха, этого «сообщества сообществ»)⁹⁴ каждый обязан владеть основами английской культуры (англичане владеть основами индийской культуры, например, не обязаны): уметь говорить по-английски, уважать верховенство британского закона, признавать равенство мужчин и женщин и т. д. Культурное разнообразие должно соотноситься с общей культурой — английской, и, таким образом, как пишет К. Брайант, данная идентичность предполагает наличие «пограничных» идентичностей, носители которых обладают двойными лояльностями, как и двойным гражданством (Британия одна из редких стран, признающая это юридически). Брайант пишет также о сложности мультикультурализма как идеологии, требующей взаимной ассимиляции («мы» должны стать такими, как «они») и самобытности («мы» ничего не можем сделать с «ними»), что в реальных условиях труднодостижимо.⁹⁵

Проявлением этих тенденций стал рост интереса английской общественности к английскому флагу святого Георгия. Если, по данным агентства *Ipsos MORI*, в 1999 г. 88% населения Англии идентифицировало себя в первую очередь с британским флагом «Юнион Джек», то летом 2002 г., во время празднования золотого юбилея королевы и последующих чемпионата мира и чемпионата Содружества по футболу в Манчестере, наблюдателями в Англии был зафиксирован беспрецедентный по сравнению с другими периодами энтузиазм в демонстрации английского флага (это также позволило заговорить общественности о развитии Англии отдельно от Великобритании).⁹⁶ Игры послужили поводом к росту дебатов о мультикультурализме, так как значительная часть команд была представлена чернокожими игроками, регулярно страдавшими на чемпионате от проявлений расизма: сегодня белым населением Англии праздновался чернокожий успех в футболе. М. Биллиг еще в 1995 г. писал о том, что банальный национализм флагов и символов зачастую способствует усилению национального самосознания вне зависимости от убеждений граждан, развешивающих эти самые флаги.⁹⁷

Попытки в 2000-х гг. лейбористского и консервативного правительств инициировать дебаты об английскости пока приводят к пониманию того, что реликты викторианской или эдвардианской Англии (концепция Английской Англии) не могут оставаться главной повесткой для современной английскости (городской и деревенской, постиндустриальной и мультикультурной). К. Кумар, например, замечает, что космополитичная идентичность (особенно если говорить о национальной / региональной идентичности Англии, а не этнической идентичности англичан) — наиболее комфортная идентичность для сегодняшнего многоликого сообщества Англии. Англичане, по его мнению, должны и дальше существовать в рамках национальной, надэтнической идентичности, так как это на протяжении столетий приносило большие выгоды английскому населению.⁹⁸ Р. Колс⁹⁹ высказывает подобные пожелания на основании нескольких причин. По его мнению, Англия слишком централизована, и корона не может представлять в парламенте английскую нацию. Обращение англичан к воспоминаниям о том, кем они были, объективно препятствует интеграции в ЕС, глобализации, мультикультурализму и развитию гармоничной, отвечающей потребностям сегодняшнего дня идентичности. А также он уверен, что англичане никогда более не будут традиционалистами и закрытыми островитянами — классическая Англия уже не существует, а существует Англия многообразная и полиэтничная.¹⁰⁰

На наш взгляд, концепция Космополитичной Англии является в той же мере утопией, как и все остальные, в первую очередь из-за того, что она аккумулирует больше различий, чем может усвоить, и больше сообществ, чем умений жить вместе. Наряду с открытостью по отношению к другим, эта модель невнимательна к собственно английскому населению и его культурным ценностям и традициям (поэтому существуют обширные группы «этнических» англичан, выступающих против такого рода культурной «косилки»). Таблица о национальных константах, основанная на авторских данных опросов и интервьюирования, отчасти иллюстрирует это. Опросы проводились на основании методики приписывания качеств, предложенной Д. Кацом и К. Бейли, по которой из 80 предложенных черт (список черт формировался в ходе экспедиций) англичанам нужно было выбрать наиболее характерные для англичан и различных групп мусульман.¹⁰¹

*Национальные константы англичан
в противопоставлении с константами Другого, 2009–2012 гг.*

Ассоциативный ряд англичан в отношении мусульман	Национальные константы англичан
Агрессивность, наглость поведения по отношению к британцам, низкий уровень культуры	Скромность и дипломатичное поведение в отношении других культур, воспитанность, сдержанность
Сегрегация мужчин и женщин	Свободное отношение к мужчинам и женщинам, общее обучение
Сексизм в отношении женщин	Гендерное равноправие
Патриархальность	Уважение традиций, но и модернизационность
Отсутствие личной свободы, коллективизм	Личная свобода, индивидуализм
Религиозный консерватизм	Религиозный плюрализм
Исламский мессианизм и стремление обратить в свою веру (джихад)	Цивилизаторский потенциал, мессианизм общечеловеческих ценностей, имперскость
Нежелание учить язык	Знание нескольких языков — обычное дело для истинного британца
Социальный изоляционизм (проживание в общинах)	Социальная открытость
Религиозность образования и власти	Светскость образования и власти
Нежелание интегрироваться	Стремление помочь другим народам в интеграции
Теократизм, тотализм	Христианский гуманизм, либерализм
Необразованность или примитивное образование	Высокий уровень культуры британцев
Общинное право	Конституционное право (один из идеалов — казуальное)
Авторитаризм	Демократические права и свободы
Неконтролируемые и незаконные иммигрантские потоки	Способность к интеграции в разумных пределах

Ассоциативный ряд англичан в отношении мусульман	Национальные константы англичан
Терроризм, воинственность, фанатичность, дикость	Гуманизм, цивилизованность, толерантность
Бедность, социальная напряженность, рост преступности, СПИД, туберкулез	Государство всеобщего благоденствия
Экономическое бремя, иждивенчество (оттягивание социальных выплат)	Экономический упадок
Закрытая консервативная одежда	Демократичное самовыражение в одежде
Склонность к зомбированию, подверженность социальному гипнозу	Здравый смысл
Хитрость, жажда выгоды, лицемерие	Смелость, достоинство, честность
Культ смерти	Страх смерти
Угроза британскому величию и этничности англичан за счет кросс-культурных браков	Демократия — ловушка
Желание выполнять черную работу	Белоручки, нежелание заниматься простым трудом
Изоляционизм	Высокомерие, дистанцирование
<i>Итого:</i> 24 негативных ассоциации, 2 — положительных	<i>Итого:</i> 24 положительных ассоциации, 2 — негативных

§ 2.6. Региональная Англия

Концепция локальной и магистральной идентичности, обращенная как в прошлое, так и настоящее. В качестве ориентира — регионы Англии (вне Юго-Востока), с чертами, которые расцениваются в качестве альтернативных. Поклонники этой концепции обращаются к тому факту, что ответом на глобализацию с сопутствующими ей процессами размывания этничности часто оказывается активация «малых идентичностей» — групповой, локальной, региональной, через которые может поддерживаться и обновляться этноидентичность. Для участников этого преимущественно культурного дискурса словосочетание

«малая родина» — ключевое в понимании современной идентичности англичан. Основными символическими категориями являются концепты «далекой», «индустриальной» и «реальной Англии», «Англии рабочего человека», «места, где родился и вырос», «территории детства и настоящего я» и пр. Дискурс идентичности в рамках модели строится на попытках восстановить и сохранить знание о традициях регионов, проследить историю формирования региональной английскости, соотнести возможности региональной и центральной («метрополной») идентичности, описать образы идентичности на примере отдельных жанров литературы и искусства и т. д. Характеристике данной модели на примере региона Северной Англии посвящена следующая глава; кратко остановимся на основных ее особенностях, преимущественно политического характера.

Большинством исследователей признается, что Англия разделена на отдельные, ярко выраженные региональные идентичности и об общем английском (не британском) национализме говорить не приходится, поэтому со стороны общественности выдвигались инициативы по организации региональных ассамблей, а не ассамблеи Англии.¹⁰² А. Патридж, сторонник организации отдельных ассамблей в английских регионах, писал: «Плохая новость для тех, кто пытается построить для английского национализма политический фундамент: судя по всему, главным аспектом жизни в Англии не является чувство английскости».¹⁰³ М. Сторри и П. Чайлд и вовсе полагают, что для англичан настоящее значение имеют только региональные и локальные идентичности.¹⁰⁴

По нашим полевым данным, сегодня жители Севера Англии чаще отмечают свою принадлежность к «локальному сообществу» («место, где родился и вырос», «территории детства и настоящего я»), чем к сообществу национальному, «большой родине». Свою идентичность англичане связывали: с местом рождения и проживания (35%), локальным диалектом (27%), историей страны и региона (21%), английской природой и ландшафтами (9%), британским государством (3%), с самим собой (3%). В «матрешке идентичности» (Великобритания — Англия — Север — Сандерленд — Рокерсайд (район Сандерленда)) самым значимым оказывается последнее звено.¹⁰⁵ П. Стрикланд приводит данные пула *BBC* по региональной деволюции в Англии 2002 г. В рамках

опроса предлагалось выбрать из четырех идентичностей приоритетную: локальную (по городу или графству — месту рождения или проживания), английскую, британскую, космополитичную. В итоге для большинства опрошенных более приоритетными оказались идентичности, связанные с регионом, затем с Британией, затем с миром. Английская же оказалась на последнем месте. В зависимости от обстоятельств жизни конкретного человека «маяком идентичности» оказывается место рождения и/или место длительного и постоянного проживания. За редким исключением привязанность к определенному региону может объясняться лишь эмоциональной аффилиацией.¹⁰⁶

Если иметь в виду политический регионализм и деволюцию, то об этом, несмотря на относительность общеанглийского политического национализма, также не приходится говорить, более того, часть исследователей считают политически прозрачными большинство региональных идентичностей Англии.¹⁰⁷ Ф. Фернандес, испанский автор работ, посвященных англичанам и шотландцам, уверен, что разделение Севера и Юга существует, но в основном в Йоркшире, где люди проявляют сильное расположение к своему графству,¹⁰⁸ и на Северо-Востоке, где жители демонстрируют «яростный локальный шовинизм». В остальном, по мнению исследователя, англичане являются одной из самых устойчивых наций в европейском сообществе.¹⁰⁹ Р. Хазел в этой связи писал, что, несмотря на то, что неолейбористские конституционные реформаторы рассматривали избираемые английские ассамблеи в качестве естественной альтернативы шотландской и валлийской деволюции и со стороны общественности неоднократно выдвигались инициативы по организации региональных ассамблей, Англия остается «черной дырой деволюционных процессов».¹¹⁰ Шотландские и валлийские комментаторы выражали беспокойство по поводу отсутствия в Англии своих ассамблей из опасений, что в таком виде у страны больше шансов оставаться «Англо-Британией».¹¹¹

Часть общественности уверена, что давность и успешность феномена юго-восточной английскости в исторической перспективе препятствовали зарождению и развитию регионализма в пределах страны, не оставляя альтернатив развития жителям своих регионов. Так как Англия и затем Британия была во многом централизованной державой с имперско-патриотической

идеологией, практически не существовало благоприятных условий для формирования местных элит и местных систем власти, регионализма вообще. Регионализм рассматривался в качестве изъяна, недостатка, угрозы государственному устройству (в викторианские времена, желая подчеркнуть недостатки данного явления, приводили в пример раздробленную на регионы Италию). Даже в 1991 г. член правительства от консерваторов называл регионализм «не английским» феноменом.¹¹² На протяжении долгого времени регионы для общественности представляли собой «отдельные части общей национальной культуры, а не ее альтернативу» с региональной культурой как «клапаном безопасности» для репрессируемых региональных элит и политики. В результате данных обстоятельств в регионах не сложилась привычка мыслить и действовать «на северный лад».¹¹³

Если говорить об институционализации регионализма, то на Севере Англии, помимо множества компаний с региональными интересами, действуют региональные правительственные структуры.¹¹⁴ В 1994 г. правительство Дж. Мейджора учредило Региональные правительства (*Government Offices for the English Regions*) для вновь сформированных регионов Юго-Восток, Юго-Запад, Лондон, Восток, Вест-Мидлэндс, Ист-Мидлэндс, Йоркшир и Хамбер, Северо-Запад, Северо-Восток.¹¹⁵ В 1999 г. правительство Т. Блэра создало Региональные агентства по развитию (*Regional Development Agencies*) с назначаемыми в центре главами в тех же регионах для контроля деятельности Региональных правительств. Целями и задачами агентств являются поддержка дальнейшего развития и восстановления регионов, а также инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности региона. Правительство также поощряло создание 8 региональных палат (прообраз региональных ассамблей) для изучения и контроля деятельности агентств.¹¹⁶

В 2002–2003 гг. кабинет вице-премьер-министра выступил с инициативой организации референдумов по вопросу создания ассамблей, которые должны были выполнять функции стратегического планирования экономического развития (ассамблеи обладали бы меньшими полномочиями, чем парламент Шотландии), в результате чего были созданы прецеденты для региональной деволуции в Англии.¹¹⁷ В итоге было отобрано 3 региона, высказавшихся за организацию референдума (более

50% голосовавших) — Северо-Восток, Северо-Запад, Йоркшир и Хамбер (составляющие Северную Англию). Ассамблеи не были созданы, но в каждом регионе сформировались собственные местные правительства, во многом повторяющие исторически сложившиеся структуры.¹¹⁸

Правительственные инициативы в области регионализации нельзя назвать эффективными или последовательными. Например, проекты регионального размежевания обуславливались политическими (соотношение с нормами ЕС, например), а не культурными интересами.¹¹⁹ Так, в 1997 г. министр Регионов Р. Каборн заявил, что для новых английских регионов необходимо население примерно в 5–6 млн чел., чтобы вписаться в европейские нормы территориального деления, и в соответствии с этим подал официальную записку правительству, в которой назвал региональное деление Англии неподходящим. Данное высказывание показывает, что правительственные точки зрения на региональные границы и размеры обусловлены политическими заинтересованностями (соотношение с нормами ЕС), а не мнениями общественности. Так, Северо-Восток с его населением в 14 млн чел. (слишком большим для ЕС и слишком заметным для Лондона) в 2001 г. оказывается исключенным из данного списка. Исключается и Корнуолл с населением в полмиллиона человек и слишком активным региональным позиционированием.¹²⁰

В целом региональное деление сегодня не соответствует реальным региональным идентичностям населения. К примеру, недавно образованные графства, прилегающие к Лондону (*Home Counties*), разрываются между регионами Юго-Востока и Востока Англии, в то время как многое в них определяется соседством с Лондоном — после 1994 г. Эссекс, Хердфордшир и Бедфордшир, принадлежащие к стандарту Юго-Востока, вместе со стандартом региона Восточная Англия (*East Anglia*) сформировали новый регион Восток Англии (*East of England*). Сегодня гибридный регион Восток Англии представляет собой конгломерат идентичностей, не слишком соотносящихся друг с другом. Например, Уотфорд в Хертфордшире по своей идентичности ближе к Лондону, чем к Восточной Англии. Кумбрия включена в регион Северо-Запад, хотя на протяжении двадцати лет до 1994 г. она наряду с Нортумберлендом, Тайн-энд-Виром,

Даремом и Кливлендом была частью стандарта Северного региона (*North Region Standard*). Часть Ланкашира и Уиндемир, связанный напрямую с Манчестером железнодорожными путями, ассоциируют себя исторически с Северо-Западом, но Карлисли чаще обращается к Северо-Востоку, Ньюкаслу.

Р. Бонд также замечает, что некоторые английские регионы «богаче на идентичность», чем другие.¹²¹ Обычно дискуссии по этому поводу велись на основании косвенных рассуждений, но в 1999 г. агентством *Ipsos MORI* был проведен соответствующий социологический опрос. 923 опрошенным (лицам, достигшим 18 лет, представителям разных классов и профессий) из 38 вариантов принадлежности к той или иной локальной или глобальной общности предлагалось выбрать несколько предпочитаемых. Региональная идентификация оказалась самой важной для 50 % населения Англии — от 83 % на Северо-Востоке до 17 % на Востоке Англии.¹²² При рассмотрении результатов опросов необходимо учитывать населенность регионов и устойчивость региональных границ (например, жители Тисайда, ранее входившего в состав Йоркшира, оказались в новом регионе — Северо-Востоке, что повлияло на данные опросов; у жителей Лондона преобладает не региональная, а городская идентификация, хотя Лондон сам по себе может считаться «регионом»).

Региональная идентичность как приоритетная (англичане)

Регионы	Опрошенные, %
Северо-Восток (<i>North-East</i>)	83
Северо-Запад (<i>North-West</i>)	70
Юго-Запад (Корнуолл) (<i>South-West (Cornwall)</i>)	58
Вест-Мидлэндс (<i>West Midlands</i>)	55
Йоркшир и Хамбер (<i>Yorkshire and Humber</i>)	52
Лондон (<i>London</i>)	43
Юго-Восток (<i>South-East</i>)	41
Ист-Мидлэндс (<i>East Midlands</i>)	31
Восток Англии (<i>East of England</i>)	17
В среднем	50

Итак, сферой нашего особого интереса является Северная Англия, включающая один из самых выразительных в отношении идентичности регионов Англии — Северо-Восток, Йоркшир и Хамбер, Северо-Запад. О. Митчелл пишет, что на Севере существует совершенно отличный от южного варианта английскости тип идентичности (идентичности скаузеров, тюков, «нации джорди» и др.¹²³) — не менее самобытный и многозначный: «Север Англии является частью Англии, но не принадлежит ей... Север чувствует себя другим, но идентифицирует себя не сугубо из примитивного противопоставления Югу или Лондону, упадочной и элегической английскости Дж. Мейджора, например... Если бы Север стал независимым государством, он смог бы создать сильную, динамичную, самостоятельную, конкурентоспособную экономику с развитым индустриальным производством, как у Сингапура, Тайваня или Гонконга».¹²⁴

Существует множество объяснений тому, почему именно на Северо-Востоке Англии региональная идентичность выражена ярче и более политизирована. Во-первых, у Северо-Востока есть региональный центр Ньюкасл и выраженные региональные границы: на севере он соседствует с Шотландией, на востоке омывается Северным морем, на юге огораживается Кливлендскими холмами, на западе — Пеннинами. У региона всегда существовала особая географическая идентичность — не только относительно отдаленного от Лондона местоположения, но и из-за того, что он находится «за пределами Йоркшира», «далеко на Севере».¹²⁵

Во-вторых, у региона есть сильная историческая идентичность: наследие Нортумбрии (Вал Адриана, например) и ранних церквей в Дареме, Джарроу и Линдисфарне, а также наследие Беды Достопочтенного.¹²⁶ Здесь издревле бытовала идея земли вне контроля центра, подтверждение чему можно найти в «Книге Судного дня» (*Domesday Book*), касающейся сведений по территориям севернее р. Тис, а также в том, что норманские и ангевинские короли вынуждены были обращаться за помощью к северным лордам (графам) для защиты земель от скоттов. Подавление Генрихом VIII восстания в Йорке 1536 г. (Благодатное паломничество — *Pilgrimage of Grace*), поднятого из-за разрыва короля с Римско-католической церковью и повсеместного закрытия католических монастырей с секуляризацией их земель, а также ущемлением прав знатных северных семей, было связано с желанием короля

централизовать владения и усилить контроль со стороны центра.¹²⁷ Как пишут Дж. Томаней и Н. Вард, Северо-Восток сохранял отчужденность от остальной Англии вплоть до объединения Англии и Шотландии в 1707 г., поэтому «следует более осторожно говорить о Северо-Востоке как о британском регионе, так как его окончательная инкорпорация с ней проходила параллельно с формированием британской идентичности»¹²⁸.

В-третьих, регион обладает сильной идентичностью ввиду расположения здесь весомой доли тяжелой промышленности страны — угледобычи, сталеварения, кораблестроения и ремонта кораблей, инженерии, химического производства. Хотя сегодня существует, по сути, только последнее и регион находится в состоянии поиска конкурентоспособной сервико-ориентированной постиндустриальной экономики, наподобие шотландского Стречклюдя (*Strathclyde*), упраздненного в 1994 г. региона Шотландии с центром в Глазго.¹²⁹

В-четвертых, у региона сильна культурная идентичность. В прошлом это было связано с методистской церковью и рабочим движением.¹³⁰ Регион примечателен наличием особых акцентов и диалектов английского языка; сильной аффилиацией к футболу и таким региональным командам, как «Ньюкасл Юнайтед», «Сандерленд» и «Миддлбороу».¹³¹ Северо-Восток является и одним из самых этнически гомогенных регионов страны — 96,4 % белых британцев по данным переписи 2011 г.¹³²

Также объединяющим фактором для Северо-Востока стал стремительный (относительно периода деиндустриализации 1970–1990 гг.) экономический рост и желание привлечь дополнительное финансирование со стороны британского правительства и ЕС, как это удалось Шотландии. Такая заинтересованность на протяжении долгого времени поддерживала интерес у Северо-Востока к созданию собственной ассамблеи («тихая регионализация Севера»)¹³³ Однако, как полагает К. Морган, «сильная культурная и историческая идентичность не обязательно выливается в желание иметь собственную ассамблею», тем более что для жителей Северо-Востока оказывается непривлекательным иметь еще одну забюрократизированную структуру.¹³⁴ Эксперты утверждают, что политический регионализм на Севере обречен на провал и из-за слабой заинтересованности министров, с подачи которых происходят региональные

реформы, недоверия между британскими и местными политиками, боязни жителей региона лишнего увеличения налогов на расходы по содержанию неэффективного органа.¹³⁵ И сегодня единственная, по мнению аналитиков, потребность Северо-Востока — более сильная региональная позиция, игнорировать которую Лондон бы не смог.¹³⁶

§ 2.7. Музыка в поисках английскости

В качестве примера существования концепции идентичности рассмотрим дискурс английскости в музыке. Музыка, наряду с литературой, является для Англии знаковой частью культурного наследия. Однако если литература применительно к вопросам идентичности — относительно изученный материал,¹³⁷ то анализ дискурса идентичности в музыке, в том числе в силу природы своих малодоступных для прямого анализа «текстов», требует дополнительных усилий. Также Э. Ломакс писал, что музыка является «идеальным местом связи культуры и коммуникации», хотя многие ее рассматривают в качестве личного переживания.¹³⁸

Определение жанрового своеобразия музыки, так или иначе презентующей английскость, не является задачей настоящего исследования, однако отметим, что в центре этого дискурса оказываются такие жанры, как английский фолк, традиционная музыка и танец.¹³⁹ Английский фолк сегодня переживает подъем популярности и участвует (более остальных) в процессах формирования и трансформации идентичности. Если ранее он был частью андеграундной культуры, то в последнее время фолк-артисты номинируются на престижные премии (премия Меркури и Унтанк в 2009 г., например), их выступления транслируются на канале *BBC* (с 2008 г., в рамках специальной программы «День фолка», а также в музыкальных шоу — «Поздно вечером с Джулсом Холландом» и др.). Все большее число масштабных фолк-фестивалей с конца 1990 г. выдвигают на первый план своих «идеологий» английскость — например, фестиваль *WOMAD*; все большее количество коллективов стремится к такому самообозначению (например, группа *Bellowhead*). По словам одного из организаторов фестиваля, в Англии сейчас проще зарезервировать место для английской фолк-группы, нежели ирландской или кельтской.¹⁴⁰

Такое положение дел напрямую связано с дебатами об английском фолке как о забытом или похороненном, нуждающемся в открытии аутентичном наследии английскости. Правда, вопрос, что считать «аутентичным» для английской музыки, остается открытым — древние эпосы, песни английских моряков времен Великих географических открытий, деревенские пасторали викторианских времен, военные песни эдвардианской эпохи или же рок-ритмы 1960-х гг.?

Разговор об английском фолке как этномузыке возник и развивался преимущественно с начала 2000-х гг. Старт публичным дискуссиям дала статья в журнале К. Ирвина, писавшего, что «журнал рассказывает об экзотической музыке со всех концов света, но игнорирует экзотическое в своей собственной культуре — Англии».¹⁴¹ Ирвин в этой связи повествует о Бэкапских танцорах Коконат Британия (*Bacup Britannia Coconut Dancers*). Это особая танцевальная традиция, берущая свое начало от марокканской иммиграции в XVII в. и со временем адаптированная йоркширским населением рабочих промышленных районов, например мельницы Танстеда в конце XIX в., а затем мельницы Британия в 1920 г. Сегодня она существуют в Ланкашире, в частности, в г. Бэкап Йоркшира. Лица танцоров закрашиваются в черный цвет, костюмы содержат цветочные элементы, кокосы, белые изогнутые юбки. Сам танец символизирует различные религиозные и языческие ритуалы, хотя сегодня воспринимается лишь в качестве карнавального шоу по выходным или накануне Пасхи. Статья была проиллюстрирована также фотографиями роговых танцоров Абботс-Бромли (*Abbots Bromley Horn Dancers*), одетых в стилизованные под Средневековые одежды, с оленьими рогами и пр. Основное выступление проходит в сентябре (параллельно выступают танцоры Морриса) в деревне Абботс-Бромли, и оно приурочено к религиозному календарю, а также празднику урожая.¹⁴²

Определение «этнической музыки» (*world / ethnic music*) в английской музыкографии традиционно относится к «музыке народов мира», африканской и азиатской этномузыке, адаптированной под европейские стандарты. К этнической музыке относится и современная «западная» музыка с элементами этномузыки вышеназванных регионов. В отличие от английского фолка, этномузыка позиционирует себя более коммерчески-ориентированной

и вписанной в мейнстрим.¹⁴³ И хотя более пристальное исследование процессов, происходящих в музыке, лежит за пределами данной работы, можно с определенностью сказать, что они отражают в некой степени специфику пути, который проходит в последние десятилетия и концепция английскости.

Группа *The Imagined Village*, детище С. Эмерсона и Б. Брэга, как раз ассоциируется с подъемом английского фолка и этномузыки.¹⁴⁴ В 2009 г. участники группы говорили, что ставят своей целью «адаптировать старые вековые традиции к XXI в., сочетать древнее и современное, скрипку, биты и дабситар». С момента своего создания коллектив пользовался большим успехом в Англии, широко выступал на фестивалях и концертах по стране и в 2008 г. был даже награжден *BBC Radio 2* в номинации «Лучшая традиционная песня». Музыканты поставили перед собой задачу стимулирования обсуждений природы английской идентичности, и многие их выступления начинаются с ток-шоу на эту тему. Веб-сайт группы содержит соответствующий форум. *The Imagined Village* не претендует на создание единой и монолитной концепции английскости, и участники коллектива признают, что английскость является неким подвижным и изменчивым во времени и пространстве феноменом, имеющим также политический характер. У группы нет общего манифеста, но многое выражено в работе Б. Брэга об английской идентичности. Позиция музыкантов ассоциируется с подъемом «левого радикального патриотизма», призванного изменить ситуацию, когда от имени английской идентичности ведут диалог в основном крайне правые.¹⁴⁵

Среди представителей английского фолка распространено суждение, что английскость сегодня игнорируется или угнетается. В частности, эта идея транслировалась в разговоре об английских традиционных музыке и танце в 2012 г. с Б. Брэгом: «Мы слушаем песнопения Африки, мы слушаем кельтских бардов, но золото, которое мы ищем, находится на нашем собственном заднем дворе. Англичане могут слушать музыку со всех уголков света, но не свою собственную. Налицо явное преобладание ирландской и шотландской народной музыки в Британии новейшего времени, до недавнего возрождения английского фолка, в частности усилиями нашей группы. Я сам начал заниматься английской традиционной музыкой, потому что мне было важно чувствовать себя на месте,

чувствовать себя английским музыкантом, чтобы все, что я делаю, лилось по-настоящему из души».¹⁴⁶ Желание сохранить или вернуть символические элементы доиндустриальной, природной, сельской общины, как пишет Дж. Бойс, является основным импульсом для фолк-музыкантов.¹⁴⁷

Зачастую такой дискурс идентичности активизируется в условиях мультиэтничной среды Англии и рассматривается в качестве одной из идентичностей мультикультурной страны. Так, молодой фолк-музыкант Д. Шил в 2011 г. описал свое чувство английской идентичности следующим образом: «Я вырос в Ньюкасле в азиатском районе, и там проживала большая британско-азиатская община. Когда я играл и пел фолк, то чувствовал себя вроде как частью общества».¹⁴⁸ На данный момент толкование английскости как одной из идентичностей мультикультурной Англии наиболее популярно в музыкальной среде. И хотя такой подход подразумевает эссенциалистское понимание идентичности англичан как идентичности белого коренного населения (в отличие от идентичности азиатского населения, например), конструкции английскости всегда рождаются из ощущения, что идентичность других этнических групп (особенно азиатских) более выраженная, сильная и организованная и их инициативы в этой области получают больше поддержки и одобрения со стороны правительства и общественности, хотя должно быть наоборот в отношении традиционной английской культуры. Со стороны БНП, например, не раз совершались попытки вписать фолк-исполнителей в общественное движение. Это привело к организации движения музыкантов «Фолк против фашизма» в 2009 г. (как говорил К. Вуд, «мы не поддерживаем национализм, а выражаем свою культурную идентичность»), получившего большую поддержку среди музыкальной общественности Англии.¹⁴⁹

Группа *The Imagined Village* представляет в своих выступлениях (костюмы, состав участников, музыка) несколько другое видение английской культуры; для них английскость — гибридная и мультикультурная идентичность, что контрастирует со взглядами преимущественно белого мира английского фолка. Б. Брэг в 2007 г. заявил, что «англосаксы всегда уверены в единственности и неповторимости своего расового типа, тогда как сама англо-саксонская культура вобрала в себя множество совершенно других культурных элементов».¹⁵⁰

Таким образом, музыка является значимой частью английского культурного наследия и такие ее жанры, как английский фолк и этническая музыка, переживают сегодня подъем популярности, участвуют в процессах формирования и трансформации идентичности. В среде фолка распространены суждения об английскости как об утраченной, игнорируемой идентичности, которую необходимо заново открыть / воссоздать / спасти. Но несмотря на желание музыкантов вписаться в мультикультурный контекст, английский фолк, как и сама концепция английскости, остается в этническом и историческом смысле площадкой для монокультурной, белой, оппозиционной современной британской мультикультурности.

§ 2.8. Спорт и нация

Спорт применительно к нашему исследованию может рассматриваться не только как международный феномен, разделяющий британцев на отдельные команды-сообщества Англии, Шотландии и т. д., но и как средство выражения английских и североанглийских ценностей, национальных и локальных идентичностей. Процесс посещения матча — это общение и единение с аффективным сообществом. Главная задача, пожалуй, состоит в том, чтобы понять, как спортивные клубы ритуализируют общину и презентуют локальность, каковы качество и природа этого аффективного сообщества и как это связано с вопросами нации, этничности и идентичности.

Наше исследование спортивного измерения идентичности англичан предполагает исследование не собственно спорта, а скорее фанатской культуры. Здесь и в разделе о спорте в третьей главе мы попытаемся проанализировать степень соотношения локальной (на уровне маленького городка), субрегиональной (на уровне района и графства), региональной (региона Северной Англии) и национальной (на уровне Англии и ее сборной) идентичностей. Мы рассмотрим проблему спорта (особенно футбола) как площадки для хулиганизма, андеграунда и панка, расизма, английского национализма, рабочего движения, поговорим о классовом характере игр, метафорах войны, соревнований, победы, о групповой солидарности, национальной мобилизации в спорте.

Любой англичанин скажет, что футбол, регби и крикет — национальные виды спорта в Англии, здесь они изобретены

и популяризированы, превращены в инструмент международной политики и признания (регби и крикет, однако, переживали пик своей популярности до современного периода). В эпоху империализма через бокс, футбол и др. происходило приобщение колоний к ценностям Запада. У самих англичан игры способствовали приобретению коллективной идентичности и стали основной площадкой феминизации и формирования моделей мужественности.¹⁵¹ В отношении локальной культуры т. н. массовый футбол был исключительным событием в жизни общины, праздником, на котором происходило чествование локальной истории, а также местом и временем «воздаяния долгов противникам»: во время игр происходила некая кульминация конфликтов между жителями соседних сел и городов, гильдиями ремесленников, женатой и неженатой молодежью и т. д.¹⁵²

Сегодня любовь к спорту вообще и футболу в частности можно назвать, безусловно, общеанглийским, общебританским явлением — явлением, объединяющим и разъединяющим одновременно не только, скажем, англичан Севера и Юга, представителей рабочего и среднего классов, но и многочисленные иммигрантские сообщества и «коренное» население. Футбол является знаковым полем культуры Англии (и ее Севера), одной из основных сфер лояльности и весомой частью жизни «типичного англичанина». Масштабы вовлеченности населения в эту игру (как в качестве игроков локальных команд, так и болельщиков локальных клубов, национальных сборных) трудно переоценить и нам, россиянам, сложно представить (только по количеству футбольных клубов, согласно данным ФИФА, Англия стоит на первом месте в мире).¹⁵³

Со спортом, особенно футболом, неизбежно связывается множество негативных социальных явлений. С 1960-х гг. рабочая молодежь Англии, не имея средств на другие развлечения, выбирала футбол — сначала посещая местные матчи, затем выезжая за пределы графства, страны и т. д. Многие матчи заканчивались столкновениями. Тем более что вскоре СМИ стали широко освещать данные «битвы», еще более воодушевляя болельщиков. С конца 1970-х гг., когда в британских командах все чаще стали встречаться чернокожие спортсмены и тренеры, расизм и джингоизм стали проникать в футбол. Расцвет этих настроений достиг своего пика во время конфликта на Фолклендских островах и стал сходить на нет после трагедий на стадионах «Эйзель»

в 1985 г. (погибло 39 болельщиков) и «Хилсборо» в 1989 г. (около 90 погибших). С 1980-х гг. с футболом стало тесно ассоциироваться такой феномен, как футбольный хулиганизм, появление которого исследователи связывают с процессами деиндустриализации и кризисом рабочей идентичности, а также неудач в области мультикультурализма. В 1990-е гг. футбольный экстремизм стал уступать место сдержанному национализму и патриотизму. Новый всплеск национализма и антиисламизма в футболе произошел после трагедии 11 сентября 2001 г., взрывов в лондонском метро в 2005 г., а также иммиграционных кризисов 2014–2016 гг.¹⁵⁴

М. Перриман в одной из своих работ указывал, что рост интереса к английскости и ее символам (в том числе в шовинистическом русле) происходит в первую очередь во время поддержки английской сборной и локальных клубов футбола. Именно стадионы, по его мнению, стали площадками развития ультраправых, крайне правого и левого экстремистского движений, стоявших в числе прочих у истоков возрождения политического и культурного английского национализма.¹⁵⁵ Хольт пишет о том, что в основе футбольного хулиганизма лежит локальный и национальный шовинизм и «складывается впечатление, что фанаты рассматривают иностранцев как некую мишень для вымещения неясной обиды за потерю Британией своего статуса в мире»; футбол, как он считает, превращается в «сублимацию патриотизма среди недовольного, полуобразованного белого рабочего класса (в основном молодежи) нации, предыдущее поколение которой еще занимало лидирующую позицию и устрашало весь мир».¹⁵⁶ Безусловно, подобная заданность влияет на академический и общественный дискурсы, формируя таким образом не только политику властей по отношению к болельщикам, но и их идентичность фанатов. И пусть сегодня в общественном восприятии фанатов произошли изменения, связанные с трансформацией их поведения и имиджа в более аутсайдерские, проблема все еще считается острой.¹⁵⁷

При размышлении о вопросах соотношения спорта и идентичности мы обращаемся к «религиозному» аспекту спорта. Во время опросов респонденты нередко заявляли: «Обычные англичане помешаны на двух вещах — футболе и еде. Это их главные религии. И несмотря на то, что Англия редко выигрывает чемпионаты мира, это страна болельщиков».¹⁵⁸ Академические

авторы также проводят параллели между «литургиями» футбола и религии.

Подход К. Бромбергера, например, состоит в допущении того, что через футбол происходит выражение и формирование публичных идентичностей и что, несмотря на свою секулярную природу, футбол пронизан сакральным и религиозным. Используя наработки Дюркгейма по поводу культурных репрезентаций, Бромбергер утверждает, что стиль конкретного клуба есть часть коллективных представлений (*collective imaginary*), при которых «фанаты нарративуют командные игры и собственные жизни». ¹⁵⁹ Если говорить о молодых фанатах, то их стремительное познание локальных ценностей на этом фоне формирует представление о городе / поселке и регионе (как у фанатов, так и у других), а футбол и формируемые здесь отношения есть не что иное, как спектакуляризация социальных отношений. Где спектакуляризация это не только общественный театр, но и реальные взаимоотношения и идентичности. Значение работ Бромбергера состоит и в том, что он обращает внимание на значение репрезентаций идентичности в масштабах выступления и действия, а также значения футбола для относительного баланса между культурной открытостью и культурой исключения. Таким образом, футбольное поле, приспособиваясь к этим реалиям, как бы трансформируется в театр идентичности, где коллективные идентичности мобилизуются и меморизируются. ¹⁶⁰

В то же время, согласно подходу К. Милса, ритуальные практики футбольных фанатов нельзя рассматривать ни как проявления реакции или консерватизма, ни как альтернативную антигегемонистическую форму народного или публичного сопротивления. Они открывают альтернативные публичные сферы. ¹⁶¹ В этом смысле фанаты «владеют» клубами в рамках «царства» символизма и ритуала — несмотря на реального владельца прав на клубы в рамках профессиональных структур современного футбола. В то же время фанатская культура обладает зачастую имплицитной нормативной структурой, кодируемой в терминах класса, расы или гендера. Пестрота того, что есть норма (что «нормальный фанат» может делать, как выглядит или откуда происходит), определяет политику и ограничивает тех, кто может принадлежать к сообществу, носить те же цвета и вообще презентовать фанатское коллективное. Эта нормативная

структура воплощена в рекурсивных паттернах фанатской культуры, выраженной в обычных ритуалах, поведении во время матча, социальных связях, спортивном юморе и сплетнях, в определении и репродукции коллективной памяти и экологии конкретных городских условий.

Композиция фанатской культуры лучше всего может быть описана выражением Дж. Бергера «завеса из клише» (*screen of cliches*). Бергер писал: «Каждая культура производит такую завесу — частично для того, чтобы облегчать собственные практики (установление обычаев и привычек), и частично для того, чтобы аккумулировать свою власть».¹⁶² В этом смысле определенная фанатская культура консолидирует власть традиции и идентичности посредством неформальных средств. Точно так же, как фанат покупает билет на игру, он пытается получить доступ к коллективному символическому.

В этом контексте футбольные стадионы могут выступать сакральным полем, землей для «своих», посвященных, преданных. Смысл же футбольного поля как некой поддерживающей историческую преемственность структуры состоит в том, что некоторые фанаты рассеивают над ним свой прах. Игровое поле обеспечивает связь между прошлыми и настоящими героями и служит буквально и метафорически алтарем памяти и поминовения, «домом как инкарнацией прошлого».¹⁶³ При этом необходимо разграничивать связи идентичности с изменяющейся культурной экологией их локаций. Даже тот факт, что фанаты некоторых крупных футбольных клубов, как «Манчестер Юнайтед», живут далеко от места расположения клуба («ритуального, символического дома» — домашнего стадиона, как «Майн роуд» или «Сити оф Манчестер» для клуба «Манчестер Сити»), не делает эту идентификацию менее значимой. И футбольные клубы создают ключевые культурные стержни, на которые «нанизываются» идентичность и патриотизм.

Если говорить о конкретном социальном значении, то спорт является одной из выразительных площадок политического и культурного национализма и регионализма. Спорт здесь зачастую организован во имя и от имени «четырех наций» (англичане, шотландцы, валлийцы, ирландцы) и отдельных локальных сообществ (на уровне клубов), а не всей Британии. Нет и такого понятия, как сборная Великобритании на чемпионате

мира по футболу (единственное исключение — олимпийская сборная). В случае футбольного матча между сборной Англии и, скажем, Алжира шотландцы, даже находясь в Англии, вслух будут поддерживать Алжир. Для англичан же вся Британия — их территория, вотчина, империя. «Шотландцы наши братья, пускай заблудшие», — нередко говорят они. Шотландцы поддерживают свою сборную флагом Шотландии, англичане же, особенно в Лондоне, чаще используют британский «Юнион Джек», а не английский «Сэнт Джордж» (последний более популярен в регионах).

Спорт является территорией проектной деятельности. Политики нередко пытаются использовать трибуны в качестве плацдарма для манипуляций общественным мнением: например, Д. Кэмерон в 2006 г. во время предвыборной кампании посещал футбольные матчи и демонстрировал патриотизм.¹⁶⁴ Многие социальные акции против расизма, гомосексуализма, педофилии, детской преступности, ранней беременности или бедности в северных городах связаны со спортом. Например, в Сандерленде регулярно проводятся мероприятия «Покажи расизму красную карточку», существует такая благотворительная программа по сбору средств для обучения африканцев футболу, как *Soccer Aid* и т. д. Спортсмены, особенно футболисты, — главные герои светских сплетен, ток-шоу, новостных или кулинарных передач, кино. В публичном пространстве обсуждают их манеры одеваться, любовные приключения, предпочтения в путешествиях, занятия жен и подруг и др., и самые яркие из них (как например, Д. Бекхэм) по популярности сравнимы с членами королевской семьи. В этом смысле индустрию спорта можно сравнивать с христианством — относительно новой «колонизации» мира и «канонизации» отдельных его феноменов.¹⁶⁵

С. Кудрин пишет о сходстве спортивной и военной риторики и о том, что базовой метафорой в когнитивной ситуации «футбол» у англичан является метафора «футбол — война» (44% массива); а также игра ассоциируется с дуэлью, гонкой, бизнесом, выгодной сделкой, стихией, театром, живым организмом, пищей, религией.¹⁶⁶ Не случайно в ходе Фолклендской войны 1982 г. английские фанаты носились с лозунгом *barmy army*, красноречиво обозначая собственное назначение — хулиганская, но армия народа. Спорт в этом контексте выступает регулятором

национальных интересов. Проведение крупных чемпионатов способствует подъему национального самосознания. Триумфы и падения клубов оставляют неизгладимый след на идентичности, кодируют ее следы в истории и культуре.

Например, заключительную игру Англии с Германией на чемпионате мира 2010 г. в ЮАР СМИ неоднократно сравнивали с Трафальгаром и сражениями Второй мировой. Ведущий *LBC* С. Ален после выхода английской сборной резюмировал общие настроения так: «Большинство болеющих за английскую сборную англичан — это люди, которые, сожалея о том, что мы больше не правим этим миром, хотят, чтобы мы дрались с противником на стадионах так, как мы когда-то дрались с ним на чужих берегах. Однако сегодня мы всего лишь маленькая островная страна, и пора об этом всем забыть».¹⁶⁷ В это время появились заметки и о том, что футбольные болельщики «Манчестер Юнайтед» стали массово носить золото-зеленый шарф с символикой клуба (бывшей до американского руководства) — в знак протеста против иностранного вторжения, а также скорби по порушенным надеждам после очередного досрочного (дофинального) выхода сборной Англии из чемпионата мира. Цитировались болельщики, говорившие о сильном желании вернуться к «великому английскому аутентичному футболу».¹⁶⁸

Хотя уже на протяжении многих лет Англия не выигрывала кубок, поддержка этой команды простирается за пределы футбольных результатов — это дискурс, оформленный в категориях гордости, страсти, лояльности и набора нормативных кодов и допущений и предположений, что же значит «быть англичанином», «любить Англию» вообще. М. Перриман в своих работах пишет, что в Англии упадок футбола (на международном уровне) в некоторых аспектах и смыслах отражает и упадок символической и культурной власти Британии в мире, и такое схождение делает восприятие этих процессов еще более болезненным.¹⁶⁹

Известный британский журналист и комментатор Дж. Пауэлл однажды сокрушался о назначении главным тренером сборной Англии шведа Свена-Ёрана Эриксона: «Итак, мать футбола, место рождения величайшей игры — унижение Англии пределов не знает. Когда они принарядились на церемонию назначения Эриксона, понимали ли они, насколько смешными

мы должны были выглядеть для остального мира, как все над нами, должно быть, хохотали? Добро пожаловать в страну третьего мира — Британию. Один ливень — и Юго-Восток Англии напоминает Бангладеш, и поезда вынуждены остановиться в стране, в которой когда-то они же не останавливались даже во время Блитца. Еще неделя, и мы будем вынуждены запастись бензином и едой. И сейчас, ко всему прочему, швед руководит нашей национальной командой». ¹⁷⁰ Большой критике подверглось только, пожалуй, последнее назначение — итальянец Фабио Капелло (Пауэлл говорил о «предательстве страны», «катастрофе», о том, что «нам нужен англичанин», «итальянский солдафон выбросил эту футбольную нацию в мусорную корзину» и т. д.). ¹⁷¹ Фрустрация Пауэлла, как и большинства администраторов и менеджеров, присоединившихся к этой критике, не только связана с упущением профессиональной возможности, но также отражает некоторые тенденции в осмыслении потери статуса Англии в футбольном мире. Фанаты воспринимали это как лицемерие, поскольку сами нередко подвергались критике и бичеванию со стороны этих же комментаторов за «махровый национализм» и «реваншистскую националистическую английскость». ¹⁷²

И если в глобализирующемся мире уникальность понятий родины и места нередко подвергаются сомнению кебабными, джинсами и пр., и футбольные команды премьер-лиги могут выступать без единого английского игрока, национальные спортивные команды Англии всегда обеспечиваются средствами по поддержке «фантазий» и «мифов», вокруг которых сохраняются или конструируются нации. В данном контексте игроки приобретают статус культурных героев. Заслуги выдающихся спортсменов, их особый стиль «честной игры» (*fair play*) становятся событиями в жизни страны. Отождествляя себя с игроком, зритель лично приобщается к победе, испытывает подсознательную иллюзию вечной и великой жизни. Э. Хобсбаум в связи с этим писал: «Воображаемая общность миллионов становится более реальной, если речь идет о нескольких названных людях». ¹⁷³

Для исследования идентичности национальной, безусловно, наиболее интересно рассмотреть поведение и организацию английских фанатов за границей, на выезде, во время поддержки национальной сборной и контактов с болельщиками других сборных.

В восприятии среднего и высшего классов (нередко снобистских по отношению к этой культуре) фанаты сборной ассоциируются с агрессивной маскулинностью, пьянством, открытой демонстрацией национализма, ксенофобией и расизмом. Как писал авторитетный журналист М. Тичер, английский стиль патриотизма «определяется нашими мужчинами, валяющимися в фонтанах Рима с грязным флагом “Юнион Джек” и футболками “Сделай это для принцессы Дианы”».¹⁷⁴

Пожалуй, отправной точкой появления этих медиаклише и самым печально знаменитым местом столкновения фанатов (после Эйзеля) стал Марсель во Франции в 1998 г. Марсель — индустриальный город с большим количеством арабского иммигрантского населения, характеризующийся большим расовым разделением, урбанистической разрухой, сильной поддержкой Национального фронта и регулярными столкновениями между французской молодежью и полицией. Во время матча между Англией и Тунисом местное арабское население, естественно, поддерживало Тунис. Английские фанаты во Франции постоянно пели песню *If it Wasn't for the English You'd be Krauts*, смысл которой состоит в посыле, что именно англичанам должны быть благодарны французы за то, что те спасли их от германской оккупации. Песня, конечно, обращалась к тем, кто мог себя назвать собственно «французами», но на деле провоцировала столкновения с молодежью арабского происхождения.¹⁷⁵

После беспорядков в Марселе, в которых было задействовано около 30 тыс. английских фанатов, имидж хулиганов и зачинщиков столкновений приклеился ко всему фанатскому сообществу сборной Англии. В частности, заголовки первых страниц пестрили ярлыками «очередной позор» и т. д.¹⁷⁶ В *Evening Standard* и вовсе писали о том, что «под идиотские звуки *Vindaloo*¹⁷⁷ летали бутылки и тарелки... Англичане опять играют в свою шарманку... Это наш стиль — бессмысленная и беспочвенная бравада, пустая пародия на героев с твердым характером».¹⁷⁸ Ведущая статья в *European* вышла под заголовком «Бешеные псы — новое лицо английского национализма».¹⁷⁹

В то же время попытки провокаций и враждебность принимающих чемпионат сообществ по отношению к английским фанатам в статьях не рассматриваются как убедительная причина для такого рода поведения. Да и по заверениям фанатов,

в такого рода «нападках тоже нет ничего нового для тех, кто уже давненько следует за своей сборной».¹⁸⁰ Мифы и реальность репутации фанатов таковы, что по прибытии на иностранную землю они всегда подвергаются подозрениям и враждебности со стороны местного сообщества, которое подогревается местными страшилками в медиа. Сами болельщики часто говорят о том, что «репутация английских фанатов может завести их в историю, даже если они этого не желали и никоим образом не провоцировали».¹⁸¹

Статус «мировых чемпионов футбольного хулиганизма», враждебность со стороны местных властей, а также собственно порядок организации фанатских структур локальных клубов Англии, с которыми аффилирован практически каждый фанат, делает английскую фанатскую культуру привлекательной для медиа и одновременно служит объединяющим фактором для самого сообщества. Болельщики ради чувства безопасности и приобщения к товариществу вынуждены объединяться в группы, искать своих соотечественников в местных барах и пр. Существуют специальные точки сбора, о которых тайно сообщается по «своим» каналам. Естественно, там присутствует много алкоголя и куража, «имперских комплексов» и реваншизма. В этих барах происходят непримиримые ссоры и навечные братания, разрабатываются планы перехвата других фанатских групп, конспирации и пр. Бары становятся неким проводником в мир «настоящей фанатской культуры» и «фанатской дружбы».¹⁸²

Основу этого сообщества составляют мужчины 20–40 лет. Фанаты путешествуют группами на основе опять же локального клубного деления, иногда объединяясь в большие группы (с градацией, но не иерархией). Правила поведения в рамках групповых перемещений и т. д. определяются фанатскими кодексами конкретного клуба. Но в то же время если клубные фанатские структуры — эксклюзивное, закрытое сообщество, то фанаты сборной Англии легко образуют кроссгрупповые и кроссклубные связи, особенно если основу составляют прошлые встречи фанатов и сформированная в прошлом дружба в других поездках. Это происходит благодаря компанейской атмосфере и нежеланию придавать значение межклубным трениям (на «нейтральной территории» они обсуждаются довольно спокойно).

Фанаты — социальная группа со своим сленгом, внешним видом и т. д. Среди них существует нормативное поведение и форма одежды, особый конформизм и наличие широкого круга различных стилей. Дж. Робсон пишет о том, что футбольный дресс-код сопровождается «классовоинфицированным, перформативным стилем, стилем не интеллектуальным или стоическим, а казуальным, но таким, который резонирует с маскулинной, рабочей традиционной культурой и ценностями бескомпромиссной твердости духа, прямоты, отсутствия притворства и протестного юмора (и это несмотря на наличие дизайнерских изысков от Ральфа Лорена, Армани, разрабатывающих дизайн для футболок сборной)».¹⁸³ В силу специфических социальных отношений, а также нежелания женщин преодолевать большие расстояния в пути за командой, участвовать в столкновениях толпы, проживать в стесненных условиях эта сфера очень сильно маскулинизирована.

Фанатское товарищество тем сильнее, чем сильнее его агрессия по отношению к врагу. И такое поведение может быть связано не с расовыми или националистическими вопросами, а с вопросами персонального достоинства, социальной и классовой солидарности, гордости и самоуважения. Конечно, речь не идет о том, что нет среди фанатских рядов симпатии к националистической риторике и расовой демонизации. Однако это зачастую происходит в рамках легитимизации и желания фанатов влиться в коллектив, присоединиться к общим ценностям путем как раз прокламации основных символов (расистских, например). Расистский и ксенофобский дискурс часто формирует удобную позицию даже для тех фанатов, кто декларирует, что просто смотрит футбол и хорошо проводит время, тем более что в традиционные «белые» спортивные ценности «честной игры», например, чернокожие болельщики или игроки могут и не вписываться.

Период интеракции, подкрепленный радостью от путешествия, эйфорией от игры и алкоголем, формирует уникальный коллективный опыт, для которого характерно, например, распевание «гимнов» сборной — песен *Keep St George in my Heart, Rule Britannia, God Save the Queen, En-ger-land*. Реже, во время специфических чемпионатов, это могут быть *The Great Escape, Three Lions, Vindaloo*, во время национальных матчей поются *Singing Die, Die Turkey Fucking Die, I'd rather be a Paki than a Turk* и пр.

Проживание фанатом игры связано со звуками стадиона и визуальным перформансом игры. Д. Бланчфлауэр, знаменитый североирландский игрок и футбольный менеджер, однажды сказал: «Шум толпы, ее пение и есть тот кислород, которым мы, игроки, дышим».¹⁸⁴ Многие исследователи также указывают на важность исследования фанатской культуры во всех чувствительных измерениях — в частности, в контексте акустических звуков толпы и исполняемых ими песен, через которые фанаты выражают свои чувства.¹⁸⁵ Пение на стадионах имеет свою историю: как массовое пение в поддержку оно стало традицией Первой и Второй мировых войн (гимны, строевые песни) и вошло прочно в обиход после расцвета британской поп-музыки 1960-х гг. Некоторые исследователи говорят о прямой связи между локальными поп-музыкантами и городскими футбольными клубами.¹⁸⁶

Несмотря на то, что задача таких песен — чествование команды и выражение фанатской поддержки и эйфории (от свободы от работы, семейной жизни, жен и прочих ограничений и социальных регуляторов Англии), именно они могут провоцировать злобу и враждебность внутри групп и вызывать нечто подобное со стороны местных фанатов. Вкупе с оккупацией баров в центре города, разнузданным поведением, демонстрацией национальных флагов, настойчивой агитацией и другими маркерами английских фанатов за границей это накаляет атмосферу на стадионах чемпионата, приводит к агрессии со стороны местных мужчин, так как оскорбляет их патриотические чувства.

По нашему глубокому убеждению, оскорбления, часто спонтанные по форме, представляют часть декораций, некоего ритуального гобелена, конкурентной перепалки. Футбольный конфликт лежит не в плоскости рационализированной, идеологизированной рамки, а скорее репрезентует область, в которой расовые и национальные стереотипы могут быть «сыграны» и могут быть мобилизованы ресурсы против определенного футбольного «врага». Фанатов при этом объединяет специфический, понятный «своим» юмор и нормативные предпочтения, коллективное осмеяние оппозиции вообще. В то же время, несмотря на то, что фанатам приписывают выражение английского национализма, перформанс этот зачастую связан с попыткой защититься от внешней агрессии других фанатов, откреститься

от клейма «хулиганов», с желанием «позадиаться» и ритуально поучаствовать в различных «мужских играх», нежели с собственно ксенофобией. В рамках самого фанатского сообщества развита культура товарищества и взаимовыручки, а также социальной открытости. Всеми признается, что только в таких ситуациях — во время поддержки сборной за пределами страны — англичане готовы забыть о некоторых социальных различиях, максимально дружелюбны, готовы поддержать, выслушать и онять (для более наглядного сравнения: что для русского поезд дальнего следования, то для англичанина футбольный стадион или спортивный бар за пределами родины). В самой Англии, даже в пабах, это почти невозможно.

Типичный фанат — фанат «Манчестер Сити», служил в британской армии, больше 25 лет поддерживает сборную и посетил до 2016 г. более 90 игр Англии. Он начал еще мальчишкой и до сих пор с ностальгией и гордостью вспоминает свой первый матч: «Англия и Португалия, 0:0, «Уэмбли», билет стоил 1,2 фунтов, все время стоял. Евро чемпионат...». ¹⁸⁷ Для него одним из самых значимых фактов и уважаемого поведения фаната сборной Англии является демонстрация привязанности к символам команды, игрокам. Любые антипатии очень рационализированы. К примеру, об игроке ямайского происхождения Дж. Барнсе (*John Barnes*): «Я его временами ненавижу. И не из-за его цвета кожи... Да, он родился на Ямайке, но и англичанином не стал. У него нет настоящей страсти защищать то, что мне дорого, он не чувствует нашего духа, ему все равно. Он любимчик менеджеров, но игра для него ничто. Он играет не так, как англичане, — он просто обманывает, обводит других игроков, выводит мяч за пределы поля, ведет себя как сука — и так в большинстве матчей. Не благородно...». ¹⁸⁸

Но в то же время такого рода оценки не означают исключения черных игроков из возможности быть национальным символом или представлять символы идентичности. Во время того же кубка 1998 г. во Франции чернокожий футболист А. Райт (*Ian Wright*) щеголял с английским флагом на плечах. Его запечатлели многие СМИ и использовали этот факт как повод для критики английского национализма. Фанаты данную «акцию» встретили благосклонно, тем более что для конца 1990-х гг. как раз было характерно возрастание моды на ношение «Сент Джорджа». ¹⁸⁹ Таким образом, точно так же, как черные игроки могут

переносить некоторые параметры инклюзии, конструированной некоторыми белыми фанатами, на соответствие установленным «маркерам» приверженности ко всему национальному, некоторые процессы могут работать как раз на обратные тенденции.

Получается, что зачастую нет армий или батальи и собственно ксенофобии, есть лишь достаточно хаотичные большие группы молодых людей, наслаждающихся компанией друг друга, свободой (от всего, в том числе от толерантности), путешествием как сломом любых границ, уважением и восторгом от ассоциации с большой исторической общностью, общностью с повышенной ценностью — Англией. В условиях тотальной регламентации жизни (строгость закона, установка на сдержанность, камеры слежения и пр.) и социальной замкнутости англичан футбол с его групповым экстазом, околосеверным поведением, алкогольной несдержанностью становится местом социальной сублимации, регулятором напряженности. Джон Смит во время просмотра новости о человеке, который застрелил 28 человек, а после убил себя, высказал мнение, что «этого бы никогда не случилось, если бы он чаще ходил на футбол».¹⁹⁰

Что касается локальной идентичности, то мы уверены, что футбол создает контекст, при котором размытая и урбанизованная идентичность (в условиях культурных изменений и неопределенности) приходит к новой своей ипостаси путем обращения к чувству локальности, места, принадлежности — как только фанаты пересекают стадионный турникет.

В культурологических теориях «локальный» трактуется как замшелая антитеза современному глобализированному и глобализирующемуся миру. Еще Б. Робинс писал о том, что «наша сегодняшняя жизнь не может дать основание для сопротивления глобализации, особенно посредством детской привязанности к идентичности по месту».¹⁹¹

Однако такая грубость по отношению к «локальности» со стороны левых интеллектуалов имеет давнюю традицию. Г. Робсон, чье исследование является примером прекрасного исследования футбольной культуры, утверждает, что двойственное отношение к воплощенной культуре футбола и сопровождающая это риторика локальности есть «посрамление левых интеллектуалов».¹⁹² Он пишет, что в случаях с такими клубами, как «Манчестер Сити», городские мифы неизбежно сводят клуб и его фанатов

к питательной среде протофашизма. Если рассматривать вместе эти позиции, то это означает, что те фанаты, которые конструируют себя как «локальных патриотов», рассматриваются как или «инфантильные», или «фашистские».¹⁹³ Во избежание подобных упущений локальная идентичность должна рассматриваться как продукт культурных практик и коммеморационных ритуалов. И это не значит, что «символический дом», коим является стадион для их фанатов, — это фантазм или мираж. Более того, это территория воплощения конкретных форм социальной жизни, имеющих свои ритуалы и культурные способы экспрессии и самовыражения. Грубо говоря, стадион обеспечивает единый контекст, в котором локальная культура и локальная идентичность может быть ритуально определена, несмотря на изменения, имеющие место в ближайшем окружении и паттернах миграции.

В этом смысле рост чернокожих игроков и реакция белых англичан на это играют большую роль в понимании экологии культурной игры и идентичности, истории конкретных клубов. С одной стороны, футбольный дом чрезвычайно открыт и терпим по отношению ко всем расам и меньшинствам, с другой стороны — очень нормативирован и стандартизирован, особенно что касается локальных футбольных структур. Футбольная культура сама по себе оппозиционна и производит оппозиции. В силу закрытости нормативной культуры фанатская культура меньшинств часто облекается в другие нормы и является в некотором смысле альтернативной.¹⁹⁴

Частота и в некоторой степени форма расизма, с которым мы встречаемся на футбольном поле, очень варьируются в зависимости от клуба. Фанатская культура в пределах определенного региона часто разделяет общие ритуальные элементы. Например, футбольные песни в основном создаются на основании довольно ограниченного репертуара мелодий. С некоторыми модификациями напевы из *When the Saints Go Marching In* или версии британских поп-хитов групп Blur или Oasis можно услышать на большинстве английских стадионов. В то же время конкретная фанатская культура демонстрирует ограниченные формы предписанного формального ритуального поведения и символизма. Фанатская культура не только расистская по своей сути, но и очень открыта внешним взаимодействиям и любому разнообразию. Тебя могут принять с объятиями или

оттолкнуть иногда в силу случайных факторов. Р. Муа, британец пакистанского происхождения, житель Олдема в Манчестере, рассказывал о том, что всегда предпочитал обходить стороной место сбора фанатов «Манчестер Юнайтед», хотя и являлся рьяным болельщиком клуба, и однажды из-за гостившего у него друга оказался в пабе, где был фанаты: «На мне была футболка и шарф с символикой клуба, и все равно на меня смотрели все как на... паки. (Смеется). Потом все начали распевать *Sailing* Рода Стюарта — как ее поют тут, у нас, в Манчестере, и я пел громче всех. Тут подошли ко мне ребята, стали обнимать и предлагать пиво. С тех пор мы вместе частенько болеем за наших в пабе». ¹⁹⁵

Таким образом, в восприятии себя и своей идентичности у фаната есть 3 ступени: клуб, регион, нация / раса, где наиболее важной и первой ступенью является локальный клуб. В целом спорт в Англии, как правило, в большей степени часть территориальной, локальной, нежели этнической / национальной идентичности, но во время международных соревнований национальной команды можно наблюдать показательные проявления английской идентичности.

В данном разделе были проанализированы основные концепции и модели современного дискурса английскости в Англии. Говорить о единой английской идентичности даже в самом общем виде проблематично, учитывая ее глубокую историческую связь с концепцией британскости, политизацию термина «английскость» и региональное разнообразие ее версий. Тем не менее определенные модели идентичности могут претендовать на варианты локальной этнической «идентичности суши» (Малая, «Классическая», Региональная Англия) и магистральной национальной «идентичности моря» (Британская, Мультикультурная и космополитичная Англия). Первые четыре модели относятся в основном к идентичности «метрополии», английскости Юго-Востока, тогда как дискурс идентичности в остальных частях Англии организован иначе, поэтому мы обращаемся к модели Региональной Англии, отрицающей существование единой идентичности в Англии. Перечисленные модели включают концепции английскости как исконной, утраченной, осажденной, дискретной, гибридной мультиэтнической идентичности или же конгломерата региональных идентичностей.

Магистральная английскость — явление сегодня во многом историческое, локальная же английскость, особенно в своих субрегиональных версиях, находится на подъеме. «Малая родина» и «локальное сообщество» — ключевые словосочетания в понимании современной английскости. Относительно 2000-х гг. можно говорить о переходном «глокальном» варианте симбиоза локальных и магистральных идентичностей, что не означает стагнации, а является закономерным этапом в развитии сложной идентичности «титульной нации». Дискурс идентичности в музыке (английский фолк и этническая музыка) и спорте (футбол) отчасти это иллюстрирует.

Несмотря на то, что большинство исследователей смущает такого рода идеологический хаос, нам представляется, что в данном разнообразии самовидений и самопрезентаций есть свои естественность и достоинства. Существование разных пониманий английскости оттеняет идентичность во времени и пространстве и может служить дополнительным преимуществом в любого рода культурных и политических конкуренциях.

Примечания

¹ «Прошлое делает настоящее совершенным и особенным» — рекламный слоган популярной английской торговой сети Past Times.

² Pierce A. Has the Scottish Referendum Made you Feel More Nationalistic? // LBC 97.3 FM. 2014, 20 September. <http://lbc.audioagain.com/presenters/30-andrew-pierce/287-the-whole-show>.

³ См. Головнёв А.В. Антропология движения...

⁴ См., например: Huggill S. Shanties from the Seven Seas: Shipboard Work-songs and Songs Used as Work-songs from the Great Days of Sail. L., 1961; Doerflinger W.M. Songs of the Sailor and Lumberman. L., 1990; Anderson H. Menhaden Chanteys: An African American Maritime Legacy // Marine Notes. 2000. No 18 (1). Jan.-Feb. P. 39-88. и др.

⁵ ПМА 1: А. Верндли.

⁶ Bede, The Venerable. The Ecclesiastical History of the English People / J. McClure, R. Collins (eds.). Oxford; N.-Y., 1994. P. 27.

⁷ См. Schama S. A History of Britain. The Complete BBC Series. L., 2006; Kearney H. The British Isles: A History of Four Nations. Cambridge, 1989; The Expansion of England: Race, Ethnicity and Cultural History / B. Schwarz (ed.). L., 1996 и др.

⁸ См. Musgrove F. The North of England....

⁹ Bryant C. The Nations of Britain... P. 166.

¹⁰ Wood M. In Search of England: Journeys into the English Past. L., 1999.

¹¹ Davies N. The Isles: a History. L., 1999.

¹² Bryant C. The Nations of Britain... P. 166.

¹³ Davies R.R. The First English Empire: Power and Identities in the British Isles 1093-1343. Oxford, 2000.

¹⁴ См. Colley L. Britons: Forging the Nation....

- ¹⁵ ПМА 3: Дж. Смит; ПМА 4: П. Бентон; ПМА 1: Л. Хоппер; ПМА 9: Э. Торп; ПМА 1: Д. Волтон.
- ¹⁶ См. *The Character of England* / E. Barker (ed.). Oxford, 1947.
- ¹⁷ Kumar K. *The Making of English National Identity...* P. 107–108.
- ¹⁸ См. Colley L. *Britons: Forging the Nation...*
- ¹⁹ Medhurst K., Moysen G. *Church and Politics in a Secular Age*. Oxford, 1988. P. 7–8.
- ²⁰ De-la-Noy M. *The Church of England: A Portrait*. L., 1993. P. 324–325.
- ²¹ См. Bates S. *A Church at War: Anglicans and Homosexuality*. L., 2006; Интервью со священником Собора Дарема и историком англиканской церкви Дж. Грэхэмом. Дарем. 07.09.11.
- ²² Dodd P. *A Mongrel Nation* // *New Statesman*. 1995, 24 February. P. 26–27.
- ²³ См. Gervais D. *Literary Englands: Versions of "Englishness" in Modern Writing*. Cambridge, 1993; Easthope A. *Englishness and National Culture*. L., 1999; Ackroyd P. *Albion: The Origins of the English Imagination*. L., 2002.
- ²⁴ Chandos J. *Boys Together: English Public Schools 1800–1864*. L., 1984.
- ²⁵ Johnson P. *Education of the Establishment* // *The World of the Public School*. L., 1977. P. 13–28.
- ²⁶ Birley D.A. *Social History of English Cricket*. L., 2013.
- ²⁷ Lunn K. *Reconsidering "Britishness": the Construction and Significance of National Identity in Twentieth Century Britain* // *Nation and Identity in Contemporary Europe*. L., 1996. P. 91–92.
- ²⁸ Цит. по: Bryant C. *The Nations of Britain...* P. 173.
- ²⁹ См. Clayton M. *Endangered Species: Foxhunting — the History, the Passion and the Fight for Survival*. Shrewsbury, 2004; Сайт Альянса глубинки. <http://www.country-side-alliance.org>
- ³⁰ Фокс К. *Наблюдая за англичанами...* С. 48.
- ³¹ Smith M.A. *Social Usages of the Public Drinking House: Changing Aspects of Class and Leisure* // *British Journal of Sociology*. 1983. Issue 34. P. 367–85. См. также: *Ghost Taverns of the North East* / D.W. Ritson, M.J. Hallowell (eds.). Stroud, 2013.
- ³² Blake W. *Blake's Poems and Prophecies*. L., 1927. P. 109–110.
- ³³ Перевод С. Маршака.
- ³⁴ Lucas J. *England and the Englishness: Ideas of Nationhood in English Poetry 1688–1900*. L., 1990. Ch. 4.
- ³⁵ Winder R. *Bloody Foreigners: The Story of Immigration to Britain*. L., 2004. P. 354.
- ³⁶ Wiener M.J. *English Culture and the Decline of the Industrial Spirit, 1850–1980*. Cambridge, 2004.
- ³⁷ Paxman J. *The English...* P. 147.
- ³⁸ Bryant C. *The Nations of Britain...* P. 176.
- ³⁹ Материалы сайта Национального фонда. <http://www.nationaltrust.org.uk>
- ⁴⁰ *Huddersfield Mill Memories* / V. Teasdale (ed.). Barnsley, 2006; *Memories of the Lancashire Fishing Industry* / R. Freethy (ed.). Newbury, Berkshire, 2010; *Northumberland Stories of the Supernatural Newbury* / M. J. Hallowell (ed.). Berkshire, 2012; *The Story of Lancashire Cotton (Memories Nostalgia)* / R. Freethy. (ed.). Newbury, Berkshire, 2011.
- ⁴¹ Ousby I. *The Englishman's England: Taste, Travel and the Rise of Tourism*. Cambridge, 1990. P. 4.
- ⁴² Moorcock M. *Wizardry and Wild Romance: A Study of Epic Fantasy*. Great Britain, 1987. P. 181.
- ⁴³ Matless D. *Landscape and Englishness*. L., 1998. P. 9–10.
- ⁴⁴ Colls R. *The Identity of England...*
- ⁴⁵ Bracewell M. *England is Mine: Pop Life in Albion from Wilde to Goldie*. L., 1998.

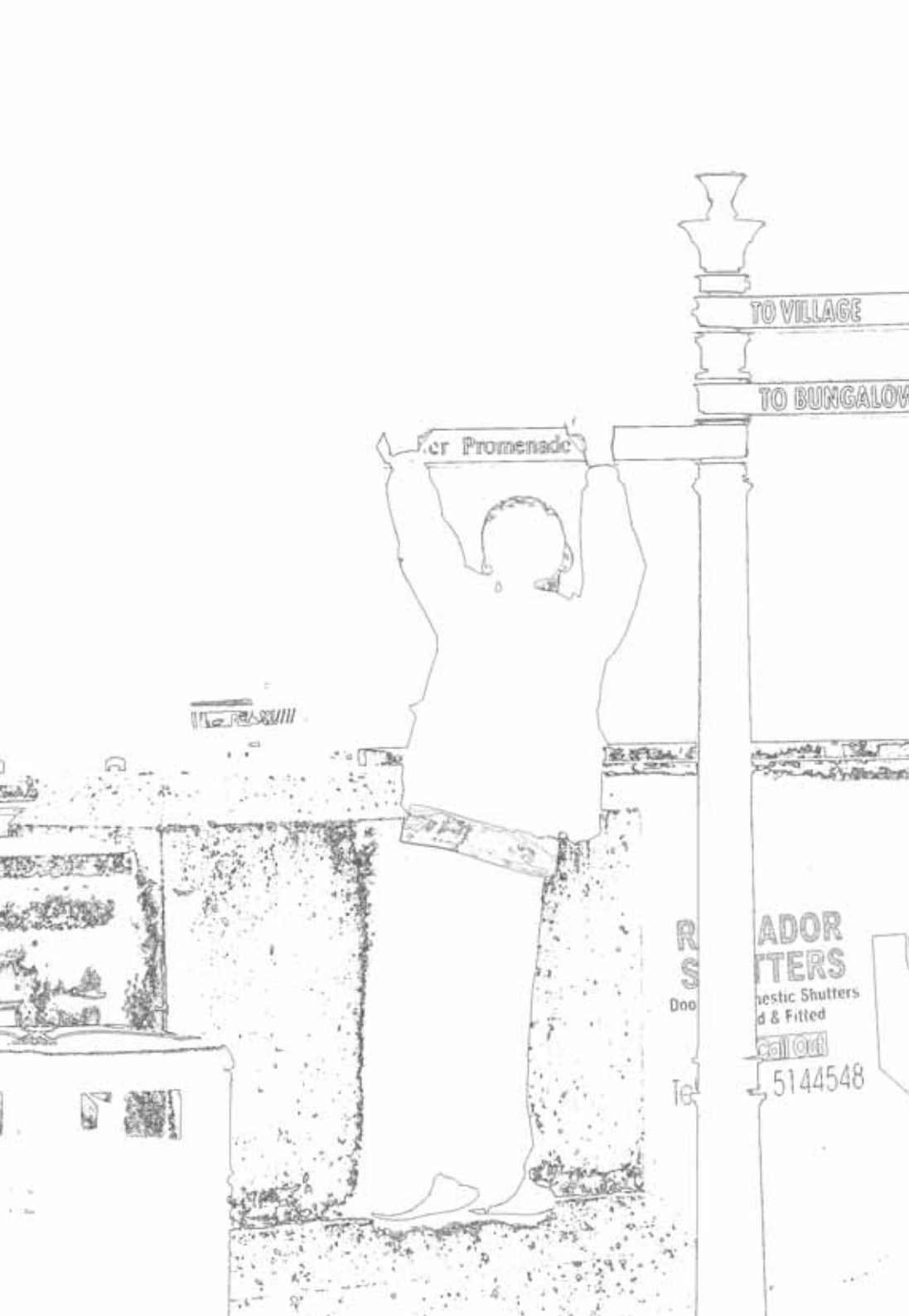
- ⁴⁶ Цит. по: Crick B. *The English and the British // National Identities: the Constitution of the United Kingdom*. Oxford, 1991. P. 94–95.
- ⁴⁷ См. Brooks X. London 2012....
- ⁴⁸ Crick B. *The English and the British*....
- ⁴⁹ Stapleton J. *Englishness and the Study of Politics: the Social and Political Thought of Ernest Barker*. Cambridge, 1994.
- ⁵⁰ Mackay J., Thane P. *The Englishwoman / R. Colls, P. Dodd (eds.). Englishness: Politics and Culture 1880–1920*. Beckenham: Croom Helm, 1986. P. 191–229.
- ⁵¹ См.: Enloe C. *Bananas, Beaches and Bases*....
- ⁵² Orwell G. *The Lions and the Unicorn*. L., 1941. P. 10.
- ⁵³ *Ibid.* P. 12–13.
- ⁵⁴ *Ibid.* P.13–14.
- ⁵⁵ *Ibid.* P.19.
- ⁵⁶ Цит. по: Weight R. *Patriots*... P. 666.
- ⁵⁷ Scruton R. *England: an Elegy*. L., 2000.
- ⁵⁸ Heffer S. *Nor Shall My Sword*....
- ⁵⁹ Bryant C. *The Nations of Britain*... P. 182.
- ⁶⁰ См. *The Expansion of England*....
- ⁶¹ Aslet C. *Anyone for England: A Search for British Identity*. L., 1997.
- ⁶² См. Langlands R. *Britishness or Englishness? The Historical Problem of National Identity in Britain // Nations and Nationalism*. 1999. Vol. 5. No 1. P. 53–69.
- ⁶³ См. Osmond J. *The Divided Kingdom*. L., 1988; Taylor P.J. *The English and Their Englishness: “a Curiously Mysterious, Elusive and Little Understood People // Scottish Geographical Magazine*. 1991. No 3. Vol. 107. P. 146–161.
- ⁶⁴ Kumar K. *The Making of English National Identity*... P. 34. См. также: Wellings B. *Empire-nation: National and Imperial Discourses in England // Nations and Nationalism*. 2002. Vol. 8. No.1. P. 95–109.
- ⁶⁵ Kumar K. *Nation and Empire*...P. 589–580.
- ⁶⁶ *Ibid.* P. 577–589.
- ⁶⁷ *Ibid.* P. 577–589.
- ⁶⁸ Wellings B. *Empire-nation*... P. 95–96.
- ⁶⁹ Ferguson N. *Empire*... P. 55.
- ⁷⁰ Fry M. *The Scottish Empire*. Phantassie, Edinburgh, 2001.
- ⁷¹ Kumar K. *Nation and Empire*... P. 593.
- ⁷² Curtice J., Heath A. *Is the English Lion about to Roar*... P. 166.
- ⁷³ Bryant C. *The Nations of Britain*... P. 187.
- ⁷⁴ Goulbourne H. *Race Relation in Britain since 1945*. Basingstoke: Macmillan, 1998. P. 33.
- ⁷⁵ Kureishi H. *London and Karachi / R. Samuel (ed.). Patriotism: the Making and Unmaking of British National Identity*. L.: Routledge, 1989. P. 281.
- ⁷⁶ Цит. по: England, a Nation: *Being the Papers of the Patriots’ Club / L. Oldershaw (ed.)*. L., 1904. P. 38.
- ⁷⁷ Mander R. *Great Britain or Little England?* Harmondsworth, 1963. P. 197–199.
- ⁷⁸ Цит. по: Edemarian A. *The Guardian Profile: Alan Bennet // The Guardian*. 2004, 14 May. P. 13.
- ⁷⁹ Taylor A.J.P. *The Trouble Makers: Dissent over Foreign Policy 1792–1939*. L., 1957.
- ⁸⁰ Gott R. *Little Englanders // Patriotism: the Making and Unmaking of British National Identity*. L., 1989.
- ⁸¹ Green E., Taylor M. *Further Thoughts on Little Englandism // Patriotism: the Making and Unmaking of British National Identity*. L., 1989. P. 103–109.
- ⁸² Цит. по: Giles J., Middleton T. *Writing Englishness 1900–1950: An Introductory Sourcebook on National Identity*. L., 1995. P. 26.
- ⁸³ Bryant C. *The Nations of Britain*... P. 190.

- ⁸⁴ Ibid. P. 189–190.
- ⁸⁵ Evening Standard. 21 December 1989. Цит. по: Bryant C. The Nations of Britain... P. 190.
- ⁸⁶ The Guardian. 8 October 1997. Цит. по: Solomos J. Race and Racism in Britain. Basingstoke, 2003. P. 219.
- ⁸⁷ The Guardian. 8 October 1997. Цит. по: Solomos J. Race and Racism in Britain. Basingstoke, 2003. P. 219.
- ⁸⁸ См. Барнс Дж. Англия, Англия. М., 2007.
- ⁸⁹ Wright P. Little England // London Review of Books. 2006. Vol. 28. No. 17 (Sep.). P. 22.
- ⁹⁰ Edmunds J., Turner B.S. The Re-invention of a National Identity? Women and “Cosmopolitan” Englishness // Ethnicities. 2001. Vol. 1. No 1. P. 83.
- ⁹¹ Ibid. P. 93.
- ⁹² См. Curtice J., Heath A. Is the English Lion about to Roar?...
- ⁹³ Winder R. Bloody Foreigners: The Story of Immigration to Britain. L., 2004.
- ⁹⁴ Parekh B. Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory. Basingstoke, 2000.
- ⁹⁵ Bryant C. The Nations of Britain... P. 193.
- ⁹⁶ См. What is Britishness. MORI. 2000, 31 March. www.ipsos-mori.com/mrr/2000/coo0331.shtml
- ⁹⁷ См. Billig M. Banal Nationalism. L., 1995.
- ⁹⁸ Kumar K. The Making of English National Identity... P. 273.
- ⁹⁹ Кстати, Р. Колс является уроженцем Лестера, успешного в плане построения мультикультурализма, о котором мы писали выше.
- ¹⁰⁰ Colls R. The Identity of England... P. 380.
- ¹⁰¹ См. Баранова Т.С. Психологическое исследование социальной идентичности // Социальная идентификация личности — 2. М., 1994. Кн. 2. С. 202–237.
- ¹⁰² См.: Harding A. Is There a “Missing Middle” in English Governance? L.: New Local Government Network, 2000; Stoker G. Is regional Government the Answer to the English Question? / Chen S., Wright T. (eds.) The English Question. L.: Fabian Society, 2000. P. 63–79.
- ¹⁰³ Цит. по: Strickland P., Wood E. The Regional Assemblies (Preparations) Bill // House of Commons Research Papers, 06/62? 2002. P. 40.
- ¹⁰⁴ Storry M. Introduction // British Cultural Identities. L., 2008. P. 6.
- ¹⁰⁵ См. ПИМА 17–39.
- ¹⁰⁶ См.: Strickland P., Wood E. The Regional Assemblies (Preparations) Bill // House of Commons Research Papers. 2002. No 6 (62). P. 40–41.
- ¹⁰⁷ Bogdanor V. Devolution in the United Kingdom. Oxford, 1998. P. 271.
- ¹⁰⁸ Референдум по поводу независимости Шотландии 2014 г. вызвал дополнительные дискуссии в Йоркшире по поводу автономизации. См.: Ball J. Scotland Thinks It’s Neglected by the Media? It Should Spare a Thought for Northern England / J. Ball // The Guardian. 2014, 17 September.
- ¹⁰⁹ Fernandez-Armesto F. The Times Guide... P. 42.
- ¹¹⁰ Hazell R. Regional Government in England: Three Policies in Search of a Strategy // The English Question. L., 2000. P. 29.
- ¹¹¹ См. Bryant C. The Nations of Britain... P. 209–210.
- ¹¹² Harvie C. English Regionalism: the Dog that Never Barked // National Identities. The Construction of the United Kingdom. Oxford, 1991. P. 105–106; Taylor P.J. Which Britain? Which England? Which North? // British Cultural Studies. Oxford, 2001. P. 144.
- ¹¹³ Weight P. Patriots... P. 595–596.
- ¹¹⁴ Bogdanor V. Devolution... P. 269.
- ¹¹⁵ См. Mawson J. The English Regional Debate: Towards Regional Governance or Government? // British Regionalism and Devolution: The Challenges of State Reform and European Integration. L., 1997.

- ¹¹⁶ Your Region, Your Choice: Revitalising the English Regions. A Summary 2003 // Office of the Deputy Prime Minister. <http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/20120919132719/http://www.communities.gov.uk/index.asp?id=1502021>. См. также: Ward N., Tomaney J. Regionalism in the East of England // England: The State of the Regions. Bristol, 2002. P. 109–124.
- ¹¹⁷ См. Tomaney J. The Evolution of Regionalism in England // Regional Studies. 2002. No7. Vol. 6. P. 721–732.
- ¹¹⁸ См., например: Официальный сайт Ассоциации Совета Северо-Востока. <http://www.northeastcouncils.gov.uk/>; Официальный сайт Регионального правительства Северо-Запада. <http://www.nwda.co.uk/>; Официальный сайт Регионального правительства Йоркшира и Хамбера. <http://www.lgyh.gov.uk/>
- ¹¹⁹ Stoker G. Is Regional Government the Answer to the English Question // The English Question. L., 2000. P. 63–79.
- ¹²⁰ См. Patridge S. The British Union State: Imperial Hangover or Flexible Citizens' Home. L., 1999. P. 17.
- ¹²¹ См. Bond R. English Regions // Scottish Affairs. 2003. 44. P. 99.
- ¹²² Данные опубликованы в Ward N., Tomaney J. Regionalism... P. 112.
- ¹²³ Тюки (Tykes) — неформальное прозвище жителей Лидса, по обозначению болельщиков команды регби Лидса; Джорди (Geordie) — жители Северо-Востока, конкретно области Тинесайд; Скаузеры (Scousers) — Ливерпуля, по названию местных диалектов. См.: Wainwright M. True North...
- ¹²⁴ Mitchell A. A Manifesto for the North // The English Question. L., 2000. P. 46.
- ¹²⁵ Lancaster B. Newcastle— Capital of What? // Geordies: Roots of Regionalism. Newcastle, 2005. P. 53–70.
- ¹²⁶ См. Stenton F. Anglo-Saxon England. Oxford, 1971.
- ¹²⁷ См.: Bryant C. The Nations of Britain... P. 217.
- ¹²⁸ Tomaney J., Ward N. // Regional Studies. 2000. 34. P. 477.
- ¹²⁹ См. Lancaster B. Newcastle— Capital of What?...
- ¹³⁰ См.: Moore R. Pitmen, Preachers and Politics: The Effects of Methodism in Durham Mining Community. Cambridge, 1974; Beynon H., Austrin T. Masters and Servants: Class and Patronage in the Making of a Labour Organization. The Durham Miners and the English Political Tradition. L., 1994.
- ¹³¹ См. Taylor H. Sporting Heroes // Geordies: Roots of Regionalism. Edinburgh, 1992. P. 115–132.
- ¹³² Census 2001....
- ¹³³ См. Jones P. Barnett Plus Needs: the Regional Spending Challenge in Britain // England: The State of the Regions. Bristol, 2002. P. 201.
- ¹³⁴ См. Morgan K. The English Question: Regional Perspectives on a Fractured Nation // Regional Studies. 2002. Vol. 36. P. 797–810.
- ¹³⁵ Ralling C. Why the North East Said “No”: the 2004 Referendum on an elected regional Assembly // ESCR Research Programme on Devolution and Constitutional Change. Devolution Briefings, 19 February 2005.
- ¹³⁶ Tomaney J. The Sociological Drive for a North East Assembly // Newsletter of the British Sociological Association. 2004. Issue 86. P. 37.
- ¹³⁷ См. Gerard A. Literature, Language, Nation and Commonwealth // Crisis and Creativity in the New Literatures in English. Amsterdam, 1990. P. 94–115.
- ¹³⁸ Lomax A. Cantometrics: an Approach to the Anthropology of Music. Berkeley, 1976. P. 14–15.
- ¹³⁹ См. Keegan-Phipps S., Winter T. Performing Englishness: Identity and Politics in a Contemporary Folk Resurgence. Manchester, 2013.
- ¹⁴⁰ См.: ПИМА 17: А. Бирман.
- ¹⁴¹ Irwin C. This is England: Colin Irwin Celebrates a Culture Every Bit as Exotic as the Most Distant of World Music Destinations // Folk Roots. 1997. No 166. April. P. 36.

- ¹⁴² Ibid. P. 37–38. См. также: Buckland T. Black Faces, Garlands, and Coconuts: Exotic Dances on Street and Stage // *Dance Research Journal* (Congress on Research on Dance). 1990. No 22 (2). P. 1–12; Hutton R. *The Stations of the Sun: a History of the Ritual Year in Britain*. Oxford, 2001; Forrest J. *The History of Morris Dancing, 1458–1750*. Toronto, 1999.
- ¹⁴³ См.: Taylor T. *Global Pop: World Music, World Markets*. L., 1997; Frith S. *The Discourse of World Music // Western Music and its Others*. L., 2000. P. 305–322.
- ¹⁴⁴ См. Keegan-Phipps S., Winter T. *Performing Englishness...*
- ¹⁴⁵ См.: Frith S. *The Discourse of World Music...*; Bragg B. *The Progressive Patriot: a Search for Belonging*. L., 2007.
- ¹⁴⁶ ПМА 38: Б. Брэг.
- ¹⁴⁷ Boyes G. *The Imagined Village: Culture, Ideology and the English Folk Revival*. Manchester, 1994. P. 4–5.
- ¹⁴⁸ ПМА 21: Д. Шил.
- ¹⁴⁹ Keegan-Phipps S., Winter T. *Performing Englishness...*; Интервью со специалистом по культурным исследованиям музыки, антропологом и лектором Университета Сандерленда Т. Винтер. Бредфорд. 15.06.10.
- ¹⁵⁰ Bragg B. Pre-show Workshop Discussion at WOMAD Charlton Park. <http://imaginedvillage.com/audiovideo>
- ¹⁵¹ Enloe C. *Bananas, Beaches and Bases...* P. 49–50. См. также: *Cricket and Globalization / C. Rumford, S. Wagg* (eds.). Newcastle, 2010.
- ¹⁵² Elias N., Dunning E. *Folk football in Medieval and Early Modern Britain // Sport: Readings from a Sociological Perspective / Dunning E.* (ed.). Toronto, 1972. Цит. по: Абдулкаримов С.А. Агрессивность в спорте сквозь призму истории и культурных традиций // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2006. Т. 9. № 3. С. 146–147.
- ¹⁵³ FIFA Big Count 2006: 270 million people active in football. P. 12. http://www.fifa.com/mm/document/fifafacts/bcoffsurv/bigcount.statspackage_7024.pdf.
- ¹⁵⁴ См.: Back L. *The Changing Face of Football...*; Wright C. *Conserving Purity, Labouring the Past: a Tropolical Evolution of Englishness // Empire and After: Englishness in Postcolonial Perspective*. Oxford, 2007. P. 159–180; Brimson D. *Barmy Army: The Changing Face of Football Violence*. L., 2000.
- ¹⁵⁵ Perryman M. *Becoming England // Imagined Nation: England after Britain*. L., 2008. P. 13.
- ¹⁵⁶ Holt R. *Sport and the British*. Oxford, 1989. P. 343.
- ¹⁵⁷ Back L. *The Changing Face of Football...* О футбольном хулиганстве и движении скинхедов весьма красочно рассказывают фильмы «Заводной апельсин» (A Clockwork Orange) С. Кубрика 1971 г., «Фирма» (Firm) А. Кларка 1988 г., «Удостоверение» (I.D.) Ф. Дэвиса 1995 г. и «Это — Англия» (This is England) Ш. Мидоуз 2006 г.
- ¹⁵⁸ См., например: ПМА 17: Д. Валенте.
- ¹⁵⁹ Bromberger C., Hayot A., Mariottini J.-M. *Fireworks and the Ass // Redhead S.* (ed.). *Passion and Fashion: Football Fandom in the New Europe*. Aldershot, 1993. P. 93.
- ¹⁶⁰ Ibid. P. 93, 100.
- ¹⁶¹ Mills C. *The Sociological Imagination*. Oxford, 2000.
- ¹⁶² Berger J. and *Our Faces, My Heart, Brief as Photos*. N.-Y., 1991. P. 72–73.
- ¹⁶³ Tuan Y.-F. *Topophilia*. Englewood Cliffs NJ, 1974. P. 247.
- ¹⁶⁴ Perryman M. *Becoming England // Imagined Nation: England after Britain*. L., 2008. P. 15.
- ¹⁶⁵ См.: Bragg B. *New Traditions for an Old Country // Imagined Nation: England after Britain*. L., 2008. P. 86–91.
- ¹⁶⁶ Кудрин С. А. Метафорика спортивного дискурса: «футбол — война» // *Вопросы филологии*. № 2 (35). М., 2010. С. 127.

- ¹⁶⁷ Alan S. Does Britain Still Run the World? // LBC 97.3 FM.27 June. http://lbc.audio-again.com/index.php?sid=1&player=showchannel&channel_id=106
- ¹⁶⁸ Wallace S. I Promise not to let England Down, Rooney Tells Capello // Independent. 2010, 7 September. P. 3.
- ¹⁶⁹ Perryman M. (ed.). *The Ingerland Factor: Home Truths from Football*. Edinburgh, 1999.
- ¹⁷⁰ Powell J. We've Sold Our Birthright Down the Fjord to a nation of Seven Million Skiers and Hammer Throwers who Spend Half Their Lives in Darkness // Daily Mail, 2000, 01 November. P. 93. <http://www.dailymail.co.uk/columnists/article-230935/Weve-sold-birth-right-fjord-nation-seven-million-skiers-hammer-throwers-spend-half-lives-darkness.html>
- ¹⁷¹ См.: Powell J. England Were Pathetic, Greedy and Worse than Sven... We need an Englishman // Daily Mail, 2010, 29 June. <http://www.dailymail.co.uk/sport/world-cup2010/article-1290358/JEFF-POWELL-England-pathetic-greedy-worse-Sven--need-Englishman.html>
- ¹⁷² ПМА 42: Д. Стоун.
- ¹⁷³ Hobsbawm E. *Nations and Nationalism Since 1780. Programme, Myth, Reality*. Cambridge, 1989. P. 143.
- ¹⁷⁴ Ticher M. When in Rome... // When Saturday Comes. 1997. December. <http://www.wsc.co.uk/the-archive/917-International-football/6302-when-in-rome>
- ¹⁷⁵ См. об этом, например: Ingle S. England football hooligans tell same old story // The Guardian. 2000, June 19. <http://www.theguardian.com/today/article/0,,334024,00.html>
- ¹⁷⁶ Описанию данного чемпионата и его медиа-презентации посвящен целый раздел здесь: Back L. *The Changing Face of Football...*
- ¹⁷⁷ Сингл, записанный для чемпионата мира группой Fat Les.
- ¹⁷⁸ Evening Standard. 1998. 15 June 1998. P. 3.
- ¹⁷⁹ European. 1998. 22–28 June. P. 1.
- ¹⁸⁰ См., например: ПМА 42: Д. Стоун; ПМА 43: Д. Валенте.
- ¹⁸¹ ПМА 43: Д. Валенте.
- ¹⁸² ПМА 43: Дж. Клоун.
- ¹⁸³ Robson G. 'No One Likes Us, We Don't Care': the Myth and Reality of Millwall Fandom. Oxford, 2000. P. 220–233.
- ¹⁸⁴ Thrills A. You're not Singing Anymore: a Riotous Celebration of Football Chants and the Culture that Spawned Them. L., 1998.
- ¹⁸⁵ Back L. *The Changing Face of Football...* P. 41–42.
- ¹⁸⁶ Williams J., Long C., Hopkins S. *Passing Rhythms: Football. Music and Popular Culture in Liverpool*. Oxford, 2000.
- ¹⁸⁷ ПМА 43: Дж. Клоун.
- ¹⁸⁸ Там же.
- ¹⁸⁹ О массовом «развешивании флагов» см. Bragg B. *New Traditions for an Old Country // Imagined Nation: England after Britain*. L., 2008. P. 90.
- ¹⁹⁰ ПМА 3: Дж. Смит.
- ¹⁹¹ Robbins B. Introduction Part I: Actually Existing cosmopolitanism // Robbins B., Cheah Ph. (eds.) *Cosmopolitanism*. Minneapolis, 1998. P. 1–19. (P. 3).
- ¹⁹² Robson G. "No One Likes Us, We Don't Care"... P. 6.
- ¹⁹³ Ibid. P. 6.
- ¹⁹⁴ См. также об этом: Robson G. "No One Likes Us, We Don't Care"... Giulianotti R. *Football: a Sociology of the Global Game*. Cambridge, 1999; Armstrong G. *Football Hooligans: Knowing the Score*. Oxford, 1998 и др.
- ¹⁹⁵ ПМА 44: П. Муа.

For Promenade

TO VILLAGE

TO BUNGALOW

TO PROMENADE

R
S
Doo

ADOR
RTERS

estic Shutters
& Fitted

Call Out

5144548

Te

A line drawing of a log cabin with a man standing in front of it and a dog in the foreground. The man is wearing glasses and a jacket. The dog is in the lower right foreground. There are some small figures and structures in the background.

Глава 3

Northernness,
**или Региональные
и локальные версии
английскости**

Региональный (северный) дискурс английскости имеет свои особенности, подчас делающие невозможным его сопоставление с теми вариантами английскости, о которых мы писали выше. В данном разделе нам предстоит ответить на вопрос, что такое Север Англии и каковы сегодня его региональные культурные и политические идентичности (*Northernness*) — в историческом и современном контекстах. В дискурсе первостепенную роль играют такие факторы, как специфика развития региона Северная Англия и его субрегионов, локальных сообществ, разделение Севера и Юга, региональное брендингирование. Среди акторов на первый план выходят деятели культуры и общественных движений, члены локальных сообществ. Региону посвящена серия авторских фотографий «Ангел Севера» (см. цветную вклейку).

Регион Северная Англия относится к категории бывших индустриальных монорегионов. В XVII и XIX вв. маргинальный прежде Север превратился в экономически развитый регион, флагман индустриализма в Великобритании, в XX в. — стал свидетелем упадка, а также изменения своих прежних ролей. Во времена правления М. Тэтчер в 1980-е гг. большая часть производства была приватизирована, на фоне окончания холодной войны и конкуренции со стороны Юго-Восточной Азии экономика региона пришла в упадок. В это время тысячи людей оказались в прострации. Отдельные попытки лейбористского правительства создать условия для регенерации регионов путем развития сферы услуг, восстановления части или организации новых производств существенно не исправили положения дел, и сегодня Север находится, если угодно, в ситуации социокультурной трансформации. Общие тенденции развития британского общества 1940–1980-х гг. (мультикультурализм, феминизм, молодежная «революция») также сформировали специфический облик региональной культуры.¹

§ 3.1. *Определение «границ» Северной Англии: политические, социально-экономические, исторические и общественные версии*

При попытках определения «границ» Севера — буквальных и образных — северяне и южане нередко обращаются к драматичному периоду деиндустриализации. В 1990–2000 гг. шахты и шахтерские общины — символы эпохи — стали лишь воспоминанием.

Э. Квили, жительница Салфорда, Большой Манчестер, в беседе сказала: «В 1994 г. Лондон выкупил часть территорий нашего городка, была снесена центральная часть и построены магазины, торговые центры. Одновременно прошли забастовки шахтеров, и тут же Тэтчер закрыла все шахты. Я больше не знаю, где теперь мое место, куда все делось...».² В Южной Англии респонденты нередко до сих пор видят Север как некое далекое «там, где шахты, заводы, фабрики, рабочие, забастовки, упадок».³

Сегодня осталось немного свидетельств ушедшей закрытой шахтерской культуры («не своих там не было»⁴) — ограниченное число опубликованных материалов, фотохроник, музейных экспонатов, как и самих бывших шахтеров (из-за ранней смертности). И все труднее проследить ее влияние на идентичность Севера, особенно Нортумберленда. Шахтеры видят себя людьми с сильной волей, специфическим чувством юмора, частью в прошлом уникального сплоченного товарищества (это качество ярче всего проявилось во время забастовок 1984–1985 гг.), самобытной рабочей культуры. Обратимся к воспоминаниям Дж. Финна, бывшего шахтера из Южного Йоркшира, являющимся знаковыми для понимания североанглийскости, а также служащим иллюстрацией взаимосвязи северной идентичности и класса, гендера (мужская шахтерская культура). Если до 1984 г. Джон был членом общины, носителем коллективной идентичности, то сегодня налицо ностальгия по прошлому, утрата идентичности, отрицание новых форм социальной жизни.

До 1984

Обычно я просыпался, включал чайник, быстро мылся, перехватил чайку, и вперед — на работу, на шахту Голдторп. Фляжка в кармане, банка консервов в сумке через плечо, и я иду на работу. Идти было достаточно долго, по шоссе Фурлонг, по которому точно так же направлялись на работу и другие. Мимо иногда пролетали на велосипеде — и всегда все здоровались друг с другом, не было такого, чтобы кто-то просто прошел мимо или вообще толкнул. В 5 утра мы отправлялись на работу, проходили мимо «Джангл Клуб», работавшего с 5 вечера до 5 утра (там в это время часто горел огонек — видимо, кто-то еще допивал свою последнюю пинту). Я шел далее, пересекал большой железный мост — под звуки дизельного локомотива,

увозящего из шахт уголь. Поворачивал на главную улицу Голдторпа как раз в 5 утра, когда звенел гудок на шахте Хиклетон. В это время уже три из пяти мясных лавок были готовы к открытию и мясники сидели внутри, точили ножи, готовясь к обычной дневной торговле. Разносчики газет из газетных киосков тоже готовились к тому, чтобы выкрикивать самые важные новости и сенсации, обещая интересное газетное чтение. Среди разносчиков самым популярным был Барри, он потерял правую руку еще в молодости, но был просто виртуозен, когда речь касалась разноски газет, распространения жвачки, сигарет или нюхательного табака: пока все обсуждают грядущий субботний матч или кто и с каким счетом выиграл в Донкастере в прошлый раз, Барри в это время мужественно спует между парнями, выполняя свою задачу. Далее я шел к Пит-Лэйн, вдыхая по пути восхитительный запах из булочной мистера Брауна, через отель «Голдторп», который тоже работал по всеобщему расписанию. На Парк-Лэйн, конкретной дороге к шахте с парком, слева были футбольные поля и поля регбилига, справа стояли вереницы рабочих домов. То там, то тут над некоторыми вился дымок. Первой остановкой на площадке шахты был КПП, там следили за временем, в которое ты пришел... Потом ты проходил мимо головных шахтовых душевых и раздевалок — тут происходила трансформация из обычного человека в шахтера. Без джинсов и футболки — в яркой оранжевой робе, шлеме с фонарем, наколенниках и в ботинках с металлическим наконечником. Перед тем как спуститься в шумное, жаркое дымное подземелье, мы наполняли большую пластиковую бутылку питьевой водой, брали свои фонари и кислородные маски с глотками свежего воздуха, затем заходили в подъемник, который опускал вниз еще 120 таких же, как я, к туннелю, который мы называли дрейфом и в котором работали иногда чуть ли не по колено в черной воде (местные ее называли «Великая Грязь»). Но каждый был счастлив — в тяжелом труде, но счастлив. Мы чувствовали себя нужными, важными, занимавшимися настоящим мужским, тяжелым и ценным трудом. Даже рекрутеры писали на своих плакатах «Работа для жизни, работа как жизнь» — это было действительно так.

2012 (после 1997)

— А сейчас прогуливаетесь?

— Нет, зачем, там ничего больше нет, и устаю я, старый стал. Обычно я просыпаюсь от шума электрокара для развозки молока в 4:10 утра, кипячу воду в чайнике, делаю себе чашку чаю. В душ идти не обязательно, особо мыться там тоже нет смысла. Иду на прогулку на Фурлонг-Роад к Голдторпу — на улице ни души, в домах свет тоже не горит. Единственный признак жизни — почтальон, насвистывающий что-то под нос и едущий на своем велосипеде к районному почтовому отделению. Потом опять никого. Прохожу мимо «Джангл Клуб», но там теперь никто не сидит до утра, слишком много пустых карманов. Пересекаю железную дорогу с мостом — никаких локомотивов с углем, конечно. Вообще вид железной дроги нагоняет тоску: рельсы проржавели, травой заросли, все неподвижно, мертво... На Голдропской улице Мэйн в 5 утра нет теперь никакого гудка, шахта Хиклетон больше не существует. Мясные не работают, работает только один газетный киоск. Остальные закрылись — ни подписчиков, ни покупателей. По дороге на Пит-Лэйн и шахту никаких булочных, никаких чудесных запахов. Только новые маленькие продуктовые магазинчики и прочие перепродавцы. В отеле «Голдторп» тоже тихо и темно. У шахты все заросло травой. Куда делись все те десятки грузовиков и их водителей, что тут разъезжали? В парке большая часть скамеек сломана, забор выломан, статуя коня разрушена — все как после войны. Футбольное поле и поле регбилига вроде в хорошем состоянии, Совет за ними следит. В домах, которые тут рядом располагаются, теперь живут только те, кто находится в поисках лучшей жизни, беднота, алкоголики, наркоманы, брошенные пенсионеры, иммигранты... У шахты пусто до жути. Просто вывернутый бульжник, ржавые железяки, мусор, развалины — как кровь и плоть умершей локальной общины. Нет жизни, даже следов почти не осталось, как будто и не было ничего. Эта труба как монумент всем тем, кто тут работал и жил, и тем, кто терял свои жизни здесь. Богатеи с Юга все разрушили, это правда.⁵

Итак, понятие «Северная Англия» передается в английском языке как *Northern England, North of England, the North, the North*

Country (графства, считающиеся «северными» по Закону о местных правительствах 1972 г.). Очевидно (и признается всеми), что Север и его субрегионы — динамические единицы, и любые попытки отдельных авторов выделить четкие границы приводят к последовательной неудаче.⁶ Как утверждают Дж. Хилл и Дж. Виллиамс, «Север, несомненно, не конкретное место, а скорее образ мыслей, ментальная территория».⁷

Северная идентичность и представления о том, что такое Север, развивались в зависимости от времени, контекста и угла зрения. Как пишет Дж. Тернер, из Шотландии Север Англии скорее виделся Средиземьем, с Северо-Востока Англии города Шеффилд и Манчестер были южными. Йоркширцы же зачастую мыслят себя жителями срединных земель, «мидлендерсами». Жители Северо-Востока, особенно Нортумберленда, идентифицируют себя во многом с Шотландией, жители Ливерпуля — с Уэльсом.⁸

В национальном дискурсе описание южных границ сводится к фразе «Север начинается на Уотфорд-Гэп»⁹ — месте, находящемся в 30 милях от Лондона и относящемся к Центральной Англии. Некоторые относят южную границу к линии реки Северн и залива Уош (поблизости от Уотфорд-Гэп) и утверждают, что наиболее зажиточные регионы располагаются к югу и востоку от этой границы.¹⁰ К. Эланд указывал, что южная граница Севера проходит приблизительно по р. Трент от эстуария Хамбер до реки Мерси, северная — между Англией и Шотландией.¹¹ Д. Смит в этой связи пишет: «Отправляясь южнее Шеффилда, ты как будто попадаешь в другую страну, и крепчает ощущение, что линия Хамбер — Мерси имеет особое значение».¹²

По данной выкладке, и графств могут считаться северными, однако степень их «северности» различна. Как указывает Х. Джюэлл, до 1974 г. графства Дарем, Нортумберленд, Вестморленд, Йоркшир, Ланкашир, Кумберленд являлись, бесспорно, северными по своим культурным основаниям, но такие графства, как Чешир, Дербишир, Стаффордшир, Ноттингемшир и Линкольншир, оставались пограничными и обращенными как к Северу, так и Югу. Кроме того, границы административных регионов на протяжении 1940–2000 гг. не раз пересматривались, поэтому речь о границе Севера ведется с известной долей условности.¹³

В нашем исследовании внимание фокусируется на семи исторически северных графствах — Чешир, Кумберленд, Дарем,

Ланкашир, Нортумберленд, Вестморлэнд и Йоркшир (три региона Севера — Северо-Восток, Северо-Запад, Йоркшир и Хамбер). Область Северной Англии представляется обладающей самобытностью на основе культурной общности, а не правительственного межевания (см. Рис. 1–2). Рассматриваемые районы в историческом и культурном отношении разнородны и разнообразны, даже в пределах собственных границ. В «культурно монолитном» Йоркшире, например, существует такая уникальная территория, как Восточный Райдинг. Ланкашир также разделен культурно и экономически по линии долины Риббл и залива Морекамбре. Подобных примеров достаточно в этом графстве.¹⁴

По мнению Д. Рассела, в отношении Севера может вестись речь о «дальнем и ближнем» (*far / near*) Севере. Так, Дарем, Нортумберленд, Кумберленд и Вестморленд могут считаться дальним — с более суровым климатом и большей отдаленностью от метрополии. Таким образом, «настоящий» Север может пролегать выше линии северного побережья Ланкашира, через север Йоркшира, по реке Варф и до Флэмборо-Хэд на йоркширском побережье. По данной демаркации северный Ланкашир и большая часть северного Йоркшира могут считаться «дальним Севером», что совпадает с представлениями жителей данных регионов, отмечающих разницу в идентичности с жителями других регионов Ланкашира или Йоркшира.¹⁵

Действительно, некоторое время (1940–1974 гг.) Северный Райдинг был частью Йоркшира и Хамбера что соответствовало данному «разделению». Ему соответствуют и исторические факторы: эта линия неподалеку от исторической южной границы саксонского княжества Нортумбрия является транзитом и границей традиционных диалектов — по рубежу шотландского влияния. Кроме того, Северо-Восток Англии лежит меж рек Тис, Твид и Пеннинскими горами, отделяющими его от Йоркшира и Северо-Запада, в то время как текстильные города Йоркшира и Ланкашира, располагающиеся в Пеннинах, являются территорией «ближнего» Севера и составляют особый субрегион в его рамках. Помимо прочего, на Севере существует и «Западно-Восточное разделение», где границей выступают Пеннины; и восток здесь страдает от недостаточной организации транспортной системы, большого количества нерешенных проблем.¹⁶ Понятия «ближний» и «дальний» Север в условиях Англии вряд ли могут быть

определены до конца. Тем не менее мы их используем, представляя область Северной Англии обладающей самобытностью на основе культурной общности, а не правительственного межевания.

Если говорить о физической географии, то расположение Севера формирует уникальный климат региона: как считает часть северян, на Севере выпадает «наибольшее количество осадков в год, а также дует наибольшее количество ветров».¹⁷ Север является значительной частью Англии и в отношении населения. Даже если говорить о его «мини-версии» — Севере из семи графств — число жителей региона составляло в 1801 г. до 30 % от всего населения Англии, в 1861 г. — более 30 %, в 1921 г. — 33 %. К 2001 г. (и в 2011 г.), несмотря на значительный отток людей, население все еще составляло около 30 % жителей Англии. Ланкашир и Йоркшир особо многочисленны: в 1921 г. в Ланкашире было 4,9 млн, в Йоркшире — 4,1 млн жителей. Сегодня в Северной Англии (включающей Северо-Западную и Северо-Восточную Англию, Йоркшир и Хамбер), площадь которой составляет 31 331 км², проживает около 14,5 млн чел., или 30 % жителей Англии, что сопоставимо с населением всей Шотландии, Норвегии и Дании.¹⁸ Неудивительно, что Север занимает такое важное место в национальной ментальной карте.

Э. Бриггс подчеркивает климатическое, географическое, лингвистическое, историческое и архитектурное разнообразие региона и указывает, что концепция гомогенного Севера, популярная среди участников дискуссии о Севере и Юге, является опасным упрощением и что разнообразие Севера ставит под вопрос существование единой региональной идентичности.¹⁹

Регион насыщен и внутренними трениями (между территориями, стремящимися к лидерству, культурной и другой самостоятельности, например между Йоркширом и Ланкаширом). Так, футбольные фанаты команды «Манчестер Юнайтед» во время встреч с фанатами «Лидс Юнайтед» используют для собственного обозначения аббревиатуру И.Р.А. (Йоркширская республиканская армия), представляя собой, по сути, шовинистически настроенное сообщество.²⁰ Данная оппозиция, впрочем, не столь значительна, как разговоры о ней: участники так или иначе выказывают искреннее уважение к общим ценностям, и подобные противостояния говорят скорее о традиции позитивной локальной конкуренции.

Наиболее значительное экономическое и политическое соперничество развивается между отдельными городами. Ф. Масгров пишет, что историческое положение Манчестера как «столицы регионов» Англии провоцировало появление ряда проблем в отношениях с другими региональными центрами. Манчестер и поныне играет важную роль в региональных идентичностях, а также в индустриальных и коммерческих структурах страны. По мнению автора, Манчестер — региональная столица одной из наиболее динамично развивающихся и привлекающих туристов со всего света территорий, знаменитая рабочим движением (образование Лиги против хлебных законов 1839 г. и Национальной организации чартистов 1840 г. и др.), культурными достижениями (новеллы Б. Дизраели «Сибилла» (1845) и Э. Гаскелл «Север и Юг» (1855)).²¹

Манчестер в конце XIX и начале XX вв. стал еще и культурной столицей Севера (во многом благодаря основанию Манчестерского королевского музыкального колледжа и Манчестерского театра). С 1920-х гг. Манчестер является вотчиной ряда выдающихся спортивных изданий, наиболее важным центром газетной индустрии за пределами Лондона. Благодаря этим структурам в Манчестере создавались лучшие условия для развития самоощущения в качестве столицы региона, нежели в Ливерпуле, например, зачастую обращаемся к общему дискурсу «славного прошлого», а не собственным региональным ценностям и символам.²² Существующее соперничество Манчестера с другими крупными городами Севера создает внутреннюю динамику конкуренции и диалога на Севере. Дж. Белчем в этой связи напоминает, что «Манчестер всегда являлся истинно северным городом в представлениях не-северян и способствовал созданию удобного образа Севера для обитателей других регионов».²³

Как указывает Дж. Белчем, ливерпульцы называют свой город «вторым в империи» из-за роли крупнейшего морского порта и транзита для колоний, оспаривая, таким образом, превосходство Манчестера.²⁴ Д. Рассел пишет о том, что в одной из ливерпульских газет 1964 г. говорилось и об «абсурдных и пагубных претензиях» Манчестера, способного «только на то, чтобы выдавать свое гнилое фабричное сырье за культурные ценности».²⁵ «Деиндустриализация» и ее разрушительные последствия 1980–1990-х гг. коснулись Ливерпуля сильнее остальных. Город

всегда ассоциировался с отсталой культурой рабочего класса, но в 1960-е гг., с культурной революцией, все зазвучало иначе. В 1980-е гг. на фоне экономического упадка общественность увидела Ливерпуль «типичным примером всего того неправильного, что случилось в британских крупных городах».²⁶

Отличительной характеристикой Севера является тот факт, что эта территория — вотчина индустриализации, определяющей экономический и культурный облик региона на протяжении последних столетий. Деиндустриализация XX в. и быстрый упадок производства в 1980-е гг. наряду с развитием сферы услуг стали причиной резкого падения экономического уровня и потери независимости региона. Н. Джюэлл считает, что историческое развитие Севера привело к формированию здесь мощного пласта рабочего класса с развитым ощущением общности и очень небольшой, по сравнению с Югом, прослойки среднего класса.²⁷

С индустриализацией Севера связан рост урбанизации. Из 6 английских конурбаций, существовавших с XIX в., 4 находятся на Севере.²⁸ Следствием стало стремительное изменение окружающей среды, ландшафтов и образа жизни. Север до сих пор остается в сознании южан «сплошной дымящей фабрикой».²⁹ Однако, как пишет П. Вэллер, именно Север, наряду с Лондоном, стал «сердцем изменений в Англии и мире вообще, тогда как в остальной части Англии наблюдалась тенденция к сохранению в нетленном виде пасторальных образов».³⁰ По мнению Ф. Масгрова, специфика индустриализма и урбанизма Севера привела к формированию особой политической идентичности. Упрощенно противостояние Севера и Юга можно представить как противоборство левой и правой политической традиции; особенно это касается выборов и событий 1979–1992 гг.³¹

При свободном разговоре о северных символах информанты упоминают, как правило, матерчатые кепки и гончих собак, башмаки для чечетки, рабочие платки, духовые инструменты, булыжные мостовые, блюда мясной рубец и черный пудинг, «трагедии» на фабриках (1980-е гг.), регбилиг, футбол, причал Уигана, комедийных актеров Джорджа Формби и Грейси Филдс, индустриальные пейзажи художника Лоури, сериал «Улица коронации», персонажа рабочего и пьяницу Энди Кэппа.³² Информанты обращаются к идее Севера как территории сурового, но бодрящего края вересковых пустошей и озер, доброжелательного

отношения, общего плеча, самобытного фолка, особого северного акцента, ритуального приветствия в форме крепкого рукопожатия, идее того, что на Севере идет «настоящая и искренняя жизнь», не существует предрассудков.³³

С. Макоуни о Севере пишет так: «Север многолик и сложен... На Севере бывает очень мрачно — и ошеломляюще красиво... Жизнь здесь не ограничивается исключительно футболом и тяжким трудом. Тут есть политика, фольклор, гражданская война и ядерная энергия, тяжелая промышленность и высокая мода, поэзия и пинаколада, корабли и магазины, жареная рыба с картошкой, а также футбол и тяжелый труд».³⁴ Как утверждает житель Лидса Дэниель Кивлингтон, «настоящий Север» может быть «ужасным и прекрасным, комическим и пугающим, негибким и артистически чувственным».³⁵ Или, как говорит Дик Миллнер из Хартлепула, на досуге сочиняющий стихотворения о родном Северо-Востоке: «Север и его люди как Ангел — голая сталь, и в этом все заключено».³⁶ Как пишет Д. Рассел, «классический Север существовал до 1970-х гг. — с фабриками, улицами из одинаковых кирпичных домов, туманными долинами и вересковыми пустошами. Живя здесь, остро чувствуешь отличие от Юга. Это, возможно, не другая нация, но, несомненно, совершенно особое место».³⁷

Таким образом, идентичность северянина определяется как индивидуальными границами, профессиональной идентичностью, так и границами географического понятия «Север». Для большинства его жителей Север — особое место, формировавшееся на протяжении столетий и обладающее самобытным общественным самосознанием, территория города, промышленности, рабочего класса, культуры честного и упорного труда, во многих отношениях обращенная в индустриальную историю XIX в.

§ 3.2. Разделение Севера и Юга: дискуссия о North-South divide

Некоторые исследователи уверены, что идентичность Севера и его взаимоотношения с Лондоном и Юго-Востоком — вопросы не слишком актуальные для Британии сегодня.³⁸ Однако такие авторы, как П. Тайлор, убеждены, что вопрос места и репрезентации Севера в национальном культурном наследии является актуальным и малоизученным, особенно в условиях

деволюции и регионализации.³⁹ Ряд северных общественных активистов склонны рассматривать взаимоотношения Севера и Юга в рамках колониального дискурса, с употреблением понятий «метрополия», «колонизация Севера».⁴⁰ По нашему мнению, Лондон и другие территории «метрополии» по праву можно считать *Другим* для Севера, во взаимодействии с которым рождалась его идентичность. В целом разделение Севера и Юга оказало несомненное влияние на развитие концепции английскости.

Если северяне склонны романтически оценивать «географию» Севера («гонимую, но любимую родину»),⁴¹ то для южан Север «означает пустоши, почти арктические температуры, бобовую кашу и культурные пустыни с ограниченными возможностями шопинга, населенные агрессивными троллями».⁴² Для тех и других идентичность Севера остается недопонятым и даже загадочным феноменом. Иллюстрируют данную ситуацию размышления Э. Криссела, профессора Университета Сандерленда, лондонца по происхождению: «Я вырос на юге Англии в 1950–60-х гг. и не бывал дальше Вилла-парк Бирмингема до 18 лет (школьный автобус свозил меня в Озерный край). Я очень смутно себе представлял, что такое Север: мой ментальный образ строился на амальгаме радиопередачи Ал Рида и Джимми Клитероя, нескольких встречах с родственниками из Стокпорта (я помню их чудной экзотичный северный акцент). В 1980-е гг. я, как и сотни других молодых людей с Юга, среднего класса, не имеющих корней, искал себя в ассоциации с пролетарским, не белым Севером (для того времени это было своего рода социологическом клише). Для такого, как я (рожденного на юге, в благополучном небольшом городке), Север репрезентировал некую самобытность, настоящую жизнь, различие, культуру рабочего класса. Безусловно, за последние 30 лет Север очень изменился. Сейчас это множество проблем и неурядиц. Живя здесь, остро чувствуешь отличие этого региона от Южной Англии. Южный акцент и культурные связи Юга так просто не выбросишь. Несмотря ни на что, я продолжаю болеть за лондонский футбольный клуб и свою крикетную команду. И в случае если кто-то из северян нелестно отзываясь о Юге, меня всегда это раздражает. В целом это, конечно, не другая нация, но, несомненно, совершенно особое место».⁴³

Среди северных исследователей популярно обращение к истории развития североанглийскости как провинциальной идентичности. Так, Д. Рид пишет о том, что уже в конце XVIII в. по отношению к не-лондонским территориям появились термины «провинция» (*province*) и «регионы» (*country*), призванные сохранить статус-кво и выстроить иерархию между метрополией и новыми индустриальными и коммерческими центрами (термины имели специфические коннотации ограниченности, вульгарности).⁴⁴ Тем не менее оба эти термина были приняты местными политическими и экономическими элитами и использовались для обозначения той положительной роли, которую приобрел Север в развитии страны. Это выразилось во множестве движений, начало которым положила Йоркширская ассоциация Кристофера Вивиля 1779 г. и с которой стартовал «расцвет провинциальной инициативы и независимости в экономических и политических делах», противостоящий Лондону как центру «несправедливой метрополии».⁴⁵ Конечно, на Севере существовали и не столь негативные оценки Лондона. Столица вызывала восхищение тем, что давала множество карьерных и прочих возможностей, однако мнение, что лишь за пределами метрополии, в провинциальных городах, существует справедливая и развитая в моральном отношении среда, было частью ментальности северян XIX в. (в XX в. данная установка ослабла или трансформировалась).⁴⁶

Применительно к периоду до середины XX в. Д. Хорн и часть исследователей рассуждают о «северной и южной метафоре», то есть комплексе представлений северян и южан о себе и стране: «По северной метафоре Британия прагматичная, ценящая опыт, расчетливая. Пуританская, буржуазная, предприимчивая, наукоориентированная, серьезная, настроенная на борьбу. Север полон греха и корыстолюбия, рациональной веры в то, что основная сущность человека — нечто заинтересованное лишь в собственной экономической выгоде. По южной метафоре Британия романтична, нелогична, рассеянна, удачлива, аристократична, традиционна, фривольна, а также верящая в порядок и традицию англиканская страна. Юг полон гордости и чести, пребывает в уверенности, что целью существования каждого человека является служение своей стране».⁴⁷

Победа южной версии идентичности, означавшая канонизацию образов южной (сельской) Англии, привела к обращению к старинным, доиндустриальным образам и символам идентичности, а также принятию представления о том, что Юго-Восток Англии является колыбелью английскости. Данные образы стали основными в концепции новой английскости в конце XIX — начале XX в. и вытеснили другие, в частности связанные с индустриальной революцией.⁴⁸ Таким образом, упадок Севера означал не только экономическую стагнацию, но и рождение тотальной антимоды на Север.

Б. Робсон пишет о том, что идея экономического разделения Севера и Юга стала общепринятой в конце 1920-х гг. и постепенно перешла в другие сферы. Север как основное место размещения угледобычи, текстильной промышленности и кораблестроения больше других регионов пострадал от падения международных рынков. В то время как на Юге, где в основном располагалось электрическое производство, наблюдался экономический подъем.⁴⁹ Наконец, создание BBC с центром управления на юго-востоке, а также появление других базирующихся на юге культурных индустрий, дальнейшее проникновение столичной / национальной прессы на Север и пр. обеспечили дальнейшие условия для развития центростремительных тенденций.⁵⁰

Необходимость экономического и политического восстановления в послевоенное время привела к тому, что обе правящие партии в 1950–1960-е гг. стали уделять особое внимание регионам, называя это «ключевой частью» политики.⁵¹ В то же время «инаковость» Севера как территории рабочего класса создала условия для пересмотра концепций английскости как идентичности Юго-Востока и среднего класса.⁵² Мода на Север стала очевидной между 1957 (публикация романа Дж. Брэйна «Путь наверх») и серединой 1960-х гг. (публикация антропологии рабочего класса Р. Хоггарта и Э. Томсона). К. Баркер писал о том, что работы Хоггарта о «подлинной народной культуре рабочих» имели значение для формирования ностальгического образа у представителей поколения массовой поп-культуры.⁵³ Д. Жэрвэс отмечал, что «ось английскости» тогда сместилась в сторону Севера и означала ностальгию населения по потерянной северной индустриальной общине в противовес идиллической «пасторальной Англии».⁵⁴

Очевидна роль движений «Звучание Мерси» (*Mersey Sound*), «Мерси-бит» (*Mersey Beat*) и вклада группы *The Beatles* в превращении Ливерпуля и Севера вообще в одну из мировых столиц бунтарской молодежи и рока 1960-х гг. Дж. Леннон, гордившийся своим происхождением из индустриального Ливерпуля, об этой эпохе вспоминал: «Мы были первыми исполнителями, которые вышли из рабочего класса, мы ими и остались, всячески подчеркивали это, не пытались отучиться от акцента, к которому в Англии относились пренебрежительно».⁵⁵ Наконец появление в 1955 г. регионального коммерческого телевидения означало, что у Севера существует потенциал в самовыражении на национальном уровне. На этом фоне Север расцветал: увеличивались тиражи местных газет и журналов, росли многоквартирные высотки и торговые центры. Этим образам Севера уделялось все больше внимания со стороны английской и мировой общественности.⁵⁶ Для многих обращение к молодежному движению «Свингующий Лондон» (*Swinging London*) 1960-х гг., провозглашавшему свободу и сексуальную революцию, как раз являлось следствием новых веяний, «северного ветра» — моды на урбанистическую культуру, «свободу» рабочего класса (в том числе от сексуальных условностей).⁵⁷

Нефтяной кризис 1973 г. и его последствия, приход к власти консервативного правительства М. Тэтчер, претворение в жизнь политики свободного рынка привели к еще большему экономическому и культурному разобщению Севера и Юга. Становилась популярной метафора «мрачный Север» (*grim up North*).⁵⁸ В период с 1979 по 1985 гг. за Югом закрепилась роль экономического хедлайнера, особенно в сфере *hi-tec*-производства. Зарождающееся на Севере деволуционное движение, берущее свои корни в «лихих 1980-х», получило импульс в результате положительных изменений в некоторых северных городах (Ливерпуле, Манчестере и др.), поддержку которым оказывали ЕС, США и Британское правительство.⁵⁹

На фоне этого предыдущие позитивные образы Севера стали стремительно тускнеть. На этот счет красноречиво высказался Р. Самюэль: «Качества и черты, названные “новой волной” в литературе и кино, сегодня являются символами ограниченности. Богатая коллективная жизнь, выраженная, например, в создании и существовании клубов рабочих, видится институтом

не поддерживающим, а исключаяющим и ограничивающим местное коренное население от приезжих и чужаков... Рабочие клубы — не что иное, как союз белых мужчин, призванный укрепить власть над женщинами, иммигрантами и сексуальными меньшинствами. Гордость Севера — индустриальные конструкции, дымовые трубы — это экологический кошмар. Еще одна диалектическая инверсия: культурная революция 1960-х гг. — запланированная катастрофа, разрушившая судьбы множества людей».⁶⁰

Итак, дискурс североанглийской идентичности сигнализирует о наличии мощного паттерна неравных отношений между северной периферией и южной метрополией. В рамках национального дискурса североанглийскость рассматривается как устойчивый феномен, сформировавшийся в противопоставление сурового, трудового и честного Севера изнеженному, декадентскому и коррумпированному Югу. В то же время очевидно, что идентичность северян складывалась под натиском представлений южан о Севере как территории отсталости, невежества и упадка. Зачастую это обсуждается в юмористическом, даже ироническом ключе, но иногда очевидно, что реальность полна серьезных эмоций. Более того, идея разделения Севера и Юга — популярный и распространенный риторический паттерн для многих поколений англичан, стремящихся упростить сложные вопросы с помощью юмора, но принимающих данный концепт как отражение экономической и культурной реальности. Северяне относятся к Югу со смешанными чувствами, поскольку видят Юг источником бесконтрольной власти над, говоря словами М. Уэйнрайта, «лучшей частью Англии».⁶¹

§ 3.3. Стереотипизация Севера

Как мы успели заметить, идентичность северян и образ Севера за его пределами развиваются вокруг различных интерпретаций географии, поведения и ментальности. Генеалогия стереотипизации⁶² Севера нуждается в отдельном исследовании, однако очевидно, что внешние и внутренние представления о регионе — исторический феномен с давней историей. Как считает Н. Джюэл, образ Севера конструировался из центра с XII в. Еще Уильям Малмесберийский, описывая современное ему княжество Нортумбрия, использовал уничижительные

эпитеты, отмечая преобладание «дегенеративных повадок», называя северян «свирепой, мятежной расой». ⁶³ Появление в XVI в. литературы в жанре путешествий. (Д. Дефо, в частности) закрепило в широком общественном дискурсе образ Севера как земли примитивной и унылой, с суровым климатом и хитрыми людьми. В ходу, например, стали такие поговорки, как “*to put Yorkshire of a man*” (досл. «дать человеку Йоркшира», или одурачить). ⁶⁴

Многие исследователи североанглийскости склонны полагать, что экономический подъем и индустриализация на Севере не создали новых позитивных образов, а лишь усилили и распространили прежние. Репортажи о рабочих стачках 1830-х и 1840-х гг. реанимировали старые представления о Севере как о беспокойном регионе. ⁶⁵ Эти ассоциации приобрели новое звучание с появлением нового среднего класса из коммерческих индустриальных кругов и их «мещанской» культуры. В 1821 г. широкую огласку приобрели материалы журнала *Blackwood's Edinburgh Magazine*, где описывался филистинизм манчестерской элиты: «джентльмены, чья интеллектуальная жизнь ограничивается игрой в твист, распитием портвейна и раздачей проклятий в адрес власти». ⁶⁶ Как указывает Дж. Сид, подобные статьи — плод пропаганды тори того времени, однако они являются весомой частью дискурса идентичности. ⁶⁷

Существовали и положительные оценки региона. По крайней мере с конца XVII в. многие путешественники видели Север краем упорного труда и достижений в индустриальной сфере. К началу XIX в. отношение к Северу постепенно менялось во многом благодаря писателям и художникам романтизма: северные ландшафты, особенно Озерного края, становились источником вдохновения, территорией эмоциональной и творческой регенерации. То же касается музыкальной и телевизионной поп-культуры второй половины XX в. ⁶⁸

Что же до идентичности северян, то авторы считают, что говорить о выраженной региональной (точнее, о субрегиональной и локальной) позиции на обывательском уровне можно с середины XVII в., времени развития письменной диалектной традиции. ⁶⁹ И хотя в академической среде ведутся споры о ее происхождении и источниках, наличие подобного культурного явления позволяет говорить о способности северян к региональному самовыражению. ⁷⁰

Для североанглийскости в стремлении приобрести собственную специфику характерно противопоставление своей идентичности «официальной», метрополюной. Рассел, например, заявляет, что с середины XX в. из-за того, что концепция английскости оказывается слитой с концепцией британскости, «этническую английскость можно было отыскать только на Севере».⁷¹ П. Мандлеру «региональный характер», в отличие от национального, видится статичной и свободной от контекстуальных влияний конструкцией. В XX в., когда в рамках Британии становится актуальным упор на социальную иерархию и надэтнический идеал джентльменства, локальные варианты «этнохарактера», наоборот, остаются специфическими и трансклассовыми, но в то же время из-за своей устойчивости и жесткости рискуют превратиться в ряд комических клише для внешних наблюдателей.⁷²

Одной из наиболее выразительных и устойчивых локальных идентичностей обладают йоркширцы. Среди них еще в начале XIX в. было принято называть себя самыми патриотичными из англичан. Сегодня Йоркшир чувствует жителей региона как хранителей «вечных ценностей» в условиях массового общества: например, фермера Ханну Хоксвел, о которой было снято успешное документальное кино и выпущена серия книг в 1970–1980-е гг.⁷³ Южанам йоркширцы представляются «свирипыми троллями», «нелепым жульем».⁷⁴ О ланкаширцах, в том числе в самом Ланкашире, бытует мнение как о более мягких, вежливых и добросердечных людях, не столь зацикленных на финансовом благополучии, как йоркширцы.⁷⁵ Ливерпуль же с его сильным кельтским наследием, интенсивной портовой жизнью и пр. представлял иной тип идентичности, основанный на кипучей деятельности, космополитизме, нонконформизме, сюрреалистичном чувстве юмора.⁷⁶

Стереотипы о Севере и северянах развиваются зачастую в маскулинных категориях — как в национальном масштабе (противопоставление маскулинной культуры «северных обезьян» и более феминной «южных феечек»⁷⁷), так и региональном. Северо-Восток, к примеру, исторически воспринимался территорией изнурительного физического труда, символом которого был мужчина-угольщик.⁷⁸ Женщины интенсивно участвовали в этом труде, однако в обществе, где образ мужчины — труженика и обывчика был принят в качестве нормы с середины XIX и до конца XX вв.,

маскулинная модель идентичности господствовала и господствует до сих пор. Физическая выносливость всячески демонстрировалась и рассматривалась в качестве региональной черты.⁷⁹

Тем не менее Север считается территорией сильной и привлекательной, ломающей стереотипы и преодолевающей жизненные обстоятельства женщины — как в реальности, так и в искусстве: примером тому могут быть писательницы сестры Бронте, политики Бесси Брэддок и Барбара Каствл, участница велогонок Берил Бертон, героини ланкаширских мыльных опер Мэгги Хобсон и Рита Уайт. Как пишет Дж. Ричардс, именно Ланкашир, во многом благодаря большой доле занятости женщин в хлопчатобумажной и легкой промышленности, «производит» данные образы (в отличие от Северо-Востока с производственными приоритетами угледобычи и кораблестроения).⁸⁰

При разговоре о стереотипах, безусловно, необходимо обращаться к представлениям о «характере». Нижеприведенная таблица, составленная в компаративном ключе на основании полевых материалов, как раз содержит такие сведения. Здесь перечислены черты, являющиеся частью идентичности той или иной группы, составлены сводки пересечений внешней оценки и самооценки групп респондентов («конфликтующих» северян и южан). В средней колонке приводятся данные о собственно самообразе, идентичности. Информация свидетельствует о культурном разделении страны по крайней мере на два региона и две идентичности. Но необходимо помнить, что дискурс «Север — Юг» не лишен сарказма и иронии (подчас очень жесткой) и таблица представляет подчас радикальные точки зрения, в реальности уступающие место срединным позициям.

*Северный «характер» в представлениях
различных групп респондентов*

Внешние (в основном южные) представления о северянах	Идентичность северян	Северные представления о южанах
Характер		
Неприступный, агрессивный	Независимый	Раболепный
Грубый, лишенный социального лоска	Резкий, высказывающийся напрямую	Уклончивый, лицемерный

Внешние (в основном южные) представления о северянах	Идентичность северян	Северные представления о южанах
Упорно трудящийся	Упорно трудящийся, физически крепкий	Изнеженный, расточительный, поглощающий энергию других
Слишком соревновательный, идуший напролом	Конкурентоспособный	Дилетантский, нерешительный
Мещанский, невежливый, хотя очень музыкальный	Практичный, продуктивный	Поверхностный, снобистский
Скупой	Бережливый	Расточительный
Неотесанный, грубый	Дружественный, гостеприимный	Недружелюбный, замкнутый
Ограниченный, с местечковыми интересами	Гордящийся своим происхождением	Космополитичный, безродный
Рабочий класс	Меритократичный, эгалитарный	Непотистский, элитарный
Нелепый в своей грубости, топорный юмор	С чувством юмора, остроумный	Находчивый, но использующий двойной смысл и подтекст
Обособленный	Обособленный	Обособленный
Пейзажи и география		
Мертвые урбанистические пейзажи; дикая природа, неухоженная земля, разруха в поселениях	Разнообразная природа	Красивая сельская местность, Лондон как место не только возможностей, но и социальных контрастов
Влажный, холодный, бодрящий климат	Суровый и неприятный климат, но лучше, чем о нем думают	Теплый, приятный климат
Индустриальный	Индустриальный, но экономически более разнообразный край, чем о нем думают	Финансовый край, место потребления, а не производства

Таким образом, стереотипы, несмотря на свою условную природу, обладают серьезным потенциалом и могут быть важной частью самосознания. Несмотря на множественность толкований «Севера», у этого региона объективно есть нечто общее — представления о себе и окружающих, позволяющие его населению чувствовать себя отличным от жителей других регионов, в том числе посредством актуализации и использования стереотипов. Образы, символы и структуры конца XVIII — начала XIX вв. (урбанизм, основанная на индустриальном производстве экономика, культура рабочего класса, специфическое административно-территориальное деление) являются весомой частью регионального самосознания идентичности.

§ 3.4. Регенерация, бренд, туризм

Исторически северные города и индустриальные регионы привлекали туристов своими достижениями. Примером является Манчестерская выставка искусств 1857 г., призванная продемонстрировать возможности региона в производстве предметов роскоши и быта. В условиях упадка производства конца XX в. новые стратегии туризма ставили задачей обеспечить возможность выживания.⁸¹

Новый подход берет начало в 1950–1960-х гг., когда в ответ на бурное послевоенное строительство и снос георгианских и викторианских зданий в обществе стали появляться волонтерские сообщества, призванные сохранить культурное наследие.⁸² Это сопровождалось ростом интереса к истории и культуре рабочего класса, а также к проблемам традиционного производства, что, в свою очередь, привело к возникновению туристического и исследовательского движения индустриальной археологии и росту музейного строительства. В это время Н. Торольд писал о «современном индустриализме», пронизывающем северные территории, и о наличии там множества памятников конца XVIII — начала XIX вв., «невероятно интересных, драматических и идиократических».⁸³ В 1989 г. в популярном гиде заявлялось, что «туристические вкусы изменились и расширились, и сегодня туристы посещают индустриальные места и викторианские городские центры наряду с традиционными соборами, замками и живописными деревеньками».⁸⁴

Как указывает Э. Баббидж, в 1980–2010-е гг. большинство городов Северной Англии использовали урбанистический туризм как средство экономического роста и городской регенерации: бывшие индустриальные здания переделывались под офисные и жилые помещения, торговые центры, помещения для музейных экспозиций, художественных галерей и пр.⁸⁵ Результатом подобной «политики» стало создание, например, музейного комплекса Альберт-Док в Ливерпуле в 1984 г., Исторического музея причала Уигана в 1986 г., а также Парка индустриального наследия Кастлфилдса в Манчестере и Салфорде в 1982 г.— в него вошли музеи индустриальных и научных достижений и повседневности, памятники римского периода, телевизионные студии, модные бары и др.

Последовавшие реформы музейного самоуправления (музеи начали самостоятельно распоряжаться своими финансовыми и проектными делами и стали тяготеть к совмещению экспонирования, обучения, производства, маркетинга) и возможности частных фондов позволили еще больше развиваться городскому туризму. Были реализованы такие проекты, как Национальный центр стекла в Сандерленде в 1998, Национальный центр народной музыки в Шеффилде в 1999, Научно-приключенческий центр Магна в Ротерхаме в 2000, Центр Лоури в 2001, Национальный музей футбола в 2001 в Престоне и в 2012 в Манчестере, Балтийская фрахтовая биржа в Гейтсхеде Ньюкасла в 2002 гг.⁸⁶ К 2000 г. из 24 национальных музеев на Север было перенесено 14.⁸⁷

Данные проекты оживили социальную атмосферу в городах, внесли вклад в преодоление депрессии, изменили культурный баланс «Юг — Север» в пользу последнего. Однако политика переноса музеев осуждалась основным («метропольным») культурным сообществом, и происходила некая маргинализация музеев. Развитие туризма не стало панацеей и от экономических проблем (Бредфорд, уделяющий развитию туризма большое внимание, остается на шестом месте списка наиболее депрессивных регионов в Англии и Уэльсе⁸⁸), хотя, возможно, дело в качественной реализации туристических стратегий и специфике различных территорий.

На Севере существуют различные интерпретации урбанистического наследия. Среди лидеров статусной иерархии городов к середине 1990-х гг. выделялись Манчестер и Лидс с развитой

культурой клубов, баров и ресторанов, музыкальным движением, а также Ньюкасл с высокоорганизованной индустрией развлечений (в 2008 г. город даже боролся за статус европейской культурной столицы).⁸⁹ О Ливерпуле в туристических гидах пишется как об увядающем промышленном городе, главной достопримечательностью которого является музей группы *The Beatles*.⁹⁰ После приобретения Ливерпулем статуса европейской культурной столицы в 2008 г. был построен ряд музеев и отреставрирована часть городских объектов на основании концепции актуализации индустриального наследия.⁹¹ Однако этот факт не воспринимается жителями города как символ новой идентичности: «Ну стали мы культурной столицей и получили деньги ЕС — это действительно, но и что? Мы все те же».⁹²

Бредфорд оказался еще более неудачной площадкой для туристических инвестиций. В конце 1970-х гг. город столкнулся с экономическими трудностями, а также имиджевыми проблемами, связанными с сексуальным и детским насилием, расизмом и проблемами интеграции азиатских иммигрантов.⁹³ Частью политики регионального брендинга стало проведение ряда акций, подчас лишь закрепляющих стереотипы: привлечение внимания к образам йоркширских сельских пустошей и мест, связанных с жизнью сестер Бронте, открытие Национального музея кино, фотографии и телевидения (1983 г.), запуск индустриальной деревни Салтейер (*Saltire*, одна из экспозиций которой получила статус мирового наследия ЮНЕСКО в 1991 г.), организация тура «Ароматы Индии» в рамках работы по интеграции азиатской общины.⁹⁴

В СМИ в 1990–2000-е гг. публиковались различные материалы с саркастическими оценками туристических и культурных претензий Бредфорда. Например, в 1999 г., когда был объявлен конкурс на культурную столицу Европы, *Observer* напечатал материал с ироничным заголовком «Культура? На это есть Париж, Венеция и... Бредфорд». В статье были опубликованы фото, созданные Советом Бредфорда в рамках рекламной кампании, где мэр позировал в дорожном кафе за порцией черного пудинга (традиционное северное блюдо), из одежды на нем была красный галстук-бабочка, и перед собой он держал в руке с отставленным в сторону мизинцем чашку чая. Подчеркивалось, что подобное является примером северной пародии на самое себя

(отсылка к Северу, подражающему Югу).⁹⁵ Таким образом, город в отношении брендинга обречен на неудачу, т. к. в попытках отказаться от старых образов и создать новые он обращается к давно существующим и обросшим различными коннотациями. Из-за страха оказаться в поле зрения всех таблоидов Бредфорд в 2002 г. для этого же конкурса не смог сформировать шорт-лист своих культурных символов.⁹⁶

Работа Р. Хьюисона «Индустрия наследия» открыла полемику 1980–1990-х гг. относительно жизнеспособности проектов по актуализации индустриального культурного наследия. Автор упрекает брендмейкеров в создании экономически выгодных образов, имеющих мало общего с исторической реальностью и не обеспечивающих условий для трезвой оценки реальной ситуации и преодоления проблем. Автора беспокоили и объемы трат на создание новых центров, впоследствии себя не оправдывающих.⁹⁷ Убедительность аргументов и волна подобных выступлений посеяли тревогу в рядах сообщества, занимающегося актуализацией наследия.⁹⁸ Беспокойство общества вызывает и тот факт, что при широком распространении глоболизирующей потребительской культуры разделение Севера и Юга «предстает очередным старым британским мифом».⁹⁹ И действительно, туристические стратегии актуализируют зачастую не собственно «северное» наследие. Примером является Музей кино, фотографии и телевидения Бредфорда: его могли расположить где угодно в Британии, и презентует он мировые феномены. Успех Манчестера и Лидса как городов с лучшими кафе, барами и клубами также основывается на мировом феномене клубной культуры.

Итак, региональное распределение сил на сегодня таково, что Север остается периферийной территорией. Общественность Севера склонна считать, что альтернативой Югу в туристическом отношении могут стать такие области культуры, как язык, литература, музыка, развлекательная телевизионная культура и спорт. Дискурс идентичности в данных областях открывает широкие перспективы для развития культурного регионализма.

На протяжении последних десятилетий Север и отдельные его субрегионы с помощью туристических стратегий пытаются разрешить проблему деиндустриализации и кризиса региональной идентичности. Жизнеспособность и перспективы развития туризма Севера вызывают споры среди общественности. Место

туристических индустрий в развитии городской среды являлось значительным вплоть до начала 2000-х гг., когда подобные стратегии были подвергнуты серьезной критике. Туризм помогает преодолеть регионам ряд деструктивных тенденций в само- и внешнем восприятии, но в то же время закрепляет негативные стереотипы, что разрушительно сказывается на культурном климате региона.

§ 3.5. BBC versus диалекты, или Язык как инструмент идентичности

«Нармал гври, гврю, когда гворишь с жентельменом».¹⁰⁰ Эта знаменитая фраза из выговора йоркширского селянина своему непутевому сыну является знаковой иллюстрацией роли диалектов в английской культуре. Диалекты — ключевая мишень стереотипов и предрассудков о регионе, богатый источник культурного наследия, основной маркер идентичности. Исторически приверженность к собственному диалекту была символом культурной отсталости и социального неравенства (на диалектах говорили, как правило, представители рабочего класса). С 1960-х гг. и особенно в 1990–2000-е гг. подобное все чаще расценивается как выражение патриотизма и индивидуализма. Публичные персоны все чаще говорят на диалекте, считая его выразительной частью своей культуры.¹⁰¹ Многие информанты указывают, что работодатели в кол-центрах стали принимать на работу носителей «более мелодичного и простого» диалектного английского.¹⁰² Непременным атрибутом сувенирных лавок стали мини-словари диалектов (например, «ланкаширско-английский»), сборники диалектного фольклора (например, «100 шуток на джорди»), поваренные книги на диалектах и пр.¹⁰³ П.Дж. Уоллер в этой связи называет диалекты «инструментом коммуникации и антикоммуникации одновременно».¹⁰⁴ Разговор о роли диалектов в развитии региональной и локальных идентичностей неотделим и от исследования роли ключевого «проводника» идеи самобытной северной манеры речи, средства коммуникации Севера и Юга вообще — медиакомпания BBC.

Под словом «диалект» (*dialect*) здесь понимается региональный вариант языка относительно стандартизированной (более престижной) формы («нормативный английский» (*standard English*) и «нормативное произношение» (*received pronunciation*)).¹⁰⁵

Понятие «акцент» (*accent*) употребляется для обозначения разности произношения.¹⁰⁶ Северяне зачастую подчеркивают, что диалект является не вульгаризированным отклонением от стандарта, а самостоятельной формой языка, которая развилась из староанглийского, древнескандинавского и норманнского. Диалекты, как правило, имели не письменную форму (за исключением попыток создания словарей северных диалектов) и исторически являлись средством коммуникации менее образованного населения.¹⁰⁷ Л. Маглстон указывает, что нормативный английский также является диалектом, ассоциированным с конкретной географией, социальной и политической властью, и подъем его как нормы письменности в конце XV в. и в разговорной речи в конце XVIII в. означал смерть диалектов.¹⁰⁸ Б. Гриффитс же уверен, что региональные диалекты сегодня обладают большой культурной значимостью (на диалектах в конце XX в. говорит около 87–88 % населения Британии).¹⁰⁹

Исследователи пишут о наличии диалектной границы вдоль южной части современной Северной Англии (см. рис. 2). Эта линия, если говорить о различии Севера и Юга в словах, подобных *lang / long* (длинный), *stane / stone* (камень), *hoose / house* (дом), помещает дальний Север в одну с Шотландией лингвистическую зону.¹¹⁰ Наиболее выраженными в пределах Британии на сегодня считаются территориальные диалекты Глазго, Ливерпуля, Западной Центральной Англии, Северной Ирландии, Йоркшира, Ньюкасла и Сандерленда, Ист-Энда в Лондоне.¹¹¹

В дискурсе идентичности авторов интересует проблема развития диалектов. Если разговорные варианты диалектов оказались живучи по отношению к стандарту, то письменные были вытеснены еще в XV — начале XVII вв.¹¹² С конца XVII в. диалекты стали спорадически использоваться в литературе в художественных целях.¹¹³ На протяжении XVIII — начала XIX вв. в связи с развитием печатного рынка и общего роста образованности населения получило развитие массовое издание литературы на диалектах (хотя она воспринималась в качестве «низшей»). Индустриальный Ноттумберленд и Дарем, Вест-Райдинг Йоркшира, Ланкашир являлись средоточием литературного производства на диалектах, Северо-Восток — мюзиклов.¹¹⁴ С 1960-х гг. национальные СМИ все чаще используют диалекты в вещании, растет популярность молодежной культуры индустриальных районов

(в том числе музыкальной). Развитие телевизионной, образовательной и торговой системы на Севере в 1990–2000-е гг. также способствовало популяризации диалектов. В 1990-е гг. в рамках, например, широко распространившейся системы кол-центров работники с диалектом джорди считались более дружелюбными и услужливыми, а йоркширцы прослыли неподкупными и готовыми прийти на помощь налоговыми служащими.¹¹⁵

Рядом ученых проводились попытки классифицировать региональные и локальные диалекты английского языка Англии по географическому принципу. П. Траджил, подчеркивая консерватизм диалектов, говорит о шести северных диалектных зонах, среди которых выделяются северо-восточная, центрально-ланкаширская и мерсисайдская.¹¹⁶ Наиболее значимыми для североанглийской идентичности являются скаузский диалект Ливерпуля (жители — скаузеры), манкунианский диалект Манчестера (манки, манкунианцы), тайкский диалект Йоркшира (тайки), диалект джорди Ньюкасла (джорди, такемы), макемский диалект Сандерленда (макемы), тиссайдерский диалект жителей Мидлсборо (тиссайдеры). Джорди считается наиболее отличным от стандарта: например, слово *swim* (плавать) произносится как *soom*, *have* (иметь) как *han*, *hostile* (враждебный) как *freendly*, *stone* (каменный) как *stjen* и пр.¹¹⁷

Диалектное разнообразие не имеет четких границ, что создает трудности социального характера (известно противостояние, основанное на разности диалектов, между близкими территориально Сандерлендом и Ньюкаслем и пр.).¹¹⁸ Проблемой для диалектов является и общая американизация языка и культуры, особенно распространенная среди молодежи индустриальных районов и связанная зачастую с отсутствием интереса к культуре: «Мне нравится американский язык, фильмы — все такое свежее, позитивное. А английское все такое сложное, неудобное...».¹¹⁹

В субрегиональной коммуникации диалекты имеют большое значение, и северяне склонны подчеркивать своеобразие региональных вариантов языка. Л. Хоппер из Сандерленда говорила: «Я не люблю йоркширцев — они болтуны и жадины, но говорят приятно. Манчестерский акцент сексуален, и они забавно говорят в нос».¹²⁰ Благодаря музыкальной рок-волне 1960-х гг. ливерпульский «уличный» говор (скаузи) считается «мелодичным,

задорным, приятным на слух». ¹²¹ Диалект джорди жителей Ньюкасла — «простой, грубоватый, но выразительный». ¹²²

Диалекты связаны с феноменом классового неравенства: «Здесь все люди или их предки всегда работали на доках или шахтах, и мы все говорим одинаково. Какие-нибудь богатеи из Лондона нас вряд ли сразу поймут». ¹²³ Вплоть до недавнего массового распространения нормативного английского манера речи являлась четким индикатором происхождения, образования, жизненных позиций. Д. Лейт пишет, что из-за того, что диалект образованного высшего среднего класса («культурной буржуазии») Юго-Востока Англии постепенно стал ассоциироваться с властью и силой, другие диалекты стали восприниматься чем-то «неправильным» или «искаженным». И конечно, проблема соответствия норме особенно волнует тех, кто стремится закрепить собственное положение. ¹²⁴

Некоторые авторы (Х. Джюэл) уверены, что проблема диалекта как исключения из желательного пространства особо характерна для Севера Англии. Длительная ассоциация с варварством и филистинизмом связывалась обычно и с комической и вульгарной манерой речи, полной специфической профессиональной лексикой и шотландскими, валлийскими, ирландскими заимствованиями. ¹²⁵

Характерные речевые паттерны могут служить прекрасной основой для локального патриотизма или классовой гордости. ¹²⁶ Наряду с ростом регионального самосознания с 1960-х гг. диалекты приобретают статус рупора идентичности («национализация диалектов» ¹²⁷), становятся инструментом индивидуализации. Дж. Смит говорил о злости, которую он почувствовал, когда в школе Лидса (1950-е гг.) во время чтения классической английской поэзии его остановила учительница из Лондона со словами «Довольно. Вы — варвар». ¹²⁸ Профессор Университета Сандерленда Дж. Стори рассказывал о своем опыте преподавания в Колледже Суррея: «Я говорил и вел себя иначе, нежели жители городка, мой манкунианский делал меня особенным. Впрочем, и в Сандерленде, хотя я там живу уже много лет, стараюсь сохранить свое языковое отличие — студенты лучше меня запоминают и выделяют из общей массы». ¹²⁹ Информант М. Кларк, отец которого в молодости занимался актерской деятельностью, и которого критиковали за его акцент, вспоминал,

что тот часто говаривал: «Я не чувствую себя неправым. Я могу говорить, как мне хочется — это мой язык».¹³⁰

Итак, дискурс идентичности в области языка фокусируется на противопоставлении идентичности носителей диалекта и национальной культурной системы. Для всех ревнителей сохранения региональной культуры крупнейшая медиакорпорация *BBC*, новостное вещание которой осуществлялось до конца 1970-х гг. преимущественно на нормативном английском (а сегодня преимущественно на т. н. английском образца *BBC (BBC English)*), является легкой мишенью. Считается, что ключевая роль в формировании «вкусов» корпорации, особенно в первой половине XX в., принадлежит культурному истеблишменту Лондона и Юго-Востока вообще.¹³¹ В том числе с подачи компании с ее «маскулинным духом частных школ и престижных университетов» региональные акценты рабочего класса оставались непонятными для основной аудитории, а иногда и вовсе считались комическими и вульгарными.¹³² Языковая политика *BBC* вызывала у северян чувство раздражения и сопротивления, усмешку, а также подъем интереса к диалектам.¹³³

Случай с приглашением в качестве ведущего новостей в 1941 г. северянина и носителя выраженного диалекта У. Пиклеса для национального радиовещания является показательным примером взаимоотношений *BBC* и регионов. Руководство компании верило, что использование северного голоса, отражающего стойкий дух английского народа, в такой час сплотит нацию, а также станет препятствием для немецких разведслужб.¹³⁴ Выступления Пиклеса спровоцировали дебаты о привилегированности национального вещания: множество обозревателей считали, что вещание на диалектах воспринимается более комфортным для большинства населения страны; другие утверждали, что использование диалектов, ассоциирующихся с безграмотностью и бедностью рабочего класса, подорвет доверие слушателей.¹³⁵ Журналист символизировал «северную душу», северные открытость и дружелюбность. Его знаменитые фразы стали нарицательными для северян (“*Ow do, ow are yer?*”; “*Now, are yer coortin?*”; “*Give him the money, Barney*”).¹³⁶ Вклад в трансформацию языковой политики компании внесла и развернувшаяся с 1950-х гг. дискуссия о проблеме мимикрии «диалекта» высшего класса Англии (эстуарного английского).¹³⁷

С 1934 г. на *BBC* была закреплена «региональная схема» — работало 7 региональных радиостанций, подчиненных главному офису в Лондоне, которые должны были обеспечивать нужды региона. В 1970-е гг. были образованы региональные радиостанции, относительно свободно выбирающие контент, и регионы окончательно завоевали свои позиции в национальном вещании.¹³⁸ С конца 1970-х гг. в национальном (а не только региональном, как ранее) новостном вещании *BBC* (радио, ТВ) закрепляется диалектная речь. Особенно это касается программ о музыке: успешными «первопроходцами» 1970-х гг. стали ведущие радиопрограмм *Today* Б. Редхед и *You and Yours* на «Радио 4» П. Голдвелл, а также ведущие музыкальных программ 1980-х гг. на «Радио 1» А. и Л. Киршоу.¹³⁹ Несмотря на слабость «северного голоса» в рамках национального вещания и культуры у Севера с этого времени появилась площадка для самовыражения (хотя в большей степени это касалось телевидения, кино и музыки).¹⁴⁰

Таким образом, региональные диалекты сегодня остаются весомой частью идентичности северян, и ключевая роль в популяризации идеи языкового своеобразия Севера принадлежит медиа, в частности *BBC*. Политика регионализации вещания компании создала предпосылки для развития региональной идентичности, особенно в период после 1970-х гг. Однако дискуссии общества показывают, насколько данная корпорация, абсолютный медиа-монополист в Британии, ассоциируется с Лондоном и Юго-Востоком. Диалекты служат основой для регионализма и борьбы с массовой культурой и бюрократической централизацией (из Лондона и Брюсселя).

§ 3.6. Спорт и регион, или Спортивная триада Севера

В продолжение разговора о спорте и идентичности (Глава II) обратимся к локальным спортивным клубам и сообществам (главным образом футбольным, а также в некоторой степени регбилига и крикета — эти виды спорта наиболее массовые и знаковые для северян) и их значению для локальной идентичности.

На Севере Англии в 1980–1990-е гг. футбол имел особое значение как некая консолидирующая структура взамен заводов

и шахт, и сегодня стадион является площадкой для обсуждения и выражения различий между регионами, средством выражения национальных ценностей и т. д. В период с 1940-х гг. и по настоящее время исследователи говорят о подъеме локальных и региональных спортивных идентичностей, что связано с развитием объединяющих факторов массмедиа, экономической депрессии Севера Англии 1980–1990-х гг. В центре нашего внимания противоборство Манчестера и Ливерпуля, Йорка и Лидса а также Сандерленда и Ньюкасла. Благодаря противостоянию футбольных клубов и болельщиков последних, например, за сандерлендцами закрепилось прозвище «такемы», за жителями Ньюкасла — «макемы» (оба перешли в категорию этнонимов).¹⁴¹

На Севере Англии существует градация идентичностей по отношению к различным видам спорта и отдельным состязаниям. Футбол и регбилиг объединяют представителей локального сообщества, а профессиональный крикет обращается к субрегиональному или региональному уровню (графство, регион Северная Англия). Северянин может выражать множественную территориальную идентичность, поддерживая локальную городскую команду в футболе или объединяясь с северянами из других локальных городов-соперников во имя поддержки графства в крикете. В свою очередь соперничающие сообщества могут объединяться для поддержки команды национальной.

Если кратко характеризовать английскую спортивную историю в контексте регионализма, то считается, что спортивные инициативы и игры если не зарождались на Юге, то прочно там обосновывались. Как пишет Э. Харви, «любительский» и «уличный» футбол (*folk / street football*) были распространены по всей стране, однако профессиональный футбол (с игрой по правилам ассоциации (*association football*)) оформился именно в Лондоне и предместьях в 1860–1880 гг.¹⁴² Но как указывает Т. Мэсон, зрелищные, командные виды спорта, предполагающие массовые разгульные развлечения, больше соответствовали рабочему пролетарскому духу северян, и «даже если организованный футбол и не был изобретен на Севере, как массовое зрелище он сложился именно там». ¹⁴³ На долю Севера (7 его графств) с 1970х гг. по настоящее время приходилось около 35% английских клубов. В 2002–2016 гг. клубы Севера составляли 50% клубов Премьер-лиги. Успехи на футбольных площадках страны вселили

уверенность в том, что Север находится на ключевой арене общественной жизни.¹⁴⁴

Крикет исторически ассоциируется с Югом. Во второй половине XX в. наиболее успешными в соревнованиях из графств Севера считались Йоркшир и Ланкашир. На территории «дальнего» Севера (Северо-Восток) крикет был почти не распространен в силу менее удобных климатических условий, меньшей плотности населения и пр., и фанаты ассоциировали себя, как правило, с крикетными и футбольными клубами Йоркшира и Ланкашира. Это является показательным примером кросс-локальных спортивных идентичностей и возможного существования общих северных крикетных сообществ. Таким образом, крикет, еще один вариант обеденного субботнего времяпрепровождения для занятого в индустриальном производстве рабочего класса, хотя и не является сугубо северным феноменом, также формирует облик северной спортивной географии.¹⁴⁵

Часть исследователей полагают, что регби и регбилиг (*rugby league*) в большей степени ассоциируются с Севером и были изобретены здесь в качестве нотерн-юнион (*northern union*) — северного варианта народного футбола.¹⁴⁶ Другие считают, что начало регби положил школьник одноименного южного города, в 1923 г. пробежав во время футбола с мячом в руках по полю; затем рабочие Севера решили заниматься регби профессионально и организовали более зрелищный и массовый вариант игры — регбилиг, или регби-13.¹⁴⁷ Регбилиг в начале XX в. пострадал из-за роста популярности профессионального футбола и на Севере закрепил свои позиции только в юго-западной части Ланкашира, западной части Кумбрии, «текстильных» западных районах Йоркшира и Хамбера. Среди любителей регбилига существует единство, основанное на чувстве, что другие игру недооценивают. Регбилиг считается «собственностью рабочего класса», «игрой обычных людей». ¹⁴⁸ Как пишет Келнер, регбилиг «был рожден в конце XIX в. как протест рабочего населения против элиты и Юга, и сегодня игра является олицетворением северного самосознания, источником гордости северянина». ¹⁴⁹

Северное происхождение в глазах общественности имеют и другие, практически вышедшие из употребления, виды спорта. В игру в шары на зеленой полосе (*crown green bowling*) к 1970-м гг. играли более 250 тыс. северян (в основном из Северного

Йоркшира).¹⁵⁰ Тот факт, что игра почти не распространена на территории Северо-Востока, хотя там есть удобные зеленые площадки для этого, по мнению исследователей, еще раз подчеркивает существование культурного разделения между «ближним» и «дальним» Севером. Во многом благодаря тому, что первые турниры проходили на курорте Блэкпул, игра стала символом массового развлечения в Северной Англии.

Спортивная игра «деревянный мяч и палка» (*knur and spell*) сегодня живет лишь в качестве историко-культурного наследия южной и западной части Йоркшира и восточного Ланкашира, однако является частью современной идентичности северян. Список северных спортивных игр и развлечений может быть дополнен борьбой без правил (*wrestling*) в Кумберленде, пешей охотой с гончими собаками (*hunting on foots with beagle packs*) на индустриальных окраинах западной части Йоркшира и других территориях; гонками с участием королевских гончих (*whippet racing*) и бегом по гористой местности (*fell-running*).¹⁵¹ Материалы, например, киотса и портшэра (*quoits and potshare bowling*) как части актуализируемого индустриального наследия шахтеров Нортгумберленда стали частью экспозиции 2013–2014 гг. «Образы нации: британское искусство, наследие и идентичность в XXI в.» в галерее Тэйт, Музее Тин-энд-Вир, Музее и археологической службе Норфолка, Галерее-музее Шеффилда.¹⁵²

Спортивные достижения и культура Севера широко известны в пределах Британии и всего мира. Но спорт не обязательно играет положительную роль в складывании образа Севера: существует множество предубеждений относительно «паломничества» северных фанатов в Лондон (особенно ливерпульцев с 1980-х гг. — их характеризуют «неотесанными, грубыми, агрессивными мужланами»)¹⁵³ Однако наибольшее количество комических стереотипов формируется на самом Севере — в том числе благодаря региональной комедийной традиции (большую роль в этом сыграла «Би-би-си» и такие комментаторы регбилига 1950–1980-х гг., как йоркширец Э. Уоринг, поместивший, по мнению исследователей, «регбилиг и северный спорт в сердце национальной культуры, но в проблемном, стереотипном смысле»)¹⁵⁴ Как считает С. Келнер, подобные явления сводят на нет попытку северян отойти от мещанского образа своей территории и в этом состоит «трагедия северного бренда»: например,

Ливерпуль, рассчитывающий на экономические инвестиции и приток рабочей силы, предстает здесь городом пьяниц и дебоширов, непривлекательным для иммиграции и вложений.¹⁵⁵

Одной из центральных составляющих североанглийскости является вера в то, что северная спортивная культура основана на сильной любви к состязаниям, высокой осведомленности о спорте и желании продемонстрировать лояльность по отношению к своей команде. Болельщик клуба «Сандерленд» утверждает, что «Северо-Восток сосредоточен на победе» и «никогда не встретишь более осведомленных фанатов, нежели сандерлендцы», болельщики «Ньюкасл ФК» говорят об «особой воле к победе», манчестерцы — о том, что в игре в футбол «только или пан или пропал».¹⁵⁶

Жители небольшого городка, как правило, массово увлекаются отдельным видом спорта, содержат клуб и стадион, зачастую являющиеся его «визитной карточкой». Стадион выступает своего рода сакральным пространством — в случае «Олд Траффорда» в Манчестере еще и «местом, где рождаются легенды».¹⁵⁷ Сандерленд — небольшой городок Северо-Востока, но его стадиону могут позавидовать российские города-миллионники (вместимость — 49 тыс. зрителей, численность Сандерленда — 118 тыс. чел.).¹⁵⁸ «Стадион Света» (*Stadium of Light*) построен на месте бывшего угольного карьера («что довольно символично», по мнению респондента).¹⁵⁹ В доме рядового англичанина непременно стоят спортивные награды и тематические сувениры, большая часть ТВ-закладок — спортканалы. Англичане сетуют на то, что сегодня футбол в Англии это уже не столько игра, сколько большой бизнес. Однако, как сказал один из информантов, «когда дело доходит до футбола или регби, мы готовы снять последние штаны».¹⁶⁰

Спорт исторически являлся частью идентичности мужского населения, указывает Х. Тайлор: «Даже животных в спорте поддерживают больше, чем женщин».¹⁶¹ Однако сегодня в силу процессов эмансипации, а также развития женского спорта у спортивных идентичностей есть и женское лицо. Более того, спортсменки зачастую становятся символами северного характера (например, велогонщица Берил Бертон).¹⁶² Распространено мнение о том, что факт более явственного присутствия физического контакта в северном спорте связан с культурой ежедневного

тяжелого физического труда: «ценность умений игроков многократно возрастает, если это совмещается с умением физически за себя постоять». ¹⁶³ Данное явление Тайлор обозначил «культуром агрессии северян». ¹⁶⁴ Также на Севере спорт является и частью семейной культуры.

Для иллюстрации облика типичного североанглийского фанатского болельщика процитируем болельщика из Хаддерсфилда: «Я обычный парень, у которого есть девушка и работа, голосую за лейбористов. Мне не очень нравится королевская семья, зато над ней можно подшучивать, да и туристы ее любят. Но меня чертовски злит то, что происходит с моей страной. Наша культура теряет свою самобытность, нас унижают за то, что мы не любим Европу, а любим свою страну. Мы вынуждены принимать тех, кто даже не хочет говорить на нашем языке... Уверен, миллионы таких, как я, думают так же». ¹⁶⁵ Рабочий завода в Сандерленде с детства увлекался футболом: «Клуб сегодня не слишком успешен, и билеты дорогостоящи, но каждую субботу мы все идем на игру. Вы родились в семье, где на протяжении многих поколений болели за одну команду — возможно, эта информация должна присутствовать в паспорте (*Смеется*)». ¹⁶⁶ По словам преподавателя университета, ярого болельщика «Ньюкасл ФК», «футбол, и это его великое свойство, несмотря на старания политиков, не поддается использованию в политических целях, а потому любовь к этой простой игре объединяет самых разных людей, не важно, кто ты — бедняк или богач, индеец, шотландец или англичанин». ¹⁶⁷

Локальная идентичность, определяемая интенсивной идентификацией индивидуума с определенной деревней, городом, в которых он родился, проживал или связан иным способом, является одной из сильнейших территориальных коллективных лояльностей, проявляемых в спорте. Об этом свидетельствует даже такое обстоятельство, что локальные спортивные сообщества следят чаще за соревнованиями с участием локальных спортсменов (носителей региональной / локальной мифологии, как, например, атлеты с Северо-Востока Б. Фостер или С. Крэм). Игроки, которые потенциально могут перейти в другой клуб (читай — на сторону противника), подвергаются наибольшему количеству насмешек. Механизмами выражения идентичности становятся путешествия фанатов в Лондон

вслед за командой: активная демонстрация символов региона и команды, акцент на диалектную речь и пр. является способом «нанесения на карту» своей территории и выражения презрения к метрополии: «Мы вспоминаем в эти минуты, кто мы такие и что нам есть чем гордиться». Несмотря на это, принципиального антагонизма по отношению к Югу у северян нет: фанаты путешествуют в Лондон, чтобы в том числе «приобщиться к культуре столицы и нации».¹⁶⁸ Подобное поведение является основным паттерном локальных спортивных сообществ в Англии.

Локальные сообщества придают большое значение успехам локальной команды, но при отдельных обстоятельствах могут радоваться и успехам клубов-соседей — как региональному успеху (сандерлендцы искренне ликуют по поводу победы соседнего «ФК Ньюкасл» над лондонским «Челси», хотя «Сандерленд» и «Ньюкасл» являются историческими соперниками).¹⁶⁹ Даже в Ливерпуле, городе с иной идентичностью (благодаря своему географическому положению и истории как транзитного узла), чем в остальных частях Ланкашира, есть историческая тенденция поддержки «спортивной семьи» всего Ланкашира, если речь идет о победах команд графства над командами других северных или особенно южных графств. Например, в 2011 г. после успеха в различных видах спорта ливерпулец восклицал: «Хайль Ланкашир! Еще никогда Ланкашир не был так успешен в спорте... лучшее место для жизни — Ланкашир».¹⁷⁰

В спорте сложно «реализовывать» собственную локальную идентичность «первого уровня», так как небольшие сообщества не могут содержать хорошие клубы. Большинство «примыкает» к клубу в рамках субрегиона: так, жители Саут-Шилдса близ Сандерленда, как правило, поддерживают «ФК Сандерленд». В этом случае локальная идентичность «первого уровня» дополняется идентичностью «второго уровня», и спорт, таким образом, является одним из шлюзов, соединяющих идентичности, фокусирующихся на городах, создающих условия для формирования более широкой региональной или субрегиональной идентичности. Ланкастер в своем исследовании показал, как поддержка клуба «Ньюкасл Юнайтед» на рубеже XIX–XX вв. способствовала росту самосознания и самоидентификации шахтеров Восточного Нортумберленда как «жителей единого

Северо-Востока, а не обитателей разрозненных шахтерских поселков».¹⁷¹ Во время знаменитого матча между мерсисайдскими соперниками «Ливерпулем» и «Эвертоном» во время чемпионата депрессивного для Севера 1984 г. на стадионе «Уэмбли» в Лондоне фанаты обеих команд объединились под песню «Мерсисайд, Мерсисайд», демонстрируя «несломленный дух» региона.¹⁷²

Крикет для Йоркшира на протяжении большей части XX в. имел огромное значение — на Севере и за его пределами посредством игры графство узнавали фактически и метафорически. Крикет играл объединяющую роль и для самого графства: команда пять месяцев в году перемещалась от города к городу, играя в семи-восьми различных местах, кидая в «широкие спортивные объятия» территории с различающимися идентичностями (Западный Райдинг, Лидс, Шеффилд, Мидсборо, Халл и Скарборо). Так как игры проходили преимущественно в рабочие дни по будням, крикет не привлекал большое количество зрителей, в отличие от регбилига или футбола, но благодаря широкому освещению в прессе игра становилась инструментом трансформации, воспроизводства и усиления позиции той или иной идентичности графства и его жителей.¹⁷³ Несколько черт крикетной культуры графства являются ключевыми для понимания идентичности йоркширцев и северян в целом. Например, йоркширцы гордились тем «свойством» своего крикета, что победу региональной команде могли приносить только «коренные йоркширцы» (с конца XIX в. и до 1992 г. игроками команд могли быть, за редким исключением, только уроженцы графства).¹⁷⁴

Спорт сегодня становится социальным люфтом и способом конструирования новой иерархии. Престиж данной профессии очень высок в обществе, и спортсмены, покинувшие локальные клубы, могут восприниматься местным спортивным сообществом как герои своего времени, сумевшие, несмотря на свое низкое положение, но благодаря талантам (в глазах локальных сообществ — «истинно» йоркширским, ньюкаслским, ливерпульским и пр.), добиться высшего признания.¹⁷⁵ Именно так случилось с сэром Робертом Робсоном,¹⁷⁶ одним из знаменитейших игроков и тренеров различных клубов и сборных, получившим рыцарский титул и входившим в Зал славы.¹⁷⁷ Во время полевого сезона 2011 г. в поезде, следующем из Сандерленда в Ньюкасл,

фанат ФК «Ньюкасл» из Хартлепула вручил мне автобиографическую книгу Робсона «почитать, а потом обязательно передать другому, и так далее» со словами: «Это легенда, это великий человек. Он с нашего Северо-Востока, кумир для всех фанатов Севера и вообще Англии. Он из семьи простых рабочих, а столько сделал... Настоящий северянин. Он эту книгу сам написал, представляете? Голова!».¹⁷⁸

Не менее показательным персонажем является знаменитый игрок «Манчестер Юнайтед» сэр Роберт Чарльтон, кумир для нескольких поколений англичан Северо-Запада. Среди выдающихся манчестерцев называют также игроков «Манчестер Юнайтед» Дениса Лоу и Джорджа Беста (известных даже тем, кто далек от футбола и фанатской культуры).¹⁷⁹ Возле знаменитого «театра мечты», манчестерского стадиона «Олд Траффорд», установлен памятник этой «великой троице».

Однако разные виды спорта имеют различное значение. До 1960-х гг. футболисты не были теми, кого сегодня принято называть «звездами» (с оторванностью от своих локальных корней, нескромным образом жизни и пр.), но с начала 1970-х гг. разрыв между игроками и болельщиками стал увеличиваться, чего нельзя сказать о регбилиге, который по сравнению с футболом воспринимается «народным спортом», «тесно связанным с жизнью локального сообщества».¹⁸⁰ По трактовке болельщиков, регбилиг является более «человечным», «интеллектуальным» видом спорта, «прекрасно подходящим для семейного отдыха». В ходу поговорка: «Футбол — это джентльменская игра для хулиганов, а регбилиг — хулиганская игра для джентльменов».¹⁸¹

Со спортом связаны и классовые трения, а также противостояние Севера и Юга. Это проявлялось в соперничестве йоркширского крикета и клубов южных графств, особенно с бастионом привилегированности Юга — клубом «Мэрилбон», базирующимся на стадионе «Лордс», «крикетном доме» всей Британии.¹⁸² Йоркширцы иногда сравнивают обеспечение обоих клубов в пользу Лордса, употребляя выражение на индусском сленге “*pukka seats*” (лучшие места), чтобы подчеркнуть привилегированное положение «колонизаторов».¹⁸³ Часть исследователей считает, что спортивные победы и «энергичный антиметрополитанизм» йоркширцев являлись залогом формирования общей, «межсубрегиональной», северной идентичности.¹⁸⁴

Рис 1. Карта Великобритании, русифицированная, исправленная.

Источник: The Rough Guide to England 8 / R. Andrews, J. Brown ,
Ph. Lee, R. Humphreys (eds.). N. -Y., 2008.

Приложение 1

Рис. 2. Карта Северной Англии, русифицированная, исправленная и дополненная.

Источник: Russell D. Looking North: Northern England and the National Imagination. Manchester, N.-Y., 2004.

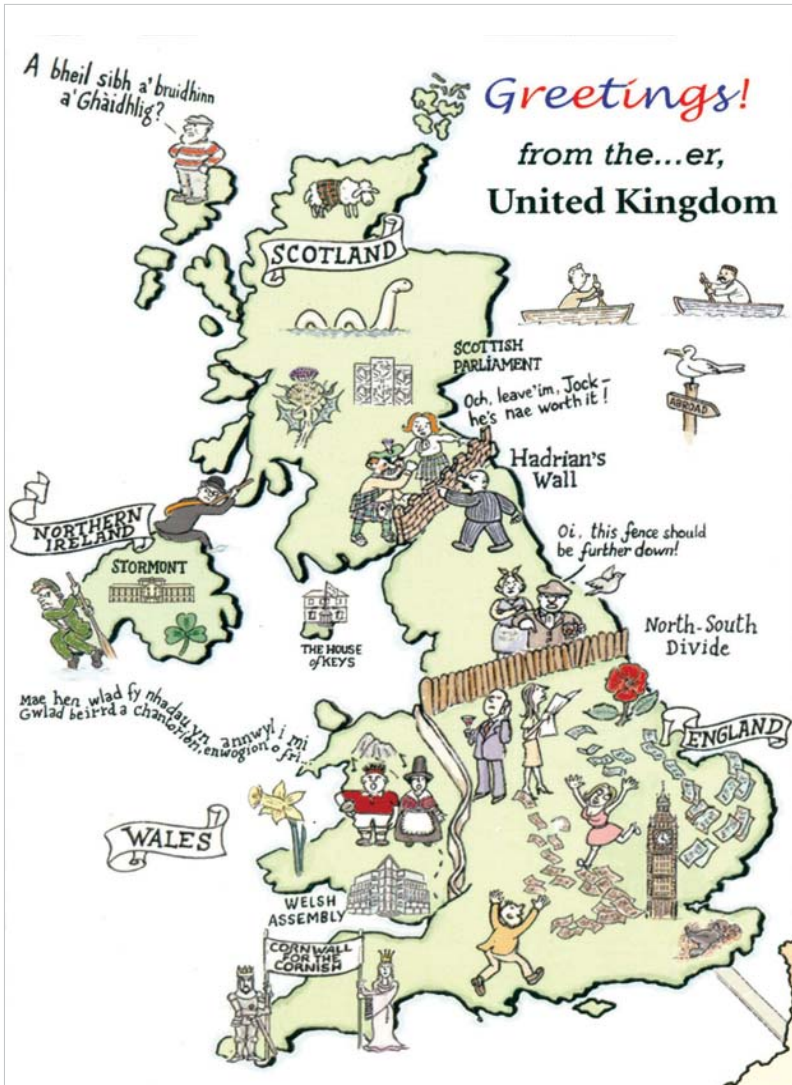

Рис. 3. Туристический проект «Что значит быть британцем»
М. Форда и П. Легона.

Источник: Ford M., Legon P. The How to be British Collection. L., 2003 (сборник иллюстрированных плакатов с комментариями, широко распространяющийся в розничных сетях Англии).

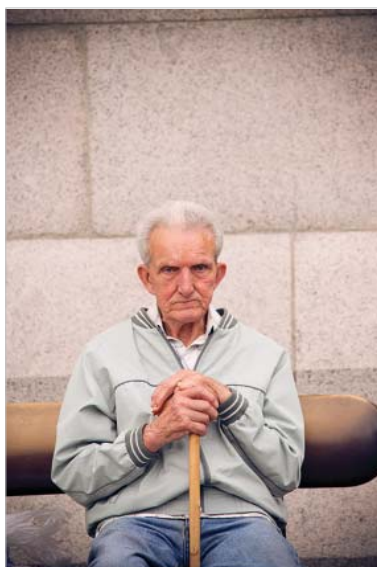
Приложение 2

В современной этнофотографии все активнее используется подход индивидуальной биографии. Фотобиографии, как персональные истории, отражающие коллективные события, качества и свойства. На основе «остановленных мгновений» нашего общения, интервьюирования и наблюдения были составлены фотосерии о современных англичанах и английскости.

До середины XX в. Англия являлась центром уникальной по своей мощи системы — Британской империи, являющейся для англичан олицетворением величия и процветания. Сегодня Англия в составе Соединенного Королевства — это разноликое сообщество, включающее в себя как жителей метрополии, так и выходцев из бывших колоний. Что в этом сегодняшняя английскость? В чем состоят ценности прошлого и каковы цели будущего? Пытаясь ответить на эти вопросы, англичане стремятся почувствовать себя частью общности, которая обеспечит им ценностную ориентацию в динамичном мире и защитит от невзгод.

Карибец у Музея Имперской войны. Лондон

Ветеран II Мировой войны, площадь Трафальгар. Лондон

Англия — наследница Британской империи

Символ имперского величия и капиталистического успеха — мост Тауэр. Лондон

*«Капитализм не работает».
Забастовка на площади Парламента, у Биг-Бена. Лондон*

Приложение 2

Респектабельный район Вест-Энд, Лондон

Черный квартал. Ист-Энд, Лондон

Англия — наследница Британской империи

*Англиканская церковь, англичанин.
Амсбери, Южная Англия*

*Болезьщик-пакистанец.
Хаддерсфилд, Йоркшир*

*Смотритель церкви, англичанин.
Амсбери, Южная Англия*

*Коренные жители Лондона.
Молодая пакистанка*

Приложение 2

*Коренная жительница Лондона.
Карибка. Ист-Энд*

*Юный англичанин.
Амсбери, Южная Англия*

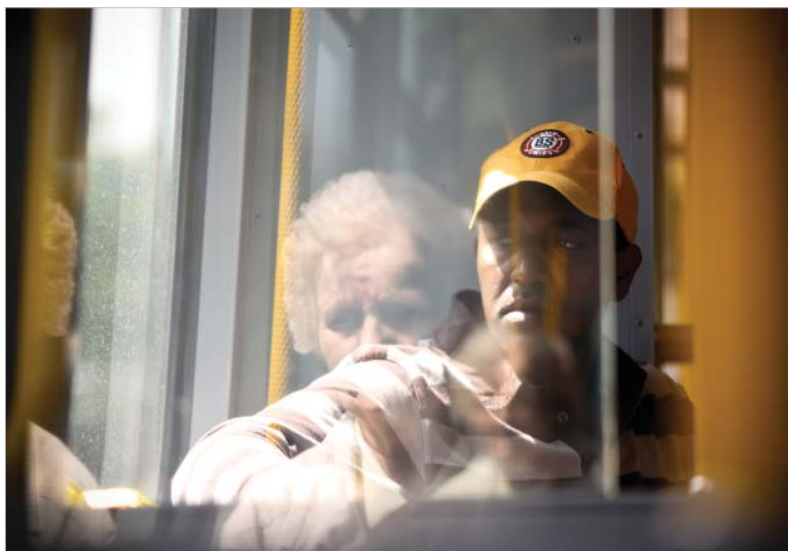

Старое кладбище, Амсбэри, Южная Англия

Англия — наследница Британской империи

У станции Кольцевая Вестминстер. Лондон

Поезд на Ньюкасл. Англичанка и карибец

Приложение 2

Эти фотографии — о территории, входящей в географическое и культурное понятие «Северная Англия», о территории, остро чувствующей свое отличие от Юга и Лондона. 3 северных региона, 7 исторических графств, здесь проживает около трети населения Англии, и регион обладает выраженным самосознанием (на Северо-Востоке дело доходило до референдума об ассамблее). Север — флагман индустриализма в Великобритании, а ныне постиндустриальный «зал ожидания». Во времена правления М. Тэтчер в 1980-е гг. большая часть производства была приватизирована, на фоне окончания холодной войны и конкуренции со стороны Юго-Восточной Азии экономика региона пришла в упадок. Тысячи людей оказались в ситуации глубокой протрации. Отдельные попытки правительства создать условия для регенерации регионов существенно не исправили ситуацию. Близ Ньюкасла с тех пор стоит монумент «Ангел Севера», ставший для Северо-Востока символом славного прошлого и пока еще туманного будущего. Здесь мы покажем Северную Англию — какой ее видят северяне, и какой увидели ее мы: край рабочего человека, холодов и открытых пространств, индустрии и городов, заводов и портов, территория самобытной культуры, уникальных исторических памятников, андеграундной молодежной культуры и мультикультурализма.

*Ангел Севера.
Скульптор Э. Гормлей хотел создать ощущение объятий. Ньюкасл*

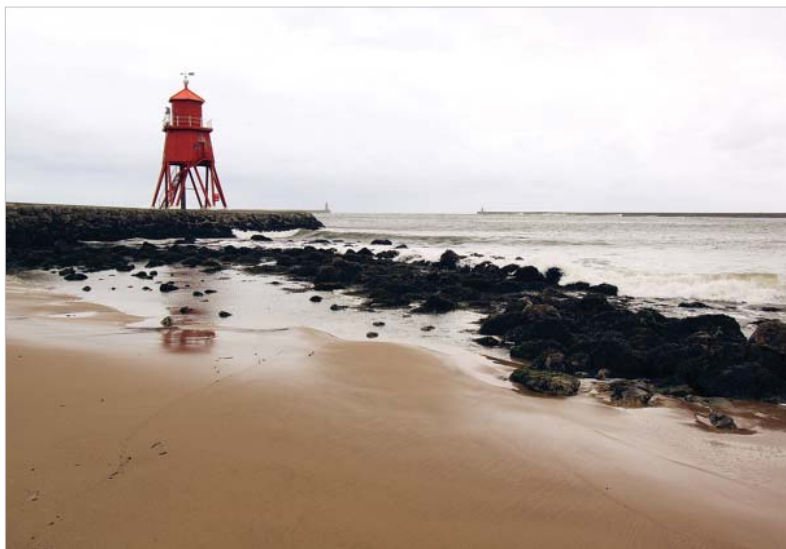

Озерный край — жемчужина Севера, Кумбрия, Северо-Запад Англии

Северное море. Близ этих скал в VIII в. высаживались викинги и покоряли Британию

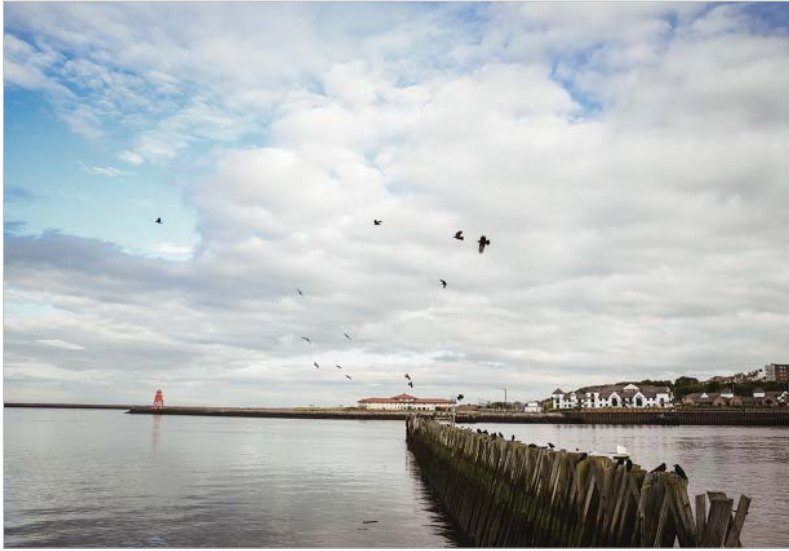
Приложение 2

Маяк в Саут-Шилдс, Ньюкасл

Рокер-сайд — излюбленное место отдыха. Сандерленд

Волнорезы в гавани Норт-Шилдса, Ньюкасл

Рокер-сайд — Ракушечный промысел

Приложение 2

*Церковь Св. Петра (674 г.).
Сандерленд*

*Монумент в честь Дж. Лэмб-
тона, первого графа Дарема*

Йоркский собор

*Йоркский собор.
Внутреннее убранство*

Завод по производству пива. Ливерпуль

*«Стадион Света» вместимостью 49 тыс. зрителей
полон каждую субботу. Сандерленд (170 тыс. жителей)*

Приложение 2

Пабы собирают северян всех возрастов и профессий. Сандерленд

Двор. Ньюкасл

Маяк Рокер. Когда-то через него проходили все корабли в гавань. Сандерленд

Устье реки Уир. Сандерленд

Приложение 2

Бывший кораблестроитель, ныне рыбак Джон. Сандерленд

Юный болельщик ФК «Сандерленд», помощник рыбака. Сандерленд

«Ангел Севера»: молодежь Сандерленда — его главные надежда и разочарование

Бывшие кораблестроительные, ныне ремонтные доки. Сандерленд

Приложение 2

*Помощник яхтсмена,
бывший угольщик. Сандерленд*

*Рыбак, бывший моряк.
Сандерленд*

*Паб «Smugglers» собирает местных любителей моря,
музыки и пива. Сандерленд*

Англичане за «разговором». Сандерленд

Фолк и его слушатели. Сандерленд

Приложение 2

*Реконструированный паб
в Норт-Шилдсе*

*Монумент в Сандерленде, часть
программы по восстановлению*

Портовые доки после деиндустриализации. Ливерпуль

*Ньюкасл — когда-то город угля и кораблей,
а сейчас услуг и развлечений*

Улицы Манчестера, развлекательный центр

Приложение 2

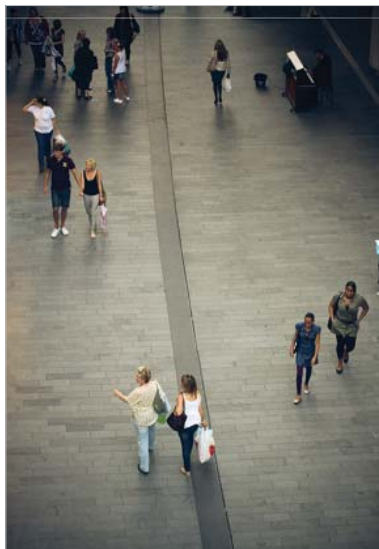
Памятник футболисту-победителю. Манчестер

*Мост Миллениум, Гейтсхед, Ньюкасл.
Местные уверены, что он лучше лондонского Миллениума*

Бизнес-центр Манчестера

Один из торговых центров, появившихся в 1990-е гг. Манчестер

*«И на шестой день Бог создал Манчестер...».
Место, связанное с историей движения «Madchester» и андеграундом*

Приложение 2

Бывший угольщик. Бредфорд

*Бывшие промобъекты — элитные
апартаменты. Манчестер*

Бывшие текстильные фабрики. Салфорд, Манчестер

Молодежь Манчестера

Школьницы Манчестера

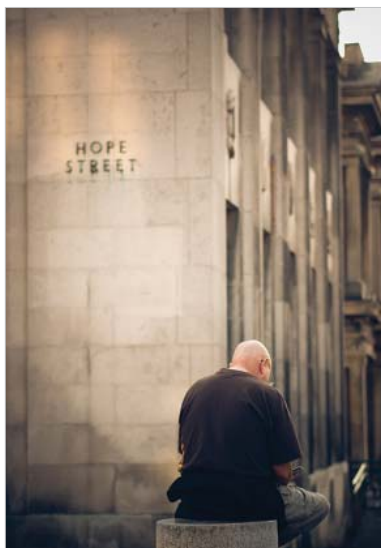
Приложение 2

Безработица. Манчестер

На улицах городов Севера опасно. Манчестер

Улица Надежды. Ливерпуль

Художник и битломан. Ливерпуль

Футбольные фанаты, матч «Сандерленд-Челси». Сандерленд

Приложение 2

Говорят, что истинная любовь северян к футболу проявляется на уровне локальных клубов. Болельщик ФК «Ньюкасл»

Но и национальной сборной многое посвящено в душе северянина. Сандерленд

Северяне считают себя самыми открытыми и дружелюбными из всех англичан. Дарем

Джек, сын рыбака, ихтиолог. Хартлепул

Приложение 2

Северянам приятно считать себя свободными в самовыражении

*Домашний питомец — близкий друг и родственник.
Распространена даже профессия устроителя собачих свадеб*

Северяне тщательно охраняют общественное и индивидуальное пространство

Власть над традициями по-прежнему стараются удерживать церковь и аристократия

Приложение 2

Завсегдатаи паба. Ньюкасл

*Музыкант, студент
Университета Дарема*

Северяне берегут традиции и верят в инновации

Олдем (в частности его район Глодвик) в Большом Манчестере является красочной иллюстрацией проблем мультикультурализма. Город хорошо известен всей стране не только потому, что в 2001 г. здесь произошли сильнейшие беспорядки на этно-расовой почве, но и потому, что данная территория является одной из самой разделенных в этническом отношении. Иммигранты из Пакистана и Бангладеш, прибывавшие сюда в 1960-1970 гг. в качестве рабочих ночных смен фабрик (куда местные жители не хотели идти работать), вместо того, чтобы ждать строительства муниципальных домов для своих семей, строили дешевое жилье в отдельных районах (где им разрешало правительство). Население росло за счет высокой рождаемости и дополнительной иммиграции, и в результате возникли густонаселенные этнические «гетто». Когда в 1980-90-х гг. фабрики закрылись, иммигранты не смогли переселиться в другие места, т.к. уже привыкли к проживанию здесь, не имели другой квалификации и достаточных знаний языка (особенно жены рабочих). Эти дома никто не покупал из-за их некомфортальности и близости к мусульманским общинам: несмотря на отдельные попытки городского совета модернизировать жилье никто из белого населения не желал здесь жить.

Приложение 2

В Глудвиге распространены магазины этнической одежды

Заброшенные церкви и административные здания мусульмане занимают под мечети. Олдем, Манчестер

Салия, бангладешка по крови, родилась и выросла в Британии

Студентки, британские мусульманки. Олдем, Манчестер

Радикализирующаяся исламская молодежь

Обычный вид жителя Гловвига, Манчестер

Приложение 2

Подчас в Англии более патриотичны не ее коренные жители

На экскурсии в англиканском соборе. Ливерпуль, Северо-Запад

На службе в церкви. Сандерленд, Северо-Восток

*Пакистанка с подругами
на прогулке. Озерный край*

*Индуска, живущая в Англии
с 1959 г. Манчестер*

Карибец в деловом квартале. Ливерпуль

Приложение 2

Участники благотворительного марафона. Манчестер

Учитель истории на пенсии. Манчестер

Жители рабочего района Салфорда. Манчестер

Сходное значение имеет «Уэмбли» для футбольного сообщества. Исходя из того, что стадион находится в Лондоне, большинство лондонских команд, по мнению северян, «этого не заслуживающих» и «способных только создавать холодную атмосферу»,¹⁸⁵ проводили домашние матчи там. В 1990-е гг. в обществе возникли дебаты по поводу переноса национального стадиона, например, в Ливерпуль, где стадион мог иметь большее количество мест и пр.; решение оставить все как есть в реконструированном «Уэмбли» еще более закрепило разделение Севера и Юга.¹⁸⁶

Противостояние Севера и Юга заметно и на уровне национальной команды. Как заявлял один из информантов, национальная команда, базирующаяся в Лондоне, неизбежно ассоциируется с Югом и правительством, «при попустительстве и целенаправленной политике которого северная экономика пришла в упадок»; «молодые фанаты Ньюкасла демонстрируют равнодушие и показательное игнорирование национального футбола и “их” сборной Англии».¹⁸⁷ Одна из болельщиц Ланкашира заявила, что не болеет за национальную сборную, и «даже если бы и болела, то за Уэльс, он хотя бы ближе».¹⁸⁸ Э. и Д. Бримсоны, авторы культовых книг о футболе, рассуждая о тотальной «любобной связи» фанатов с клубами, приводят слова фаната: «Клуб принадлежит мне, в нем все мои надежды и мечты... Болеть за национальную сборную — совсем другое дело, ведь она не принадлежит нам».¹⁸⁹ Завсегдатай паба Сандерленда сказал: «Истинная страсть англичан к футболу проявляется на уровне клубов. Сборная деградирует просто потому, что мы уже не гордимся ею. Все это заполонили предприниматели, спонсоры, они интересуются только выгодой...».¹⁹⁰ Есть, правда, и другие мнения: «Я родился в Лондоне, и английская сборная — мастера игры, представляющие страну во всем ее многообразии, поэтому сборную поддерживают все этносы Англии, не только англичане».¹⁹¹

Впрочем, южане также враждебны по отношению к северянам. Например, болельщики «Вест Хэм Юнайтед» встречали фанатов «Ливерпуля» речевкой: «Социальные службы вообще в курсе, что вы тут?»¹⁹² Лондонец Э. Криссел оценивает регби-лиг как игру «для обезьяноподобных существ, за которой наблюдают мрачные мужчины в матерчатых кепках».¹⁹³

Таким образом, во главе профессионального спорта, часто базировавшегося на Юге, исторически стояли представители

среднего класса, индустриальная и торговая элита, в то время как любительский, часто северный, спорт в основе своей был рабочим. Развитие спорта и северной идентичности связано не столько с идеями разделения Севера и Юга, сколько с противостоянием социальных классов, а также с идеями разделения «ближнего» и «дальнего» Севера, внутренними прениями и конфликтами между северными графствами, видами спорта и отдельными индивидуумами. Объединение на основе спортивной культуры и коллективной спортивной истории во многом является для Севера «заменителем» других объединяющих факторов.

§ 3.7. Дискурс североанглийскости в литературе, кинематографе, телевидении, музыке

В период с середины XX в. и до настоящего времени выразителями северной идентичности являлись в основном авторы региональной литературы, музыки, кино и телевизионных сериалов. Как пишут Л. Кастел и Дж. Уолтон, региональные идентичности являются дискурсивными производными коллективных изобретений и традиций (в том числе обновленных), производными образа жизни населения региона.¹⁹⁴ Действительно, большинство северян узнают свой регион не через собственный опыт (поскольку путешествуют в рамках Северного региона редко), а посредством готовых сконструированных (подчас вымышленных) версий, с которыми они встречаются в поле культуры.

Структура раздела обусловлена историческими реалиями. Открывается он обзором дискурса идентичности в литературе, хоть и являющейся основой для других жанровых форм региональной культуры, но все же сегодня значительно уступающей по силе воздействия на аудиторию кинематографу, а также телевидению, музыке. Последние являются, на наш взгляд, наиболее выразительными площадками развития идентичности и презентации региональных образов.

§ 3.7.1. Идентичность, региональный роман и литература на диалектах

Под региональной литературой мы понимаем литературу, написанную в определенной местности и отражающую географию и культуру региона.¹⁹⁵ В качестве участников дискурса рассматриваем в первую очередь авторов с высокой степенью

популярности — представителей художественной массовой литературы. Подъем региональной литературы, особенно художественной, приходится на период экономического ренессанса 1950–1960-х гг., ознаменовавшийся появлением такого произведения, как «Рассерженные молодые мужчины» (*Angry Young Man*).¹⁹⁶ Последующий всплеск в 1980-х — начале 2000-х гг. связан с реакцией северного общества на политику М. Тэтчер и ее агрессивное игнорирование проблем Севера, а также с последующими глобальными экономическими и социальными проблемами.¹⁹⁷

Региональный роман применительно к XX в. обычно ассоциируется с эстетикой реализма и традицией прямого нарратива, а также с массовым рынком и женщинами в качестве как авторов, так и основных читателей.¹⁹⁸ По этим причинам до недавнего времени региональная литература занимала маргинальные позиции в общем культурном дискурсе. Истоки и сущность северной литературы, ориентированной, по словам Ф. Додда, на выходцев из рабочего класса,¹⁹⁹ оцениваются обществом по-разному. Сегодня со страниц книг все чаще веет ностальгией по разрушенной или разрушающейся культуре рабочей общины.

Как считает большинство, в рамках всей страны существует дискриминация Севера. Р. Уильямс, например, писал: «Жизнь людей некоторых значимых регионов считается нормой (Лондон и окружающие графства. — *Прим. авт.*), в то время как жизнь людей других регионов, точно так же хорошо представленных, считается региональной», где «региональный» — синоним «провинциального».²⁰⁰ Ф. Масгров уверен, что причиной этому являются объективные обстоятельства: все произошло из-за «прагматичного и милитаризованного северного характера», а также «тяжелой экономической ситуации в доиндустриальную эпоху», когда сложились «ужасные» условия для развития интеллектуальной жизни, хотя Север и являлся «кузницей научно-технических изобретений империи».²⁰¹ А. Эштон и С. Робертс указывают, что изменение общей социально-политической и экономической обстановки, новые образовательные возможности с 1950-х гг.²⁰² положительно преобразовали эту среду.²⁰³ Наиболее ярко северная литература представлена жанрами регионального романа и вообще литературой на диалектах.

Что понимается под термином «региональный роман» (*regional novel, saga*)? Считается, что этот жанр является общеевропейским феноменом XIX в. — времени появления регионализма как политической силы в некоторых европейских государствах.²⁰⁴ К. Снелл пишет о нескольких присущих региональному роману чертах: четкая постановка вопроса о месте, где разворачиваются события романа; отражение образа места; описание жизни и культуры региона; обращение к локальной географии и топографии посредством выстраивания содержательных диалогов с использованием диалектной речи и пр.²⁰⁵ Некоторые авторы считают региональный роман «деревенским жанром».²⁰⁶ Во второй половине XX в. авторы все чаще обращаются к описанию жизни в пределах урбанистического пространства.²⁰⁷ Желая подчеркнуть урбанистическую природу жанра, Д. Рассел предпочитает употреблять термин «индустриальный роман».²⁰⁸ Однако и сегодня множество северных писателей ищет вдохновения в сельских пейзажах и образе жизни (например, М. Брегг). И хотя эта литература отражает множество стереотипных образов Севера, она значительно более «истинно северная», на взгляд А. Хейвуда, чем классический индустриальный роман — как, например, знаменитые «Север и Юг» Э. Гаскелл 1855 г. или «Тяжелые времена» Ч. Диккенса 1854 г., благодаря образам индустриального Севера которых многие до сих пор видят, например, Престон таким, каким его создал Диккенс.²⁰⁹ Исследователь Ф. Додд в этой же связи обозначил современное культурное северное пространство в качестве термина «Лоури-град» (*Lowryscape*), по имени знаменитого индустриального художника («Диккенса от искусства»)²¹⁰.

Еще одной особенностью северной литературы является специфика паттернов литературной географии. Налицо доминирование определенных графств (сюжетное место, происхождение автора): как указывает К. Снелл, на протяжении 1800–2000-х гг. 70 % авторов семи северных графств были выходцами и/или жителями Ланкашира и Йоркшира.²¹¹ «Дальний Север» (Северо-Восток) как в литературном, так и в других культурных полях получает развитие во второй половине XX в. (особое значение имеют произведения, например, К. Куксон, доход от продаж новеллы «Кейт Ханиган» которой к концу 1990-х гг. составил 100 млн фунтов²¹²), но все равно проигрывает в сравнении с Йоркширом и Ланкаширом.²¹³

В 1950–1980-е гг. в литературе наметились тенденции, сохраняющиеся до сих пор: обращаясь к индустриальному и особенно городскому роману, авторов трудно «подловить на приверженности к регионализму», скорее на первый план выходят «чистые городские структуры Севера», но «северная литература по-прежнему остается географическим понятием» (имеются в виду такие романы, как, например, «Юнион Стрит» (*Union Street*) П. Баркера 1982 г. или «Под месяцем» (*Under a Thin Moon*) Л. Майкл 1992 г.).²¹⁴

К концу XX в. авторы обращаются к описанию конкретных проблем (межэтнические взаимоотношения, футбол, социальное и личное одиночество, гендерное неравенство и др.), повседневности и окончательно отходят от нормальной для предыдущего периода региональной генерализации. Наряду с традиционными для Севера темами борьбы женщин с тяжелыми жизненными обстоятельствами все больше начинают писать о моде, семейных взаимоотношениях (множество произведений написано и на нейтральные в сексистском отношении темы). Центральная фигура женских романов — уже не столько сильная и доминантная женщина (что характерно было для литературы до 1970-х гг.²¹⁵), сколько женщина, пытающаяся сохранить семью и профессиональные позиции на фоне персональной и социальной драмы (яркая иллюстрация — работы К. Куксон).

Сегодня региональная литература Севера становится более свободной от традиционных образов, более космополитичной, глобализированной, универсальной, «другой» по отношению к самой себе. Среди тем в литературе преобладают следующие: секс, брак, социальная и географическая мобильность, преступление и другие отклонения от социальной нормы.²¹⁶ Наряду с оставшимися «реликтами» сексуального пуританизма и психологии рабочего класса такого рода культурные изменения являются индикатором социальной атмосферы (рост преступности, ранней беременности и пр.).²¹⁷

Важной частью литературы Севера является литература, созданная с использованием диалектов. П. Джойс считает, что она была значима для Севера из-за особого сочетания экономических и социальных условий: сплывали и провоцировали на самовыражение неурядицы, сильная монолитная община «класса

неравных возможностей», впитавшая в себя культуру устного рассказа, существовавшую здесь до этого.²¹⁸

Первый подъем литературы на диалектах относят к 1850-60-м гг. Затем она начинает терять свои позиции. Д. Рассел приводит в пример журнал *Clock Almanack*, в 1931 г. издававшийся тиражом в 75 тыс. экземпляров, а также несколько изданий (местных газет), выходивших большими тиражами до конца 1950-х гг. Упадок литературы на диалектах принято отсчитывать с 1950-х гг. — времени символического закрытия журнала в 1956 г. С 1980-х гг. эта литература, некогда являющаяся наиболее популярной культурной формой на Севере, и вовсе изживает себя, уступая место практикам разговорного общения, кино, театру (особенно стендап-комедиям и ситкомам, мыльным операм), которые стали сегодня основным рупором северной идентичности.²¹⁹

Как пишет Б. Медмент, на Севере XX–XXI вв. широко разворачивают свою деятельность памфлетисты и другие литераторы, «стремящиеся сохранить викторианскую бардовую традицию даже в постиндустриальном Манчестере».²²⁰ В комедии перекочевали такие персонажи диалектной литературы, как бранящиеся жены и мужья, острые на язык женщины, мудрые дядюшки, «милые мальчики» и др. Популярность и постоянное обращение сообщества к диалектной литературе является отчасти следствием тотальной ностальгии и желания заново обрести идентичность.

Как и во всем в Англии, с диалектной литературой тесно связана тема класса. П. Джойс утверждает, что диалекты и диалектная литература традиционно считаются феноменами, возникшими в культуре рабочего класса, тогда как многие авторы принадлежат к среднему и высшему классам.²²¹ Зачастую интерес с их стороны объяснялся интересом к древностям, истории региона и фольку.²²² Большая часть писателей из среднего класса стали обращаться к подобной деятельности и в силу потери своих лидирующих позиций в социальной и культурной областях: чаще они занимались поэзией, а не комедийной прозой, тогда как последнее явно относилось к популярной, рабочей традиции. Исходя из этого, представители рабочего класса также вынуждены были менять тематику собственных произведений на более универсальную.²²³

Классовые различия стирались и на фоне бурных процессов нацистроительства и желания местного сообщества сохранить уникальные язык и культуру Севера.²²⁴ Доминирование нормативного английского в литературе на национальном уровне приводило к тому, что авторы литературы на диалектах все чаще склонялись к комедийным и мелодраматическим жанрам.²²⁵ Например, в одной из книг в качестве иллюстрации использовалось изображение дорожного V-знака в красном треугольнике (поднятые указательный и средний палец ладони, повернутой к зрителю тыльной стороной, ассоциируются с сильнейшим ругательством) с подписью «Ланкашир приветствует водителей с Юга».²²⁶ Такое использование диалектных оборотов / знаков подвергается критике со стороны исследователей диалектов в Англии, так как, по их мнению, это приводит к девальвации наследия региональных культур в Англии.²²⁷

Что касается географических паттернов, то на протяжении истории существования литературы на диалектах среди писателей существовало разделение на «ближний» и «дальний» Север (в первую очередь из-за подчас сильной разницы диалектов, а также культурной и социальной обстановки). Единственным объединяющим фактором становились культура рабочего класса, индустриальный триумф и антиметропольные настроения.²²⁸ В произведении о диалектах Ланкашира Д. Даттон описывает «Ланкашир, который я люблю»: тесное сообщество террасных домов, традиционное производство, традиционные пабы и другие «северные ломти», которые пытаются «заграбастать» лондонские и европейские бюрократы. И хотя столица благодаря своему архитектурному и культурному облику вызывала множество положительных эмоций, лондонцы и южане в диалектной литературе выступали, как правило, отрицательными или нелепыми персонажами.²²⁹ Однако отношения Севера и Юга в диалектной литературе никогда не выражались просто противостоянием. Наоборот, многие северные авторы использовали произведения, в которых рьяно порицалось все лондонское, в качестве иллюстрации и сатиры на ограниченность провинциального человека.²³⁰

Таким образом, при характеристике дискурса североанглийскости в литературе мы обращаемся к таким актуальным для историко-культурного наследия Севера жанрам региональной

литературы, как региональный и индустриальный роман, и вообще к литературе, созданной с использованием диалектов. Несмотря на то, что эти направления стремительно изживают себя, они (благодаря тому, что стали основой кино, телевидения Севера) являются фундаментом и рупором идентичности северян.

§ 3.7.2. Тревел-литература о Севере

Тревел-литература (и ее эквиваленты на радио, телевидении, в кино) составляет весомую часть дискурса идентичности, которую можно обозначить словосочетанием «взгляд туриста» (говоря словами Дж. Арри).²³¹ Посещающие регион оказываются под большим влиянием такой литературы — посредством обращения к готовым описаниям. Подобная литература, претендующая на достоверность и исключительность, но обладающая на самом деле квазинаучным статусом, на протяжении своего существования оказала большее влияние на дискурс идентичности, чем любой другой жанр науки или искусства. Как писал А. Осби, тревел-литература сформировала «привычку рассматривать определенные явления под определенным углом (как отражающим реальность, так и искажающим его)».²³² В этом заключается ее сила и значение.

Многие исследователи уверены, что внешний дискурс идентичности (в национальной, а не северной туристической литературе) возник раньше и оказал большее влияние на североанглийскость, чем внутренний.²³³ Национальная туристическая литература до 1970-х гг. фокусируется на «достопримечательностях» в основном Юго-Востока, Корнуолла, Девона, «шекспировской Англии» и пр., избегая обращения к Северу Англии.²³⁴ И только в 1970–1980-е гг. вместе с развитием индустриальной археологии и туризма возрос интерес общественности к проблематике Севера. В предисловии к изданному в 1980 г. туристическому гиду по графству Дарем редактор назвал его регионом, чье значение замалчивалось.²³⁵ Но в гид 2000 г. по «сливкам Британии» из северных объектов были включены опять только Озерный край и Йоркшир.²³⁶ В издании 2006 г. уже рассматривались Манчестер, Ливерпуль, отдельные районы Ланкашира, Ньюкасл и Дарем Северо-Востока.²³⁷

Вторичное положение Севера по отношению к Югу (точнее, Юго-Востоку и Лондону) очевидно из анализа туристической

литературы (Рассел называет подобные явления «смещением культурного баланса в сторону Юга», «перспективой метрополии» в дискурсе).²³⁸ Последнее связано во многом с экономическими причинами (путешествовать по Северу достаточно неудобно в плане инфраструктуры), а также из-за локализации на юге издательств. Кроме того, туристические маршруты начинаются со столицы, где зачастую проживают их авторы (окончание пути Б. Пристли в своей знаменитой книге обозначил фразой «наконец я дома»²³⁹), и таким образом дискурс получает свое направление, обозначая «хозяев». В произведениях южан в прошлом и современности Север предстает «чужим», «странным», «далеким», «почти иностранным».²⁴⁰

Как писала К. Брейс, с конца XIX в. и вплоть до современного периода Север презентовался посредством представления трех категорий «достопримечательностей» — исторические памятники, природные места и выдающиеся северяне (литература, искусство, техника).²⁴¹ Уровень же интереса к Северу различался в зависимости от эпохи.

Дж. Урри, например, пишет, что в литературе XIX и первой половины XX вв. не содержится развернутых сведений о регионе, так как «многие полагали, что на Севере, за исключением визитов монархов и отдельных всплесков производственного успеха, не происходило ничего интересного».²⁴² До 1960-х гг. Север практически не рассматривался в качестве региона с самобытной идентичностью. Д. Хорн писал, что «для английских снобов символами английскости являлись сельские, природные памятники и исторические объекты — этого же они искали и на Севере».²⁴³ Даже те его феномены, которые не вписывались в южную концепцию идентичности, все равно считались английскими (или «неудачными» вариантами английского).²⁴⁴ Однако тогда и сегодня для авторов тревел-литературы со сдержанного Юга путешествие на Север, как, впрочем, и в другие регионы, было сродни глотку свежего воздуха (еще знаменитый писатель-путешественник П. Мэс вслед за Пристли писал о «жесткой и суровой, но чрезвычайно вдохновляющей земле»)²⁴⁵ Север был «другим» для Юга, позволяющим ощутить свою уникальность и способствующим подъему идентичности.²⁴⁶

Север версии «модерн» стал интересен авторам конца XIX–XX вв. — в основном после дискуссии относительно аббатства

Кирксталл и его сохранения как реликта прошлого в стремительно индустриализировавшемся Лидсе.²⁴⁷ Если Север XIX в. воспевался как вотчина индустриального прогресса, то в начале XX в. появилась тревога по поводу сохранения английской глубинки под натиском индустриализации.²⁴⁸ В это время получила развитие концепция «Черной Англии» (*Black England*) как ссылка на угледобычу, сталестроение, а также нарушенную экологию, разруху и упадок. «Черная Англия» стала именем нарицательным не только для индустриальных регионов, но и вообще северных городов (фраза имела особенную известность в 1920-е гг. и была важным элементом сельского, провинциалистского, антииндустриального дискурса — см. подробнее в Главе II).

Во второй половине XX в. многие авторы национальной туристической литературы пытались найти другой Север — полный открытых пространств, природных объектов, старинных аббатств, курортов и «другой» Англии. Ситуация изменилась: индустриализацию стали воспринимать более поэтично (как территорию классовой свободы, культурного бунта, рок-н-ролла). Внимание тревел-писателей переключилось и на природные объекты, курорты и лечебницы (не в последнюю очередь из-за развития автомобильного производства и инфраструктуры в стране). Например, Озерному краю в 1951 г. был присвоен статус заповедника, и к 1990-м гг. количество его посетивших приблизилось к 17 млн чел.²⁴⁹ И хотя в литературе о курортах продолжали писать о деградации культуры отдыха и вульгарной манере развлечения представителей рабочего класса («беспробудном пьянстве занятых пять дней в неделю тяжелым физическим трудом»²⁵⁰), все чаще появлялись высказывания, подобные свидетельству Т. Беннета: «Такие места, как Блэкпул, способствуют здоровому и позитивному отдыху северян и формированию идентичности, отличной от ограничительной и самоуничижительной южной метропольной английскости».²⁵¹ И несмотря на то, то в последние десятилетия индустриальные районы стали значительно чище и ухоженнее, предубежденность по отношению к ним сохраняется. Вопреки этому люди Севера во внешнем дискурсе представляются жителям других регионов и самим себе полными жизни, юмора, доброжелательными, разговорчивыми, «если с ними правильно вести беседу».²⁵²

Толчком к появлению собственной северной литературы (городской истории и локальной топографии на страницах местных краеведческих и исторических изданий) стали произведения Дж. Пристли и Г. Мортон.²⁵³ И хотя журнал *Dalesman* (к концу XX в. он имел примерно 300 тыс. читателей и подписчиков),²⁵⁴ а также такие издания, как *Cheshire Life*, *Lancashire Life*, *Cumbria and Lake District Magazine*, не являются в прямом смысле тревел-литературой, размещенные в них материалы по ландшафтам, сельской жизни и локальной истории вполне вписываются в эту категорию, дают богатую пищу для размышления потенциальному туристу. Среди авторов вышеупомянутых журналов, в отличие от южных, встречается множество женщин, например М. Хартли, Дж. Инжилбай, Л. Купер и др.²⁵⁵

Северные писатели повествовали о своем регионе примерно в той же манере, что и внешние авторы — акцентировали внимание на проблемах региона, связанных с индустриализмом и окружающей средой, и с восхищением говорили о его историко-культурном наследии и природном богатстве. Однако, безусловно, «субъективность» в их описаниях (выделение определенных феноменов) присутствует.

Как пишет Рассел, расцвет тревел-направления среди северных авторов приходится на период 1930–1970-х гг. и, за счет актуализации литературы прошлого, на 1990–2000-е гг.²⁵⁶ В 1930–1970-е гг. авторы пытались смотреть на Север не только через призму общей английской идентичности, но и показать самобытность и богатство региона, особенно его «сельских» граней.²⁵⁷ В это время сложилось некая тематическая дихотомия «сельское versus городское». Например, Э. Купер в своем дискурсивном произведении «Йоркшир. Вест-Райдинг» писал о существовании 500 ферм в районе Бредфорда, а также о «типичных долинах Вест-Райдинга, наполовину индустриальных и наполовину пасторальных».²⁵⁸ Безусловно, не только северяне наслаждались этой гармонией индустриального и сельского в региональном наследии, однако именно на Севере это проявлялось наиболее ярко. Здесь мог быть реализован, по словам Купера, «наиболее тонкий вариант провинциальной английскости, сочетающий в себе как особую любовь к сельским символам, так и уравновешенное отношение к городской среде — как традиции, так и инновации».²⁵⁹

В последние десятилетия XX в. данные тенденции среди авторов сохраняются, но энтузиазма и гордости за свой регион значительно поубавилось. Дж. Лофтхаус описывает Ланкашир после 1974 г. как территорию упадка, больше всего в стране пострадавшую от экономических неурядиц.²⁶⁰ В литературе появилась мода на описание преимущественно сельских объектов с небольшими вкраплениями объектов индустриальных (в качестве экзотических). Следующие строки иллюстрируют эти настроения: «По мнению большинства людей, Ланкашир — это до сих пор земля матерчатых кепок, дымящихся фабрик и заводов, мощеных улиц и террасных домов. Но в реальности экономические изменения последних лет сместили со сцены большинство из этих символов (за исключением, наверно, террасных домов, которые все еще являются весомой частью городских пейзажей). Заводы и трущобы почти исчезли, и вместо них появились различные приятные места».²⁶¹ «Насколько Север еще существует? И правы ли выкручивающие нам руки теоретики-культурологи, которые рассуждают о Британии как о совокупности одинаковых городков с неизменными “Товарами для тела”, “Коста-кофе” и книжными магазинами “Уотерстоун”?», — вопрошает С. Макоуни.²⁶² Далее автор предлагает свою версию: «Хорош он или плох, Север кое-что значит для англичан, откуда бы они ни были родом».²⁶³ Или: «Что означает быть северянином и почему в стране, которую легко утопить в одном из американских Великих озер, поездка протяженностью два с половиной часа из Лондона до Манчестера или Лидса до сих пор воспринимается как путешествие с пересечением часовых поясов, государственных границ и лингвистических и культурных барьеров?».²⁶⁴

В конце XX в. получили популярность такого рода издания, как сборник «острот и мудростей Севера» Р. Джарски, где автор устами различных северных реальных знаменитостей и вымышленных персонажей (высказывания героев популярных сериалов занимают чуть ли не большую часть книги) создает блестящий путеводитель по «северному образу жизни и юмору».²⁶⁵ Вот некоторые из них: «Мы в Манчестере — счастливы: наши дети могут сделать отличные бомбочки из дерьма» (Т. Вильсон); «Север — это другая страна, они там все делают по-другому» (Л. Хартли); «Это, прости господи, территория номер один для неприятных женщин с сильным характером» (Н. Клегг).²⁶⁶

Автор в данной работе ставит себе задачу определить, что такое Север: «Ты северянин, если считаешь, что Бирмингем — это Юг. Южане считают, что Бирмингем находится на Севере»; «Устав йоркширской крикетной команды гласит: если ты родился на Севере, ты северянин»; «У северян особое чувство юмора»; «Комедия — это Север. Северные комики не пытаются быть умнее или глупее нас, они просто такие же, как мы. Они говорят напрямую со зрителем».²⁶⁷ Или: «...Смысл северной культуры — в доброжелательности и диалектах».²⁶⁸

Зачастую для северян характерна негативная идентичность, или идентичность, основанная на стремлении ее преодолеть. Ч. Невин, к примеру, предлагает забыть и отказаться от набивших оскомину образов Севера, «составленных» Дж. Оруэллом и М. Пайтоном, как территории отвратительной погоды и угрюмых людей и вспомнить о том, что Ланкашир это земля романтизма, красивых и отзывчивых женщин, моды, надежды, свободы, юмора, превосходных комедиантов, развитых городов и пр.²⁶⁹ Для С. Эрмитэйджа Север — мрачное, но искреннее пространство (промежуточное между английским и кельтским миром), полное самобытной культуры, юмора, футбола, литературы, кино, музыки и пр. Его северяне — фигуры комические и трагические одновременно, дрейфующие в истории, не играющие никакой определенной роли в современности и не имеющие четкого представления о будущем.²⁷⁰

В целом в туристической литературе даются позитивные образы Севера, что связано с конкретными задачами дискурса (представить Англию во всей ее прекрасной полноте). Тревел-литература о Севере создается, как правило, с учетом позиций внешних туристов, зачастую утилитарных: дискурс контролируемый, и выборка субъективно иерархизирована, но все же она представляет ценность для понимания северной идентичности. Однако попытки отречься от негативных образов Севера, связанных с индустриализацией, на наш взгляд, приводят к забвению собственного культурного наследия, что в долгосрочной перспективе негативно сказывается на имидже региона и идентичности его жителей. Или, как заявил информант М. Чаудхари, «стыд за свой город, графство, страну еще никого не делал прекраснее».²⁷¹

*Основные категории наиболее значимых мест
Севера в тревел-литературе о регионе*

Категория	Общая характеристика	Примеры
<i>Исторические памятники</i>	Исторические города и поселения, замки, различные деревенские дома, религиозные и ритуальные сооружения	г. Йорк, Замок Говарда, Аббатство Фаунтайнс, Линдисфарн, Аббатство Риво, Вал Адриана, гавань Уитби и памятник капитану Куку
<i>Природные, загородные достопримечательности</i>	Прибрежная полоса, луга и вересковые пустоши, горы	Флеймборо-Хэд, р. Варф, озера в Озерном крае и окружающая гористая местность, холмы и пустоши
<i>Памятники литературы, кино, музыки, телевидения, спорта</i>	Места рождения, детства, проживания, творчества и пр. знаменитых авторов, места съемок кино и телепрограмм	Дав Коттедж в Грасмере, Хаворф Тинесайд, Эрнклифф в Йоркшир-Дейлс, окрестности Холлифа национального парка Пик-Дистрикт
<i>Городские, индустриальные памятники</i>	Большие города и индустриальные области, индустриальные музеи, обновленные индустриальные и коммерческие города	Индустриальная деревня Салтэйр, музейный комплекс Айронбриджа, Доки Альберта в Ливерпуле
<i>Места отдыха</i>	Морской пляж, минеральные воды, природные парки	Блэкпул, Уитби, Харрогэйт
<i>Выдающиеся северяне</i>	Литература, искусство, техника, спорт и пр.	Р. Стефенсон (техника), К. Куксон (литература), Р. Робсон (футбол)

Сказать определенно, каким образом тревел-литература влияет на восприятие Севера, трудно, но, безусловно, она оказывает влияние, в частности, на создание устойчивых клише и стереотипов. Анализ внутренней и внешней туристической литературы позволяет выделить несколько основных категорий значимых

«мест» Севера, пять его основных «версий», оказывающих влияние на формирование персональной идентичности северянина и образа Севера у представителей других регионов.

Таким образом, тревел-литература (и ее эквиваленты на радио, телевидении, в кино) составляет весомую часть дискурса идентичности, оказывает непосредственное влияние на развитие внутренних и внешних образов региона и создание устойчивых клише и стереотипов. Из анализа туристической литературы очевидно вторичное положение Севера по отношению к Юго-Востоку и Лондону. Развитие туризма «по-северному» (упор на индустриальное и урбанистическое наследие) также дистанцирует Север от других территорий Англии. В целом в туристической литературе даются позитивные образы Севера, что связано с задачами дискурса сделать Север туристически привлекательным. Среди северных авторов принято сомневаться в существовании Севера как самобытного явления и одновременно подвергать критике попытки обозревателей (южных, как правило) умалить степень выраженности северной идентичности.

§ 3.7.3. Экран и идентичность

Кинематограф и телевидение и рассматриваются нами совместно в силу общности стиля и способов воздействия на аудиторию, хотя они различно влияли на идентичность. Кино оказалось, по словам Р. Шилдс, гораздо более «югоцентристским» продуктом внешней «лондонско-центристкой политической власти», и его трудно называть рупором региональной идентичности.²⁷² Северяне в киноиндустрии, как правило, занимали нишу исполнителей, в то время как креативные группы располагались на юге (особенно это касается первой половины XX в.).²⁷³ Таким образом, исторически провинциальные территории, истории и диалекты никогда не являлись частью британского кинопроизводства, за исключением редких периодов «моды на Север». Изменение ситуации со студиями в последние двадцать лет, рост независимого сектора открыло «золотой» период кинематографической репрезентации Севера. Но такое кино составляет очень небольшую часть общего британского кинопроизводства.²⁷⁴

Периоды особого интереса к северной тематике в кино приходится на 1930-е, 1959–1963-е, 1980-е и с середины 1990-х гг. до сегодняшнего времени (последний период считается наиболее

успешным). Расцвет на национальном уровне регионального кино, как и других форм культуры, приходится на 1950–1960-е гг., с последующим стремительным переключением внимания общества на движение «Свингующий Лондон» и падением интереса к северной культуре в последующие два десятилетия. Затем кино Севера (особенно в Манчестере) вновь стало набирать силу (основная тематика — негативные последствия деиндустриализации).²⁷⁵ С 1980-х гг. по настоящее время лидирующие позиции в кинопроизводстве занимает также и Ливерпуль. В. Бол считает, что сегодня кинематограф представляет собой поле культуры, негативизирующее современное социальное, экономическое и культурное настоящее Севера больше других форм культуры.²⁷⁶

Среди кинодеятелей существует тенденция презентации Севера как места особого антропологического интереса — территории самобытной индустриальной культуры и культуры рабочего класса. Север на экране, как правило, имел свои географические и социальные пределы — картины вписывались в конкретные урбанистические, индустриальные регионы.²⁷⁷ Авторы фильмов помещают своих героев в показательные, стандартные и стереотипные условия, хорошо узнаваемые региональной аудиторией, — в города, подобные Блэкпулу в «Идем с песней» (1934), Бредфорду в «Билли — лжец» (1963), Ньюкаслу в «Убить Картера» (1971) и др. Как подчеркивает Р. Мерфи, «прелесть подобных фильмов состоит в том, что такие городки существуют в каждом северном графстве и среди его героев многие могут узнать себя или своих соседей».²⁷⁸ Дж. Ричардс отмечает, что ключевым центром киноисторий, помимо Лондона, становился Ланкашир, «графство с наиболее влиятельными и выразительными кинообразами».²⁷⁹

Дж. Вулридж пишет, что о Севере принято говорить и думать как об идее, а не реальности, произносимой с максимально аутентичными интонациями (диалектами и акцентами).²⁸⁰ Р. Шилдс обращает внимание на то, как в региональном кино дается упор на «пространственную власть и механизмы управления» посредством длинных планов северных ландшафтов и индустриальных территорий, введением характерных героев.²⁸¹ Дж. Халам в своем исследовании кино Севера говорит о «культурных идентичностях экономически маргинализированных

сообществ, вынужденных пересматривать свой опыт во имя продажи на глобальном рынке культуры и экономики» — во время и после деиндустриализации 1980–1990-х гг.²⁸²

Характеристикой северного кино является постоянное использование символов рабочей культуры Севера. Например, фильм «Мужской стриптиз» (1997) начинается с хроник начала 1970-х гг., в которых рассказывается о выдающемся положении Шеффилда, «сердца промышленной Англии». Затем демонстрируется сегодняшняя разруха на заводе, и действие открывают кадры с участием чудом уцелевшего рабочего духового оркестра, служащего символом живой, вибрирующей культуры Севера.²⁸³ Завод оказывается ностальгическим пространством, за которое цепляются главные герои в попытках обрести почву под ногами. В фильме рассматриваются также такие проблемы, как стремительная женская эмансипация, при которой мужчины чувствуют растерянность; ко всему прочему, их кризис идентичности усложняется невозможностью профессионально реализоваться, «быть мужчиной в полном смысле слова».²⁸⁴

Фильм-драма «Дело — труба» (1996) повествует о жизни духового оркестра рабочих шахт йоркширского моногородка, который борется с угрозой закрытия шахт и увольнения нескольких тысяч рабочих. Для главных героев труба и оркестр — это вся жизнь, последняя надежда: «Мы нужны людям. И пока не заглохнет шахта, мы будем играть». Устами героев северяне совершенно прямо выказывают и свое отношение к политическим элитам (Югу вообще). Перед попыткой самоубийства один из персонажей в церкви, во время детского праздника, восклицает: «Бога нет! Он забрал Джона Леннона, трех парней из шахты и даже подумывает о моем отце... а Маргарет Тэтчер все еще жива?!». Даже северяне, некогда чрезвычайно ориентированные на прогресс, оказались против таких инноваций, которые «ставят под сомнение человека и его процветание».²⁸⁵

Одной из центральных тематик северного кино с 1960-х гг. является «паломничество» в столицу молодых северян (например, фильмы «Разрушение времени» (1967), «Письмо Брежневу» (1985), «Танец во мраке» (1990), «Билли Эллиот» (2000)). Лондон выступает территорией реализации их амбиций, чаяний и надежд. Север остается местом утешения и переживания собственного опыта.

Дж. Вулридж указывает, что в 1990-х гг. популярные жанры романтической комедии, молодежного и гангстерского фильма развивались практически за пределами региона. Вместо них — реалистичные жанры и комедии (комедийные драмы, где герои благодаря своему жизнелюбию строят новый мир на пепле старого),²⁸⁶ также фокусирующиеся на серьезных социальных вопросах.²⁸⁷ Такие авторы, как С. Макоуни, склонны более позитивно оценивать данные тенденции, с осуждением рассуждая о «гламуризации преступности» и «культе криминала» в Лондоне.²⁸⁸

Видение Севера как некой сакральной территории для северян всегда оттенялось внешней оценкой региона в других британских фильмах, где подчеркивалась его культурная, интеллектуальная и эмоциональная ограниченность. В фильмах серьезно поднимались даже такие вопросы, как проблемы мультикультурализма (в отличие от легкой манеры «южных» картин, например «Играй как Бекхэм» (2002), повествующей об индианке, которая желает играть в футбол против воли своей семьи, чтящей этнические традиции) и интеграции азиатской общины («Восток есть Восток», 1999). Но региональное кино и сам Север по-прежнему считались британским сообществом ограниченными, полными проблем — наряду с тем, что Север становился носителем узнаваемого юмора.²⁸⁹

Что касается телеэкрана, то Д. Рассел вслед за многими исследователями культуры Севера указывает, что телевидение как культурный медиум в силу своей массовости сделало для создания и трансформации североанглийской идентичности больше, чем другие жанры искусства. Телевидение рассказало миру, да и самими северянам, что нормальная жизнь, похожая на жизнь других людей, также может существовать на Севере, что Север обладает богатым культурным наследием.²⁹⁰ Как выразился северянин, «беспросветные будни жителей Лидса стали множеством драматических историй, интересных не только йоркширцам, но и всему Северу, всей Англии, всему миру».²⁹¹

Со времени принятия Телевизионного акта 1954 г Север стал равным партнером в процессе массового культурного производства, с головными экспортерами *Granada* и *Lorkshire Television*.²⁹² Телевидение показывало множество передач о важных для региона социальных, культурных, политических событиях.²⁹³ Большинство создателей северных телепроектов, вдохновленные

успехом северного кино и литературы, до 1980-х гг. были заинтересованы в максимально точной и яркой презентации культуры рабочего класса массовому зрителю. И хотя поначалу большая часть команды сериалов имела южное происхождение, проекты стали северными по духу, языку и т. д.²⁹⁴

Отличием дискурса идентичности в области ТВ от дискурса в других сферах стало то, что даже после резкого падения интереса и спроса на северные индустриальные символы во второй половине 1960-х гг. телевидение продолжало эксплуатировать эти образы. Ориентация северных каналов на региональные аудитории и последовательное использование региональных брендов (диалекты, исторические и природные ландшафты и др.) стали ключом к коммерческому успеху каналов, и к концу 1990-х гг. некоторые сериалы стали одними из самых популярных в пределах Англии и Уэльса за всю историю британского телевидения. Речь идет о сериале «Улица Коронации» (с 1960 г. по настоящее время), «Ферма Эмердейл» (с 1972 г. по настоящее время), полицейской драме 1992–2000 гг. «Пульс», достигших пика аудитории в 18 млн, 14,2 млн и 18,3 млн зрителей соответственно.²⁹⁵

Дискурс идентичности в телевизионных проектах (эксплицитный и имплицитный) имеет более широкие границы, нежели в других культурных формах (исходя хотя бы из широты охвата аудитории). Один из сценаристов «Машин Z» писал, что основной задачей северного телевидения было установить и принять «частичку антиметропольного» на территории «неопределенной, большой и самобытной земли под названием “Север”».²⁹⁶

В 1970–2000-е гг. также наблюдается смещение интереса от традиционных концепций Севера как территории заводов и фабрик (особенно что касается Йоркшира и Ланкашира) к иным версиям. Например, в сериале 1970–1972 гг. «Замок Куини» действие происходит на фоне современной городской обстановки Лидса; в сериале 1995–1997 гг. «Банда золота» основное внимание сосредоточено на личных, семейных и профессиональных неудачах главной героини, а также на ее выраженном йоркширском акценте; действие ситкома «Бабье лето» (*Last of the Summer Wine*), происходит в небольшом йоркширском поселке и посвящено жизни молодых стариков.²⁹⁷

Одним из самых популярных мест действий фильмов и сериалов, наряду с Манчестером и Лидсом, является Ливерпуль,

наиболее атипичный в отношении истории, культуры, экономики северный город. Исторически Ливерпуль утверждался в жанре мыльной оперы и телевизионной драмы. Например, знаменитый «Бруксайд» 1982–2003 гг., затрагивающий серьезные реалистичные и социально значимые вопросы (гомосексуализм, преступление и пр.); «Работяги» (*The Boys from the Black Stuff*) — история жизни и борьбы за существование группы асфальтоукладчиков, оказавшихся без работы; «Скалли» 1984 г. о футболе; «Большой британский праздник» (*GBN*) 1991 г. о запутанной политике левых города. Ситком 1986–1991 гг. «Хлеб» о семье Бозвелл, стремящейся получить от жизни и Министерства здоровья и социальной безопасности все, закрепил успех Ливерпуля как телевизионной столицы 1980-х — начала 1990-х гг.²⁹⁸ Как писал Б. Миллингтон, благодаря этим сериалам Ливерпуль стал для англичан символом стойкости рабочего человека перед превратностями судьбы.²⁹⁹

Центральная роль Ливерпуля на северном телевидении объясняется многими факторами, в том числе ливерпульской «культурной революцией» 1960-х гг. Несмотря на то, что современный образ города предстает далеко не позитивным и полным различных клише (седовласые рокеры, «художники-неудачники», упадок, беспорядки на иммигрантских окраинах), Ливерпуль, в отличие от многих других населенных пунктов Йоркшира и Ланкашира, сумел использовать этот факт в свою пользу, а также создать моду в 1970–2000 гг. на город как индустриальный, торговый и мореходный центр Британии, столицу рок-н-ролла, диалекта скаузеров, «красоту по-ливерпульски» и др.

По мнению А. Платера, Ньюкасл в 1970–1990-е гг. также представил «свежую культурную версию Севера».³⁰⁰ Речь идет о таких сериалах, как ситком о жизни простых работяг «Удобные парни» (*The Likely Lads, 1964–1974*), историческая драма о ветеране Первой мировой войны и о Северо-Востоке 1920–1930-х гг. «Когда заходит лодка» (*When the Boat Comes In, 1976–1981*), в которых большая часть героев говорит на диалекте джорди.³⁰¹ В журнале «Радио Таймс» обозреватель Г. Кеттинг охарактеризовал современный Северо-Восток как «маленькое государство в государстве, живущее обособленно на протяжении веков», как место с «тяжелой и интересной жизнью», «юмором, который может быть и грубым, и невероятно дружелюбным», как территорию с «богатой общинной жизнью».³⁰²

Ньюкасл в 1989–2006 гг. стал столицей английской мыльной оперы и комедии. Стоит вспомнить адаптацию произведений К. Куксон, выполненную для *Tyne Tees Television*, а также драму 1996 г. «Наши друзья на Севере» (*Our Friends in the North*) о людях, живущих на государственные пособия, проводящих за руганью и едой перед телевизором большую часть своего времени и ставших для многих телезрителей символами рабочего класса Севера. Данные сериалы и программы относятся в некоторой степени к популярному вплоть до сегодняшнего дня т. н. жанру «драматургии кухонной мойки».³⁰³

Подобные черты рабочей культуры постоянно высмеиваются на северном телевидении, становясь, таким образом, устойчивой частью идентичности северян и образа Севера за его пределами. Это служит основным отличием способов описания Северо-Востока от манеры презентации Ливерпуля. И если на протяжении долгого времени у джорди была устойчивая репутация неудачников-бедолаг, то у скаузеров к этому добавляются образы вечно жалующихся, жалеющих себя и живущих практически в мусоре лентяев. Комедия и ряд комедийных персонажей до сих пор остаются визитной карточкой северного телевидения и кинематографа.

Один из самых знаменитых северных комедийных персонажей — дядюшка Морт (*Uncle Mort*), созданный писателем П. Тиннисвудом, герой сериала «Я не знал» (*I Didn't Know You Cared*). Р. Джарски пишет об этом следующее: «Дядюшка Морт — это воплощение северного юмора и характера, коллективного сознания. Его голова полна народных прибауток и шуток, милых предрассудков и особенного чувства юмора. Морт является частью менталитета поколения, создавшего популярную идею Севера. Поколения двух войн. Он любит сэндвичи и кепки. И пускай сегодня часть его образа устарела, но он по-прежнему часть Севера и каждого северянина...».³⁰⁴ Также символами Севера являются такие персонажи, как Энди Кап (*Andy Capp*), Рой «Толстяк» Броун (*Roy "Chubby" Brown*). Олицетворением северного юмора являются и В. Вуд (*V. Wood*), К. Аерне (*C. Aherne*), К. Кэш (*C. Cash*) — с их интерпретацией юмора как «смеха сквозь слезы».³⁰⁵

Безусловно, одним из ярчайших примеров эксплуатации классовой тематики и иллюстрации бытовой жизни северного рабочего класса можно назвать сериал «Улица коронации».³⁰⁶ Вне

зависимости от содержания своих программ сериал постоянно провоцирует дебаты различной степени серьезности о способах и механизмах внешней презентации региона. Особое значение для нашего исследования имеет факт квазидокументальности, о чем писал еще создатель проекта Т. Уоррен: «Миллион неписанных правил... Жизнь одной из улиц рабочего класса, аутсайдеров с удивительной, ни с чем не сравнимой жизнью, которую мы должны описать максимально правдиво и точно».³⁰⁷ Многие южане по этому сериалу представляли себе северян, их уровень культуры и степень интеллигентности («Гранада дала нам четкий ответ»),³⁰⁸ и до сих пор проект несет ответственность за построение конкретного, подчас не слишком положительного, образа Севера.

К концу 1970-х гг. для одних «Улица коронации» стала символизировать ностальгию по «золотому веку» рабочего класса с его взаимовыручкой и принципиальностью, для других — приукрашенные вульгаризм и ограниченность социальной и духовной жизни Севера.³⁰⁹ На сегодня для многих северян сериал является символом «северной стабильности и приверженности своим основам», «северной памяти», «уважения к северной культуре».³¹⁰ При разговоре о сериале информанты в основном просто улыбаются и говорят: «Это чудесно, мне нравится. Это про нас»; или: «Неплохо для телевидения».³¹¹ Северяне-зрители часто указывают и на факт широкой презентации в проекте интересных для них персонажей — сильных и самодостаточных ланкаширских женщин.³¹²

Таким образом, большинство телевизионных и кинематографических проектов Севера затрагивают вопросы класса и классовых отношений, а также ряд социальных, политических, экономических и культурных проблем, с этим связанных. Несмотря на то, что вопрос о положительности влияния телевидения на текущие образы Севера остается открытым, безусловно, телевидение (в большей степени, чем кинематограф) с его вниманием ко всем сторонам повседневности обычного человека служит инструментом актуализации и популяризации региональных иконических символов, культуры в целом.

§ 3.7.4. Североанглийскость в музыке

Музыка (рок, фолк, этническая, духовая) представляется богатым источником по изучению североанглийской идентичности

и регионального брендинга: это касается самого музыкального языка, текстов песен, способов их донесения до публики, манеры самовыражения исполнителей, а также дискурса, возникающего вокруг этого всего. В данном разделе мы будем концентрироваться на трех последних составляющих дискурса, в силу того, что музыкальная лингвистика лежит за пределами компетенции автора.

Музыка, несомненно, принесла региону внешнее признание (особенно во второй половине XX в.) и остается для него ценным культурным и символическим капиталом. Как пишут исследователи, музыканты, так же как и футбольные болельщики, напрямую участвуют в процессах регионального брендинга, формирования гражданской гордости и патриотизма по отношению к локальным территориям и сообществам, «объединяя неким идеализированным образом множество раздробленных сообществ».³¹³ И именно любительским музыкальным коллективам малых городов и деревень принадлежит ключевая роль в данных процессах.

Региональные тенденции развития дискурса идентичности в музыке вполне соотносятся с национальными (см. Главу II). Более того, основной состав группы *The Imagined Village*, анализу творчества которой посвящена большая часть вышеозначенного раздела, являются выходцами из северных графств (К. Вуд, С. Эммерсон и др.).³¹⁴ Тем не менее северный дискурс имеет ряд исторических и культурных особенностей. А именно: Север и его история, культура, северная идентичность не являются основной темой их песен и презентаций, скорее речь может вестись о локальных идентичностях, или социальных (идентичность рабочего класса), реже — географических городских (апология урбанистических и индустриальных пространств). И если музыка других регионов, особенно Юга, чаще обращается к «деревенским» образам английскости, то северная в классическом понимании — это сплин, гротеск, протест, энергия города и индустрии или, реже, свобода и одиночество природных пространств.

Среди северян популярен миф об их особой «музыкальности» и определенной манере исполнительства, и это, несомненно, составляет весомую часть дискурса идентичности: «Север — это духовая музыка, маршевая музыка, ударные биты,

повторяющиеся ритмы рабочего станка... Это гитара, банджо, дудки. Такое понятие, как “северный звук”, определенно существует». ³¹⁵ Часть авторов уверена, что северная музыка тесно связана именно с индустриальным пространством: благодаря звукам и формам фабрик и заводов, монотонному северному образу жизни, его террасным домам и правильно очерченным улицам музыка Севера имеет специфический облик. ³¹⁶

Как писала еще в 1950-е гг. биограф певицы К. Ферьер, на всем Севере «тысячи самых обычных людей имеют особый интерес к музыке (создание, прослушивание, обсуждение, критика) — больший, чем у южан». ³¹⁷ Сегодня Д. Рассел пишет: «Север более музыкальный, чем Юг, и северянин хотя и более груб, чем южанин, но пальцы его более тонки, чувствительны и внимательны к музыке». ³¹⁸ И несмотря на то, что, по его мнению, на национальном уровне по-прежнему существует тенденция отсутствия должного внимания к региональному музыкальному движению (или «музыке рабочего класса»), для самого Севера, его идентичности и имиджа местные музыкальные коллективы имеют важное значение. ³¹⁹ Данные положения подтверждают и результаты наших полевых исследований. Музыка, особенно локальная любительская, сегодня, безусловно, основной рупор локальной идентичности (концертные площадки пабов и клубов как основные места этнокультурной коммуникации) — наряду с футбольными трибунами. Правда, если в случае с футболом речь идет, как правило, об агрессивной, воинственной и соревновательной коммуникации, то музыка является более интеллектуальным способом культурного самовыражения.

Для истории музыкального движения на Севере, как и в других областях культуры, ключевое значение имеет культурное доминирование Лондона (особенно до середины XX в.). Наиболее активные музыкальные движения исторически сосредотачиваются в крупных, чаще коммерческих, а не индустриальных, городах, где концентрация населения и жизненной активности максимально высока (а также высоко количество представителей среднего класса, имеющих возможность заниматься музыкой). ³²⁰ Речь идет о Манчестере и Ливерпуле, где, помимо прочего, была наиболее развита индустрия развлечений и образования (знаменитые Оркестр Халле и Королевский колледж Манчестера). ³²¹ Манчестер не мог составить должную конкуренцию Лондону,

но его богатая музыкальная жизнь сыграла большую роль в развитии северной идентичности и самопрезентации Севера.³²²

С 1960 г. данный дисбаланс несколько уравнивается в силу роста значения северной поп- и рок-музыки, качественного и количественного роста независимых звукозаписывающих студий, регионального музыкального образования, увеличения количества любительских коллективов и т. д.³²³ Особое значение приобрели получившие сегодня уже легендарный статус поп-музыкальные площадки — паб-мьюзик-холл *Cavern* в Ливерпуле, в Манчестере — *Hacienda*.³²⁴ Хотя, безусловно, Лондон остается одним из самых значимых музыкальных центров не только Британии, но и мира, и неизбежно будет существовать региональная диспропорция.³²⁵ История музыкальной регионализации Севера занимает весомую часть дискурса идентичности, суть дискуссии в рамках которого сводится к утверждению большей роли Севера в развитии мировой музыки.

Исследователи выделяют несколько периодов расцвета музыкального движения на Севере. Первый приходится на 1930-е гг. и связан с успехом таких «певцов» Ланкашира, как Грейси Филдс и Джордж Формби. Следующий подъем в 1950–1960-е гг. связывается, как правило, с появлением движений «Звучание Мерси» и «Мерси-бит», включая *The Beatles*. Основным историографическим мифом является утверждение, что успех Севера 1963–1965 гг. стал вызовом культурному доминированию Лондона и способствовал установлению репутации Севера как основной британской площадки поп-музыки.³²⁶ Другие указывали на то, что, хоть это и изменило баланс в пользу Севера, музыканты черпали вдохновение из американских музыкальных направлений ритм-энд-блюза и соула и сама роковая традиция была тесно связана с британскими традициями кабаре и мюзик-холлов.³²⁷ Авторы обращают внимание и на то, что северные музыканты первоначально пришли к британскому и мировому успеху (т. н. британское вторжение) посредством выступления в клубах и кабаре США, Севера и Юга Англии.³²⁸

Ряд исследователей склонны еще более умеренно оценивать силу сдвига в региональном распределении доминирования, указывая на постоянство периферийности северной культуры и на ведущую роль «объективных» социально-экономических факторов. В качестве аргумента ведутся рассуждения о движении

«Свингующий Лондон» середины 1960-х гг., благодаря которому столица (Англии) опять стала центром притяжения для большинства провинциальных музыкантов, а также основной площадкой для таких групп, как *Rolling Stones*, *The Who*, *Small Faces*, *Kinks*. По мнению этих исследований, Север по-настоящему укрепил свои позиции только в конце 1970-х гг., и связано это было с индустриальным и экономическим развитием региона, ростом звукозаписывающих компаний.³²⁹

1980–1990-е гг. стали периодом расцвета музыкального движения Севера, подарив миру целую плеяду известных коллективов: *The Buzzcocks*, *Joy Division*, *The Fall*, *The Smiths*, *The Stone Roses*, *The Happy Mondays*, *Oasis*, *MPeople*, *Simply Red* из Манчестера; *Teardrop Explodes*, *Frankie Goes to Hollywood*, *Elvis Costello*, *Echo and the Bunnymen* из Ливерпуля; *Embrace* из Хаддерсфилда, *The Housemartins*, *The Beautiful South* из Халла; *Pulp* из Шеффилда; *Animals* из Ньюкасла и т. д.³³⁰

Северные города становятся центрами молодежной культуры, и из-за этого возросла популярность северных вузов. Некоторые города остаются символами молодежной культуры до сих пор: Манчестер воспринимается городом андеграундной и хипстерской интеллектуальной молодежи, Лидс — молодежи, практически и профессионально ориентированной, Ньюкасл — образованной, профессиональной и умеющей развлекаться и пр.³³¹ Таким образом, индустриальное наследие из обузы превращается в инструмент регионального возрождения и обновления. Для музыкального поколения 1980–1990-х гг. характерно «черное» описание Севера как территории сплина и депрессии, «диснейленда наркотиков».³³² А в 2000-е гг. появляется больше фолка, инди-рока, представители которого (*Elbow*, например) стремятся показать «преимущества и силу современного Севера».³³³

Музыканты, добившиеся национального и мирового признания, рождают у своих соотечественников чувство гордости. Это особенно касается поп-групп 1960-х гг. и Ливерпуля, очень близкого в то время к гегемонии в западной поп-музыке (несмотря даже на то, что *The Beatles*, например, критиковали за «дезертирство» в Лондон и Нью-Йорк).³³⁴ Или, например, представителей движения «Мания-честер» (*Madchester*) 1989–1990 гг. В это время там были в широком ходу футболки с надписями «И на седьмой день Бог создал Манчестер» (стена с этой надписью

до сих пор собирает манчестерскую артхаусную молодежь) или «Рожден на Севере, живи на Севере, умри на Севере».³³⁵

В музыке, в отличие от литературы, диалекты долгое время не использовались. Зачинателем этой традиции стало движение «Звучание Мерси» в 1960-е гг. Правда, в текстах его участников местные диалекты проскальзывали изредка: у *The Beatles*, а также у группы *Gerry and Peacemakers* с их знаменитой композицией *Ferry Across the Mersey* 1964 г. Как писал Ч. Джилет, «было трудно отличить [ливерпульские группы] от остальных в стране».³³⁶ И только с 1980-х гг. использование региональных диалектов стало распространенной нормой (например, у группы *The Smiths* в таких ее композициях, как *Rusholme Ruffians*, *Strange-ways Here We Come*).³³⁷

Что касается этнической и фолк-музыки, традиционно «ответчающей» за вопросы этнического и культурного самовыражения, то она также получила на Севере распространение, хоть и меньшее, чем поп-культура.³³⁸ Во главе фолк-движения исторически стоял пограничный с Шотландией деревенский и фермерский Нортумберленд. В регионе и сегодня существует большое количество танцевальных коллективов и музыкальных групп, играющих на нортумбурской малой волынке (эта традиция по продолжительности существования на Британских островах уступает только ирландской волынке, по мнению экспертов).³³⁹

Расцвет фолк-движения начинается в 1960–1970-е гг., в 1980-е гг. его популярность набирает обороты — вместе с такими исполнителями, как К. Тикел (скрипка, волынка), и в основном за счет переписок старых популярных песен. Так, например, перезаписанная в 1990 г. композиция 1971 г. «Лягушка из реки Тин» с участием вокала бывшего футболиста П. Гесконь стала своего рода гимном Северо-Востока.³⁴⁰ Наибольшего развития данные жанры музыки получили в 1990–2000-е гг. Репертуар большинства исполнителей состоял уже из произведений, так или иначе отсылающих к региональному материалу, и деятельность таких представителей северного фолка, как М. Хардинг, ливерпульская группа *Spinners*, ланкаширцы *Oldham Tinkers*, *Fivepenny Piece*, получает широкое освещение в региональных и национальных медиа.³⁴¹

Одной из ключевых характеристик музыки Севера является большое распространение культуры любительского исполнения —

«локальной музыки», что способствовало развитию репутации Севера как «хребта нашей национальной музыкальной жизни» (центром профессионального производства оставался Лондон, конечно).³⁴² Основные площадки — пабы и фестивали. Один из пабов Сандерленда *Smugglers* традиционно принимает фолк-музыкантов, со сцены выражающих свои культурные, а подчас и политические позиции. Среди песен нередко можно встретить ностальгические размышления об индустриальном Севере или разочарования по поводу настоящего положения дел. Например, весь альбом «На вершине мира» (*On the Top of the World*) 2009 г. Билла Стюарта посвящен Северу и его судьбам. Песня «Человек в полосатом костюме» повествует о тяжелой доле людей из рабочего класса («дай им денег, и они сделают за тебя всю работу, они все равно живут в мусоре и едят грязь»). Композиция «10 000 человек» рассказывает об упадке кораблестроения и доков, где работал когда-то сам автор, и о позорной жизни северянина («прекратите нам врать, люди разделены, и производство мертво, они забрали нашу работу, они забрали нашу душу, взамен оставив нужду и пособие по безработице»). В альбоме поется и о северных достопримечательностях, о «спрятанных тайных сокровищах Англии» — замках, природных заповедниках, старых домах.³⁴³ Часть альбома Пэта Доддса «Мельницы Кора» (*Cora Mills*) 2011 г. из Саут-Шилдса также посвящена этим вопросам — в частности, композиции «Земля смерти», «Последний предатель» и пр.³⁴⁴ Оба автора принадлежат к одному музыкальному поколению, бывшему непосредственным свидетелем процессов деиндустриализации 1970–1990-х гг.

Духовые оркестры и хоры традиционно считаются символическими формами культурной деятельности для Севера. Однако Д. Кристофер, например, считает, что они являются национальными феноменами, а на Севере картина более сложная в этом отношении.³⁴⁵ Большое значение, особенно до 1990-х гг., имели музыкальные соревнования хоров и оркестров, в которых северяне нередко одерживали верх и очень гордились этим.³⁴⁶ Широкое распространение духовые оркестры получили на территории текстильных и угольных центров Ланкашира и Йоркшира (еще к 1960-м гг. музыканты этих регионов составляли 40% участников национальных соревнований и фестивалей).³⁴⁷

Участники оркестров нередко становились локальными героями, выступали от имени сообществ на футбольных трибунах и пр. С упадком производства на Севере количество действующих оркестров значительно сократилось, однако они по-прежнему выполняют свои символические функции.³⁴⁸

Хоровая культура — за исключением крупных хоров — распространена на Севере и всегда была характерна для небольших поселений в 15–30 тыс. чел. Хоры зачастую представляли собой любительские инициативные сообщества — образовывались при церкви, школах, университетах, социальных клубах. Совместная продолжительная работа и интенсивная коммуникация приводили к тому, что хоры превращались в орудие конкуренции поселений. Определенную роль в данной конкуренции сыграли и факты приверженности англичан к нонконформизму и методизму (хоры были «воинами» того или иного религиозного направления).³⁴⁹

Между тем локальный патриотизм может быть агрессивным. Наибольшего противостояния достигли музыканты Манчестера и Ливерпуля. В 1992 г., например, вышла книга о манчестерской поп-музыке с названием «Это случилось в Манчестере» и — с обложкой, на которой изображена надпись «Манчестер» поверх зачеркнутой «Ливерпуль». ³⁵⁰ В то же время локальный патриотизм может быть основой и для более широкой региональной идентичности (по отношению к графству) — в частности, об этом свидетельствует тенденция объединения хоров, например, в рамках Йоркшира и стремление на национальных соревнованиях отдельных локальных коллективов характеризовать себя как, в первую очередь, йоркширцев.³⁵¹

Победа на национальных соревнованиях в Лондоне была и остается своего рода культурной миссией северян. Особенно это касается духовых оркестров и Национального чемпионата духовых оркестров в Кристал Палас. Нередко можно было услышать жалобы со стороны северян, что их победы недостаточно освещаются СМИ, *BBC* в частности.³⁵² В 1950–60-е гг. во время противостояния Ливерпуля и Лондона журнал *Melody Maker* призывал своих читателей «присоединиться к Большой бит-войне Севера и Юга». ³⁵³ В 1987 г. после третьей победы консерваторов на выборах, группа из Халла *Housemartins* выпустила альбом под названием «Лондон — Халл 0:4» (с намеком

на поражение, но «с надеждой на реванш», как пишет биограф группы).³⁵⁴ В 1994–1995 гг. актуальна была конкуренция лондонских *Blur* и манчестерских *Oasis* в рамках «брит-попа».³⁵⁵

Джаз, исполняемый духовыми оркестрами, по словам Р. Самюэля, «поэтизирующий кирпичные улочки» Севера, также вписывается в данные тенденции.³⁵⁶ Например, вариации на тему 9-й симфонии А. Дворжака «Из Нового Света» стали своего рода северным гимном-реквиемом, символом упадка индустриализма, идентичности региона — благодаря тому, что симфония использовалась в проектах студии *Novis*, в творчестве популярного коллектива «Группа шахты Гримторпа» в 1970-е гг., перепевалась фолк-исполнителем Т. Капстиком в 1981 г., звучала в качестве саундрека к фильму «Дело — труба» в 1996 г., а также исполнялась во время городских праздников в бывших угольных районах.³⁵⁷

Страсть северян к музыке далеко не всегда позитивно оценивается представителями других регионов. Например, профессор Университета Лондон Метрополитен Э. Криссел, приглашенный лектор в Университете Сандерленда, говорил: «На улицах, в домах отсутствует культура, и в умах тоже не все в порядке. Местные люди, находясь в пабе, вдруг ни с того ни с сего могут подойти к микрофону или прямо из-за своих столов начать петь что-нибудь залихватское. Причем на всю округу и далеко за полночь».³⁵⁸

Музыка для Севера является одним из главных культурных «аргументов», служащих постоянству идеи «разделения Севера и Юга», а также фактором формирования идентичности (зачастую жители того или иного поселка идентифицировали себя сначала с определенной музыкальной группой, а затем уже с поселком), инструментом мобилизации населения и способом выражения ностальгии по уходящим старым временам (“*old North*” как “*old England*”). Музыканты (фолк, поп, рок, джаз) изображают Север аутентичной территорией скромных, непритязательных тружеников, краем мощной индустрии, суровой природы и суровых характеров. В 2000-е гг. налицо зарождение позитивной идентичности региона, хотя северяне уверены, что музыкальный капитал Севера (как и его культурный капитал вообще) близок к истощению.

Итак, образы Севера занимают достаточно маргинальное место в рамках национальной идентичности, английскости,

в то же время североанглийский дискурс идентичности содержит попытки показать, что Север, его материальные и человеческие ресурсы, природные и индустриальные ландшафты оказали большое, в том числе позитивное, влияние на современное состояние английскости. Север является неотъемлемой частью концепций «Провинциальная Англия», «Черная Англия», городской и индустриальной Англии, в том числе для жителей юга и запада страны. Север занимает лидирующее позиции в области музыки, спорта, культуры развлечений, обладает статусом «земли рабочего класса», земли людей честных, «настоящих». Английскость периода с 1950–1960-х гг. и по настоящее время, несомненно, обладает северным «ароматом» — с террасными кирпичными домами и их жителями, телевизионной культурой ситкомов и пр., благодаря которым формировался образ добродушного и мужественно преодолевающего перипетии жизни англичанина. Современные космополитичные концепции английскости развивались также с подачи многоэтничного, коммерциализированного Севера. Сердцевиной этих позитивных образов Севера является конструирование Севера как места, противостоящего своей культурой более коррумпированному, разлагающемуся Югу.

В литературе Севера и Англии вообще существует дискуссия по поводу того, можно ли говорить о существовании «североанглийской идентичности» как устойчивой коллективной идентичности, разделяемой большинством жителей Севера, идентифицирующих себя «северянами». Большинство склоняются к тому, что данная идентичность вторична по отношению к локальным идентичностям.

По итогам собственного исследования мы можем с уверенностью заявить, что на фоне первостепенно важных локальных идентичностей, локальности вообще такие концепции, как «английскость» и «британскость», кажутся искусственными и менее актуальными. Приобщение к английскости и британскости в пределах Севера, несомненно, осуществляется посредством приобщения к локальным идентичностям. Классовая идентичность (идентичность рабочего класса) выступает едва ли не более значимой, нежели локальные или национальные. В целом по степени важности территориальных идентичностей для северянина на первом месте находятся локальные идентичности по

отношению к своему поселку или городу, графству, затем к Англии вообще (однако не Англии варианта Юго-Востока, а т. н. реальной Англии), затем к Северу как конгломерату субрегиональных и локальных идентичностей, затем к Британии.

Механизмы развития региональной идентичности Севера Англии слабо соотносятся с соответствующими механизмами регионов большинства европейских стран и России. Для Севера характерно причудливое сочетание физических и культурных топографий локализма и субрегионализма. Непонимание данных процессов и издание Акта локальных правительств 1972 г. во многом усугубило социокультурный кризис Севера 1970–1990-х гг., привело к политическим и общественным баталиям по поводу регионального устройства. Спорт и различные формы добровольных организаций (профессиональных, музыкальных и т. д.) играют основную роль в развитии локальных идентичностей.

Часть общественности уверена, что юго-восточная английскость в исторической перспективе является давним и «успешным» феноменом, и это препятствовало зарождению и развитию регионализма в пределах страны. Так как Англия и затем Британия была во многом централизованной державой с имперско-патриотической идеологией, в рамках регионов практически не существовало благоприятных условий для формирования регионализма. Регионализм на протяжении долгого времени в рамках национальной историографии рассматривался в качестве изъяна, недостатка, угрозы имперскому устройству. Регионы для общественности представляли собой отдельные части общей национальной культуры, а не ее альтернативу. В результате, по мнению исследователей, в рамках развития новых национальных институтов и пр. не сложилась привычка мыслить и действовать «по-северному», с учетом северных приоритетов. Спорт, музыка, кино, литература и пр. также содействуют пониманию северной идентичности как абстракции, «материализующейся» посредством своих локальных форм. Тревел-литература и вовсе фокусируется на компонентном характере Севера по отношению к Англии и английскости.

Применительно к периоду с середины XX в. и до настоящего времени (с различными вариациями) выразителями северной идентичности являлись в основном авторы диалектной литературы, кино, телевизионных сериалов и музыки. Для культуры

Севера почти не характерно стремление открыть для себя и сторонних читателей / зрителей / слушателей регион и его «характер», скорее внимание уделяется внутренним проблемам и социальным драмам. Из-за ограниченности тематик и сюжетов, исторических и географических локализаций на основе продуктов региональной культуры можно полноценно выстроить лишь образ индустриального и постиндустриального «Лоури-града» рабочего класса, но не разнообразных идентичностей региона. Материалы литературы, музыки и кино скорее служат источником для изучения национальных и глобальных идентичностей, нежели северных региональных, и, за исключением противопоставления Севера Югу, для северян на сегодня все-таки актуальнее участие в дебатах относительно общеанглийской или британской идентичности, чем борьба за свой региональный статус. Отдельные попытки воссоздать или создать северную идентичность наблюдаются среди академических авторов, но явление носит спорадический характер и напоминает скорее ограниченную политическую и социальную программу, нежели последовательное культурное движение.

Именно из-за этого этнографические материалы приобретают особую ценность. Но даже с этим условием мы вынуждены констатировать, что в постимперском государстве бывшая «титовая нация» англичан не находит достаточно устойчивых основ для построения или воссоздания идентичности, например в региональных вариантах английскости, и выраженно существует лишь в ностальгическом поле. В целом англичан Севера отличает высокий уровень уважения и гордости по отношению к собственному наследию, истории, культуре и современной жизни региона, графства, города, улицы, рабочего класса в целом.

Идеологическое измерение идентичности северных англичан включает в себя несколько символических конструкций (как имплицитного, так и эксплицитного характера), напрямую перекликающихся с концепциями общей (юго-восточной) английскости, но имеющих свою специфику, как-то: североанглийская идентичность — традиционная, сложившаяся исторически идентичность; утраченная, потерянная идентичность; осаждаемая идентичность; конгломерат локальных идентичностей; дискретная идентичность в рамках мультикультурных Англии и Британии; гибридная мультиэтническая идентичность. Наиболее удачной для

описания современного дискурса идентичности в Северной Англии (в котором трудно проводить границы между классовым, этническим, региональным и национальным, культурным и гражданско-политическим) представляется также категоризация по месту (территории — реальной и виртуальной) и времени, с учетом локальности и магистральности каждой модели.

*Модели североанглийскости в измерении
«магистральность / локальность»*

Время	Пространство	
	Локальность, или «идентичность суши»	Магистральность, или «идентичность моря»
Ориентация на прошлое, традицию	<i>Север — индустриальный, урбанистический край, пространство рабочего класса (Символ данной концепции идентичности — Шеффилд, Бредфорд, Ньюкасл, Манчестер XIX — первой половины XX вв.)</i>	<i>Север — регион-порт, регион-транзит (Символ — Ливерпуль, Лидс, Сандерленд XIX — первой половины XX вв.)</i>
Ориентация на настоящее, инновацию	<i>Север — современное урбанизированное и природное пространство, конгломерат различных локальных сообществ, мультиклассовый край и край андеграундной молодежной культуры (Символ — современные Манчестер, Ливерпуль, Ньюкасл, Лидс)</i>	<i>Космополитичный мультикультурный Север Англии (Символ — современные Бредфорд, Лидс, Олдем)</i>

Связи между локальным, региональным, национальным и интернациональным в культуре чрезвычайно сложны на Севере Англии, как и в большинстве подобных регионов. И сегодня противоборство этих ипостасей культуры создает причудливую картину: северянин ищет себя в индустриальном прошлом,

потребительском настоящем и неопределенном постиндустриальном будущем. Каким станет идентичность северянина, покажет время, но на сегодня очевидно, что прежние конструкции, связанные с индустриальным миром, оказываются изжитыми и существующими в виде «музейного лубка», тогда как новая идентичность, с трудом ассоциирующаяся с юго-восточной «титულიной» английскостью, не представляет пока собой самобытного феномена.

Примечания

¹ Christopher D. *British Culture...* P. 1, 2. См. также: Rowbotham S. *A Century of Women: the History of Women in Britain and the U.S.* L., 1997; Hall S. *The Hard Road to Renewal: Thatcherism and the Crisis of the Left.* L., 1988.

² ПМА 34: Э. Квили.

³ ПМА 12: Дж. Давей.

⁴ ПМА 17: Дж. Кларксон. См. также: *Memories of the Northumberland Coalfields* / N. Taylor (ed.). Newbury, Berkshire, 2009.

⁵ ПМА 31: Дж. Финн.

⁶ Evans N. *Regional Dynamics: North Wales, 1750-1914* // *Issues of Regional Identity.* Manchester, 1998. P. 201.

⁷ Hill J., Williams J. *Introduction* // *Sport and Identity in the North of England.* Keele, 1996. P. 6.

⁸ Turner G. *The North Country.* L., 1967. P. 14.

⁹ Rees N. *Phrases and Sayings.* L., 1995. P. 350.

¹⁰ Balchin P. *Regional Policy in Britain. The North-South Divide.* L., 1989. P. 1-2.

¹¹ См. Ehland Ch. *Introduction* // *Thinking Northern: Textures of Identity in the North of England.* N.-Y., 2007. P. 8-9.

¹² Smith D. *North and South: Britain's Economic, Social and Political Divide.* L., 1989. P. 226.

¹³ Jewell H. *The North-South Divide...* P. 24.

¹⁴ Neave D. *The Identity of East Riding of Yorkshire* // *Issues of Northern Identity.* Manchester, 1998. P. 199; Caunce S. *Urban Systems, Identity, and Development in Lancashire and Yorkshire: a complex question* / Kirk (ed.). *Northern Identities.* P. 61.

¹⁵ Russell D. *Looking North...* P. 16. См. также: McCord N. *The Regional Identity of North-Eastern England in the Nineteenth and Twentieth Centuries* // *Issues of Northern Identity.* Manchester, 1998. P. 102-117.

¹⁶ Об определении границ Северо-Востока: McCord N. *The Regional Identity of North-Eastern England in the Nineteenth and Twentieth Centuries* / Royle E. (ed.). *Issues of Northern Identity.* P. 102-117; Stokes W. *Definition of a Financial Region* / Royle E. (ed.). *Issues of Northern Identity.* P. 118-153.

¹⁷ Wainwright M. *True North...* P. 3-4.

¹⁸ *Census 2011...* См. также: Stokes W. *Definition of a Financial Region* // *Issues of Northern Identity.* Manchester, 1998. P. 118-153.

¹⁹ Briggs A. *Themes in Northern History* // *Northern History.* 1966. Vol. 1. Issue 1. P. 3.

²⁰ См. *Fanatics!*... См. также: Официальный сайт футбольного клуба «Манчестер Юнайтед». <http://www.manutd.com/Splash-Page.aspx>

²¹ Musgrove F. *The North of England...* P. 17.

²² См. Briggs A. *Victorian Cities: Manchester, Leeds, Birmingham, Middlesbrough, Melbourne.* London. L., 1990. P. 88-138.

²³ Merseypride. Essays in Liverpool Exceptionalism / J. Belchem (ed.). Liverpool, 2000. P. 3.

²⁴ Merseypride... P. xii, 3.

²⁵ Liverpool Daily Post. 1964. 20 April. Цит. по: Russell D. Looking North... P. 20.

²⁶ Merseypride... P. 55; Leeson P. Goodbye Scottie Road. The Photography of Peter Leeson. L., 2008; Trevor P. You've Never Been Away. L., 2011.

²⁷ Jewell H. The North-South Divide... P. 37–38.

²⁸ Tranter N. British Population in the Twentieth Century. N.-Y., 1996. P. 9.

²⁹ ПМА 13; Э. Криссел.

³⁰ Waller P.J. Town, City and Nation. England 1850-1914. N.-Y., 1983. P. 73-74.

³¹ Musgrove F. The North of England... P. 267.

³² Уиган и жизнь его бедных (северо-английских) рабочих были описаны в 1937 г. в рассказе Дж. Оруэлла «Дорога на причал Уигана», сделавшем это место знаменитым и знаковым для северян. Дж. Формби — комедийный актер (1904–1961), музыкант, родился в Уигане. Прославился исполнением легких юмористических песенок, никакой политической сатиры и пр. Г. Филдс — актриса, родилась в городе Рочдейл (входившем тогда в графство Ланкашир). С раннего детства работала на хлопковой фабрике. Прославилась исполнением шуток, комических песен и монологов — также о жизни рабочих. Филдс стала одной из самых высокооплачиваемых исполнительниц Великобритании. Ее песня Sally была использована в названии фильма «Сали в нашем переулке». В 1978 г. она открыла «Театр Грейси Филдс» в родном городе Рочдейл. В феврале 1979 г. ей было присуждено звание Дама-Командор ордена Британской империи. Л.С. Лоури — один из самых знаменитых британских художников. Творил в XIX в. Основная тема творчества — фрески о жизни рабочего класса Великобритании, т. н. индустриальные пейзажи. Сегодня большинство его картин можно увидеть в музее города Солфорда. Обладатель ученых степеней университетов Манчестера, Солфорда и Ливерпуля. Получил орден Британской империи и рыцарское звание. Не признавал титулярной системы, отказался от многих престижных наград и рыцарского звания, за что снискал любовь рабочего класса Англии. Э. Кэпп — персонаж одноименного британского комикс-стрипа (автор Р. Смитт), собирательный образ северянина — работника, но пьяницы и неудачника. Энди — представитель рабочего класса из Хартлепула в Северо-Восточной Англии.

³³ ПМА 1-9; 17; 19; 20-24; 28–36.

³⁴ Макоуни С. Гонор и предубеждение... С. 9.

³⁵ ПМА 7; Д. Килвингтон.

³⁶ Имеется в виду «Ангел Севера» (Angel of the North) — современная скульптура, созданная Э. Гормли, в Гейтсхеде, Ньюкасл. См. Milner D. Poems of the North East. Hartlepool, 2007.

³⁷ Russell D. Looking North... P. 3.

³⁸ Цит. по: Barker P. Cloth Caps and Chops It isn't? // New Statesman. 1998, 9 January.

³⁹ Taylor P.J. The meaning of the North: England's "Foreign Country" Within? // Political Geography. 12. 1993. P. 147.

⁴⁰ Osmond J. The Divided Kingdom. L., 1988. P. 54.

⁴¹ ПМА 3 — Дж. Смит.

⁴² Макоуни С. Гонор и предубеждение... С. 12-13.

⁴³ Интервью с профессором Лондонской высшей школы экономики и Университета Сандерленда, культурологом, специалистом по медиа Британии Э. Крисселом. Сандерленд. 05.06.10.

⁴⁴ Read D. The English Provinces c.1760-1960. A Study in Influence. L., 1964. P. xi.

⁴⁵ Ibid. P. 117.

⁴⁶ Jewell H. The North-South Divide. The Origins of Northern Consciousness in England. Manchester, 1994. P. 22–44.

- ⁴⁷ Horne D. *God is an Englishman*. Sydney, 1969. P. 22–23.
- ⁴⁸ Wiener M. *English Culture and the Decline of the Industrial Spirit, 1850–1980*. Cambridge, 2004. P. 42.
- ⁴⁹ См.: Robson B. *Coming full Circle: London versus the Rest, 1890–1980 // Regional Cities in the UK, 1890–1980*. L., 1986. P. 222; Constantine S. *Unemployment in Britain between the Wars*. Harlow, 1980. P. 18, 70.
- ⁵⁰ См. Crissel A. *An Introductory History...*
- ⁵¹ Samuel R. *North and South // Island Stories: Unravelling Britain*. L., 1998. P. 29, 78–96.
- ⁵² Balchin P. *Regional Policy in Britain...* P. 68–70.
- ⁵³ Barker C. *Cultural Studies: Theory and Practice*. L., 2011. P. 36–39.
- ⁵⁴ Gervais D. *Literary Englands. Versions of Englishness in Modern Writing*. Cambridge, 1993. P. 271–272.
- ⁵⁵ *The Beatles. Антология*. М., 2002.
- ⁵⁶ Robson B. *Coming full Circle...* P. 225.
- ⁵⁷ «Свингующий Лондон» (Swinging London) — термин, относящийся к активному культурному направлению в Великобритании, с центром в Лондоне, во второй половине 1960-х гг. Это было молодежно-ориентированное явление, которое придавало особое значение новому и современному, оптимизму, сексуальной революции, гедонизму и пр. См. Sandbrook D. *White Heat: A History of Britain in the Swinging Sixties*. L., 2006.
- ⁵⁸ См. Shields R. *Places on the Margin...* P. 207–251.
- ⁵⁹ Ehland Ch. *Introduction...* P. 3–4.
- ⁶⁰ Samuel R. *North and South...* P. 66.
- ⁶¹ См. Wainwright M. *True North...*
- ⁶² См. о стереотипах и механизмах их функционирования: Tajfel H. *Social stereotypes and social groups // Intergroup Behavior*. Oxford, 1981. P. 144–167.
- ⁶³ Jewell H. *The North-South Divide...* P. 37–38, 58.
- ⁶⁴ Bradford M. *The Fight for Yorkshire*. Beverley, 1998. P. 24.
- ⁶⁵ Rawnsley S. *Constructing “the North”: Space and a Sense of Place // Northern Identities. Historical Interpretations of “The North” and “Northernness” / N. Kirk (ed.)*. Aldershot, 2000. P. 7.
- ⁶⁶ Цит. по: Seed J. *“Commerce and the Liberal Arts”: the Political Economy of Art in Manchester, 1775–1860 // The Culture of Capital. Art, Power and the Nineteenth Century Middle Class*. Manchester, 1988. P. 45.
- ⁶⁷ *Ibid.* P. 45.
- ⁶⁸ Moir E. *The Discovery of Britain. The English Tourists, 1540–1840*. L., 1964. P. 35–37.
- ⁶⁹ Wrightson K. *Northern Identities: the Long Duree // Northern Review*. 1995. No 2. P. 25–34.
- ⁷⁰ Речь ведется, например, о северо-восточной (Тинесайд) песне рубежа XVIII–XIX вв. «Боб Крэнки» (Bob Cranky) об архетипичном пьющем работяге-шахтере; песне «Мудрый Ньюкасл» (Canny Newcastle). См.: Colls R. *The Collier’s Rant. Song and Culture in the Industrial Revolution*. L., 1977. P. 14–54.
- ⁷¹ Russell D. *Looking North...* P. 35–36.
- ⁷² Mandler P. *The Consciousness of Modernity?..* P. 121–122, 132, 137.
- ⁷³ См. Bradford M. *The Fight for Yorkshire...*
- ⁷⁴ Dellheim C. *Imagining England...* P. 220.
- ⁷⁵ См.: ПМА 40: Т. Робертс, Д. Вард; ПМА 31: Э. Сайкс, К. Рош.
- ⁷⁶ См. Belchem J. *An Accent Exceedingly Rare: Scouse and the Inflection of Class / J. Belchem (ed.) Merseyside. Essays in Liverpool Exeptionalism*. Liverpool, 2000. P. 31–64.
- ⁷⁷ Взаимные прозвища северян и южан. См.: ПМА 2: Б. Проктор; ПМА 21: Д. Лервер, Д. Харрисон.

⁷⁸ Широкое хождение до сих пор имеет поговорка «в Ньюкасл со своим углем» (Carry coal to Newcastle) — примерный аналог российской «в Тулу со своим самоваром».

⁷⁹ См. Northern Identities: Historical Interpretations of “the North” and “Northernness” / N. Kirk (ed.). Aldershot, 2000.

⁸⁰ Richards J. Films and British National Identity. From Dickens to Dad’s Army. Manchester, 1997. P. 258-259.

⁸¹ Darby W. Landscape and Identity. Geographies of Nation and Class in England. Oxford, N.-Y., 2000. P. 20-22.

⁸² Gibbons G. Yorkshire. Britain’s Biggest Country. L., 1969. P. 80-81.

⁸³ Thorold H. County Durham. Shell Guide. L., 1980.

⁸⁴ Ousby I. Blue Guide. England. L., 1995.

⁸⁵ В основном это региональные явления. В Лондоне и на Юге такое редкость. См. Babbidge A. UK Museums: Safe and Sound? // Cultural Trends. 2000. Issue 10 (37). P. 26.

⁸⁶ Babbidge A. UK Museums... P. 12-16; Burton R. Travel Geography. L., 1991. P. 213-214. См. также: Johnson J. Seafont Regeneration Strategy. Sunderland, 2010; Сайт Национального музея футбола в Манчестере. <http://www.nationalfootballmuseum.com>; Сайт музея Урбис в Манчестере. <http://urbisarchive.org/>; Сайт Национального музея стекла в Сандерленде. <http://www.nationalglasscentre.com>; Сайт Краеведческого музея Сандерленда. <http://www.twmuseums.org.uk/sunderland/collections.html>; Сайт Музея современного искусства Болтик в Ньюкасле. <https://www.balticmill.com>; Сайт Галереи современного искусства Тэйт Ливерпуль. <http://www.tate.org.uk/visit/tate-liverpool>; Сайт Музея Ливерпуля. <http://www.liverpoolmuseums.org.uk/mol> и др.

⁸⁷ Babbidge A. UK Museums... P. 12-16, 26.

⁸⁸ См. Hope C.A. Tourism and Difficult Areas Revisited: the Case of Bradford // Tourism Management. 2001. No. 22. P. 629-636.

⁸⁹ См. The Rough Guide to England 8 / R. Andrews, J. Brown, Ph. Lee, R. Humphreys (eds.). N.-Y., 2008. P. 699; Сайт муниципальной организации «Туризм Северо-Востока». <http://www.tourismnortheast.com.au>

⁹⁰ The Rough Guide to England 8 / R. Andrews, J. Brown, Ph. Lee, R. Humphreys (eds.). N.-Y., 2008. P. 558-559.

⁹¹ В поддержку подобных инициатив было издано множество проектов, посвященных истории города, с акцентом на истории жизни обычных ливерпульцев (воспоминания, фотографии). См., например: Our Liverpool: Memories of Life in Disappearing Britain / J.P. Dudgeon (ed.). L., 2010; Merseypride...; Leeson P. Goodbye Scottie Road. The Photography of Peter Leeson. L., 2008; Trevor P. You’ve Never been Away. L., 2011 и др.

⁹² ПМА 36: Д. Кларк.

⁹³ См.: Schmid S. Exploring Multiculturalism: Bradford Jews and Pakistanis // Journal of British Culture. 1997. Issue 4. 1-2. P. 165; Bagguley P., Hussain Y. Riotous Citizens: Ethnic Conflicts in Multicultural Britain. Aldershot, 2008.

⁹⁴ См. Hope C.A., Klemm M.S. Tourism and Difficult Areas Revisited: the Case of Bradford // Tourism Management. 2001. No. 22. P. 629-636.

⁹⁵ Bradford Telegraph and Argus. 1999. 25 August.

⁹⁶ Russell D. Selling Bradford: Tourism and Northern Image in the Late Twentieth Century // Contemporary British History. 2003. No. 2. Vol. 17. P. 66.

⁹⁷ Hewison R. The Heritage Industry. Britain in a Climate of Decline. L., 1987.

⁹⁸ См. Howard P. Heritage: Management, Interpretation, Identity. L., 2002.

⁹⁹ Taylor P.J. Which Britain?.. P. 138-139.

¹⁰⁰ Англ. “Ah wish you’d mouth your wods more properer when you’re a-talkin’ to a gentleman”.

- ¹⁰¹ См. Trudgill P. *The Dialects of England...* P. 44–46.
- ¹⁰² См. Интервью с директором Центра исследований культуры и медиа Университета Сандерленда, профессором, культурологом Дж. Стори. Сандерленд. 07.06.10.
- ¹⁰³ См. Scouse English / F. Fazakerly (ed.). L.: Abson Books, 2008; Holcroft F. *Lancashire English*. L., 2009; Graham F. (ed.). *The New Geordie Dictionary*. Thropton, 2008; Irwin D. *100 Geordie Jokes*. Thropton, 2010; Howey P. *The Geordie Cook Book*. Thropton, 2010.
- ¹⁰⁴ Waller P.J. *Democracy and Dialect...* P. 2.
- ¹⁰⁵ См. Upton C., Widdowson J. D. A. *An Atlas of English Dialects*. Oxford, 1996.
- ¹⁰⁶ Trudgill P. *The Dialects of England...* P. 2–3.
- ¹⁰⁷ Griffiths B. *Fishing and Folk...* P. 2–3.
- ¹⁰⁸ Mugglestone L. *Talking Proper. The Rise of Accent as Social Symbol*. Oxford: Oxford University Press, 1995.
- ¹⁰⁹ Griffiths B. *Fishing and Folk...* P. 2.
- ¹¹⁰ Widdowson J. D. A. *Sheffield Dialect on the Eve of the Millenium // TYDS*. 99. 19. 1999. P. 10, 16.
- ¹¹¹ Christopher D. *British Culture...* P. 25.
- ¹¹² Leith D. *A Social History of English*. L., 1983. P. 41–42.
- ¹¹³ См.: Russell D. *Popular Music in England, 1840–1914. A Social History*. Manchester, 1997. P. 228–238.
- ¹¹⁴ Joyce P. *Visions of the People...* P. 265.
- ¹¹⁵ См.: ПМА 28: Дж. Стори; ПМА 29: П. Бентон. См. также: Mugglestone L. *Talking Proper...* P. 3.
- ¹¹⁶ Trudgill P. *The Dialects of England...* P. 50–78.
- ¹¹⁷ Здесь и далее говорится о «народных» обозначениях диалектов. См.: ПМА 17: Н. Гилнор; ПМА 18: Дж. Паттерсон; ПМА 21: Дж. Ригби; ПМА 22: П. Макэлрой; ПМА 23: П. Гаскелл; ПМА 32: А. Линдсей и др. См. также: Griffiths B. *Fishing and Folk...* P. 5–6
- ¹¹⁸ Widdowson J. D. A. *Sheffield Dialect...* P. 5–6, 19–49.
- ¹¹⁹ ПМА 1: К. Свинберн.
- ¹²⁰ ПМА 1: Л. Хоппер.
- ¹²¹ ПМА 29: П. Бентон.
- ¹²² ПМА 29: Л. Хэннон; ПМА 30: А. Янгер и др.
- ¹²³ ПМА 28: Б. Плэйс.
- ¹²⁴ Leith D. *A Social History of English...* P. 56.
- ¹²⁵ Jewell H.M. *The North-South Divide...* P. 191.
- ¹²⁶ Turner G. *The North...* P. 144–150.
- ¹²⁷ См. об этом: Waller P.J. *Democracy and Dialect...* P. 24
- ¹²⁸ Интервью с учителем истории частной школы г. Дарем Дж. Смитом. Дарем. 20.06.10.
- ¹²⁹ ПМА 1: Дж. Стори.
- ¹³⁰ ПМА 3: М. Кларк.
- ¹³¹ Briggs A. *The History of Broadcasting in the United Kingdom*. Vol. 2. Oxford, 1995. P. 191.
- ¹³² Gifford D. *The Golden Age of Radio*. L., 1985. P. 113.
- ¹³³ Pegg M. *Broadcasting and Society, 1918–1939*. L., 1983. P. 161–162.
- ¹³⁴ Gifford D. *The Golden Age of Radio...* P. 114.
- ¹³⁵ См. Mugglestone L. *Talking Proper...* P. 323–324.
- ¹³⁶ См.: Furst S. *Radio Comedy, 1938–1968*. L., 1996; ПМА 31: Э. Сайкс, К. Рош.
- ¹³⁷ Barnard S. *Studying Radio*. L., 2000. P. 176.
- ¹³⁸ См. Crissel A. *An Introductory History...* P. 131–145.
- ¹³⁹ Donovan P. *The Radio Companion*. L., 1991. P. 21–34.
- ¹⁴⁰ См. Russell D. *Looking North...* P. 140–141.

¹⁴¹ Griffiths B. Fishing and Folk... P. 3. См. также: сайт фанатов футбольного клуба «Сандерленд». <http://www.a-love-supreme.com>; сайт фанатов футбольного клуба «Ньюкасл». <http://www.nufc.com>

¹⁴² Несмотря на ведущую роль Шеффилда как футбольного центра, правила игры были составлены и приняты в 1863 г. Футбольной ассоциацией в Лондоне (регби — 1871 г. Ассоциацией регби). См. Harvey A. Football in Sheffield and the Creation of Modern Soccer and Rugby // *International Journal of the History of Sport*. 2001. Vol. 18. Issue. 4. P. 53-87.

¹⁴³ Mason T. Football, Sport of the North? // *Sport and Identity in the North of England*. Keele, 1996. P. 45.

¹⁴⁴ См. Bragg B. New Traditions for an Old Country // *Imagined Nation: England after Britain*. L., 2008. P. 90.

¹⁴⁵ Huggins M. Sport and Social Construction of Identity in North-East England, 1800-1914 // *Northern Identities: Historical Interpretations of "the North" and "Northernness"*. Aldershot, 2000. P. 135. См. также: Cricket and National Identity in Postcolonial Age: Following On / S. Wagg (ed.). L., 2008.

¹⁴⁶ Harvey A. Football in Sheffield... P. 55; "When Push Comes to Shove": Rugby League the People's Game / I. Clayton, M. Steele. Castleford: Yorkshire Arts Circus, 1993. P. 11.

¹⁴⁷ См. Collins T. Rugby's Great Split. Class, Culture and the Origins of Rugby League Football. L., 1998.

¹⁴⁸ ПМА 23: Д. Кларк.

¹⁴⁹ Kelner S. To Jerusalem and Back. L., 1996. P. 99.

¹⁵⁰ Hawkes K., Lindley G. Encyclopedia of Bowls. L., 1974. P. 47. См. также: Ward A. Bowling Legends. Poulton-Le-Fylde, 2012.

¹⁵¹ The Oxford Companion to Sports and Games / J. Arlott (ed.). Oxford, 1975. P. 578-81.

¹⁵² Сайт музейного проекта «Образы нации: британское искусство, наследие и идентичность». www.lotterygoodcauses.org.uk/project/imagined-nation-british-art-heritage-and-identity-21st-century

¹⁵³ ПМА 12: Г. Чант.

¹⁵⁴ Williams J. "Up and Under". Eddie Waring, Television and the Image of Rugby League // *The Sports Historian*. 2002. Vol. 22. No.1. P. 118-119.

¹⁵⁵ Kelner S. To Jerusalem... P. 81.

¹⁵⁶ ПМА 17: Д. Валенте; ПМА 21: П. Бентон; ПМА 32: К. Портер, Т. Флетчер.

¹⁵⁷ ПМА 32: К. Портер; Интервью со специалистом по культурным исследованиям спорта, лектором Университета Манчестер Метрополитан К. Портером. Манчестер. 06.07.12.

¹⁵⁸ Census 2011. Office for National Statistics. <http://www.ons.gov.uk/ons/guide-method/census/2011/index.html>

¹⁵⁹ ПМА 1: Л. Хоппер. См. также: Официальный сайт футбольного клуба «Сандерленд». <http://www.safc.com/>

¹⁶⁰ ПМА 31: Д. Олпорт.

¹⁶¹ Taylor H. Sporting Heroes // *Geordies: Roots of Regionalism*. Edinburgh, 1992. P. 120-121.

¹⁶² См. Gladstone H. Beryl Burton: British Legend // *Cycling Weekly*. 2010, February. P. 22-23.

¹⁶³ ПМА 7: Д. Килвингтон.

¹⁶⁴ Taylor H. Sporting Heroes... P. 130.

¹⁶⁵ ПМА 8: С. Крук.

¹⁶⁶ ПМА 1: Дж. Амбри.

¹⁶⁷ ПМА 1: Р. Джьюит.

¹⁶⁸ ПМА 24: Дж. Свэйн. См. также об этом: Hill J. Rites of Spring: Cup Finals and Community in the North of England // *Sport and Identity in the North of England*. Keele, 1996. P. 87-93.

- ¹⁶⁹ ПМА 28, 29.
- ¹⁷⁰ ПМА 23: Д. Кларк.
- ¹⁷¹ Lancaster B. Newcastle — Capital of What? // *Geordies: Roots of Regionalism*. Newcastle, 2005. P. 53–70.
- ¹⁷² *Liverpool Echo*. 1984. 20 March. P. 246–247.
- ¹⁷³ См. Russell D. Sport and Identity: the Case of Yorkshire Cricket Club, 1890–1939 // 20th Century British History. 1996. Vol.7. No 2. P. 206–230.
- ¹⁷⁴ Сведения взяты из беседы с ветераном любительского крикета Дарема, см.: ПМА 3; Р. Стоун. См. также: Russell D. Sport and Identity: the Case of Yorkshire Cricket Club, 1890–1939 // 20th Century British History. 1996. Vol.7. No 2. P. 206–230.
- ¹⁷⁵ И если на Юге истории о «футболистах-нуворишах», выкупивших старинные поместья и замки и модернизовавших их территории, воспринимаются, как правило, негативно (в первую очередь из-за их «плебейских вкусов», посягательств на традицию и власть), то на Севере это зачастую является примером того, «как надо жить» и «мстить южанам и аристократам». См.: ПМА 34: Э. Квили.
- ¹⁷⁶ О спортсмене см., например: Harris B. Sir Bobby Robson: Living the Game. L., 2004.
- ¹⁷⁷ Зал славы английского футбола — экспозиция, посвященная истории и достижениям английского футбола, находящаяся в Национальном футбольном музее в Манчестере. Церемония включения новых членов в Зал местные обозреватели сравнивают с церемонией вручения премии «Оскар». См.: Galvin R. The Football Hall of Fame: the Ultimate Guide to the Greatest Footballing Legends of All Time. Manchester, 2011.
- ¹⁷⁸ ПМА 19: С. Своллас. См.: Robson B. Farewell but not Goodbye. L., 2005.
- ¹⁷⁹ ПМА 32: П. Ануमुду, А. Макдональд.
- ¹⁸⁰ Clayton I., Steele M. “When Push Comes to Shove”... P. 123–124.
- ¹⁸¹ ПМА 23: Д. Кларк.
- ¹⁸² См. Rice J. One Hundred Lord`s Tests. L., 2001.
- ¹⁸³ ПМА 8: Д. Стоун.
- ¹⁸⁴ Russell D. Looking Northern... P. 250. См также: Huggins M. Sport and Social Construction of Identity in North-East England, 1800–1914 // *Northern Identities: Historical Interpretations of “the North” and “Northernness”*. Aldershot, 2000. P. 134–135.
- ¹⁸⁵ ПМА 17: Д. Валенте.
- ¹⁸⁶ См. Sport and Identity in the North of England / J. Hill, J. Williams (eds.). Keele, 1996.
- ¹⁸⁷ ПМА 1: Р. Джьюит.
- ¹⁸⁸ ПМА 31: К. Рош.
- ¹⁸⁹ Бримсон Д. и Э. Англия, моя Англия: зло, следующее за сборной. СПб., 2007. С. 25.
- ¹⁹⁰ ПМА 17: Дж. Кларксон.
- ¹⁹¹ ПМА 26: М. Тернер.
- ¹⁹² См. Mail on Sunday. 1999, 28 November. См. также: сайт фанатов ФК «Ливерпуль». <http://www.thisisanfield.com>
- ¹⁹³ ПМА 13: Э. Криссел.
- ¹⁹⁴ Castells L., Walton J.K. Contrasting Identities. P. 76–77.
- ¹⁹⁵ Николюкин А.Н. Региональная литература // *Литературная энциклопедия терминов и понятий*. М., 2001. С. 864. См. также: Snell K. D. M. The Bibliography of Regional Fiction in Britain and Ireland: 1800–2000. Aldershot, 2002.
- ¹⁹⁶ Gordon C. By Gaslight in Winter. L., 1980. P. 43.
- ¹⁹⁷ Snell K.D.M. The Bibliography of Regional Fiction... P. 6; Pocock D., Hudson R. Images of the Urban Environment. L., 1978. P. 110–127; Shields R. Places on the Margin... P. 211.
- ¹⁹⁸ Urry J. Consuming Places. L., 1995. P. 193.
- ¹⁹⁹ Dodd P. Lowryscapes: Recent Writing about “the North” // *Critical Quarterly*. 1990. Vol. 32. No 2. P. 17.

- ²⁰⁰ Williams R. *Regions and Class in the Novel // The Uses of Fiction / D. Jefferson, G. Martin (eds.). Milton Keynes, 1982. P. 60.*
- ²⁰¹ Musgrove F. *The North of England...* P. 13–16.
- ²⁰² Имеется в виду Образовательный акт 1944 г. о бесплатном образовании.
- ²⁰³ См. Ashton O., Roberts S. *The Victorian Working-Class Writer. L., 1999.*
- ²⁰⁴ См. *Peripheral Visions. Images of Nationhood. Contemporary British Fiction / I. Bell (ed.). Cardiff, 1995.*
- ²⁰⁵ *The Regional Novel in Britain and Ireland, 1800–1900 / K.D.M. Snell (ed.). Cambridge, 1998. P. 1. См. также: Peripheral Visions....*
- ²⁰⁶ *The Regional Novel...* P. 4–5, 173–175.
- ²⁰⁷ Cavaliero G. *The Rural Tradition in the English Novel. L., Basingstoke, 1977. P. ix–x.*
- ²⁰⁸ Russell D. *Looking North...* P. 81.
- ²⁰⁹ См. Haywood I. *Working-class Fiction from Chartism to Trainspotting. Plymouth, 1997. P. 145.*
- ²¹⁰ Dodd P. *Lowryscapes: Recent Writing about “the North” // Critical Quarterly. 1990. Vol. 32. No 2. P. 17.*
- ²¹¹ См. Snell K.D.M. *The Bibliography...*
- ²¹² Colls R. *Cookson, Chaplin and Common: three Northern Writers in 1951 // The Regional Novel in Britain and Ireland, 1800–1900. Cambridge, 1998. P. 184–186.*
- ²¹³ См. *Peripheral Visions....*
- ²¹⁴ См.: Keith W.J. *Regions of the Imagination. The Development of British Rural Fiction. Toronto, 1988.*
- ²¹⁵ Burnett F.H. *That Lass O` Lowries. L., 1999. P. 47.*
- ²¹⁶ См. Armitage S. *All Points North. L., 2009.*
- ²¹⁷ По статистике преступности и пр. на Севере см.: Miah R. *Barriers to Belonging... P. 89–98.*
- ²¹⁸ Joyce P. *Visions of the People... P. 280–281. См. также: Belchem J. An Accent Exceedingly Rare... P. 41.*
- ²¹⁹ Russell D. *Looking North...* P. 119.
- ²²⁰ Maidment B. *The Poorhouse Fugitives: Self-taught Poets and Poetry in Victorian Britain. Manchester, 1987. P. 23.*
- ²²¹ Joyce P. *Visions of the People... P. 258.*
- ²²² *Ibid. P. 257.*
- ²²³ Vicinus M. *The Industrial Muse. Beckenham, 1974. P. 225.*
- ²²⁴ Hollingworth B. *Songs of the People. Manchester, 1977. P. 4.*
- ²²⁵ *Ibid. P. 5–7.*
- ²²⁶ Dutton D. *Completely Lanky: Comic Guide to Lancashire Lingo. Chorley, 2000. P. 13.*
- ²²⁷ Kellet A. *Basic Broad Yorkshire. Dalesman, 1991. P. 3.*
- ²²⁸ Joyce P. *Visions of the People... P. 293–294.*
- ²²⁹ Dutton D. *Completely Lanky... P. 8–9.*
- ²³⁰ Richardson J. *Cummerland Talk. Carlisle, 1876. P. 30–38.*
- ²³¹ Urry J. *The Tourist Gaze. Leisure and Travel in Contemporary Societies. L., 1990. P. 1–15.*
- ²³² Ousby I. *The Englishman`s England. Taste, Travel and the Rise of Tourism. Cambridge, 1990. P. 5.*
- ²³³ См. Russell D. *Looking North...*
- ²³⁴ *Ibid. P. 46–47.*
- ²³⁵ *County Durham. Shell Guide / Thorold H. (ed.) L., 1980. Acknowledgments page.*
- ²³⁶ Fisher R. *Fodor`s Great Britain 2000. N.-Y., 1999.*
- ²³⁷ Cabasin L. *Fodor`s England 2007: With the Best of Wales. N.-Y., 2007.*
- ²³⁸ Russell D. *Looking North...* P. 47–48.
- ²³⁹ Priestley J.B. *English Journey. Harmondsworth: Penguin, 1987. P. 390.*

- ²⁴⁰ См.: Dellheim C. *Imagining England...* P. 229; Shields R. *Places on the Margin...* P. 213.
- ²⁴¹ Brace C. *Finding England Everywhere: Regional Identity and the Construction of National Identity, 1890-1940 // Ecumene.* 1999. Vol. 6. No 1. P. 102.
- ²⁴² Black A. *Black's Picturesque Guide to Yorkshire.* Edinburgh, 1858. Цит. по: Urry J. *Consuming Places...* P. 193-210.
- ²⁴³ Horne D. *God is an Englishman.* Sydney, 1969. P. 38.
- ²⁴⁴ Colls R. *Identity of England...* P. 268-269.
- ²⁴⁵ Mais P. *This Unknown Island.* L., 1932. P. 150. См. также: Priestley J.B. *English Journey.* Harmondsworth, 1987.
- ²⁴⁶ Colls R. *Identity of England...* P. 268-269.
- ²⁴⁷ Murray J. *Handbook for Travellers in Yorkshire.* L., 1867. P. viii; 357. Цит. по: Colls R. *Identity of England...* P. 268-269.
- ²⁴⁸ См.: Mee A. *Yorkshire. West Riding.* L., 1941. P. 10, 17; Priestley J.B. *English Journey.* Harmondsworth, 1987. P. 327; Shears W.S. *This England: A Book of the Shires and Counties.* L., 1938. P. 594; Baddeley M.J.B. *Yorkshire Part I — The East Coast, York And Country Between N.E. Main Line And The Sea Also Cathedral & Castle Durham.* L., 1908. P. XIII.
- ²⁴⁹ Urry J. *Consuming Places...* P. 193-210.
- ²⁵⁰ Theroux P. *The Kingdom by the Sea.* L., 1983. P. 173. См. также: Bryson B. *Notes from a Small Island.* L., 1996. P. 213-15.
- ²⁵¹ Bennett T. *Hegemony, Ideology, Pleasure: Blackpool // Popular Culture and Social Relations.* Milton Keynes, 1986. P. 153.
- ²⁵² ПМА 28: П. Додс; ПМА 30: А. Янгер; ПМА 32: К. Портер; ПМА 36: Д. Кларк и др. См. также: Wainwright M. *True North...* P. 3-4.
- ²⁵³ Russell D. *Looking North...* P. 59-60.
- ²⁵⁴ *The Dalesman. A Celebration of Fifty Years.* L., 1989. P. vii.
- ²⁵⁵ См. Darby W. *Landscape and Identity. Geographies of Nation and Class in England.* Oxford, N.-Y., 2000.
- ²⁵⁶ Russell D. *Looking North...* P. 60.
- ²⁵⁷ См., например: Cooper L. *Yorkshire. West Ridding.* L., 1950; *The New Shell Guide to England.* L.: 1981.
- ²⁵⁸ Cooper L., *Yorkshire...* P. 11.
- ²⁵⁹ *Ibid.* P. 7.
- ²⁶⁰ Lofthouse J. *Portrait of Lancashire.* L., 1977. P. 10; Roberts N., Bloemendal F.A.H. *Lancashire (England in Cameracolour).* L., 1983. P. 102.
- ²⁶¹ Price C. *Teashop Walks in Lancashire.* Wilmslow, 1997. P. 1.
- ²⁶² *Ibid.* P. 8.
- ²⁶³ Price C. *Tea Shop Walks...* P. 13.
- ²⁶⁴ Макоуни С. Гонор и предубеждения. С. 9.
- ²⁶⁵ См. Jarski R. *The Wit and Wisdom of the North.* L., 2009.
- ²⁶⁶ *Ibid.* P. 170.
- ²⁶⁷ *Ibid.* P. XVI-XVII.
- ²⁶⁸ *Ibid.* P. XVII.
- ²⁶⁹ См. Nevin Ch. *Lanchashire...* P. 7-15.
- ²⁷⁰ См. Armitage S. *All Points North...*
- ²⁷¹ ПМА 33: М. Чоудхари.
- ²⁷² Shields R. *Places on the Margin...* P. 220, 219.
- ²⁷³ См. Warren P. *British Film Studios. An Illustrated History.* L., 1995.
- ²⁷⁴ Marwick A. "Cultural Revolution" in Britain // *Journal in Contemporary History.* 1984. Vol. 19. P. 127-152.
- ²⁷⁵ Hill J. *British Cinema in the 1980s.* Oxford, 1999. P. 133-170; Hill J. *Sex, Class and Realism. British Cinema 1956-1963.* L., 1986. P. 132; Aldgate A., Richards J. *Best of British. Cinema and Society from 1930 to the Present.* L., 1999. P. 182-200.

- ²⁷⁶ Ball V. The "Re-feminisation" of British Television and the Re-traditionalization of Gender // *Feminist Media Studies*. 2012. Vol. 2. Issue 12. P. 264.
- ²⁷⁷ Russell D. Looking North... P. 177–207.
- ²⁷⁸ Murphy R. *Sixties British Cinema*. L., 1992. P. 143.
- ²⁷⁹ Richards J. *Films and British National Identity. From Dickens to Dad's Army*. Manchester, 1997. P. X.
- ²⁸⁰ Woolridge J. Living in the Past: the Imagined North of England in Contemporary British Films of the 1990s // *Film and Film Culture*. Vol. 2. 2003. P. 25–32.
- ²⁸¹ Shields R. Places on the Margin. P. 217. См. также: *Island Stories...*
- ²⁸² Hallam J. Film, Class and National Identity: Re-Imaging Communities in the Age of Devolution. *British Cinema, Past and Present*. L., 2000. P. 261–273.
- ²⁸³ *The Full Monty* / Directed by P. Cattaneo. 91 min. L., 1997.
- ²⁸⁴ *Ibid.*
- ²⁸⁵ См. *Brassed Off* / Directed by M. Herman. 107 min. L., 1996.
- ²⁸⁶ См.: Дорошевич А. Полвека британского кино. Очерки. М., 2008. С. 177.
- ²⁸⁷ Woolridge J. Living in the Past... P. 25.
- ²⁸⁸ Макоуни С. Гонор и предубеждение... С. 36, 37.
- ²⁸⁹ Hallam J. *Film, Class...*
- ²⁹⁰ Russell D. Looking North... P. 203.
- ²⁹¹ ПМА 19: Л. Хэдли.
- ²⁹² Forman D. *Persona Granada*. L., 1997. P. 53; Corner J. Popular Television in Britain. *Studies in Cultural History*. L., 1991. P. 9.
- ²⁹³ Cook P., Bernink M. *The Cinema Book*. L., 1999. P. 90.
- ²⁹⁴ Laing S. Banging in some Reality: the Original "Z Cars" // *Popular Television in Britain. Studies in Cultural History*. L., 1991. P. 140.
- ²⁹⁵ За исключением программы трансляции похорон принцессы Дианы, «Пульс» стал самой популярной телепередачей 1998 г. См.: Sydney-Smith S. *Beyond Dixon of Dock Green. Early British Police Series*. L., 2002. P. 152–179.
- ²⁹⁶ Plater A. *The Drama of the North-East // Geordies: Roots of Regionalism*. Newcastle, 2005. P. 72–73.
- ²⁹⁷ См.: Bright M., Ross R. *30 Years of Last of the Summer Wine*. L., 2007; *Last of the Summer Wine — Series 15 & 16 [1993]*. L., 2009.
- ²⁹⁸ Lewisohn M. *Radio Times Guide to TV Comedy*. L., 1998. P. 101.
- ²⁹⁹ Millington B. *Boys from the Blackstuff...* P. 126.
- ³⁰⁰ Plater A. *The Drama of the North-East...* P. 75.
- ³⁰¹ Webber R. *Whatever Happened to the Lakely Lads*. L., 1999. P. 40–51.
- ³⁰² *Radio Times*. 1984. 21–7 January. P. 17. Цит. по: Russell D. Looking North... P. 194.
- ³⁰³ См. Rutherford P. *When Television Was Young*. Toronto, 1990.
- ³⁰⁴ Jarski R. *The Wit and Wisdom...* P. xviii.
- ³⁰⁵ *Ibid.* P. xix–xxi.
- ³⁰⁶ Shields R. Places on the Margin... P. 222–229. См. также: Little D. *The Coronation Street Story: Celebrating Thirty Five Years of the Street*. L., 1995; *Coronation Street 1960–2009. Golden Anniversary Collection / Created by T. Warren*. L., 2010. 1750 min.
- ³⁰⁷ Little D. *The Coronation Street Story...* P. 8
- ³⁰⁸ *The Sun*. 13 December 1974. Цит. по: Russell D. Looking North... P. 200.
- ³⁰⁹ *The Guardian*. 16 December 1974. Цит. по: Russell D. Looking North... P. 200.
- ³¹⁰ Интервью с лектором Университета Сандерленда, специалистом по гендерной истории и культурологии В. Бол. Саут-Шилдс. 08.06.10.
- ³¹¹ ПМА 17: Э. Макэнней, К. Валенте.
- ³¹² См. Geraghty C. *Women and Soap Opera*. Cambridge, 1991; Little D. *Women of Coronation Street*. L., 1999.

- ³³³ Hill J. Rites of Spring: Cup Finals and Community in the North of England // *Sport and Identity in the North of England*. Keele, 1996. P. 92-93.
- ³³⁴ См. Buckland T. Black Faces, Garlands, and Coconuts: Exotic Dances on Street and Stage // *Dance Research Journal*. 1990. No 22 (2). P. 1-12.
- ³³⁵ ПИМА 28: П. Додс.
- ³³⁶ См. Haslam D. Manchester, England. The Story of the Pop Cult City. L., 2000.
- ³³⁷ Lethbridge P. Kathleen Ferrier. L., 1959. P. 3-4.
- ³³⁸ Russell D. Looking North... P. 224.
- ³³⁹ Ibid. P. 208.
- ³⁴⁰ Russell D. Musicians in the English Provincial City: Manchester, c. 1860-1914 // *Music and British Culture, 1785-1914. Essays in Honor of Cyril Ehrlich*. Oxford, 2000. P. 235.
- ³⁴¹ Kennedy M. The Halle Tradition. A Century of Music. Manchester, 1960. P. 239-242; Lowerson J. An Outbreak or Allodoxia? Operatic Amateurs and Middle-Class Musical Taste Between the Wars // *Gender, Civic Culture and Consumerism. Middle-Class Identity in Britain, 1800-1940*. Manchester, 1999. P. 200.
- ³⁴² См. Galloway W.J. Musical England. L., 1910. P. 95-144.
- ³⁴³ См. Hesmondhalgh D. Post Punk's Attempt to Democratize the Music Industry: the Success and Failure of Rough Trade // *Popular Music*. 1997. 16. 3. P. 255-274.
- ³⁴⁴ Thompson P. The Best of Cellars. Liverpool, 1994; Morton B. Contemporary Composers. L., 1992.
- ³⁴⁵ К 2000 г. здесь находилось 75% британских звукозаписывающих компаний, 40% профессиональных музыкантов. См.: Laing D., Yorke N. The Value of Music in London // *Cultural Trends*. 2000. 38. P. 4-7.
- ³⁴⁶ См. Haslam D. Manchester, England. The Story of the Pop Cult City. L., 2000. P. 92.
- ³⁴⁷ См.: Russell D. Looking North... P. 213; Fowler D. Youth Culture... P. 134.
- ³⁴⁸ См.: Perone J. Mods, Rockers, and the Music of the British Invasion. Westport, 2009; Cateforis T. Are We not New Wave? Modern Pop at the Turn of the 1980s. Ann Arbor, Michigan, 2011. P. 123-150; Harry B. The British Invasion: How The Beatles and Other UK Band Conquered America. N.-Y., 2004.
- ³⁴⁹ См.: Collin M. Altered States. The Story of Ecstasy Culture and Acid House. L., 1998. P. 166-167; Russell D. Looking North... P. 63.
- ³⁵⁰ См.: Miles B. The British Invasion: The Music, The Times, The Era. N.-Y., 2009.
- ³⁵¹ ПИМА 17-36. См. также: Champion S. And God Created Manchester... P. 11.
- ³⁵² Collin M. Altered States... P. 168.
- ³⁵³ Melody Maker. 2001. 22 September. См. также: Haslam D. Manchester, England... P. xxix.
- ³⁵⁴ Cohen S. Rock Culture in Liverpool. Popular Music in the Making. Oxford; N.-Y., 1991. P. 11.
- ³⁵⁵ Collin M. Altered States... L., 1998. P. 159.
- ³⁵⁶ Gillet C. The Sound of the City. N.-Y., 1984. P. 267; Stoke M. Ethnicity, Identity, and Music: the Musical Construction of Place. Oxford, 1994. P. 117-134.
- ³⁵⁷ Rogan J. Morrissey and Marr. The Severed Alliance. L., 1993. P. 218-219, 308.
- ³⁵⁸ Определение «фолка» и «этнической музыки» см. в Главе II. См. также: Sweers B. Electric Folk: The Changing Face of English Traditional Music. Oxford, 2005; Finnegan R.H. The Hidden Musicians: Music-Making in an English Town. Middletown, 2007; Ddorsen R.M. The British Folklorists: a History. L., 1990 и др.
- ³⁵⁹ Irwin C. Rough Guide to World Music. L., 1999. P. 67-70.
- ³⁶⁰ Connel J., Gibson C. Sound Tracks: Popular Music, Identity, and Place. L., 2002. P. 56.
- ³⁶¹ См. Stuckey D. The Spinners. Fried Bread and Brandy-o! L., 1983.
- ³⁶² Lowerson J. An Outbreak or Allodoxia?.. P. 198-199.
- ³⁶³ Stewart B. On the Top of the World. Tyne and Wear, 2009.
- ³⁶⁴ См. Dodds P. Cora Mills. Newcastle, 2011.

³⁴⁵ Christopher D. *British Culture...* P. 131–155.

³⁴⁶ См., например: *Brass Band News*. 1985. July.

³⁴⁷ Russell D. *Music and Northern Identity...* P. 215.

³⁴⁸ *Ibid.* P. 216.

³⁴⁹ См. Sweers B. *Electric Folk...* P. 10–47.

³⁵⁰ Lawson A. *It Happened in Manchester*. Unsworth, Lanc, 1992.

³⁵¹ ПМА 22: Р. Макэлрой, С. Гоулдер.

³⁵² См., например: *Brighouse Echo*. 1946, 25 October. Цит. по: Lawson A. *It Happened in Manchester...* P. 64.

³⁵³ *Melody Maker*. 1963, 24 June.

³⁵⁴ Pattenden M. *Last Orders at the Liar's Bar. The Official History of the Beautiful South*. L., 1999. P. 44.

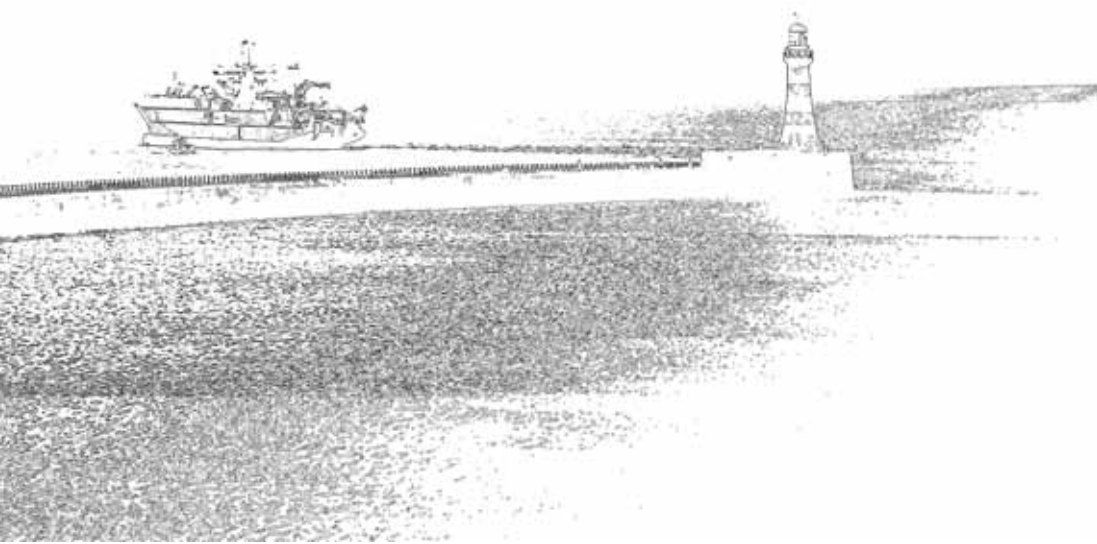
³⁵⁵ Haslam D. *Manchester, England. The Story of the Pop Cult City*. L., 2000. P. xxvii.

³⁵⁶ Samuel R. *North and South...* P. 65.

³⁵⁷ См.: *Bradford Telegraph and Argus*. 1974, 5 August; Howarth P. *What a Performance. The Brass Band Plays*. L., 1988; *The British Brass Band. A Musical and Cultural History*. Oxford, 2000; Russell D. *Music and Northern Identity...* P. 31–32, 38.

³⁵⁸ ПМА 13: Э. Криссел.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы провели историко-антропологический анализ дискурса английской идентичности в ее национальной, этнической и региональной проекциях (британскость, английскость, североанглийскость), в многослойном дискурсивном поле на материалах Северной Англии. Главы монографии содержат обоснование концепции трехчленной «матрешки идентичности» англичан Севера на национальном, этнокультурном и региональном уровнях. Данная работа обращается к английскости в ситуативных и изменчивых «диалогах», в том числе историографического, общественно-политического, экономического, литературно-кинематографического и повседневно-бытового толка. Проведение исследования доказало обоснованность выбранной методологии, позволило по-новому взглянуть на изучение феномена идентичности, являющегося как системой отношений, существующих и продуцирующих определенный дискурс, так и комплексом представлений, тесно связанных с понятием территориального образа. Ключевой категорией региональной идентичности, если вести речь о культурной идентичности, выступают концепты локальности, «малой родины»; таким образом, корректнее говорить не об общей североанглийской идентичности, а о множестве североанглийских идентичностей.

В ходе исследования были рассмотрены исторический, социально-политический, экономический и культурный контексты развития дискурсивного поля идентичности; осуществлены сбор и презентация топографических и визуально-антропологических данных по английской идентичности, выявлены символы-компоненты, механизмы формирования, концептуализации и категоризации современной британской, английской и североанглийской идентичностей; охарактеризованы и проанализированы историографические, общественно-политические, литературно-кинематографические и повседневно-бытовые версии и проекты региональной идентичности Севера Англии, а также вариации ее локальных и персональных форм; изучено соотношение локальной (на уровне маленького городка), субрегиональной (графства) и региональной (Северной Англии или ее частей) идентичностей; описан дискурс североанглийской идентичности в соотношении с английской, британской, европейской и иммигрантскими идентичностями,

в том числе в рамках феноменологического анализа пространств идентичности (стадион, паб, дом и завод) жителя Северной Англии; выявлены контуры североанглийской региональной идентичности в рамках национального самосознания, а также его функции и значения для национальной культуры; установлены связанные с самосознанием и самоопределением способы ориентации в социальном пространстве, в том числе относительно лояльности власти и смягчения национальных конфликтов.

Соотношение английскости и британскости наиболее точно определяется словом *versus*, поскольку в нем пересекаются взаимодополнения и взаимоотрицания. Мы уверены, что формула *Britishness versus Englishness* наиболее точно отражает содержание неотделимых друг от друга британской и английской идентичности. Дискурс англо-британской идентичности (или английскости как части британскости) трудно назвать структурированным; разнообразие мнений создает своего рода «шум» и напряжение. И все же в нем выделяются такие факторы, как имперская идея и «высокая» политика, иммиграция, ислам и мультикультурализм, политический экстремизм, традиция, национальное брендинг, деволуция и евроинтеграция. Акторами этого преимущественно политического дискурса выступают политические элиты и все те, кто говорит и действует от их лица.

После распада империи в середине XX в. британским обществом предпринимались многочисленные попытки ответить на вопрос, каковы сегодня ценности жителей Британских островов, что представляют собой британская идентичность, если она существует, и постимперские идентичности народов Британии. Задачей становится поиск адекватной для мультикультурного британского сообщества межрасовой парадигмы. В связи с международной и внутренней обстановкой с середины 1990-х гг. и по настоящее время напряжение дебатов не спадает. Постимперское переходное общество в поисках новой идентичности продуцирует меморационные конструкции, структурирует и оценивает настоящее через прошлое. Процесс усвоения и принятия различных исторических символов является базовой составляющей идентичности.

Большинством авторов признается, что понятие британской идентичности остается существенно англизированным (Англия была ядром британской метрополии, а англичане — доминирующим народом), хотя против этого направлены усилия многих политиков, экономистов, историков, кинематографистов. В 1990-е гг. происходит дробление британскости на английскую, шотландскую, валлийскую, индийскую, «мусульманскую» составляющие. Размытость идентичности, разнонаправленность культурных ориентаций, многопоколенная политика нивелирования идентичности во имя имперской идеи создают сложную структуру идентичности, которая не может быть упрощена и разрешена. Рассмотренная трехъярусная «матрешка идентичностей» была бы лишена целостности без одного из компонентов.

Дискурс открывает различные позиции в определении британской общности — по критериям гражданства или этничности. Это отражает две исторические тенденции — становление гражданской нации в Британии и актуализацию этнонаций на базе существующих или воображаемых этнических различий — при негласном запрете на национализм «доминирующей нации». До середины 1990-х гг. английский «национализм» имел зачастую маргинальный характер: основными акторами «идеологии» выступали скинхеды, крайне правые националисты; с середины 1990-х гг. в дискурсе английскости все чаще стали принимать участие интеллектуальные и политические элиты.

В британском обществе набирает популярность точка зрения об абстрактности и политизированности британскости, о кризисе этой формы идентичности. Многие авторы сходятся на том, что британскость — нечто обращенное в прошлое и возвращенное на прошлом, особенно имперском. Основная «аудитория» концепта британскости — не столько «коренные» британцы (которые считают это попыткой искусственно объединить множество этнических, региональных и локальных идентичностей), сколько жители и выходцы из ее бывших колоний. По расхожему убеждению, это понятие заново изобретено на рубеже веков — во многом для интеграции иммигрантского сообщества.

Распространено несколько пониманий национальной идентичности. Консерваторам в наследство от М. Тэтчер досталась приверженность к «истинно английским» ценностям, превосходство по отношению к иммигрантам, евроскептицизм. Лейбористская модель основывается на либеральной традиции гражданского «юнионизма», предполагающей множественные идентичности, *Britishness* как гражданскую общebritанскую общность. Политике, как и историографии, присущ крен в сторону ревизионизма, при этом многие ревизионисты являются не англичанами, а представителями окраин бывшего *Rex Britannica* (пакистанцами, индийцами и др.).

Понимание национальной идентичности разнообразно и субъективно, и оно всегда определено тем культурным и профессиональным контекстом, в котором функционирует. Попытаться представить британскость как некую целостную сущность крайне сложно; целесообразнее обозначить главные измерения и/или «болевые точки» этого политического дискурса, такие как империя, иммиграция, деволуция, политический экстремизм, глобализация, определяющие ее ситуационные проявления и актуальность.

Участники дискурса указывают на объединяющую и разъединяющую силу имперского фактора для британской идентичности. Отношения империализма и современной британской идентичности противоречивы: с одной стороны, империя остается неким «золотым веком» успешной, глобальной, мультикультурной, полиэтничной британскости, с другой — становится символом столкновений и противоречий британских народов. Солнце империи все дальше от британцев, и сегодня они тяготеют к мультикультурности иного качества — «равнокультурности» без доминирования какой-либо группы, а также локальности и экзистенциональной замкнутости.

В ходе дебатов встает вопрос о жизнеспособности мультикультурализма как идеологии, отторгаемой не только иммигрантами, но и коренными жителями, о проблеме радикализирующегося меньшинства (особенно мусульманской молодежи), о необходимости поиска удовлетворяющей всех концепции британскости. Однако при большой организованности и силе общины мусульман и англизированной общины «британский» возможность создания единой концепции британскости

выглядит утопичной. Последствиями геттоизации иммиграции стало то, что мусульманское население остается, несмотря на усилия правительств, не интегрируемым в британское общество; исходя из своих культурных установок мусульмане не так, как европейцы, декодируют смысл мультикультурализма. Из проектов мультикультурализма по сути исключаются англичане, в условиях постколониализма воспринимающиеся как символ колониализма и эксплуатации. И если в культурном смысле британскость в сознании рядовых граждан приближена к английскости, то в политическом смысле это разные идеологии, связанные с отрицанием английского национализма в британской политике. Вместе с тем наблюдается усиление позиций английского национализма и английской идентичности (в оппозиции к британской идентичности), что является следствием дебатов о деволуции и евроинтеграции. Несомненно, будущее англичан как этнической (культурной) или национальной (гражданской) общности зависит от понимания и принятия англичанами собственного прошлого, наследия империи, решений по поводу альянсов с Америкой и Европой.

Общественные и политические дебаты на тему британскости (как и английскости) в исследуемый период проходят под знаком поиска современного символического пространства британскости и Британии. Попытки выяснить, что входит в понятие британскости, обычно заводят в «путешествия» по ее территориям — Шотландии, Англии, Уэльсу, Ирландии и пр. Или же «британскость» превращается в интернациональный набор преимущественно политических, гражданских символов, часто связанных с английскостью, Лондоном и империей, впитавших в себя мультикультурные черты территорий-колоний. Англичане, Лондон, а также иммигрантские сообщества, обозначающие зачастую британскость в качестве основной идентичности, — единственно возможные и даже идеальные пространства для британскости.

Английскость рассматривается в работе как этнокультурная идентичность, анализируются основные современные концепции английскости. Идеологическое и коммуникативное измерение английскости открывает множество версий идентичности, как непосредственно связанных с британскостью, так и развивающихся в рамках концепции английской «нации» и «региона»

Англии. Английскость политизирована, хотя сегодня все чаще рассматривается в категории культурной идентичности. В этом дискурсе первостепенную роль играет специфика развития регионов Англии (в основном Юго-Востока), диалог «метрополии» и «провинции». Среди акторов на первый план выходят не только политические элиты, но и «периферийные» политики, деятели культуры и общественных движений.

Говорить даже о достаточно условном единстве англичан и английской идентичности проблематично, учитывая ее глубокую историческую связь с концепцией британскости, политизацию термина и региональное разнообразие ее версий. Тем не менее определенные модели идентичности могут претендовать на варианты локальной «идентичности суши» (Малая, «Классическая», Региональная Англия) и магистральной «идентичности моря» (Британская, Мультикультурная и космополитичная Англия). Исторически английская культура, ставшая ядром британского сообщества, была полем взаимодействия и противоборства локальности (мы условно ее называем «идентичностью суши») и магистральности («идентичность моря»). «Идентичность суши» опирается на «остров» (страну, графства), «сельскую местность» как символы почвенничества, локальности, оседлости, ориентации на провинцию, уютные английские деревеньки, пасторали, приходские церкви и местные сообщества. «Идентичность моря» включает атлантизм (мост к США), мир торговли и крупных городов, обширную сеть коммуникаций — продолжение стратегии Британской империи. Мы можем говорить о пяти непересекающихся моделях английскости: локальные «Классическая» Англия, Малая Англия и Региональная Англия, магистральные Британская Англия и Мультикультурная космополитичная Англия. Магистральная английскость — явление во многом историческое, локальная же английскость, особенно в своих региональных версиях, находится на подъеме. Сегодня можно говорить о переходном «глокальном» варианте симбиоза идентичностей, что является закономерным этапом в развитии сложной идентичности «титупной нации». Дискурс идентичности в музыке (английский фолк и этническая музыка) отчасти это иллюстрирует.

Модели включают концепции английскости как исконной, утраченной, осажденной, дискретной, гибридной, мультиэтнической

идентичности или же конгломерата региональных идентичностей. Первые четыре модели относятся в основном к идентичности «метрополии», английскости Юго-Востока, тогда как дискурс идентичности в остальных частях Англии организован иначе, поэтому мы обращаемся к подробной характеристике модели Региональной Англии, отрицающей существование единой идентичности в Англии.

Северный (региональный) дискурс английскости имеет свою специфику, подчас затрудняющую его сопоставление с перечисленными выше вариантами английскости. В дискурсе играют первостепенную роль такие факторы, как специфика развития региона Северная Англия и его субрегионов, локальных сообществ, разделение Севера и Юга, региональное брендингирование. Среди акторов на первый план выходят деятели культуры и общественных движений, члены локальных сообществ.

Процессы индустриализации и географическое положение Севера определили экономический и культурный облик региона на протяжении последних столетий. При попытках определения «границ» Севера — буквальных и образных — северяне и южане нередко обращаются к драматичному периоду деиндустриализации. Север и его субрегионы — динамические единицы, ментальная территория, и любые попытки отдельных авторов выделить четкие границы приводят к исследовательской неудаче. В отношении Севера может вестись речь о «дальнем и ближнем» (*far/near*) Севере. На Севере существует и «Западно-Восточное разделение», где границей выступают Пеннины; и восток здесь страдает от недостаточной организации транспортной системы и других нерешенных проблем. Вопрос места и репрезентации Севера в национальном культурном наследии является актуальным и малоизученным, особенно в условиях деволуции и регионализации. Лондон и Юг как очаги «метрополии» можно считать Другим для Севера, хотя во взаимодействии с ними рождалась его идентичность. В целом разделение Севера и Юга оказало мощное влияние на развитие концепции английскости.

Образы Севера занимают маргинальное место в рамках национальной идентичности, английскости; в то же время североанглийский дискурс идентичности содержит в себе попытки показать, что Север, его материальные и человеческие ресурсы,

природные и индустриальные ландшафты оказали большое, в том числе позитивное, влияние на Англию и английскость. Север неотъемлемо вписан в концепции «Провинциальная Англия», «Черная Англия», «Городская и индустриальная Англия», в том числе для жителей юга и запада страны. Север занимает лидирующие позиции в области музыки, спорта, культуры развлечений, обладает статусом «земли рабочего класса», земли людей честных, «настоящих». Английскость с 1950–60-х гг. и по настоящее время, несомненно, обладает северным «ароматом» — с террасными кирпичными домами и его жителями, телевизионной культурой ситкомов и пр., благодаря которым формировался образ добродушного и мужественно преодолевающего перипетии жизни англичанина. Современные космополитичные концепции английскости развивались также с подачи многоэтничного, коммерциализированного Севера. Сердцевинной этих позитивных образов Севера является конструирование его как места, противостоящего своей культурой более коррумпированному, разлагающемуся Югу.

Дискурс североанглийской идентичности сигнализирует о наличии мощного паттерна неравных отношений между северной периферией и южной метрополией. В то же время очевидно, что идентичность северян сложилась под натиском представлений южан о Севере как территории отсталости, невежества и упадка. Зачастую это обсуждается в юмористическом или ироническом ключе, но иногда очевидно, что реальность полна серьезных эмоций. Более того, идея разделения Севера и Юга — популярный и распространенный риторический паттерн для многих поколений англичан, стремящихся упростить сложные вопросы с помощью юмора, но принимающих данный концепт как отражение экономической и культурной реальности. Северяне относятся к Югу со смешанными чувствами, поскольку видят Юг источником бесконтрольной власти над «лучшей частью Англии».

Часть общественности уверена, что юго-восточная английскость в исторической перспективе является давним и «успешным» феноменом, что препятствовало зарождению и развитию регионализма в пределах страны. Так как Англия и затем Британия была во многом централизованной державой с имперско-патриотической идеологией, в рамках регионов практически

не существовало благоприятных условий для формирования регионализма. На протяжении долгого времени в рамках национальной историографии регионализм рассматривался в качестве изъема и угрозы имперскому устройству. Регионы для общественности представляли собой отдельные части общей национальной культуры, а не ее альтернативу. В данных обстоятельствах, по мнению исследователей, в рамках развития новых национальных институтов не сложилась привычка мыслить и действовать «по-северному», с учетом северных приоритетов. Спорт, музыка, кино, литература также содействуют пониманию северной идентичности как абстракции, «материализующейся» посредством своих локальных форм. Тревел-литература и вовсе фокусируется на компонентном характере Севера по отношению к Англии и английскости.

Общественность подчеркивает климатическое, географическое, лингвистическое, историческое и архитектурное разнообразие региона. В литературе Севера идет дискуссия по поводу того, можно ли говорить о существовании «североанглийской идентичности» как устойчивого коллективного самосознания, разделяемого большинством жителей Севера, идентифицирующих себя «северянами». Многие склоняются к тому, что разнообразие Севера и внутренние трения (между территориями, стремящимися к лидерству, культурной и другой самостоятельности, например между Йоркширом и Ланкаширом, городами Манчестером и Ливерпулем) ставят под вопрос существование единой региональной идентичности и что данная идентичность вторична по отношению к локальным идентичностям.

Исследование показало, что на фоне первостепенно важных локальных идентичностей такие концепции, как «английскость», «британскость» и даже «североанглийскость», кажутся искусственными и менее актуальными. Приобщение к английскости и британскости в пределах Севера осуществляется посредством приобщения к локальным идентичностям. Классовая идентичность (рабочего класса) выступает едва ли не более значимой, чем отдельные локальные или национальные идентичности. По степени важности для северянина на первом месте находятся локальные идентичности по отношению к своему поселку или городу, затем к Англии вообще (однако не Англии варианта Юго-Востока, а «реальной» Англии), затем к Северу как

конгломерату субрегиональных и локальных идентичностей, затем к Британии.

Несмотря на множественность толкований Севера, у этого региона объективно есть нечто общее — представления о себе и окружающих, позволяющие его населению чувствовать себя отличным от жителей других регионов, в том числе посредством актуализации и использования стереотипов. Образы, символы и структуры конца XVIII — начала XIX вв. (урбанизм, индустриальная экономика, культура рабочего класса, специфическое административно-территориальное деление) являются весомой частью регионального самосознания.

Механизмы развития региональной идентичности Севера Англии слабо соотносятся с соответствующими механизмами регионов большинства европейских стран и России. Для английского Севера характерно причудливое сочетание физических и культурных топографий локализма и субрегионализма (на первом месте поселок или город, затем графство). Непонимание данных процессов и издание Акта локальных правительств 1972 г. во многом усугубило социокультурный кризис Севера 1970–1990-х гг., привело к политическим и общественным баталиям по поводу регионального устройства. Спорт и различные формы добровольных организаций (профессиональных, музыкальных и т. д.) играют основную роль в развитии локальных идентичностей.

На протяжении последних десятилетий Север и отдельные его субрегионы с помощью туристических стратегий пытаются разрешить проблему деиндустриализации и кризиса региональной идентичности. Жизнеспособность и перспективы развития туризма Севера вызывают споры среди общественности. Место туристических индустрий в развитии городской среды являлось значительным вплоть до начала 2000-х гг., когда подобные стратегии были подвергнуты серьезной критике. Туризм помогает преодолеть регионам ряд деструктивных тенденций в само- и внешнем восприятии, но в то же время закрепляет негативные стереотипы, что разрушительно сказывается на культурном климате региона.

В период с середины XX в. и до настоящего времени основными выразителями северной идентичности являются авторы диалектной литературы, индустриального и регионального

романа, кино, телевизионных сериалов и музыки. Сегодня Север остается периферийной территорией. Применительно к периоду с середины XX в. до настоящего времени (с различными вариациями) для культуры Севера почти не характерно стремление открыть для себя и сторонних читателей / зрителей / слушателей регион и его «характер»; скорее, внимание уделяется внутренним проблемам и социальным драмам. Из-за ограниченности тематик и сюжетов, исторических и географических локализаций, на основе продуктов региональной культуры можно полноценно выстроить лишь образ индустриального и постиндустриального «лауриленда» рабочего класса, но не разнообразных идентичностей региона. Материалы литературы, музыки и кино служат источником для изучения скорее национальных и глобальных идентичностей, чем северных региональных, и, за исключением противопоставления Севера Югу, для северян сегодня все-таки актуальнее участие в дебатах относительно общеанглийской или британкой идентичности, нежели борьба за свой региональный статус. Отдельные попытки воссоздать северную идентичность наблюдаются в академической среде, но они носят спорадический характер. При этом англичан Севера отличает высокий уровень уважения и гордости по отношению к собственному наследию, истории, культуре и современной жизни региона, графства, города, улицы, рабочего класса в целом.

Общественность Севера склонна считать, что альтернативой Югу в туристическом отношении могут стать такие области культуры, как язык, литература, музыка, развлекательная телевизионная культура и спорт. Дискурс идентичности в данных областях открывает широкие перспективы для развития культурного регионализма. Литература, хоть и является основой для других жанровых форм региональной культуры, значительно уступает по силе воздействия на аудиторию кинематографу, а также телевидению, музыке. Последние являются, на наш взгляд, наиболее выразительными площадками развития идентичности и презентации региональных образов.

Региональные диалекты сегодня остаются весомой частью идентичности северян, и ключевая роль в популяризации идеи языкового своеобразия Севера принадлежит медиа, в частности BBC. Политика регионализации вещания компании создала

предпосылки для развития региональной идентичности, особенно после 1970-х гг. Однако общественные дискуссии показывают, насколько эта корпорация ассоциируется с Лондоном и Юго-Востоком. Диалекты служат основой для регионализма и борьбы с массовой культурой и бюрократической централизацией (из Лондона и Брюсселя).

При характеристике дискурса североанглийскости в литературе мы обращаемся к таким актуальным для историко-культурного наследия Севера жанрам региональной литературы, как региональный и индустриальный роман, и вообще к литературе, созданной с использованием диалектов. Несмотря на то, что эти направления стремительно изживают себя, они (благодаря тому, что стали основой кино, телевидения Севера) являются важной основой и рупором идентичности северян.

Тревел-литература (и ее эквиваленты на радио, телевидении, в кино) составляет весомую часть дискурса идентичности, оказывает непосредственное влияние на развитие внутренних и внешних образов региона и создание устойчивых клише и стереотипов. Из анализа туристической литературы очевидно вторичное положение Севера по отношению к Юго-Востоку и Лондону. Развитие туризма «по-северному» (упор на индустриальное и урбанистическое наследие) также дистанцирует Север от других территорий Англии. В целом в туристической литературе даются позитивные образы Севера, что связано с задачами дискурса сделать Север туристически привлекательным. Среди северных авторов принято сомневаться в существовании Севера как самобытного явления и одновременно подвергать критике попытки обозревателей (южных, как правило) умалить степень выраженности северной идентичности.

Музыка для Севера является как фактором формирования идентичности (зачастую жители того или иного поселка идентифицировали себя сначала с определенной музыкальной группой, а затем уже с поселком) и инструментом мобилизации населения, так и способом выражения ностальгии по уходящим старым временам (*old North* как *old England*), создания ретро-образов Севера. Музыканты (фолк, поп, рок, джаз) изображают Север аутентичной территорией скромных, непритязательных тружеников, краем мощной индустрии, суровой природы и суровых характеров. В 2000-е гг. налицо зарождение позитивной

идентичности Севера, хотя северяне уверены, что музыкальный капитал (и культурный капитал вообще) Севера близок к истощению.

Спорт применительно к нашему исследованию может рассматриваться как средство выражения английских и североанглийских ценностей, национальных и локальных идентичностей, а также различий между Севером и Югом Англии. Объединение на основе спортивной культуры и коллективной спортивной истории во многом являются для Севера «заменителем» других объединяющих факторов. Тем не менее в силу своей локальности данные «типы» идентичности содержат в себе множество ограничителей в отношении построения общей североанглийской идентичности: в конкретных ситуациях всегда подразумевается локальное или субрегиональное сообщество (деревня, город, графство, регион Севера). В то же время тот факт, что в пределах всего Севера распространена идея доминирования Юга, свидетельствует о наличии общей идентичности, способной развиваться даже на фоне субрегиональных противостояний.

Идеологическое измерение идентичности северных англичан включает в себя несколько символических конструкций (как имплицитного, так и эксплицитного характера), напрямую перекликающихся с концепциями общей (юго-восточной) английскости, но имеющих свои особенности, как-то: североанглийская идентичность — традиционная, сложившаяся исторически идентичность; утраченная, потерянная идентичность; осаждаемая идентичность; конгломерат локальных идентичностей; дискретная идентичность в рамках мультикультурных Англии и Британии; гибридная мультиэтническая идентичность.

Для описания современного дискурса идентичности на Севере Англии (в котором трудно проводить границы между этническим, региональным и национальным, культурным и гражданско-политическим) наиболее удачной представляется категоризация по месту (территории — реальной и виртуальной) и времени, с учетом локальности и магистральности каждой модели. Основные модели региональной североанглийской идентичности в соответствии с данной категоризацией: локальные модели — Север как индустриальный, урбанистический край, пространство рабочего класса и Север как современное

урбанизированное и природное пространство, конгломерат историко-культурного наследия различных локальных сообществ, край андеграундной молодежной культуры; магистральные модели — Север как регион-порт, регион-транзит и Север как космополитичный мультикультурный край.

Итак, процессы в культуре чрезвычайно сложны на Севере Англии, как и в большинстве подобных регионов. И сегодня противоборство локальных, региональных, национальных и интернациональных ее ипостасей создает причудливую картину: северянин ищет себя в индустриальном прошлом, потребительском настоящем и неопределенном постиндустриальном будущем. Каким станет идентичность северянина, покажет время, но сегодня очевидно, что прежние конструкции, связанные с индустриальным миром, изжиты или существуют в виде «музейного лубка», тогда как новая идентичность, с трудом ассоциирующаяся с юго-восточной «титульной» английскостью, пока не представляет собой самобытного феномена. Все это очень напоминает ситуацию на постсоветском пространстве, в прошлом объединявшем представителей рабочего класса и русского народа идеей построения нового наднационального мира, основанного на равенстве, труде и достижениях, но сейчас не предоставляющем альтернатив своему некогда послушному и дисциплинированному, а сегодня растерянному в культурном отношении населению.

Таким образом, несмотря на то, что не существует единственного ответа, что такое британская, английская и североанглийская идентичность, отрицать существенное влияние данных концепций на мироощущение англичанина невозможно. Хотя большинство исследователей смущает такого рода идеологический хаос, нам представляется, что в разнообразии самопрезентаций и самовидений есть свои достоинства и естественность. Существование разных пониманий английскости формирует устойчивость идентичности во времени и пространстве, становится преимуществом в любых политических и культурных конкуренциях. Многослойность, многовариантность идентичности, существование разнообразных, подчас конкурирующих видений прошлого, настоящего и будущего англичан и Англии является признаком и залогом богатства культуры, ее полифоничности, живучести и адаптивности.

Североанглийская идентичность наиболее выпукло презентует данную сторону английской идентичности: существует в своеобразной, чрезвычайно сложной форме, присущей высокоорганизованным сообществам, — форме взаимодействия и взаимозаменяемости различных субрегиональных и локальных версий. Определить североанглийскость как некую единую концепцию мы не можем, но можем констатировать, что в Англии региональность и региональная идентичность существуют, и они работают.

Этнографические полевые источники

Интервью с бывшим членом Британской национальной партии, сотрудничавшим с властями в ходе борьбы с экстремизмом и ксенофобией Э. Сайксом. Бредфорд, 29.07.12. // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А2. 1.

Интервью с директором Центра исследований культуры и медиа Университета Сандерленда, профессором, культурологом Дж. Стори. Сандерленд. 07.06.10. // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А2. 2.

Интервью с лектором Университета Сандерленда, специалистом по гендерной истории и культурологии В. Бол. Саут-Шилдс. 08.06.10. // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А2. 3.

Интервью с профессором Лондонской высшей школы экономики и Университета Сандерленда, культурологом, специалистом по медиа Британии Э. Крисселом. Сандерленд. 05.06.10. // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А2. 4.

Интервью с руководителем социальной службы «*Peace Maker*», чья работа посвящена формированию толерантности в британском обществе на уровне взаимодействия этнических общин, формированию благоприятной среды для молодежи из иммигрантской среды и бедных семей Р. Муа. Олдем, Манчестер. 26.07.12. // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А2. 5.

Интервью с учителем истории частной школы г. Дарем Дж. Смитом. Дарем. 20.06.10. // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А2. 6.

Интервью со священником Собора Дарема и историком англиканской церкви Дж. Грэхэмом. Дарем. 07.09.11. // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А2. 7.

Интервью со специалистом по культурным исследованиям музыки, антропологом и лектором Университета Сандерленда Т. Винтер. Бредфорд. 15.06.10. // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А2. 8.

Интервью со специалистом по культурным исследованиям спорта, лектором Университета Манестер Метрополитан К. Портером. Манчестер. 06.07.12. // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А2. 9.

ПМА 1 — Полевые материалы экспедиции автора в Сандерленд (*Sunderland*), центр административного района Сити-оф-Сандерленд, графство Тайн и Уир, регион Северо-Восточная Англия, июнь 2010 г. (информанты: преподаватель А. Верндли (*Angela Werndly*) 1955 г.р., преподаватель Дж.-П. Грин (*John Paul Green*) 1965 г.р., монтажер кино С. Кигэн-Фипс (*Simon Keegan-Phipps*) 1070 г.р., секретарь Л. Хоппер (*Lianne Hopper*) 1978 г.р., секретарь К. Свинберн (*Karen Swinburne*) 1982 г.р., документовед А. Робертсон (*Andrea Robertson*) 1969 г.р., профессор Дж. Стори (*John Storey*) 1957 г.р., профессор Д. Волтон (*D. Walton*) 1958 г.р., лектор Р. Джьюит (*Robert Jewitt*) 1978 г.р., студентка Р. Феррис (*Rossie Ferris*) 1987 г.р., студент Дж. Хатчинсон (*John Hutchinson*) 1987 г.р., рабочий завода Дж. Амбри (*John Ambrey*), 1965 г.р.) // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А1. 1.

ПМА 2 — Полевые материалы экспедиции автора в Саут-Шилдс (*South-Shields*), графство Тайн и Уир, регион Северо-Восточная Англия, июнь 2010 г. (информанты: преподаватель В. Болл (*Vicky Ball*) 1980 г.р., аспирант Б. Проктор (*Billy Proctor*) 1982 г.р., лектор А. Саид (*Amir Saeed*) 1975 г.р., учитель школы С. Томсон (*Sve Thompson*) 1968 г.р., менеджер Л. О'Донован (*Lorraine O'Donovan*) 1983 г.р.) // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А1. 2.

ПМА 3 — Полевые материалы экспедиции автора в Дарем (*Durham*), административный центр графства Дарем, регион Северо-Восточная Англия, июнь 2010 г. (информанты: исследователь К. Смит (*Clarissa Smith*) 1960 г.р., учитель школы Дж. Смит (*John Smith*) 1934 г.р., музыкант М. Кларк (*Martin Clarke*) 1986 г.р., исполнители танца Морриса Э. Мид (*Elizabeth Mead*) 1973 г.р., С. Льюис (*Sue Lewis*), 1967 г.р., Р. Стоун (*Robert Stone*) 1949 г.р.) // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А1. 3.

ПМА 4 — Полевые материалы экспедиции автора в Ньюкасл-апон-Тайн (сокр. Ньюкасл) (*Newcastle upon Tyne*), графство Тайн и Уир, регион Северо-Восточная Англия, июнь 2010 г. (информанты: аспирант П. Бентон (*Paul Benton*) 1982 г.р., социальный

работник Дж. Стори (*Jenifer Storey*) 1987 г.р.) // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А1. 4.

ПМА 5 — Полевые материалы экспедиции автора в Мидлсбро (*Middlesbrough*), графство Северный Йоркшир, регион Йоркшир и Хамбер, июнь 2010 г. (информанты: студент К. Макфэдзин (*Kyle Macfadzean*) 1986 г.р., рабочий К. Янг (*Colin Young*) 1968 г.р.) // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А1. 5.

ПМА 6 — Полевые материалы экспедиции автора в Брадфорд (*Bradford*), графство Западный Йоркшир, регион Йоркшир и Хамбер, июнь 2010 г. (информанты: программист И. Ильхак (*Irfan Ulhaq*) 1980 г.р., официант Дж. Шиппен (*John Shippen*) 1972 г.р., исследователь Т. Винтер (*Trish Winter*) 1970 г.р.) // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А1. 6.

ПМА 7 — Полевые материалы экспедиции автора в Лидс (*Leeds*), графство Западный Йоркшир, регион Йоркшир и Хамбер, июнь 2010 г. (информант: аспирант Д. Килвингтон (*Daniel Kilvington*) 1984 г.р.) // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А1. 7.

ПМА 8 — Полевые материалы экспедиции автора в Хаддерсфилд (*Huddersfield*), графство Западный Йоркшир, регион Йоркшир и Хамбер, июль 2010 г. (информанты: исследователь Д. Стоун (*Duncan Stone*) 1979 г.р., социальный работник С. Крук (*Stephen Crook*) 1968 г.р., исследователь Г. Хемминг (*Graham Hemmings*) 1981 г.р., танцовщица Р Роберт (*Rachel Robert*) 1983 г.р.) // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А1. 8.

ПМА 9 — Полевые материалы экспедиции автора в Шеффилд, графство Южный Йоркшир, регион Йоркшир и Хамбер, июль 2010 г. (информанты: профессор Э. Торп (*Andrew Thorpe*) 1960 г.р.) // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А1. 9.

ПМА 10 — Полевые материалы экспедиции автора в Бирмингем (*Birmingham*), графство Западный Мидлендс, регион Мидлендс, июль 2010 г. (информант: лектор университета К. Крокот (*Chris Grocot*) 1980 г.р.) // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А1. 10.

ПМА 11 — Полевые материалы экспедиции автора в Ноттингем (*Nottingham*), графство Ноттингемшир, регион Мидлендс, июль 2010 г. (информант: лектор университета Г. Стокей (*Gareth*

Stockey) 1982 г.р.) // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А1. 11.

ПМА 12 — Полевые материалы экспедиции автора в Эймсбери (*Amesbury*), графство Уилтшир, регион Юго-Западная Англия, июль 2010 г. (информант: школьник Дж. Давей (*Josh Davey*) 1994 г.р., интернет-оператор Г. Чант (*Glen Chant*) 1967 г.р.) // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А1. 12.

ПМА 13 — Полевые материалы экспедиции автора в Лондон (*London*), регион Юго-Восточная Англия, июль 2010 г. (информант: Э. Криссел (*Andrew Crisell*) 1949 г.р.) // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А1. 13.

ПМА 14 — Полевые материалы экспедиции автора в Белфаст (*Belfast*), регион Северная Ирландия, июль 2010 г. (информант: профессор А. Донаги (*Aaron Donaghy*) 1949 г.р.) // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А1. 14.

ПМА 15 — Полевые материалы экспедиции автора в Глазго (*Glasgow*), регион Шотландия, июль 2010 г. (информант: исследователь С. Риплоег (*Silke Reeploeg*) 1978 г.р.) // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А1. 15.

ПМА 16 — Полевые материалы экспедиции автора в Дугласе (*Doolish*), остров Мэн, Британские коронные владения, июль 2010 г. (информант: домохозяйка Дж. Окели (*Judith Okely*) 1954 г.р.) // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А1. 16.

ПМА 17 — Полевые материалы экспедиции автора в Сандерленд (*Sunderland*), центр административного района Сити-оф-Сандерленд, графство Тайн и Уир, регион Северо-Восточная Англия, август 2011 г. (информанты: предприниматель (владелец частной гостиницы) Л. Хербертсон (*Lynn Herbertson*) 1948 г.р., пенсионерка Н. Гилнор (*Norma Gilnore*) 1951 г.р., дизайнер А. Уэлш (*Anna Welsh*) 1986 г.р., музыкант Б. Плэйс (*Bam Place*) 1968 г.р., мастер татуажа Э. Макэнней (*Esme McAnaney*) 1984 г.р., бывший рабочий завода К. Валенте (*Cristian Valente*) 1980 г.р., пенсионерка Д.-Х. Данлоп (*Dorothy Hilda Dunlop*) 1949 г.р., футбольный болельщик Д. Валенте (*Darren Valente*) 1972 г.р., бывший шахтер С. Дженкинс (*Stan Jenkins*) 1939 г.р., бывший работник доков Дж. Кларксон (*Jeremy Clarkson*) 1964 г.р., музыкант М. Джонсон (*Michael Johnson*) 1954 г.р., владелец паба Л. Макбрайд (*Lee*

McBride) 1977 г.р., профессор Дж. Стори (*John Storey*) 1957 г.р.), организатор музыкального фестиваля А. Бирман (*Alan Beerman*) 1969 г.р.) // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А1. 17.

ПМА 18 — Полевые материалы экспедиции автора в Мидлсбро (*Middlesbrough*), графство Северный Йоркшир, регион Йоркшир и Хамбер, август 2011 г. (информанты: студент Дж. Паттерсон (*Jamie Patterson*) 1987 г.р., игрок сборной крикета Дж. Майерс (*Josh Myers*) 1982 г.р.) // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А1. 18.

ПМА 19 — Полевые материалы экспедиции автора в Хартлепул (*Hartlepool*), графство Дарем, регион Северо-Восточная Англия, август 2011 г. (информанты: футбольный болельщик С. Своллас (*Steve Swallace*) 1982 г.р., безработный (бывший рабочий завода) Л. Хэдли (*Lilian Hedley*) 1956 г.р., бармен Л. Клакерс (*Lizzie Klakers*) 1949 г.р., музыкант В. Лэг (*Vicky Lagg*) 1952 г.р., ихтиолог Дж. Кассон (*Jack Casson*) 1983 г.р.) // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А1. 19.

ПМА 20 — Полевые материалы экспедиции автора в Дарем (*Durham*), административный центр графства Дарем, регион Северо-Восточная Англия, август 2011 г. (информанты: сэр Э. Коул (*Edward Cole*) 1978 г.р., музыкант Дж. Грэхэм (*J. Graham*) 1949 г.р.) // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А1. 20.

ПМА 21 — Полевые материалы экспедиции автора в Ньюкасл-апон-Тайн (*Newcastle upon Tyne*), графство Тайн и Уир, регион Северо-Восточная Англия, август 2011 г. (информанты: музыкант Д. Шил (*Dave Shiel*) 1982 г.р., исследователь П. Бентон (*Paul Benton*) 1982 г.р., музыкант и исследователь Д. Леверс (*Daniel Levers*) 1983 г.р., менеджер Дж. Ригби (*Jonathan Rigby*) 1980 г.р., менеджер Д. Харрисон (*Donna Harrison*) 1983 г.р., социальный работник Дж. Стори (*Jenifer Storey*) 1987 г.р.) // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А1. 21.

ПМА 22 — Полевые материалы экспедиции автора в Йорк (*York*), графство Северный Йоркшир, регион Йоркшир и Хамбер, август 2011 г. (информанты: научный сотрудник Р. Макэлрой (*Robert McElroy*) 1978 г.р., актер Э. Стройд (*Anthnony Stroyed*) 1968 г.р., режиссер С. Гоулдер (*Stuart Goulder*) 1981 г.р.) // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А1. 22.

ПМА 23 — Полевые материалы экспедиции автора в Ливерпуль (Liverpool), графство Мерсисайд, регион Северо-Западная Англия, август 2011 г. (информанты: учитель истории А. Бикорстафф (*Ian Bickorstaffe*) 1965 г.р., директор кино Д. Бикорстафф (*Deena Bickorstaffe*) 1968 г.р., выходец из индийской общины, учитель С. Мунгарвади (*Suresh Mungarwadi*) 1958 г.р., фотограф Ф. Горпи (*Philip Gorpy*) 1971 г.р., медицинский работник Л. Сейт (*Leon Seith*) 1983 г.р., исследователь, спортсмен (велоспорт) Д. Кларк (*Daniel Clarke*) 1978 г.р., художник П. Гаскелл (*Paul Gaskell*) 1955 г.р.) // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А1. 23.

ПМА 24 — Полевые материалы экспедиции автора в Грейт-Эйтон (*Great Ayton*), графство Северный Йоркшир, регион Йоркшир и Хамбер, август 2011 г. (информанты: крикетный болельщик Дж. Робинсон (*John Robinson*) 1955 г.р., игрок крикетной сборной Дж. Свэйн (*John Swain*) 1980 г.р.) // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А1. 24.

ПМА 25 — Полевые материалы экспедиции автора в Эдинбург (*Edinburgh*), регион Шотландия, август 2011 г. (информант: менеджер и детский писатель Дж. О'Донован (*Gillian O'Donovan*) 1982 г.р.) // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А1. 25.

ПМА 26 — Полевые материалы экспедиции автора в Лондон (*London*), регион Юго-Восточная Англия, сентябрь 2011 г. (информанты: режиссер Б. Мортон (*Benjamin Mourton*) 1972 г.р., продюсер М. Тернер (*Ming Turner*) 1980 г.р.) // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А1. 26.

ПМА 27 — Полевые материалы экспедиции автора в Портсмут (*Portsmouth*), графство Хэмпшир, регион Юго-Восточная Англия, сентябрь 2011 г. (информанты: библиотекарь Ф. Робертсон (*Francies Robertson*) 1950 г.р., администратор паба С. Хелметс (*Steve Helmets*) 1987 г.р., бывший моряк, держатель паба Дж. Хелметс (*Jack Helmets*) 1959 г.р.) // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А1. 27.

ПМА 28 — Полевые материалы экспедиции автора в Сандерленд (*Sunderland*), центр административного района Сити-оф-Сандерленд, графство Тайн и Уир, регион Северо-Восточная Англия, июль 2012 г. (информанты: музыкант П. Додс (*Pete Dodds*) 1952 г.р., профессор Дж. Стори (*John Storey*) 1957 г.р., иллюстратор

и дизайнер А. Уэлш (*Anna Welsh*) 1986 г.р., музыкант Б. Плэйс (*Bam Place*) 1968 г.р.) // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А1. 28.

ПМА 29 — Полевые материалы экспедиции автора в Ньюкасл-апон-Тайн (*Newcastle upon Tyne*), графство Тайн и Уир, регион Северо-Восточная Англия, июль 2012 г. (информанты: исследователь П. Бентон (*Paul Benton*) 1982 г.р., исследователь и музыкант Д. Леверс (*Daniel Levers*) 1983 г.р., социальный работник Дж. Сторей (*Jenifer Storey*) 1987 г.р.). музыкант Л. Хэннон (*Lindsay Hannon*) 1978 г.р.) // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А1. 29.

ПМА 30 — Полевые материалы экспедиции автора в Норт-Шилдс (*North-Shields*), графство Тайн и Уир, регион Северо-Восточная Англия, июль 2012 г. (информант: программист А. Янгер (*Alex Younger*) 1980 г.р.) // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А1. 30.

ПМА 31 — Полевые материалы экспедиции автора в Брадфорд (*Bradford*), графство Западный Йоркшир, регион Йоркшир и Хамбер, июль 2012 г. (информанты: бывший член БНП и основной информант полиции в деле разоблачения действий организации Э. Сайкс (*Andy Sykes*) 1965 г.р., индустриальный архитектор П. Вейнрейх (*Peter Weinreich*) 1957 г.р., выходец из пакистанской общины, студент А. Сет (*Apurva Seth*) 1981 г.р., филолог и футбольный болельщик Д. Олпорт (*David Allport*) 1976 г.р., футбольная болельщица и бывшая теннисистка К. Рош (*Katherine Rosh*) 1970 г.р., Дж. Финн (*John Finn*) 1937 г.р.) // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А1. 31.

ПМА 32 — Полевые материалы экспедиции автора в Манчестер (*Manchester*), графство Большой Манчестер, регион Северо-Западная Англия, июль 2012 г. (информанты: исследователь А. Линдсей (*Iain Lindsay*) 1980 г.р., исследователь К. Портер (*Chris Porter*) 1978 г.р., программист П. Анумуду (*Paul Anumudu*) 1979 г.р., исследователь Т. Флетчер (*Thomas Fletcher*) 1972 г.р., исследователь А. Макдональд (*Ian Macdonald*) 1981 г.р.) // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А1. 32.

ПМА 33 — Полевые материалы экспедиции автора в Олдем (*Oldham*), графство Большой Манчестер, регион Северо-Западная

Англия, июль 2012 г. (информанты: домохозяйка, жена выходца из бангладешской общины Дж. Хопкинс (*Jemma Hopkins*) 1982 г.р., социальный работник и выходец из бангладешской общины Р. Миа (*Raja Miah*) 1975 г.р., фотограф и выходец из бангладешской общины М. Чоудхари (*Musa Chowdhury*) 1979 г.р., член БНП М. Янгер (*Max Younger*) 1984 г.р.) // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А1. 33.

ПМА 34 — Полевые материалы экспедиции автора в Салфорд (*Salford*), графство Большой Манчестер, регион Северо-Западная Англия, июль 2012 г. (информант: держатель паба Э. Квили (*Alisan Cveely*) 1975 г.р.) // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А1. 34.

ПМА 35 — Полевые материалы экспедиции автора в Аппермил (*Uppermill*), графство Большой Манчестер, регион Северо-Западная Англия, июль 2012 г. (информанты: пенсионерка Д. Робертсон (*Dorothy Robertson*), 1919 г.р.) // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А1. 35.

ПМА 36 — Полевые материалы экспедиции автора в Ливерпуль (*Liverpool*), графство Мерсисайд, регион Северо-Западная Англия, июль 2012 г. (информант: студент и исполнитель танцев Морриса Д. Кларк (*Daniel Clarke*) 1978 г.р.) // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А1. 36.

ПМА 37 — Полевые материалы экспедиции автора в Белфаст (*Belfast*), регион Северная Ирландия, июль 2012 г. (информант: фотограф А. Паттерсон (*Adam Patterson*) 1982 г.р.) // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А1. 37.

ПМА 38 — Полевые материалы экспедиции автора в Лондон (*London*), регион Юго-Восточная Англия, июль 2012 г. (информант: врач З. Ахмид (*Ziggy Ahmeed*) 1980 г.р., музыкант Б. Брэг (*Billy Bragg*) 1957 г.р.) // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А1. 38.

ПМА 39 — Полевые материалы экспедиции автора в Лестер (*Leicester*), графство Лестершир, регион Центральная Англия, июль 2012 г. (информант: выходец из пакистанской общины Р. Махмуд (*Raja Mahmood*), 1968 г.р., держатель паба М. Кларк (*Martin Clarke*) 1970 г.р., моряк Д. Смит (*Daniel Smith*), 1972 г.р.) // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А1. 39.

ПМА 40 — Полевые материалы экспедиции автора в Блэкпул (*Blackpool*), графство Лестершир, регион Центральная Англия, июль 2012 г. (информант: Т. Робертс (*Taylor Roberts*), 1981 г.р., Д. Вард (*Daniel Ward*) 1974 г.р.) // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А1. 40.

ПМА 41 — Полевые материалы экспедиции автора в Сандерленд (*Sunderland*), центр административного района Сити-оф-Сандерленд, графство Тайн и Уир, регион Северо-Восточная Англия, июль 2012 г. (информанты: преподаватель, футбольный фанат Т. Макэлрой (*Tom McElroy* 1967 г.р.) // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А1. 41.

ПМА 42 — Полевые материалы экспедиции автора в Манчестер (*Manchester*), графство Большой Манчестер, регион Северо-Западная Англия, декабрь 2014 г. (информанты: исследователь Д. Стоун (*Duncan Stone*) 1979 г.р., продавец М. Куреш (*Musa Kuresh*); исследователь Т. Флетчер (*Thomas Fletcher*) 1972 г.р., исследователь А. Макдональд (*Ian Macdonald*) 1981 г.р.) // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А1. 42.

ПМА 43 — Полевые материалы экспедиции автора в Манчестер (*Manchester*), графство Большой Манчестер, регион Северо-Западная Англия, май 2015 г. (информанты: исследователь А. Линдсей (*Iain Lindsay*) 1980 г.р., исследователь К. Портер (*Chris Porter*) 1978 г.р., менеджер и путешественник М. Дюбар (*Mat Dubar*) 1985 г.р., музыкант Т. Альдер (*Thomas Alder*) 1981 г.р., фотограф К. Байерц (*Carolina Beiertz*) 1989 г.р., путешественник Р. Майкл (*Robert Michael*) 1982 г.р., пенсионер и бывший учитель истории Дж. Энтвистл (*Geoff Entwistle*) 1952 г.р., архитектор Дж. Коноле (*James Conole*) 1978 г.р., музыкант З. Хэйн (*Zak Hane*) 1975 г.р., футбольный болельщик Дж. Клоун (*John Clone*) 1973 г.р. // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А1. 43.

ВПМА 1 — Визуальные полевые материалы экспедиции автора в Сандерленд, Саут-Шилдс, Ньюкасл-апон-Тайн, графство Тайн и Уир, регион Северо-Восточная Англия, июнь 2010 г. // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. АВА1. 1.

ВПМА 2 — Визуальные полевые материалы экспедиции автора в Дарем, графство Дарем, регион Северо-Восточная Англия, июнь 2010 г. // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. АВА1. 2.

ВПМА 3 — Визуальные полевые материалы экспедиции автора в Мидлсбро, графство Северный Йоркшир, регион Йоркшир и Хамбер, июнь 2010 г. // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. АВА1. 3.

ВПМА 4 — Визуальные полевые материалы экспедиции автора в Хаддерсфилд, в Лидс, Брадфорд, графство Западный Йоркшир, регион Йоркшир и Хамбер, июнь 2010 г. // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. АВА1. 4.

ВПМА 5 — Визуальные полевые материалы экспедиции автора в Шеффилд, графство Южный Йоркшир, регион Йоркшир и Хамбер, июль 2010 г. // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. АВА1. 5.

ВПМА 6 — Визуальные полевые материалы экспедиции автора в Эймсбери, графство Уилтшир, регион Юго-Западная Англия, июль 2010 г. // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. АВА1. 6.

ВПМА 7 — Визуальные полевые материалы экспедиции автора в Кентербери, графство Кент, регион Юго-Восточная Англия, июль 2010 г. // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. АВА1. 7.

ВПМА 8 — Визуальные полевые материалы экспедиции автора в Гилфорд, графство Суррей, регион Юго-Восточная Англия, июль 2010 г. // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. АВА1. 8.

ВПМА 9 — Визуальные полевые материалы экспедиции автора в Лондон, регион Юго-Восточная Англия, июль 2010 г. // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. АВА1. 9.

ВПМА 10 — Визуальные полевые материалы экспедиции автора в Сандерленд, Ньюкасл, Саут-Шилдс, графство Тайн и Уир, регион Северо-Восточная Англия, август 2011 г. // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. АВА2. 1.

ВПМА 11 — Визуальные полевые материалы экспедиции автора в Дарем, Хартлепул, графство Дарем, регион Северо-Восточная Англия, август 2011 г. // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. АВА2. 2.

ВПМА 12 — Визуальные полевые материалы экспедиции автора в Уилэм, графство Нортумберленд, регион Северо-Восточная

Англия, август 2011 г. // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. АВА2. 3.

ВПМА 13 — Визуальные полевые материалы экспедиции автора в Йорк, графство Северный Йоркшир, регион Йоркшир и Хамбер, август 2011 г. // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. АВА2. 4.

ВПМА 14 — Визуальные полевые материалы экспедиции автора в Ливерпуль, графство Мерсисайд, регион Северо-Западная Англия, август 2011 г. // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. АВА2. 5.

ВПМА 15 — Визуальные полевые материалы экспедиции автора в Эдинбург, регион Шотландия, август 2011 г. // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. АВА2. 6.

ВПМА 16 — Визуальные полевые материалы экспедиции автора в Лондон, регион Юго-Восточная Англия, сентябрь 2011 г. // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. АВА2. 7.

ВПМА 17 — Визуальные полевые материалы экспедиции автора в Портсмут, графство Хэмпшир, регион Юго-Восточная Англия, сентябрь 2011 г. // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. АВА2. 8.

ВПМА 18 — Визуальные полевые материалы экспедиции автора в Сандерленд, Саут-Шилдс, Норт-Шилдс, графство Тайн и Уир, регион Северо-Восточная Англия, июль 2012 г. // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. АВА3. 1.

ВПМА 19 — Визуальные полевые материалы экспедиции автора в Манчестер, Олдем, Салфорд, Аппермил, графство Большой Манчестер, регион Северо-Западная Англия, июль 2012 г. // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. АВА3. 2.

ВПМА 20 — Визуальные полевые материалы экспедиции автора в Ливерпуль, графство Мерсисайд, регион Северо-Западная Англия, июль 2012 г. // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. АВА3. 3.

ВПМА 21 — Визуальные полевые материалы экспедиции автора в Озерный край, графства Кумберленд, Вестморленд, Ланкашир, регион Северо-Западная Англия, июль 2012 г. // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. АВА3. 4.

ВПМА 23 — Визуальные полевые материалы экспедиции автора в Манчестер, графство Большой Манчестер, регион Северо-Западная Англия, декабрь 2014 г. // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. АВА4. 1.

ВПМА 24 — Визуальные полевые материалы экспедиции автора в Манчестер, графство Большой Манчестер, регион Северо-Западная Англия, май 2015 г. // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. АВА5. 1.

Список сокращений

БНП — Британская национальная партия

ЕС — Европейский союз

ИВИ РАН — Институт всеобщей истории Российской академии наук

ИИиА УрО РАН — Институт истории и археологии Уральского отделения РАН

ИЭА РАН — Институт этнологии и антропологии РАН

РОССПЭН — Российская политическая энциклопедия

СО РАН — Сибирское отделение РАН

УИВ — Уральский исторический вестник

УрГУ — Уральский государственный университет им. А. М. Горького

УрФУ — Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина

ФИФА — Международная федерация футбола

ФК — футбольный клуб

ЭО — Этнографическое обозрение

BBC — British Broadcasting Company

BNP — British National Party

UKIP — UK Independence Party

DINA N. KARAVAEVA

**ENGLISHNESS AND ITS DISCOURSE:
BRITAIN — ENGLAND — NORTHERN ENGLAND**

Summary

The book presents the results of the historical-anthropological research on English identity discourse in its national (occasionally also imperial), regional and local projections (Britishness, Englishness, Northernness) in a multilayered discourse with a focus on the identity of English northerners.

Character of the research is determined by the so-called “narrative” form of identity of the English people. In order to study this discourse phenomenon, we need to examine the context of the existing ideas of identity and representations as well as analyze historical, social, political, economic, literary, cinematographic, music- and sports-related, and day-to-day aspects of Englishness. We turn to the ethno-discourse of individual expressions and collective opinions as well as to the context analysis (immigration, regionalism, globalization etc.). The research contains diverse ethnographic (textual and visual) field data about the population of England.

After the fall of the empire in the mid-twentieth century, the British society tried numerous times to answer the question: what are the post-imperial identities of the British people (English, Scottish, Welsh, Irish, immigrants)? Britain today (as alliance of England, Scotland, Wales and Northern Ireland) is going through a new difficult phase of self-determination, which can be seen, for instance, in the Scottish independence referendum on September 18, 2014, Brexit June 23, 2016 or in today’s debates about cultural ghettos and multiculturalism in general. National self-expression initiatives are also to be found in England, just like in Scotland or Wales; they are marked, however, by a strong regional division (the so-called “North-South divide” and divides between different regions, counties, districts and even towns), and it’s difficult to

speak of the broad English (not British) nationalism/ regionalism. The complexity of English identity, which cannot be simplified or resolved, is created by its blurring as well as by the diversity of the cultural backgrounds and multigenerational politics of levelling out the identity in the name of the idea of the empire (England as a nucleus of British metropolis, and the English, as its dominating ethnic group). The mentioned above three-layered phenomenon of identity (Britishness/Englishness/Northernness) would be incomplete without one of its components.

The search for and the restoration of the national/ ethnical/ regional identity is particularly relevant to such regions in England like the North characterized by a high concentration of the industrial centers of the past with their rich history and particular cultural identity, born during the time of industrialization and de-industrialization. Northern England, an industrial giant of the past (that has much in common with the Russian Ural, an ex-industrial region of the country) is a complex combination of a successful resolution of post-imperial and postindustrial identity crisis and a territory of the destructive nostalgia, racism, imperial nationalism, interethnic conflicts, crimes, social frustration, and rupture of the industrial relations and social networks, developed throughout centuries. The imperial pasts of both Russia and Britain, the presence of autochthonous and immigrant ethnic communities, and the particular position as a “title nation” allow us to draw impressive parallels between these two countries in both their history and their contemporary identity crisis and problems associated with multiculturalism.

Talking about the chronology, the research is mostly dedicated to the period from the mid ‘90s to the present day. This time period saw a surge of interest towards studying Englishness and Britishness while contemporary public debates generate a unique discourse. By the mid ‘90s, the de-industrialization of Northern England came to an end marking the beginning of the new stage of collective identity development. Our research was mostly conducted on the geographical and cultural territory of Northern England, which is an informal conglomeration of several administrative regions (North-East, North-West, Yorkshire and Humber). The framework of the research subject is widened as needed to encompass England, the Great Britain and former British Empire.

As an overarching conceptual framework, we used scientific findings in line with the newest tendencies in socio-cultural anthropology (interdisciplinary research of the local, regional, ethnical and national identities), at times resorting to the methodology of psychology, sociology, political studies, ethnography and visual anthropology.

We rely on the basic definitions of the identity given by E. Philippova and L. Repina: namely, national identity (where citizenship components predominate) and ethnical or ethno-cultural identity. The latter is a collective identity built on juxtaposition with Others that presupposes acceptance and adoption of norms and values of the community with which the individual identifies themselves, as well as historically constructed complex of ideas (which are periodically activated in certain situations) constructed subjectively, however, not in isolation from the reality. We take into consideration multiple structure identities, conditional character of their categorization as well as their non-mutually exclusive, situational and discursive character (V. Tishkov, S. Arutiunov, A. Golovniy, M. Guboglo, E. Philippova). In researching the identity, the focus is shifted to such anthropological categories as relationships, events, qualities and mechanisms (V. Malakhov). According to the majority of the researchers (M. Halbwachs, E. Smith, H. Horkheimer), political and intellectual elites are the ones who generate and express regional identity and, thus, studying this phenomenon should take into consideration their stand as well. We also attempt to overcome the dichotomy of approaches towards studying the identity and nationalism — essentialism and constructivism. In this regard, we find it appropriate to use a concept of “drifting identity” proposed by A. Golovnev that understands the latter as a flexible and situationally adjusting dynamic quality with contemporary forms and time durability.

We regard the English and Englishness in two dimensions that complement each other: as an ethnical group and as a nation since a strict definition of this former “title nation” (in terms by M. Barres), in our opinion, is impossible. In the first case, we are talking about ethno-cultural identity of local groups of the English, while in the second case, we are considering political and civil identity, functions and roles of Englishness as a part of

Britishness. Researching on Englishness, we didn't ignore identities of other ethnical groups in England ("native" people, migrants from Asia, Africa, Caribbean basin, Europe) because along with the assimilation and integration of these groups into the English culture, a reciprocal influence (accompanied at times by a conflict) is taking place. We are trying to present Englishness in dialogues, monologues and public speeches: that is, in the discourse emerging and functioning in multiple cultural environments at the turn on the 21st century.

We understand "discourse" as a way of the existence of the identity expressed through a system of different "texts", ideas and presentations related to the life of the society (M. Foucault, T.D. van Dyck etc.). Regional identity is understood as a form of the collective ethnic and national identity attached to a singular ethno-cultural, historical or natural territory (real or mythical), that has functions of psychological defense and social mobilization, and encompasses such phenomena as "image" forged inside and outside of the region (L. Castle, D. Walton, D. Zamyatin). We understand that the majority of Northerners in England learn about their region not through their personal experience but through ready-made versions that they encounter in the cultural field. For the sake of material presentation convenience, we use the following notions: regional identity (Northern Englishness within the framework of Englishness), sub-regional identity (for the regions and counties of the North) and local identity (for small town and villages of the North).

The research is based on the analysis of diverse sources: ethnographic field materials, written materials (a variety of academic, political, mass-media, literary texts etc.), physical sources (materials from museums and expositions, monuments etc.) as well as cine-, photo- and phono-graphic documents.

One of the most important sources of the research are original field materials of the author (as well as the results of the participant observation): deep non-formalized interviews, formalized survey and test materials, online communications conducted from 2008 to 2015 in accordance with the questionnaire and an individually-tailored program developed by the author. Total stay of the author in Britain was 8 months; total number of the respondents was 173 people. The largest amount of the materials has been

collected during the field work in 2010, 2011, 2012 and 2014 while taking an internship and working at the library and archive of the Manchester Metropolitan University (July 2012) and the University of Sunderland (June–July 2010, June 2011, July 2012, December 2014). Field work has been conducted in the following locations: London and its surroundings, Portsmouth, Canterbury, Guildford, Amesbury, Birmingham, Nottingham — in southern and central England; Newcastle upon Tyne, South Shields, North Shields, Sunderland, Durham, Hartlepool — in North-East England; Huddersfield, York, Leeds, Bradford, Middlesbrough, Sheffield, Great Ayton — in Yorkshire and the Humber; Manchester, Oldham, Salford, Uppermill, Liverpool — in North-West England; Edinburgh, Glasgow and their surroundings in Scotland; Belfast and its surroundings in Northern Ireland; Douglas on the Isle of Man etc.

Respond base was diverse in ethno-cultural sense (English, Scottish, Welsh and Irish people; Pakistanis and Hindus; migrants from the Caribbean isles; people with mixed and cosmopolitan backgrounds), as well as in professional and occupational sense (low, middle and upper class British people, usually 18 or older). The research was focused, however, on the English people living in Northern England. Some of the respondents were academia members, social service leaders, members of political parties, pub owners, music band members, representatives of cinematographic professions, folk-society members, and former and present industrial workers; in general, wide range population of Northern England.

We believe that the heart of the identity (its formation and expression) in Northern England is found in local socialization-communication and leisure centers like a stadium, pub, home, and to some extent in church and museum, fishing spots etc. A stadium is a territory for exterior (outside-of-community) communication and competition; a pub is a territory for community socialization and public discussions; a home is a territory for family socialization and safeguarding of personal, family and local heritage. This system formed the base for the map of our relocation and research during our field work.

Research significance lies in the fact that ours is the first interdisciplinary historical-anthropological research of English identity in Russia which has been conducted using modern

methodology, personal field materials and a wide range of written sources in the English language (a part of which have been introduced in Russian scientific circles for the first time). In the empirical sense, the research complements our knowledge of present English culture (including little researched Northern English culture), heritage revitalization mechanisms, regional branding etc.

Research significance lies also in the challenge of presenting its results using social media practices – met by the methodology of visual anthropology or, to be more exact, anthropological documentary photography.

Book structure is the following: it is comprised of an introduction, three chapters, conclusion, bibliography (counting with some 850 sources) and appendices (indexes, illustrative materials and visual anthropological materials of the author). First chapter is dedicated to Britishness and Englishness as a part of Britishness; second, largely to the concepts of Englishness in the public discourse; third, to Northern Englishness and characterization of internal as well as external images of the North.

Speaking of the results, we came to the conclusion that English identity phenomenon is, undoubtedly, both a system of relations generating a certain discourse and a complex of ideas closely related to territorial image, often idealized and generally locally oriented (“little Motherland”). The notion of Englishness is inconstant, diverse and subjective — hence the need to resort to the discourse of individual expressions and collective opinions as well as to context analysis (immigration, regionalism, globalization etc.).

The research is built upon the concept of three levels of English identity: national, ethno-cultural and local. The Englishness may be regarded in mutually complementing categories of a nation and an ethno-cultural group identity. In the first case, we are considering political identity, functions and roles of English people and Englishness within the framework of Britishness; in the second case, cultural identity of local groups.

Britishness is a predominantly political identity, civil community. Britishness is often considered an equivalent (or an approximation) of Englishness, especially, in the minds of common citizens of Britain. In the political sense, however, those are different ideologies accounted for by the rejection of English nationalism in

British politics. There has been, at the same time, a strengthening of English identity positioning (as the opposition to Britishness, Scottishness etc.) as a result of arduous public debates about the status of the United Kingdom. Britishness, on its way of becoming ever more heterogeneous while trying to fit together diverse foreign cultural values (including Muslim ones), is still based on the code of Englishmen.

It is difficult to speak of a single English identity considering its deep historical bond with Britishness, politicization of the term Englishness and its regional diversity. Ideological dimension of English identity comprises several symbolical constructs: namely, Englishness as a historical identity, lost or oppressed identity, conglomerate of regional and local identities, discrete identity in the framework of Britain, hybrid multicultural identity.

The most successful way of describing English identity discourse, in our opinion, is to categorize it by place (real and virtual) and time taking into consideration local and long-range aspects of each model. We are speaking of so-called “land identity” and “sea identity” interacting on the principles of Englishness versus. Britishness, like unique cultural focus vs. imperial focus, cultural uniformity vs. multiculturalism, local vs. global focus, preservation of an endemic insular world vs. external victories and conquests (where “vs.” stands for a combination of opposition, dialogue and search for a definition).

We may differentiate between five models of Englishness: Classic England, British England, Little England, Multicultural Cosmopolitan England and Regional England. On the whole, different variations of symbiosis of the mentioned above concepts, in our opinion, is the most prevailing phenomenon today.

Classic England. This is a concept that sends us back in time to England before Britain or England outside of Britain (ancient and medieval England, England of 14th–20th centuries) characterized by features that are considered “truly” English (symbolically, sentimentally and logically). Principal symbolical concepts are “old England” and “England’s green and pleasant land” glorified by poets but likely disappearing under the advance of Euro integration, multiculturalism etc. Identity discourse under this model is based on the attempts to restore forgotten traditions (for example, sea chantey songs), trace back the origins of Englishness formation, and describe

the images of Englishness as illustrated in certain genres of literature and art.

British England. The landmark here is England as the heart of Britain and the heir to the Empire (with London and South-East England domination). This discourse is charged with nostalgic mood and attempts to trace Englishness formation in times of the Empire, and to accomplish a series of Empire-centered political and cultural projects. The core of the discourse lies in the identities of the elites of London and its periphery.

Little England. Little England concept has been historically developing as a term separating the metropolis from the Empire itself (Great England) and invoking protection from the problems of the exterior world and re-creation of the “good old England”, the model of which is a cozy Shire of Tolkien. This is one of the most relevant concepts in the sense of defining positions towards different political factors (e.g. multiculturalism, devolution and euro integration).

Cosmopolitan Multicultural England. This model recognizes and encourages ethnical diversity (in the view of the ancient history of British Isles, imperial heritage, post-colonialism, and American globalization) as well as economic and cultural enrichment thanks to the interaction with other cultures. This concept is oriented towards the USA, Europe and Commonwealth.

Regional England. The landmark here are regions of England (excluding South-East) with features considered as divergent, the activation of which supports and renovates ethno-identity.

General models of regional Northern-English identity are: the North as an industrial and working class people land; the North as a conglomerate of historical and cultural heritage of diverse local communities; the North as a land of urbanization and underground youth culture; the North as a regional port, transit point and multicultural land. In spite of different interpretations of Northerness, some (albeit stereotypical) ideas let northerners feel like a distinct community. For example,

- Open impressive natural landscapes, harsh climate, the feeling of remoteness (“somewhere in the far North”);
- Cultural heritage of ancient churches and towns (Lindisfarne, the Venerable Bede, York);

- North is a land of cities and factories, aggressive modernization, melting pot of England, the land of immigrants, decline, decadence and worker strikes;
- The land of rough unpretentious workers, trade elites, commercialism, underground culture and rock-music (Liverpool, Manchester, The Beatles).

Northern regional discourse occupies, to a certain extent, a marginal place in the English national discourse, and juxtaposing it to a well-spread Southern Englishness is sometimes problematic. Main part in the Northern Englishness discourse belongs to the uniqueness of the development of the North and its local communities, North-South divide, class identity and deindustrialization, and regional branding. Regional identity of the North is more artificial and, to a certain extent, it is a political category compared to local identities of separate counties and towns.

Northern Englishness discourse is a proof of a powerful pattern of unequal relationships between the northern periphery and southern metropolis (some of the popular tags are “northern monkeys” and “southern fairies”). This discourse tries to prove that the North with its material and human resources, natural and industrial landscapes have a significant (and, in particular, positive) impact in England. The North is often construed as a place where the culture is confronting the corrupted and degrading South.

From the mid-20th century till today, Northern identity has been mainly expressed and created by the authors of travel and dialect literature, industrial and regional novel, cinema, TV-shows and music who almost never strive to open up the region and its character either for insiders or for outsiders (readers, spectators, audience); the attention is rather focused on internal problems and social drama. Due to such limited plots and subject matters as well as historic and geographic locations, products of regional culture only allow for a full picture of the North as an industrial and post-industrial “lowryland” of the working class, and not a region full of diverse identities. Symbols and structures of the late 18th – early 19th centuries (urbanization, industrial economy, working class culture etc.) are an important part of the identity. It is obvious, however, that old images of the North prove to be outdated, existing only as a sort of museum material, while new identity that barely associates oneself with south-eastern title Englishness doesn't represent so

far any clear-cut phenomenon. Rare efforts to reconstruct or create Northern identity take place only in academic field.

Thus, although there is no single answer to the question what British, English and Northern English identities are, it is impossible to deny a significant influence of these concepts on a worldview of an English person. Multiple layers and variants of viewing the past, present and future are a sign and a promise of a rich culture, its polyphony, durability and adaptability. Northern English identity represents it in the most expressive of ways: it exists in a singular, extremely complex form, typical of highly organized societies (the form of interaction and interchangeability of different sub-regional and local versions).

Contents

Preface and acknowledgments	5
Introduction	11
Chapter 1. Britishness, or Factors and actors of English- British identity discourse	59
1.1 De-Pax Britannica, or Empire and identity	61
1.2 Miss Mortimer syndrome, or Identity and immigration, Islam, and multiculturalism	69
1.3 “Cool Britain” and “Little England”, or Political versions of identity	80
1.4 Extremism and identity	93
Chapter 2. Englishness categorization	109
2.1 “The Past Makes the Perfect Present”, or Categorization of ideological and communicative dimension of Englishness	110
2.2 Classical England	115
2.3 British England	129
2.4 Little England	135
2.5 Multicultural and cosmopolitan England	138
2.6 Regional England	143
2.7 Music in search of Englishness	151
2.8. Sport and nation	155
Chapter 3. Northerness, or Regional and local versions of Englishness	179
3.1 Defining the Northern England borders: political, economical, historical and social versions	180
3.2 “North-South divide” discourse	189
3.3 Stereotyping of the North	194
3.4 Regeneration, brand, tourism	199
3.5 BBC versus dialects, or Language as an identity tool	203
3.6 Sport and region, or Sportive triad of the North	208
3.7 Northern Englishness discourse in literature, cinematography, TV and music	218
3.7.1 Identity, regional novels and literature in dialects	218
3.7.2 Travel literature on the North	224
3.7.3 The screen and identity	231
3.7.4 Northerness in music	238
Conclusion	263
Ethnographic field materials	279
Index	291
Summary	292

Научное издание

Дина Николаевна Караваева —
социальный антрополог, историк, кандидат исторических наук,
научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН

АНГЛИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЕЕ ДИСКУРС:
БРИТАНИЯ — АНГЛИЯ — СЕВЕРНАЯ АНГЛИЯ

Рекомендовано к изданию Ученым советом
Института истории и археологии УрО РАН

Осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда,
проект №16-01-16098

Литературная редакция А.Ю. Приданникова
Перевод А.Н. Балабанова, Д.Н. Караваева
Верстка Е.М. Иванова
Дизайн С.В. Лёзова, Д.Н. Караваева

Подписано в печать 02.12.2016
Формат 60x90 1/16. Печать офсетная. Бумага ВХИ 80 гр./м².
Гарнитура Constantia, Century Gothic
Усл. печ. л. 21,5. Уч.-изд. л. 23.
Тираж 300 (+50) экз. Заказ № 2145

Оригинал-макет подготовлен в научно-редакционном отделе
Института истории и археологии УрО РАН
620026 г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16

Отпечатано в типографии ООО «Принт-2»
426035, г. Ижевск, ул. Тимирязева, 5, оф. 1.
Тел. 8(3412)56-95-53, e-mail: ab179@mail.ru